Игорь
СИД

ГЕОПОЭТИКА

Пунктир
к теории
путешествий

Алетейя

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник вошли тексты Игоря Сида, посвященные многообразным и многоуровневым формам взаимодействия человека с географическим пространством, с территорией и ландшафтом: художественные эссе и публицистические очерки 1993–2017 гг., в том числе из авторской рубрики «Геопоэтика» в «Русском журнале», а также исследовательские статьи и некоторые интервью. Часть текстов снабжена иллюстрациями; отдельным разделом дан откомментированный фотоальбом, представляющий самые разные срезы геопоэтической проблематики. Поэт, эссеист, исследователь, путешественник Игорь Сид — знаковая фигура в области геопоэтики, инициатор в ней научного и прикладного направлений и модератор диалога между направлениями — литературно-художественным, прикладным (проективным), научным, а также между ними и геополитикой. Работал биологом в тропиках и в Антарктике, гидом по Мадагаскару. Основатель Крымского геопоэтического клуба, куратор Боспорского форума и многих других инновационных культурных проектов. Организатор первых международных конференций по геопоэтике и по антропологии путешествий.

- Игорь Олегович Сид
  -
  - Приключения геоцентриста, или Тормоза отменяются
  - Города и локальные мифы
    - Крым: предчувствие новой мифологии
    - Екатеринославъ. Въ ожиданіи приятной катастрофы[7]
    - Город вечной мечты[14]
    - Донецк: амнистия джиннам
    - Другая Шамбала. Геопоэтика бельведера[18]
    - В тихом омуте Джа
  - Страны и ментальности
    - Тропик Водолея[23]
    - Масаи Крыма и Галиции[24]
    - Натуральные НАТОвцы[25]
    - Раскрась карту[26]
    - Остров Армения
    - Нам нужна «мифологически насыщенная» Федерация[30]
    - Будущее как опечатка

- Крым, Украина, Россия: призрачный шанс[35]
- Континенты и концепты
  - Африканская призма[47]
  - Южный крест Эйрика Торвальдсона[49]
  - Одомашненный космос
  - Антиподы. Атлантизм. Австральность[51]
  - Белый мыс чёрного континента, или Карфаген должен быть[52]
- Планета и обитатели
  - Сакральный детектив[54]
  - Шут, колдун, советник, соперник
  - Уголки шара: задача для Homo Vagabundus[58]
  - Минусы вертикали[59]
  - Глобальное потепление как торжество всего[60]
  - Корабль старых дураков[61]
  - Homo Lusens, наследник Крыма[62]
  - Слово о Дмитрии Замятине[64]
  - Конец истории, начало географии
  - Двое в одном скафандре[66]
  - О воле к Волошину[67]
  - Междисциплин
    - От геополитики к геопоэтике
    - «Основной вопрос геопоэтики»[69]
    - Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня[70]
    - Мифопоэтические практики и их артефакты
    - «Власть маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен[81]
      -
      - Литература
    - Межультурное взаимодействие и геопоэтика: О значении путешествий
    - Территория и ландшафт как палимпсест
      -
      - Литература
- Геопоэтика в картинках
- Приложение
  - Остров непогибших кораблей, или На берегу мирового симулякра[152]
  - Остановить войну мифов[153]
  - Новая нефть[156]
  - «Наивный антрополог», или В поисках точек

сборки[157]
- Мир по законам геопоэтики: миссия переводчика[158]

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

Игорь Олегович Сид
ГЕОПОЭТИКА. ПУНКТИР К ТЕОРИИ ПУТЕШЕСТВИЙ
Эссе, статьи, комментарии

© И. Сид, 2017
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Приключения геоцентриста, или Тормоза отменяются

Если бы у меня была возможность подарить Сиду всё что душе угодно, я подарил бы ему пароход…

Может быть, даже и философский.

А. Поляков

С автором этой книги я знаком и дружен около четверти века, со времён первых Боспорских форумов современной культуры в Керчи, о которых, как и о многом другом, читатель узнает в изложении самого Игоря Сида (хотя и мне доводилось писать об этом в своих статьях и книгах). С тех пор мы периодически участвуем и в других проектах друг друга. Настоящая дружба должна быть проективной, как и настоящая геопоэтика.

В сфере геопоэтики Сид с середины 1990-х годов — фигура центральная как минимум на постсоветских и соседних с ними пространствах, выполняющая одновременно и расширительные, и собирательные функции. Он дополнил эссеистическую геопоэтику Кеннета Уайта научным и проективным (прикладным) направлениями, и выстраивает все эти годы диалоговое пространство для поиска общего языка между адептами разных геопоэтических дискурсов.

Разделы сборника скомпонованы хронологически, и уже в первых трёх из них (посвящённых, соответственно, Крымскому полуострову, городам Днепропетровск и Керчь) сквозной темой мерцает концепт культурной утопии. Дальше — больше… Геопоэтика имеет дело прежде всего с существующими топосами, однако утопия — не менее важное для неё понятие. По словам Сида, даже саму книгу он первоначально предполагал назвать «Геопоэтика утопии».

Но что такое *утопия* без *антиутопии*? Это как геопоэтика без геополитики. Философ Михаил Эпштейн однажды, отвечая на вопрос автора этого предисловия насчёт подобных соответствий, сравнил сопряжение этих жанров в литературе с водительским искусством, которое сводится к попеременному нажатию педалей газа и тормоза. Утопия — форма постановки задачи, антиутопия

— приостановка её неудачных реализаций. Вот и Сид предпочитает воплощать утопический потенциал под лозунгом «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» И автору удаётся бóльшая часть из задуманного, а что не удаётся сразу — откладывается до лучших времён.

Приоритет утопии в своей концептуалистской и литературной деятельности автор демонстрирует, представив в самом начале корпуса текстов эссе о городе Днепропетровске, как потенциальной площадке одного очень давнего (первой публикации более 20 лет), но *не реализованного* до сих пор проекта. А вот эссе о Донецке 2012 года с некоторым элементом антиутопии — об этом тексте теперь говорят: «Чувствуется, что что-то здесь должно было произойти…»

В последнем разделе сборника (Приложение) автор делится «лишними» мыслями, высказанными в разные годы в диалогах для медиа разных стран. Антиутопия, жанр предупреждения проступает у Сида, например, в интервью 2008 года, где он говорит об угрозе «*попадания культурного пространства Крыма в силовое поле нового, почти апокалиптического конфликта*».

Заметим, что при этом автор почти не пользуется понятием геополитики — разве только чтобы подчеркнуть её глубинную генетическую связь с геопоэтикой, и при этом их концептуальную противоположность. Мировая картография Сида не признаёт политику, её грубые силовые линии. «*Что есть революция, особенно коммунистическая, как не усилие по приближению земного рая? Но приблизить его можно двумя способами: свергнув реакционное правительство, либо выдвинувшись в экспедицию в тропики*».

Характерно, что сидовская статья с геопоэтическим бэкграундом «Крым, Украина, Россия: призрачный шанс», написанная летом 2014 года по заказу либерального японского журнала, была через полгода переопубликована на российском сайте консервативной имперской ориентации — без малейших правок и лакун… Что это — умение, не свалившись в пропасть, пройти по лезвию ножа? Или простодушное, но оттого не менее триумфальное, игнорирование всяческих ножей и пропастей? Судя по всему, мир видится Сиду в совершенно иных разрезах. «*…Напрашивается метафора некоей духовной Гондваны, мистического праматерика человечества, расколовшегося когда-то на разноцветные куски. И люди разных цветов кожи обречены на вражду и ненависть друг к другу, — но кто-то всё же должен взять на себя поиск утраченного целого!*».

Можно сожалеть, что в сборник не включены некоторые из текстов, представляющих определённые вехи в геопоэтическом

творчестве Сида — доклад на международном симпозиуме по Челябинскому метеориту (2013) или, скажем, совместная с культурологом Екатериной Дайс исследовательская работа «„Переизбыток писем на воде“: Крым в истории русской литературы» (2010). Концептуальным выглядит то, что в книге почти не представлен широкий корпус сидовских текстов о его любимом Мадагаскаре: логично ожидать о Великом острове отдельную книгу.

Сид сетовал, что не удаётся разбить корпус текстов на разделы по разновидностям геопоэтики — литературная, путешественная, проективная, научная. Почти каждый текст содержит у него элементы всех геопоэтик. Недаром именно он предложил когда-то первое строгое определение геопоэтики, и он же является сегодня автором наиболее общей, интегральной научной дефиниции: «*геопоэтика — это работа с ландшафтно-географическими образами и мифами*». Книга демонстрирует возможности такой работы в разных жанрах одновременно, максимально широкое воплощение геопоэтических идей и векторов — насколько это совместимо в одном авторе.

Потому что главное, что есть в этих текстах, и что важно в самом их авторе — это *геоцентризм*. Геоцентризм не как математико-астрономическое, а скорее как психологическое, эстетическое и т. д. явление. Погружённость в ландшафт, взаимная отражённость — себя в ландшафте и ландшафта в себе.

Острые, глубоко личные взаимоотношения с географической средой, способность увидеть её пространственный рисунок во всём, включая окружающие чужие тексты — авторский стиль мультижанрового геоцентриста Сида. «*И я понял, что… необыкновенный, магнетический город Керчь больше не пускает меня писать о нём*»… «*Травма… больше говорит не о стране посещения, а о странностях посетившего*»…

Единственный раздел книги, выстроенный в обратном хронологическом порядке — «Геопоэтика в картинках»: фотоальбом из путешествий, откомментированный в свете разных геопоэтических ракурсов. Автор, как всегда, верен своему многоуровневому подходу к теме географического пространства как контекста жизни человека и объекта для его интеллектуальных жестов. Отмечу особое внимание к теме небес и их неразрывной и непростой связи с Землёй (вспоминается пассаж из одного эссе, о «*сложно структурированном прозрачном небе Днепропетровска*»). Вообще, комментарии здесь чаще всего имеют самостоятельную ценность и вполне могут рассматриваться как мини-эссе.

Взаимосвязи человека с ландшафтом, с географической

средой бывают и буквальными, прямыми, телесными. В эссе «Город вечной мечты» Сид описывает испытанное им особое ноосферное состояние: «*физиологическое ощущение единства с геологическим пространством вокруг*». А уже на втором Боспорском форуме Сид придумал и осуществил с коллегами перформанс «Юз-Адын-Обá»: создание нового скифского кургана и захоронение в нём «творческих талисманов». Каждый участник оставлял что-то очень своё: лист черновика, волос возлюбленной, любимую авторучку и т. д. Символичен был вклад Сида, брошенный в яму на вершине кургана: капля крови из пальца, надрезанного для этой сакральной цели.

С особенной симпатией автор говорит о коллегах, также выказывающих признаки или интенции геоцентризма. «*Понимая себя полпредом города в искусстве, Матрунецкий часто подписывал работы псевдонимом „Жорж Керч“*». «*…Ещё Лёлик дорог мне тем, что иногда ему снится, будто он — Крымский полуостров, и ему очень больно от всех этих шоссейных и железных дорог*».

Геоцентризм сидовского разлива биографически проявляется почти во всём. Авторы возникшей в 1992 году крымско-московской поэтической группы «Полуостров» (М. Лаптев, Н. Звягинцев, М. Максимова, А. Поляков, И. Сид) решили между собой, что олицетворяют в поэзии, дополнительно друг к другу, пять природных стихий. Сид, разумеется, оказался воплощением стихии Земли. А например в 1997 году, наложив схему Москвы с отмеченными на ней основными литературными клубами и салонами на картограмму тектонических разломов под поверхностью столицы, он обратил наше внимание на то, что самые успешные проекты реализуются в геопатогенных зонах. (В таких зонах, как известно, люди испытывают головокружение: видимо, от успеха…)

В одном из текстов Сид признаётся, что «*взаимоотношение человека с пространством, с географической средой табуизировано, оно выталкивает, парализует рефлексирующее на эти темы сознание*». О том же в другом очерке: «*Тема, как заколдованная, выталкивала при попытках в неё погрузиться*»… В каком-то смысле, и данный сборник эссе, статей и комментариев, и вся жизнь его автора — это изнурительная и изобретательная борьба с этим ментальным параличом.

Обобщая, можно сказать, что жизнь Сида — одно из любопытнейших воплощений «пространственного поворота» (*space turn*, смещение внимания гуманитаристики с исторического ракурса на ракурс пространственно-географический) на отечественных просторах. Поэтому корпус текстов книги становится своеобразной геоцентрической автобиографией, —

или, как выражается Андрей Поляков, *автогеографией*.

Если проследить тематику представленных работ по годам, видно, что в последнее время автора всё сильнее интересуют проблемы не только взаимоотношений человечества с географическим пространством, но и зоософии — осмысления образов животных и фантастических существ в мировой культуре (см. эссе «Двое в одном скафандре», «Донецк: амнистия джиннам», доклад «Нам нужна „мифологически насыщенная“ федерация» и др.). Об этом, вероятно — одна из будущих книг. Недаром две собственные рубрики, которые Сид вёл все эти годы в «Русском журнале», назывались «Геопоэтика» и «Зоософия».

Подытоживая всё сказанное, интересно было бы определить истоки сидовского геоцентризма. Где они? Может быть, в «земном» знаке Зодиака (рождён в начале января)?.. В давних занятиях лэнд-артом? В работе гидом на Великом острове Мадагаскаре? В кругосветных научных экспедициях времён молодости? (Отголосок фрегата «Паллада» в разных текстах не случаен.) Возможно. Но вчитаемся в давнее, 1988 года, стихотворение Сида «Воздух — Земля», написанное после армейских сборов, где автору книги довелось впервые прыгать с парашютом, и где его товарищ по вылету погиб: над ним не раскрылся спасительный купол… Окончание текста звучит так:

> …Как в расколотом бублике дырка сливается с целой
> пустотой мироздания, так исчезает вдали,
> коллапсируя, страх. Продолжая инерцию тела,
> я дошёл до предела. Душа моя в центре Земли.

Александр Люсый

Города и локальные мифы

Крым: предчувствие новой мифологии Боспорский форум как попытка к возрождению таврического мифогенеза [1]

Axis aestheticus mundi Tauricam transit.

Biberius Caldius Mero[2]

«…культурологически наиболее обусловленная стартовая площадка для путешествия духа…»

Изяслав Гершмановских

Крым как географическая и культурная «вещь в себе», как тысячелетняя энигма, всегда приковывал к себе взор и будоражил фантазию мыслителей и романтиков. Отражающие героическую историю и повседневную жизнь полуострова вдохновенные тексты — от эпизодов «Одиссеи» до «Крымских сонетов» Мицкевича и пушкинского «Бахчисарайского фонтана» — участвовали в формировании порождаемых этой землёй мифов. Хрестоматиен тот факт, что именно Таврида послужила субстратом для возникновения этической мифологемы планетарного значения — образца верной жертвенной дружбы («*…с Атридом спорил там Пилад*…»: «Ифигения в Тавриде» Эврипида). Однако отмечаемое некоторыми исследователями ослабление здесь с приближением новейшего времени процесса мифообразования (например, Кнутс Адевитс, монография *«Исторические этапы мифогенеза в Крыму как отражение смены общественно-экономических формаций»*, Тарту, 1957 г.) вынуждает нас ставить вопрос о необходимости целенаправленного заполнения этой всё отчётливее зияющей ниши. Природа, в том числе человеческая, не терпит пустоты. И во избежание самопроизвольного формирования характерных для эпох великих катаклизмов эсхатологических и демонологических мифов мы обязаны предложить этому гуманистическую альтернативу.

Один из последних случаев спонтанного позитивного мифотворчества имел место в середине — конце XIX века, когда реальный образ дерзкого татарского разбойника Алима трансформировался в архетипического вневременного героя — народного мстителя и защитника. Имевшие место в

действительности экзотические подробности (сам Айвазовский пивал с Алимом кофий, а француженка Леони Лелоррен исполнила его портрет в симферопольском остроге) лишь работали на эту легенду[3].

Процесс сошёл на нет уже к концу первой трети XX века, с незаметной смертью последнего великого отечественного мифотворца Максимилиана Волошина. При этом выстроенный им миф под названием «Коктебель» почти гомеостатически функционирует — посреди окружающего мифологического вакуума — и по сей день, повторяя себя, как Фойникс, и так же сгорая с каждым новым писательским поколением.

Иллюстрируя в начале 90-х новое издание «Легенд Крыма» и проработав с данной целью массу архивных и прочих материалов, автор этих строк обратил внимание на то, сколь искусственными и, ergo, безжизненными оказывались попытки выработки новых локальных мифологем во второй половине века. «Мёртвые немцы на мысе Херсонес»: тысячи окружённых под Севастополем фашистов притворяются убитыми, чтобы не быть расстрелянными под горячую руку. «Старик с мыса Казантип» — человек, приобретший необычайную мудрость, просидев в погребе с гражданской войны до наших дней, и т. д. Видимо, не было в наличии неких необходимых условий, способствующих переходу исторического факта в устойчивую легенду и затем — в более или менее символизированный миф. Выяснение этих условий, природы этого механизма — тема отдельных исследований, а пока эти закономерности не вскрыты, нам также придётся действовать в определённой мере вслепую.

..Разумеется, строить абсолютно суверенную мифологию на «одном отдельно взятом полуострове» — утопия. Сама картографическая обособленность Крыма временами размывалась геополитическими флуктуациями. Так, Боспорское царство включало города на азиатской стороне пролива; Таврическая губерния распространялась на сопредельные северные территории. Однако Василий Аксёнов методом мифологического моделирования в романе «Остров Крым» показал инвариантную (при любых политических раскладах) уникальность исторической судьбы полуострова. Периодическое сплавление разноплемённого конгломерата с возникновением эндемичных этносов (тавры, крымские татары, караимы, крымчаки, наконец, виртуальные «яки» Аксёнова) — лишь одно из проявлений этой исключительности. Её осознание неизбежно приводило к определённой сакрализации связей с внешним миром. Именно гиератичным отношением ко всему чужому, а вовсе не вульгарной ксенофобией обусловлен, например,

зафиксированный Эврипидом таврский ритуал принесения в жертву богине-Деве всех достигших этих берегов иноземцев.

Вырождение этой тенденции в советскую эпоху привело в культурном плане к эстетическому изоляционизму, неприятию новшеств современного искусства — на фоне игнорирования в целом мирового культурного тезауруса. Пуповина, соединяющая полуостров с материком Истории, оказалась где-то передавленной. И сегодня никого здесь не удивляет, когда, например, почтенный лидер писательского союза в декларативной статье, с автодефиницией «мы, мастера культуры» уже в заглавии, сообщает читателю, что «*в начале всех начал было Слово, — сказано в Пятикнижии Моисеевом*».

Знакомство с культурой понаслышке (свойственное, впрочем, и автору данных заметок) — весьма любопытный, но, к сожалению, пока малоизученный феномен социального бытия нынешнего Крыма. Нас же он в данном контексте интересует как отправная точка для неомифологических построений, как констатация подходящей для изысканий (изысков) TABULA RASA.

Итак, табула раза. Зря в корень, обнаруживаем, что дословный перевод этой идиомы не просто «чистая доска», но «доска выскобленная» (лат. rado — «скребу»). Т. е. подразумевается предварительное наличие некоего осмысленного текста. Тем многозначнее, за счёт семантических перекличек, может быть конечный палимпсест, чем содержательнее была стёртая надпись. В нашем случае идеальным опытным полем является крымский город Керчь (он же Пантикапей, Боспор, Карх, Корчев, Черкио, Воспро и т. д.), зиждущийся на почти трёхтысячелетнем историческом фундаменте, включая, прежде всего, мощнейший во всём Причерноморье скифо-эллинистический пласт.

Ныне город представляет собой крайне индустриализированное захолустье, проникнутое преимущественно пролетарской («нечего терять, кроме цепей»), отчасти даже люмпенской ментальностью. Последнее яркое напоминание о великолепной Античности — белокаменный Музей Древностей в виде копии афинского храма Тезея, возведённый в начале XIX века на горе Митридат стараниями просвещённых градоначальников, — разрушен центробежной силой забвения (точнее, новыми градоначальниками) всего лишь полвека назад, т. е. в мирное время. Трагический дефицит здесь прослойки творческой интеллигенции — безусловное препятствие для распространения мифологии, опирающейся на культурные реалии, но, с другой стороны, дополнительная гарантия чистоты эксперимента.

Для создания географически локализованных мифов проще всего было бы задействовать имеющийся местный фактологический материал. Крым, этот активнейший участок ноосферы Земли, является бездонной сокровищницей забытых до востребования редких эпизодов, неповторимых свидетельств взаимодействия человека с человеком и с окружающим ландшафтом.

Не здесь ли, опасаясь возвращения давно ушедших на войну мужчин, таврские женщины вместе с заменившими им мужей рабами возводили близ Акмонайского перешейка колоссальный вал со рвом, названный впоследствии Аккосовым или Киммерийским? Здесь, здесь. Здесь под присмотром персидского шпиона гастролировал — с полным аншлагом, между прочим! — любимец Филиппа и Александра Македонских кифаред из Олинфа Аристоник[4]. Здесь, как сообщает Теопомп Синопский в трактате «О землетрясениях», на Боспоре Киммерийском «*рассёкся холм, выбросив кости огромного размера, так что сложенный скелет составил 24 локтя*…». Повторяя в обратном направлении маршрут Андрея Первозванного (от Херсонеса к Боспору), считающийся отцом славянской азбуки Константин-Кирилл обнаружил в местной библии «рускія письмены», — а затем жёг на капищах тысячелетние дубы Тенгри-Хана на своём миссионерском пути через Крым в Хазарию, к славному поражению — согласно мусульманским и иудейским хроникам, — или победе, согласно христианским — в богословском диспуте с иудейским мудрецом. Здесь же через Кафу (Феодосию) возвращался домой из «хаджжа за три моря» Афанасий Никитин…

И всё же лучше прибережем на чёрный день этот мощный потенциал и пойдём по пути использования другой, кинетической энергии (накопленной в результате всех вышеприведённых рассуждений), делая упор на создание свежих прецедентов, осуществление новых исторических событий. Учитывая уже упомянутую характерную для Крыма некую сакральность в отношении ко всему некрымскому (перерождающуюся повсеместно в примитивное суеверное отторжение), мы попытаемся актуализировать её исконную позитивную составляющую путём осторожного введения тех самых «новшеств современного искусства»…

Боспорский форум, существовавший до этой осени только в теоретических разработках крымско-московской литературной группы «Полуостров» (Андрей Поляков, Михаил Лаптев, Игорь Сид и «примкнувшие к ним» Николай Звягинцев и Мария Максимова) и их друга и критика Изяслава Гершмановских,

задуман как действо, периодически, раз в год или в несколько лет, повторяющееся, поэтому в качестве первичного художественного полигона избрана (так сказать, для низкого старта) tabula rasa «в чистом виде» — необитаемый (по окончании очередного бархатного сезона) остров Тузла, или Средняя Коса, в центре Керченского пролива. Ещё в античности здесь велись рыбные промыслы; Тузла соединялась тогда песчаным перешейком с азиатским берегом, представляя собой полуостров, и упоминалась в периплах как Акмэ (!) — «остриё, оконечность». «*Волею судьбы остров находится между Меотидой и Понтом, Европой и Азией, Крымом и Кавказом, Украиной и Россией. Здесь, в ситуации а ля Крузоэ, особенно остро ощущается сартровская заброшенность в историческом провале между Античностью и Апокалипсисом*…» (цитата из программных документов Форума).

27 сентября 1993 года, в первый день Форума, небольшой десант новоявленных робинзонов-«акмеистов» — московских художников во главе с куратором, редактором журнала «Искусство» Михаилом Боде — высадился на Тузле, полный решимости, по выражению последнего, «*окультурить пустынный ландшафт*».

Работу Ростислава Егорова, представлявшую собой возвышенную фразу на языке международного общения, в виде растянувшихся на добрую морскую милю песчаного побережья траншей, выложенных чёрными водорослями, пришлось исполнять коллективно в течение трёх суток всей «оформительской бригаде» с подключением наиболее физически крепких литераторов-участников форума. Геоглиф, т. е. буквально «надпись на земле», гласил: «LOOK TO THE HEAVENS» («Смотри в небеса»). Редкая форма множественного числа призвана была напомнить зрителю о суетной гордыне шумерских прожектеров («*…и построим башню высотою до небес*»), о множественности обитаемых миров, о семи высших сферах Аллаха, об этажах Эмпиреев, наконец. И хотя «редкий зритель долетит до середины Боспора», свежевскопанная крымская Наска привлекла напряжённое внимание семейства воздухоплавающих. Над фронтом земляных работ постоянно кружили вертолёты то украинской, то российской пограничной службы, рыбной и охотинспекции, и целый выводок геликоптеров Багеровского лётного училища. А через месяц Валерий Айзенберг, выехав с персональной выставкой на год в США, передаст оргкомитету Форума снимки геоглифа, сделанные из космоса глубоко растроганными патетическим воззванием работниками службы спутникового слежения NASA. Как бы то ни было, всё это может лишь способствовать мифологизации данного художественного

события.

Инсталляция Валерия Айзенберга и Ирины Даниловой «Рождение Афродиты из яйцеклетки» (шестиметровый квадрат из выложенных параллельными рядами гипсовых яиц, местами замененных небольшой копией головы Богини любви и красоты), совершившая ранее успешное турне по залам галерей Старой Европы, на этот раз была размещена на песке под открытым небом. Громокипящая (с тяжким грохотом) близость пенного Эвксинского Понта скрадывала банальные технократические ассоциации («инкубационный период», «квадратно-гнездовой метод» etc.), благодаря чему, по словам художников, «особую глубину приобрели её античные корни». Если вдуматься, включение авторами темы яиц в предложенную версию теогонии в чём-то отвечает классическим версиям: согласно Гесиоду, Афродита родилась из крови оскоплённого Кроносом Урана! Во всяком случае, произведение осталось в памяти зрителей под условным названием «яйца Айзенберга».

Часть островного пляжа была покрыта отпечатками гигантского (размером не менее 0,8 локтя) человеческого уха. Этой маленькой акцией австралийский искусствовед Мария Гоуф продолжила осуществляемый последовательно на разных континентах планеты арт-проект «Уши Палеополиса» (в соавторстве с афинским художником Константиносом Иоаннидисом). Помимо античных аллюзий, произведение вызывало и прямую футурологическую ассоциацию — с «арабской» пословицей, придуманной Владимиром Войновичем для антиутопии «Москва 2042»: «Если приложить ухо к земле, можно услышать весь мир». Связан был проект и с коренной мифологией родины Марии: это Увана Кимпала, демон ночных страхов из пантеона североавстралийских аборигенов, не имеющий ни глаз, ни рук, ни ног, ни тела, а только одно большое ухо, прячущийся днём в кроне древовидного папоротника (прямо-таки напрашивается параллель с Иваном Купалой), в ночь цветения дерева спускается прослушивать живот великой Кунапипи, плодовитой земли-прародительницы — не собирается ли она родить Человека, который своим первым младенческим криком сделает его ГЛУХИМ?..

Эффектным завершением пленэрной выставки явились работы Аристарха Чернышёва: инсталляция «Восставшие из пролива»[5] в виде вереницы заполненных водой лабораторных колб, протянувшихся с двухметровым интервалом по узкому окончанию песчаной косы острова, в каждой колбе плавало по длинной серебристой рыбе странной наружности; и пироперформанс «Боспор — Бикини», заключавшийся в серии

ослепительных взрывов вдоль совершенно голого побережья (взрывы порождались жестикуляцией стоявшего в отдалении среди зрителей автора). Естественно пришедшие на ум зрителям-крымчанам предположения об эколого-дидактической концепции этих произведений были решительно отвергнуты художником. Признающий высокую вероятность приближения онтологически обусловленного всеобщего Конца, Чернышёв объяснил собеседникам, что в его задачу входит не доказательство или опровержение эсхатологических гипотез и не борьба с частными проявлениями тенденции материи к самоуничтожению, но более соответствующее его компетенции оформление по законам гармонии того исторического отрезка, который дано просуществовать лично ему. Таким образом, его работы суть не «антиутопия» и не «предостережение человечества от преступлений против природы и от ужасов ядерной войны», а лишь осмысленная эстетически фиксация неких существенных моментов Истории, безнадёжная попытка нахождения толики прекрасного в обстоятельствах гибели, бесстрастная регистрация красоты капли янтаря, заключающей в себе законсервированного заживо комара…

Не будем столь подробно останавливаться здесь на литературном блоке Форума, — хотя не исключено, что со временем он будет мифологизирован не менее художественно-изобразительной части — учитывая высокий уровень его участников и разнообразие представленных литературных направлений и школ, а также всеобщую воодушевлённость идеей проведения в будущем году следующего этапа Форума с дальнейшим расширением состава; учитывая, наконец, некоторые легко поддающиеся мифологизации эпизоды, как, например, несанкционированный акт символического жертвоприношения, совершённый заочно над одним из наиболее прославленных участников[6]…

Дополнительным фактором, способствующим более прочному запечатлению в общественном сознании изложенных событий, может стать и основанный в эти дни так называемый Музей Аристоника (названный в честь упомянутого выше А. Олинфского, символизирующего здесь любовь боспоритов к искусству). Согласно форумным методическим пособиям, Музей предназначен «*для аккумуляции культурных реликвий, связанных с посещающими Боспор-Керчь деятелями и исследователями искусства, служа тем самым дальнейшей фетишизации Творчества*». В число первых музейных экспонатов, между прочим, вошли:

— древнегреческая амфора, изготовленная керченским

керамевтом (т. е. гончаром) Василием Неголубевым и покрытая автографами участников Форума;

— карандаш ведущего специалиста Алупкинского историко-культурного заповедника Анны Галиченко (этим карандашом ставились подписи на амфоре);

— личная «флагманская» лопата («кисть мастера») Роста Егорова, которой наносились на побережье Тузлы контуры будущего геоглифа;

— пробирка с остатками бензина, использовавшегося Аристархом Чернышёвым в акции «Боспор — Бикини»;

— трубочный табак (уже в виде пепла), который курил М. Боде, читая на о. Тузла перед камерой Черноморской телерадиокомпании лекцию о концептуализме;

— раковина тридакны, привезённая Сидом из последней его экспедиции на Мадагаскар, с неприличной надписью на малагасийском;

— гипсовое «Ухо Палеополиса» Гоуф — Иоаннидиса;

— гипсовые же элементы инсталляции Даниловой — Айзенберга: подписанные авторами голова Афродиты и яйцо;

— последняя расчёска заканчивающего лысеть ялтинского поэта Сергея Новикова.

..Отложится ли что-нибудь из происшедшего той осенью в Крыму в культурной памяти населения — в виде достаточно жизнеспособной мифологемы, которая смогла бы противостоять энтропийному прибою нынешнего социального и экономического хаоса? Пока неясно. Уже сейчас ясно одно: Боспорский форум — дело не одного года; это дело даже не одного поколения культуртрегеров и мифотворцев. Необходимы десятки и даже сотни лет неустанных трудов… Увенчаются ли они успехом?

Ignoramus — et ignorabimus.

Октябрь 1993

Екатеринославъ. Въ ожиданіи приятной катастрофы [7]

«…Ведь Днепропетровск — это слово, выхваченное из Преисподней».

А. Жвакин.

«*— Послушай, Сид!.. Хороший город — Днепропетровск. Давай и там проведём какой-нибудь форум!*»

Слова, неожиданно произнесённые в Тавриде летом 1995 года, под занавес очередного Боспорского культурологического шабаша, крымским поэтом Андреем Поляковым, прозвучали для меня первым долгожданным и целительным ответом на одну давнюю загадку…

Прожив в Днепропетровске с двухмесячного возраста (родился в 1963 году в Крыму) до окончания университета, я был с младенчества глубоко уверен, что город тщательно скрывает от меня некую тайну. Имелись небеспочвенные подозрения, что разгадка её кроется в каком-нибудь погребе или на чердаке, куда родители меня не пускали. Скоро мы уехали в Африку, потому что папа был физик, а братскому африканскому народу, освободившемуся от ига, нужны были учёные. В Африке в подполье почему-то не тянуло — всё интересное там на поверхности. Через год мы вернулись обратно. И хотя я как раз стал октябрёнком, таким послушным быть уже не удавалось. Поэтому я кинулся изучать с новыми приятелями те самые крыши, чердаки и подвалы — маргинальное, тревожащее, проблемное поле Днепропетровска. Фекальные воды, просачивавшиеся в потаённый подземный город из канализационной системы, обидно ограничивали наши исследовательские возможности. Но к четвёртому классу Ян Валетов изобрёл *мокроступы*, и в катакомбах под его домом (внутренний двор с обратной стороны ТЮЗа) мы, пользуясь ариадниной бельевой верёвкой километровой длины, нашли — среди прочего, о чём вообще нельзя рассказывать — *скелет фашиста, прикованный к пулемёту*. Да, богом быть трудно, и все воспоследовавшие годы моя *человеческая* фантазия наперегонки с воспоминаниями периодически прорывалась за этот предельный навсегда километр.

Осенью 75 года Ян прибежал сообщить о создании в городе —

«именно об этом мы мечтали!» — Клуба Фантастов. Загадку родного Лабиринта мы учились теперь экстраполировать на всё советское — а сразу же и на антисоветское и межпланетное — пространство. Помимо сочинительства в жанре short short story, я иллюстрировал рукописный — ненадолго разрешённый аж обкомом партии — клубный журнал «МиФ» («Молодёжь и Фантастика»). Верный мечтам молодости, наш тогдашний коллега Саша Левенко нынче издаёт вполне солидный, типографский «МиФ», а его бывший напарник Саша Кочетков, надувая щёки, укатил вслед за ихним заводским шефом Леонидом Кучмой в Киев — главой президентского *Департамента имиджа и визажа*. Председатель Клуба Леонид Панасенко угодил через много лет в Симферополь, в председательское же, разумеется, кресло крымского Совписа, и даже был командирован ко мне в Керчь для наблюдения за одним из Боспорских форумов. Всё обошлось благополучно, если не считать инцидента, когда вместе с керченской писательской ячейкой, нахрапом увезя от форумной компании, они опоили страшной литфондовской водкой ни в чём не повинного, равно доброжелательного ко всем Ф. Искандера. Валетов живёт антисоветским (каким же ещё?) бизнесом и мелькает на телеэкране в межпланетном «Что? Где? Когда»; Виталик Жураховский, блестящий англичанин, сегодня один из самых крутых в СНГ переводчиков фантастики и триллеров, и если вам ничего не говорит его фамилия, то зажмите ему нос прищепкой и попросите произнести что-нибудь типа: «Дэн, я начинаю стрелять!» — «Паш-шол в задницу, срань господня[8], понял?»

В 80-х началась генеральная перепланировка городского центра. Милые моему сердцу ветхие квартальчики доминошными рядами ложились под феллиниевской гирей просвещённой градостроительной мысли. Чудом устоял дом 3 по Московской (или она уже улица С. Бандеры?..), напротив ЦУМа, где до 78-го жила в комнатке на втором этаже моя семья. Но поднебесные семирамидины тропы наших давешних изысканий, опутывавшие серпантином крыши и чердаки десятков домиков и домов, исчезли из этой реальности. И только в памяти детства пульсируют невидимые в воздухе новообразованных скверов и пролётов (как например между Театром Шевченко и задним двором старого «Детского мира»; между Новым мостом — именуемым так тридцать первый год со дня возведения — и площадью Ленина), уничтоженные вместе с архитектурным антиквариатом пунктирные траектории «по сокращёнке» и альпинистские маршруты повышенной сложности, рекогносцировочные аулы и разворовывавшиеся сверстниками из

враждебных кланов наши профессионально сколоченные орлиные гнёзда.

Загадка растворилась в опустевшем просторе, в атмосфере, в сложно структурированном прозрачном небе Днепропетровска, и в 85 году, сцепив зубы, я добился долгожданного распределения в керченский НИИ океанографии, в лабораторию биоресурсов Индийского океана. Между экспедициями, буднично отягощёнными поэтическим вдохновением, я обнаруживал себя в литературной Москве, особенно в командорском подвале — светлой памяти — газеты «Гуманитарный Фонд». Потом было явление группы «Полуостров», и сессии Боспорского форума, и открытие в Москве Крымского геопоэтического клуба. Случилось так, что Форум и Клуб разделили между собой «хроноскопические» роли: первый заострён на прошлом культуры («наследие истории сквозь призму современной эстетической мысли»); Крымский клуб же — на её настоящем (вечера *ещё* живых классиков, всяческие круглые столы и конференции на злобу дня). Но вот на последнем Форуме прозвучали и другие доклады: «*Будущее как опечатка*» (Изяслав Гершмановских, эссеист, Лос-Анджелес), «*Гео — эго, или Дата Светопреставления*» (Владимир Микушевич, философ, Москва), «*Девять Завтра мировой фантастики*» (Андрей Цеменко, дегустатор фантастики, Крым), «*Древность и будущее Средиземноморья*» (Аркадий Ровнер, литератор, Нью-Йорк), «*Эсхатология, как синдром fin de siecle*» (Кнутс Адевитс, филолог, Тарту). Пикантность ситуации заключалась не только в объективном приближении Миллениума, но и в субъективных психиатрических нюансах автора данного очерка, исподтишка муссировавшего дебаты.

Доморощенной эсхатологией я страдал всю жизнь. Лет в девять догадался, что являюсь инопланетным разведчиком, имплантированным в тело советского мальчика. Легенда была такая, что я хочу хорошо учиться, а на самом деле задача была разобраться, зачем и куда развивается человечество и, прикинув с точки зрения этики Универсума, решить — пускай себе развивается дальше или… ну, в общем, свивать обратно. Однако к пятому классу миссия была с позором раскрыта, и в художественной школе я уже носил кличку «Марсианин». Беседа с подкованной пионервожатой в Артеке заразила навязчивым, но глубоко осмысленным ожиданием американской атомной бомбы, однако это вскоре рассосалось. Ключевыми в недописанной в старших классах (в соавторстве с Жураховским) повести «Пижама кентавра» виделись мне слова одного собрата по разуму: «*Ребята, до точечного схлопывания Вселенной осталось меньше десяти миллиардов лет. НАДО КАК-ТО СПАСАТЬСЯ!*». Позитивистское

научное воспитание, разумеется, не допускало в призыве какого-либо сотериологического (ну, в смысле, связанного со Спасителем…) подтекста. Все эти горькие украшения и сладкие метания пришли с годами.

С конца 80-х мои и близких мне людей — режиссёра Форума Оксаны Натолоки, с коей переживали мы тогда героический роман и счастливую семейную жизнь, А. Полякова и др. — московско-крымские демисезонные миграции включали Днепропетровск, где по-прежнему живут мои и Оксанины родители, в качестве перевалочного пункта. Далее, там работает мой школьный приятель, металлофизик, а теперь предприниматель Алексей Джусов, ставший в 1994–1997 годах меценатом моей культурной, скажем так, деятельности. Инвестором проектов был российский минкульт[9], затем крымский, средства же для поддержания штанов я получал от Лёши (творческий альянс с которым, между прочим, впервые состоялся в девятом классе: была учреждена особая, принятая всеми одноклассниками, разновидность парадоксально-дебильного юмора, т. н. *сидджонский юмор*). Другой однокашник и друг, высший математик, а ныне астролог (увы, уже германский) Евгений Царфин — стал на заре перестройки автором заказанного местной прессой нашумевшего гороскопа Днепропетровска. No mystification: есть точная дата и время основания города — 10.55 утра 9 мая 1787 года, закладка Преображенского собора (нынче Музей истории религии). Первый камень Екатеринослава заложен лично императрикс, помышлявшей, ни много ни мало, перенести сюда российскую столицу. Большевики элегантно переименовали город в честь подпольщика Петровского (новоязовским словом наподобие *Волгокуйбышева* или *Балтоленинграда*). Нынешний беспредел демократии до реноминации не дошёл: Бабу Катю на Украине по понятным причинам не любят. Бродит, наоборот, идея вернуть название Сiчеслав, ненадолго возникшее в послеоктябрьский период в память козацкой Сечи. За два столетия город посетили, начиная со ссыльного Пушкина, едва ли не все отечественные исторические лица; старинные фасады сплошь в гранитных табличках. Последние полвека за железным занавесом знали лучше нас, что *Dnepropetrovsk* — это ракетно-нуклеарный ЮМЗ (помню, помню этот душераздирающий ночной вулканический гул ниоткуда), таинственное «КБ Южное» (эти надоедливые НЛО над ландшафтом) и пр., короче — эпицентр Империи Зла, кузница красного милитаризма.

Так вот, летом 90 года Царфин зазвал нас познакомить с одним из лидеров тамошнего андеграунда, Андреем Жвакиным. Открытие было колоссальным! Выделившаяся в конце 80-х из движения «ХЛАМИДА» («Художники, Литераторы, Актёры, Музыканты И Другие Агитаторы»[10]), банда синкретического искусства «Насыщение мифами пространства сада» во главе с А. Жвакиным и Д. Ныркой (ни то, ни другое имя так и не оказалось псевдонимом) базировалась в обожаемом мною Ботаническом саду. В холодной каптёрке и знойной оранжерее, под сенью гинкго и араукарий совершались по-настоящему любопытные опыты в разных жанрах: музыкально-шумовые, текстуальные, визуальные, смешанные, — позволявшие говорить не только о серьёзности дарований, но и — что не столь принято в провинции — о неплохом вкусе. Подаренный Жвакиным экземпляр его «Полифонической поэмы» — бумажная простыня с параллельно ниспадающими каскадами текста — по сей день украшает дверь моего кабинета в крымской квартире. Строки же из поэмы, вынесенные теперь эпиграфом к этим запискам, заставили меня вздрогнуть при первом ещё прочтении…

Соотнесение города с адом — жест понятный: урбанистическая аллитерация, обнажение метафизики родного топонима[11]. Главное было в другом. *Для них тоже существует тайна Днепропетровска!* Её романтические искатели, — а возможно, уже хранители, — продолжили то, от чего я когда-то малодушно отступился, предпочтя открыть свой квест примитивной циркуляцией бренного тела вокруг глобуса. При дальнейших визитах я искал сближения с мужественными и умными рыцарями городской тайны. Так на моём горизонте появились «старославянский монах» живописец-абстракционист Сергей Просветов, продвинутые культуртрегеры с диссидентско-лагерным прошлым (одному нет пятидесяти, другому и сорока: окрестные островки ГУЛАГа затонули вчера вечером) Семён Заславский и Артур Фредекинд; гениальный украинский актёр Михайло Мельник, создавший, вопреки рогаткам завистников и наплевательству властей, собственный монотеатр и уносящий диковинной игрой в катарсис даже не знающих языка; подвижник литературного самиздата, основатель славного двуязычного альманаха «Артикль» Юрий Малиночка; колоритный русский прозаик, собиратель хипповско-растаманского фольклора Дмитрий Гайдук (зависший сегодня где-то в нирване между Полтавой и Москвой), злой писатель с трагической нотой Александр Хургин.

..И вот, дорогой моему сердцу автор произносит, почему-то на дальнем Боспоре, ту самую фразу о подходящем городе.

Спонтанное упоминание, в контексте наших прожектов, столь много когда-то значившего в моей судьбе города имело для меня — буксовавшего в догадках о надвигающемся футурологическом куске жизни и о конкретном театре дальнейших действий — как минимум терапевтический эффект. Бытовой экзистенциальный невроз на тему «что же будет со всеми нами?!» крепчал, судорожно хотелось подстегнуть свои утлые умственные способности диалогом с толковыми людьми. Крымский оракул устами Полякова внушил мне, что скромный полуторамиллионный город с двадцатью вузами и непременной Игренью (мозговой отстойник — дурдом в одноимённом пригороде), со строившимся 25 лет и таки пущенным на днях метро, Днепропетровск (по-свойски — «Днепр») и есть искомая третья игровая площадка в схеме «ретроспектива — интроспектива — перспектива культуры», после Форума в Крыму и Клуба в Москве. Заглавие напросилось давно: «Футурологический конгресс» — по названию смешной повести-антиутопии С. Лема.

Кстати, ещё одним загадочным проявлением города мне видится подозрительно большое (здесь слегка повышен природный радиационный фон) число рождённых им творческих колоссов, — правда, никто из них не стал пока Genius loci, как Айвазовский для Феодосии или Волошин для Коктебеля: оперившись, все улетали ещё в молодости. Отсюда родом советский Михаил Светлов, антисоветский Александр Галич, концептуалисты Илья Кабаков и Георгий Литичевский, писатель-эмигрант Фридрих Горенштейн, поэт-классик Лианозовской школы Ян Сатуновский. Здесь родился один из крупнейших скульпторов XX века Вадим Сидур. Нельзя забывать и таких титанов, как криминальный баритон Иосиф Кобзон, и днепродзержинский прозаик Леонид Брежнев, и, наконец, его тёзка Президент Кучма со всей свитой… Недаром частенько слышишь здесь гордое: «*Мы — теневая столица Украины!*». Имеются в виду и монструозный *ВПК*, и под стать ему «*КВН*», и «Что? Где? Когда?», и Брежнев с Кучмой, и сказочное всесоюзное открытие эпохи застоя — днепровско-криворожская мафия, — то-то нашенский фантомас «*Матрос*»[12], отсидев свои 15 лет, как раз сейчас вышел на свободу. Всё это — не подтверждения ли потенциальной исторической уникальности города? Предчувствие коей, возможно, и есть то самое ощущение тайны.

Наконец, «Днепр» — родина крупнейшего оккультиста XIX века, сдвинувшего крышу не одному поколению неофитов, — великой Блаватской. Здесь Е. П. родилась и — не побоюсь этого

слова — возмужала, и отсюда берут истоки её матриаршие труды. А поборниками и фанатиками её учения освоены уже все пять континентов, ибо во всяком случае полгода в 1986 году со мной в антарктической экспедиции работал московский радиофизик, таскавший с собой перепечатку — ещё машинописную — фрагментов «Тайной доктрины»[13], и упорно произносивший «Екатеринослав» с палатализующим «ль» на конце. Впрочем, лично я, к стыду своему, любви к мэтрессе никогда не испытывал («*…На подвижной лестнице Блаватской / я займу последнюю ступень*» — А. Ерёменко). Висящий в «Днепре» в каждой приличной духоборческой квартире фотопортрет Елены Петровны в пост-бальзаковском возрасте поразительно напоминает посмертную соратницу мумифицированного советского махатмы. Совсем уж не к месту чудится тенорок Т. Кибирова: «*…как Ильич, оно бесплодно, / и как Крупская, страшнО*».

Если Конгресс удастся, он сообщит Днепропетровску определённый необычный имидж: мировой карте на рубеже тысячелетий не помешает специальный город, думающий о завтрашнем дне человечества, — и это местными интеллектуалами воспринимается как должное. Тех же, кто привык видеть себя (пусть на здешнем фоне) звездой первой величины, вторжение созвездий прославленных и ярких людей может здорово обескуражить, — отсюда в заглавии очерка термин «катастрофа». Среди греческих значений этого слова, помимо «резкого поворота» и др., Вейсман приводит «ниспровержение новыми законами старых»; Фасмер же отыскал в русских диалектах восхитительную народную этимологию: «костовстрёха». Костовстрёхой и оказался для Крыма Боспорский форум. Но любой шок проходит, и прежние противники проекта, бросившись в мозговые штурмы и поняв свой тембр в общей многоголосице, уже не откажутся от игры в бисер.

Город вечной мечты [14]

«Зовётся Керчью этот край,
Где от тоски хоть умирай»

Игорь Северянин, 1930-е

«Ты был в Керчи?
Не был?! Так молчи!!!»

Ляпис Трубецкой, 1990-е

«…Всё ракушечник, песчаник,
Ожидание Керчи,
Звуки частых обещаний,
Руки греческих пловчих»

Николай Звягинцев, 2001

Уже который месяц я не мог написать статью о городе Керчи, заказанную альманахом «ОстровКрым». Я не понимал, что со мной происходит. Изложить хорошо знакомый, тем более биографически близкий и прочувствованный материал? Free & easy! Жил и действовал там с 1985 по 95 год, с перерывами на тропические экспедиции. И на заре своей эссеистики именно о Боспоре-Керчи сделал пару бойких псевдонаучных текстов, заинтриговавших, кажется, немало народу.

Я привычно пообещал сработать быстро. Но ничего, кроме бессвязных обрывков, не возникало. Тема, как заколдованная, выталкивала при попытках в неё погрузиться. Редакция торопила, я изворачивался, врал, что вот уже почти готово, остаётся сшить тщательно выписанные куски…

И я понял, что дело серьёзное. Необыкновенный, магнетический город Керчь больше не пускает меня писать о нём –

во всяком случае, писать навскидку, без напряжения душевных сил. Скорее даже не сама Керчь, а моё неосознанное чувство ужасной перед ней, Керчью, вины.

КАЮСЬ

Боспорский форум, что бы ни скрывалось за этим термином, мы провели с друзьями трижды с 1993 по 95 год. Акция имела много смыслов и подтекстов, но для меня это был ещё и опасный эксперимент: растормошить летаргическую жизнь города с

трёхтысячелетним прошлым, чьи фильмы снов, десятилетиями перематываясь по кругу, выхватывают из прошлого одни и те же грандиозные видения, анекдоты о былом величии края. Вырвать зачаточный мегаполис из объятий Морфея, вдуть в опавшие вены гемоглобин, глюкозу, адреналин нового искусства, растолкать пульс современной гуманитарной мысли…

Льщу себе надеждой, что удалось. Но с каждым годом найти спонсоров для заумных игрищ становилось всё труднее. Приятель-бизнесмен Серёга Солодилов (пристреленный в 96-м городской мафией за неконтролируемость, земля ему пухом) обзывал меня в роли фандрайзера «сыном лейтенанта Шмидта». Как позже написала питерская поэтесса Полина Барскова, «в золочёных доспехах отвергнутый плавится Сид». Экономический кризис неумолимо нависал. Четвёртого Форума, несмотря на наши дёрганья, не последовало — ни в 96-м, ни в 7-м, ни в 8-м. Я же всё больше сил посвящал созданному в Москве Крымскому клубу, который стал Форуму и заменой, и реальным, пусть на иной площадке, продолжением.

«Вы попользовались Керчью, как женщиной, а потом её бросили», швырнула мне в лицо директриса «Телекомпании

Керчь». Дело не в хорошенькой директрисе, её я пальцем не тронул. И не в двух бурных романах, пережитых мною здесь — до и после пяти лет счастливого брака. Ревнивая местная элита пыталась разглядеть за игрой в бисер финансовые махинации либо карьеристские па.

Вот я, обессиленный оргсуетой и недосыпанием, рыдаю на плече одного из наших болельщиков, редактора городского радио Игоря Ефименко. Это после реплики журналистки-зрительницы Форума, ещё вчера тоже союзницы: «Мне объяснили, что Форум Вы устроили, чтобы крутить аферы на деньги российского Минкульта». Патриарх почвеннической прозы Василий Маковецкий сразу после выставки инсталляций на о. Тузла пишет было взволнованный рассказ — впервые в стиле фэнтези — «В дождливый день на острове», где даёт неожиданный творческий портрет не кого иного, как московско-ньюйоркского концептуалиста Валерия Айзенберга. Но на следующий день бежит в газету и забирает рукопись, и никогда уже её не публикует. (А я утаил экземпляр! и при случае с радостью обнародую.) Зато через год печатает в «Правде Украины» положительную рецензию на второй Форум, а ещё через год — эпохальный критический очерк «Заметки старого ворчуна» о герметичной поэзии участника всех Форумов Н. Звягинцева, где прилагает стахановские усилия к освоению формальных новшеств в изящной словесности.

Ни попыток встроиться в номенклатуру, ни тайных денежных операций следопытам от местного бомонда вскрыть не посчастливилось. И с годами самая лютая оппозиция поверила, что «праздник болтовни как жанр искусства», как приветствовал наш Форум С. Аверинцев, и был на самом деле простодушным праздником. Но я-то теперь знаю, что, ожидая от меня какой-нибудь подлости, права первоначально была она!

Я поманил, раздразнил это сонное, трогательное в своём наивном снобизме и благородном аутизме сообщество — вымпелом (жупелом?) духовной свободы, фата-морганой культурного моста, призрачной лестницей в столичное небо. Соблазнил. Совратил трижды — и смылся.

«АГРЕССИВНАЯ КЛОАКА»

А противник был что надо, честное слово! Скажу заранее, что победили всё-таки наши, но чего это стоило… Война велась по всем канонам провинциального театра, или, скорее, маленького, но гордого аула, оберегающего свою девственную чистоту. Фотограф главной городской газеты «Керченский рабочий» (большинство редакции первое время нашим забавам, мягко говоря, мало симпатизировало) заявил до начала всех событий, что применит «все возможные средства» для борьбы с «чуждым городу проектом». Первое упражнение он ещё как-то перетерпел, но на второй год, когда понаехали Искандер, Аксёнов, Кибиров, Войнович & Со, Н. разразился памфлетом «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ на Боспорский форум современной культуры». Хрестоматийно оркестрованный пасквиль был подкреплён портретом Аксёнова, нагло переплывающего брассом Керченский пролив. На носу прозаика красовалась пририсованная для наглядности предательская горбинка. Форум однозначно истолковывался нашим экзегетом-патриотом как жидомасонский десант.

Василий Павлович так и не узнал о тайной подоплёке своего визита. Ничего не подозревая, он дал здесь несколько оптимистических интервью, — несмотря на нюансы нашенского гостиничного сервиса, от коих он так давно отвык и потому был слегка шокирован. Однако уже через полгода городские депутаты кричали мне, что из-за меня мы тут все пригрели на груди змею! Рассказывая о Форуме на «Голосе Америки», писатель подчеркнул, что побывал в Керчи впервые, и охарактеризовал её как «нормальный заштатный совковый городишко». Не знаю, что им не понравилось, видимо, эпитет «нормальный» вправду унизителен для уникальной Керчи. Позже мне и самому

попадался в его московском интервью «Аргументам и Фактам» (или в парижском интервью «Известиям»?) удивительный ответ на вопрос о свежих московских впечатлениях. «*В Москве происходит быстрая вестернизация. Остальная страна довольно медленно движется по этому пути, и даже есть ещё места заповедного совка, — например, Керчь, — где доски почёта до сих пор висят, и Ильичи стоят нетронутые*». То есть после Форума, где бы В. А. теперь ни находился, в Москве, Париже или у себя в Вашингтоне, он уже как бы не говорит вообще ни о чём, кроме Керчи. Но это ещё пустяки! В хронологически предпоследнем и, на мой вкус, лучшем произведении Аксёнова, романе «Новый сладостный стиль» главный персонаж, отчасти совпадающий с автором, делится с читателем такими воспоминаниями о том самом керченском отеле, что просто держись! Предоставляю любителям самим найти это место — и гарантирую заодно огромное удовольствие от жутко весёлой и жутко грустной книги.

В общем, немало заслуженных помоев (всякому авгию по трудам) вылилось в нужное время на голову автора этих строк. Недаром мне так нравилась совковая шутка про «инициатива должна быть наказуема». Я был прав, вкладывая все свои силы в промывание магического пространства, но ведь я был и неправ — будоража глубоководный омут с устоявшейся хрупкой экосистемой! «*И стало ясно, что пара вёсел / Тихую воду сведут с ума…*» (Тарковский). После первого Форума имело популярность фото, где я измеряю методом отвесно утопляемой тростинки уровень горячей слякоти в керченском грязевом вулкане Солдатская Слободка (оный сочится как раз в геометрическом центре города). Всеми так и понималось, что после Форума грязевой горизонт обязан повыситься.

Когда в интервью для журнала «Остров Крым» я с невольным уважением сказал об «агрессивной клаке в горсовете», корректор ничтоже сумняшеся исправил на «агрессивную к л о а к у». Так это и прочитали. Никто не повёл ухом и не моргнул глазом.

ЛИЦА

Написать о Керчи что-то цельное с каждым годом вообще всё труднее. Из-за вынужденной эмиграции активных и заметных персон распадается совокупное лицо города. Специалист по антарктической ледяной щуке мрачный украинофил Володя Герасимчук теперь чиновник киевского министерства, его коллега Генка Шандиков пахать продолжает по своей тематике, но уже в Буэнос-Айресе и Ла-Пасе. Сумасшедший бард и доморощенный

метафизик Игорь Березюков (получивший у нас в институте статус «Борзюкова» в честь лагеря КСП «Борзовка», который в свою очередь назван в честь огибающего его мыса Варзовка) гита́рит в подземных переходах Харькова, океанологи Сергей и Таня Хомутовы занимаются геохимией в подмосковном городке биологов Пущино. (В отличие от благоговевшего перед ним Березюкова, Сергей является продвинутым практикующим мистиком в ранге астрального инспектора.) Тележурналист Саша Беланов давно уже москвич и делает, в частности, собственную передачу «Ночное рандеву»… Есть ещё более прославленный телевизионный керчанин, Сергей Доренко, но его мы лично не знаем и лишь с сочувствием следим за его политическими сафари. (Санитары леса не могут не вызывать уважения.)[15]

Год назад переехала в Симфи моя высокочтимая приятельница, пани Ядвига Шиманская, для соседок Надежда Владислововна, шляхетная полька, интернированная в 30-е годы, леди на велосипеде, не гнушающаяся ударных огородных работ, моржующая каждую зиму в море на своём восьмом десятке, — вдова скульптора Романа Сердюка, создавшего и возглавившего городскую художественную школу (с ним я знаком не был). Их старшая дочь, городская королева красоты Кася (Оксана), продолжила династию и тащит на себе эту самую школу. Что касается покойного Романа Владимировича, культовой фигуры для местной интеллигенции, то в своих арт-проявлениях он, яркий человек и педагог, бывал иногда не столь бесспорен. Во всяком случае, созданные им стройные грифоны (геральдический тотем Керчи), заново украсившие Митридатскую лестницу, вызывают почему-то ассоциацию не с грубой и плотской эпохой титанов и атлантов, а скорее с изящной, ударного труда и культурного досуга, передовой птицефабрикой, а такой же советский Пушкин, сохранившийся в виде эскиза и выдвинутый группой энтузиастов на почётный пост шедевра в городском саду, надеюсь, всё же останется как есть неудачным наброском. Мне тяжело это писать, я нежно люблю Ядвигу и трёх её гордых красавиц дочерей, но я по горло сыт московским гением Церетели, а в дорогой мне Керчи и без того, как я уже цитировал Аксёнова, «Ильичи стоят нетронутые».

В столицу Крыма перебрался писатель и многоопытный врач Александр Грановский, слиянием двух своих ипостасей создавший новое направлениях в психиатрии — литерапию, т. е. лечение художественным текстом. Впрочем, литерапевт Саша и его супруга, great profy англо-русского перевода Галя Грецкая — вечные странники, не задерживающиеся более пяти лет в одном городе, в их списке как минимум Мурманск, Архангельск,

Измаил, несколько крымских городов, в ближайшие времена — Торонто либо Нью-Йорк (в первом уже живёт сын, во втором дочь). То есть отъезд Грановских — не отступление, а наступление, случай никак не типичный.

..Но Бог меня раздери, если я соглашусь, что уехали все лучшие люди! Я не понимаю, почему кто-то остаётся в Керчи среди растущей нищеты и разрухи, как и на что они живут, но я счастлив, что они там есть и что есть к кому приехать в Керчь! Образ города неотделим от их просветлённых физиономий.

Это ихтиолог Коля Кухарев, верный старший товарищ, селф-мейд-мен, воспитавший себя из чуть ли не детдомовского безотцовщины в учёного флибустьера, тонкого ценителя тропического мира. Он был самым выносливым, то есть даже ночным, слушателем произведений участников Форума (как жаль, что на наше приглашение к себе в гостиницу после заседаний решались отозваться лишь немногие керчане!)…Это крупнейший в СНГ специалист по ихтиофауне индоокеанского шельфа Серёжа Усачёв, по чьей просьбе я провозил однажды контрабандой в ЮАР заново открытых акул-лилипутов — к состоящему с ним в переписке крупнейшему же в мире спецу по хрящевым рыбам Леонарду Компаньо. В отсутствие научных рейсов Сергей подрабатывает склеиванием многолитражных аквариумов для офисов…Это вечный юннат В. Ф. Демидов, носитель высшего знания о промысловых пелагических видах Индийского океана, за излишний авторитет среди коллег сосланный на пенсию завистливым очередным директором, но по уходу на пенсию самого директора снова активно привлекаемый к делу в роли стратега, эксперта и консультанта. Демидов опекал меня, наезжавшего в Керчь в свой будущий НИИ ещё с первого курса Днепропетровского универа, пас как будущего учёного, свою смену. Научника из меня не вышло, простите, Владимир Фёдорович! Надеюсь, вышло-таки нечто другое.

Это историк, глава археологической экспедиции Лёша Куликов, двадцать лет назад в бытность вдумчивым школьником открывший городище могущественной в древности Акры, одного из ключевых портов Боспорского царства, местоположение коего в проливе дискутировалось в мировых научных кругах целое столетие. Фантастика, но факт. Взрослые дяди археологи признали открытие лишь через пару лет, к окончанию триумфатором десятого класса. Изучать затопленную морем Акру хватит на всю жизнь, но главное, что Алексей разрабатывает основы новой научной дисциплины, исторической экологии: как взаимодействовало с биогеоценозом Боспора эллинское рыболовство и скифское хлебопашество? …Таким же глубоким

специалистом в своей области, но в антинаучной и несерьёзной, является программист Андрей Цеменко, аттестующий себя как «дегустатор фантастики». В начале 90-х он с единомышленниками из Севастополя и Николаева выпускал в самиздате очень профессиональный журнал сайнс фикшн, фэнтези и критики «Никогда». А палаточный лагерь любителей фантастики со зловещим названием «Комариная плешь» на острове Тузла он устраивает ежегодно с начала 80-х. Андрей сообщил мне, кстати, что в мировой фантастике Керчь мелькает гораздо чаще, чем этого можно было бы ожидать, — даже у американских авторов…

Несерьёзным делом занят и Лёлик, то есть блюз-гитарист Алексей Блажко, лидер самой интересной, похоже, рок-группы Крыма с плавающим названием («Синкопа», «мАмали», «Свиной поросёнок», «Матросами не пахнет» и т. д. — никогда не пойму, заглавия ли это песен, альбомов или банды в целом). Один из самых утончённых и суггестивных лёличьих проектов — музыкально-компьютерная обработка спичей на городском радио (где он работает в должности звукооператора и, по всему видно, останется в ней до глубокой и безоблачной старости) различных начальников и политиканов. Ещё Лёлик дорог мне тем, что иногда ему снится, будто он — Крымский полуостров, и ему очень больно от всех этих шоссейных и железных дорог… Первая жена Лёлика, Шурик (Саша, т. е. девушка) — дочь Оксаны Сердюк и при этом внучатая племянница феодосийского пионера-героя Вити Коробкова. У нас тут в Керчи всё круто!

Можно понять, почему из Керчи не уезжают деловые люди. Патриотизм, наверное, не в том, чтобы хвалить свою родину, а в том, чтобы её поднимать. Первый бизнесмен, с которым я здесь сдружился, Володя Пучков, создал и возглавил городской союз предпринимателей. Он же был меценатом моей первой выставки, а потом помогал с Форумом — чаще всего из его конторы я звонил в Мюнхен Войновичу, в Вашингтон Аксёнову и в Москву всем остальным. В вязкой провинции бизнесу особенно необходимы политические рычаги, и лучшие или наиболее стратегически мыслящие дельцы неизбежно идут во власть. (Исключение — короткий период, когда в горсовет вошло некоторое число бандитов, оказавшихся по трагическому совпадению не лучшими и не мыслящими.) Образцами дальновидных бизнесменов мне запомнились Евгений Максименко и Анна Абакарова — последняя, родись она в другом тысячелетии, оказалась бы шемаханской или персидской царицей. Ей-богу, если метемпсихоз существует, то именно умной царицей Анна Александровна в предыдущий раз и была.

Есть в Керчи свои поэты. Самые яркие из них — Василий Нестеренко и Валерий Левенко — являют по типу жизнетворчества наглядно контрастную пару. Если Вася, публикующийся временами под псевдонимом Неголубев (думал стать «Голубевым», по девичьей фамилии матери, но выяснил, что русских стихотворцев Голубевых уже существует достаточно), воплощает в себе анахроническую, точнее внеисторическую идею андеграунда, богемы и социал-эскапизма, то Валерий Яковлевич, обладатель натуры не менее поэтической (романтизм, ранимость, вселенская отзывчивость etc), с младых ногтей поладил с рабоче-крестьянской властью и творил пламенные тексты о заводе, о международном Женском дне, о Перестройке. Вася, с которым меня роднит моряцкое прошлое, в последнее десятилетие зарабатывает гончарным ремеслом, сдавая стилизованные амфоры и лекифы в бутики Москвы и Петербурга. Я подобрал ему для обихода древнегреческое название профессии: керамевт.

…Пытаясь собрать обобщающий человеческий образ Керчи (воистину города вечной мечты, но об этом позже), я вижу перед собой, скорее всего, романтичного мастера с завода эмальпосуды Валентина Коваленко — идеолога знаменитых благодаря репортажам Клуба путешественников «эллинских» походов вкруг Черноморского побережья, предпринимавшихся заводскими адептами античного времяпрепровождения. В расшитых золотом древнегреческих хитонах, с копьями и амфорами с квасом! (Именно Валя нашёл в холмах Керченского полуострова гранитную скифскую бабу, что торчит сейчас в центре города. По последним сведениям, увы, Коваленко ударился в политику и руководит филиалом какой-то из общеукраинских партий. Но это уже не очень керченский образ.)

А может, это Валин альтер эго и оппонент, создатель Клуба любителей истории и Греческого общества Крыма Борис Бабич, галантный матерщинник, тоже мастер на том же заводе. Восхитительный толстяк Боря сохраняет и охраняет керченскую старину, и обучает величественному языку Эсхила и Софокла молодых крымских греков — двоечников и лоботрясов. Комплекция не позволяла председателю спускаться с нами сквозь узкую срамную щель в склоне горы Митридат на эксклюзивную экскурсию в подземный некрополь — комплекс разграбленных в прошлом веке захоронений таинственных боспоритов. А ведь он был самым достойным из нас — прикоснуться к античным фрескам (одна из них, в файюмском стиле, прославилась на весь мир под именем богини Деметры), подышать застоявшимся античным воздухом. Помню его головоломную новогреческую визитку, где имя и фамилия транскрибированы через фонетику,

не имеющую шипящих и звука «Б»: Мпорис Мпампитс!

НАШИ МЁРТВЫЕ

Керчь быстро утешается по своим покойникам, смиряется с потерей. Мне это не очень понятно, но что-то здоровое в этом, наверное, есть. Однако, вопреки максиме «у истории нет сослагательного наклонения», часто хочется напоминать: был бы жив такой-то, было бы всё по-другому.

Конечно, было бы всё то же самое. Да и сейчас, если смотреть философски, всё не так страшно. Но в ноябре, если память не изменяет, 1993 года, в неслыханные здесь для этого сезона холода и снега, на шоссе Керчь-Симферополь вылетела на встречную полосу автомашина с Яковом Аптером — директором крупного керченского завода, лидером песпективного политического движения, и его ближайшими сотрудниками. Двигавшийся навстречу дальнобойный грузовик или трелёвщик принял удар и нёсся дальше с легковушкой на бампере, теряя курс, пока не припечатал её к придорожному столбу. Сейчас уже неважно, было ли это заказное убийство, — вряд ли, погибшие сами нарушили все возможные правила безопасности, но трудно представить более «удачную» для кого-то смерть. Аптер имел баснословный авторитет среди многотысячного коллектива, послевоенный сирота, он безукоризненно прошёл снизу доверху служебную лестницу и был избираем всегда и всюду, кажется, единогласно. С ним, проявлявшим недвусмысленные намерения войти в правящую элиту не только Крыма, но и Украины, ассоциировались конкретные шаги развития, завязанные на социальные технологии, взаимопомощь, смягчённую конкуренцию и другие параметры приблизительно шведской версии социализма. Я не компетентен давать всему этому оценку, но ясно, что история большого региона с гибелью Аптера двинулась определённо несколько в другую сторону. Мы виделись с ним перед первым Боспорским форумом, денег он не дал, сказал: меня не поймут компаньоны. Я ценю честный отказ, обычно наши бонзы предлагают на уши лапшу. Думаю, в дальнейшем мы нашли бы темы для сотрудничества.

Мэр Керчи Александр Сафонцев медленно, но верно вырастал в большого политика, в своё время существенно помог Кучме стать президентом (оправдал ли тот надежды на улучшение жизни, другой вопрос). Сафонцев неизменно помогал Форуму. Он погиб три года назад уже в роли вице-премьера Крыма в борьбе с ялтинской ветвью крымской мафии, пережив несколько операций

за месяц после взрыва на турбазе «Таврия».

Крымская мафия была раздавлена киевскими спецслужбами несколько позже. В Керчи все вздохнули свободнее, но поговаривают, что функции негласной «крыши» взяла на себя милиция, оставшаяся без конкурентов. Одного из «замоченных» местных авторитетов звали Кельзон, это знали все, но больше ничего о нём, помнится, не было известно. Помню, мой знакомый, затеявший в Керчи в разгар перестройки туристическую фирму, быстро поднялся — тема была неразработанная, купил две легковых иномарки, себе и для фирмы. Но однажды его взяли, по его выражению, «под белы ручки» и привезли к Кельзону. «Налоговые» условия были поставлены такие, что бизнес его стал чахнуть, и через год приятель всё бросил и вернулся к своей прежней малоденежной специальности. Он сокрушался: во всех странах мафия стрижёт лишь побеги, чтобы не погубить дело, а наша — под корень. Машины у него отобрали, просто так, сверх «дани». В момент, когда он мне об этом рассказывал у крыльца Дома Политпросвещения, мимо проехала бывшая его иномарка.

Лучший живописец Керчи Жорж Матрунецкий умер пару лет назад от болезни почек, продолжая подрабатывать где-то художником-оформителем. Его достоверные до полной сказочности пейзажи, где море переходит в сушу мучительно постепенно и волны вылизывают стены жилых хибарок, а лодки служат хибаркам кровлей даже на холмах, видимо, должны теперь сильно подняться в цене. За несколько лет до смерти Жоржа его выставку в Симферополе посетил высокий заокеанский гость из клана Кеннеди, знаток живописи, и сходу отобрал значительную часть работ для приобретения. Однако автора, жившего в Керчи без телефона, за пару дней «не нашли», Кеннеди уехал ни с чем.

Понимая себя полпредом города в искусстве, Матрунец-кий часто подписывал работы псевдонимом «Жорж Керч» (именно без мягкого знака). Кажется, зная и даже подчёркивая, что керч — один из синонимов фаллоса в старорусской лексике. Человеком Жора был весёлым и к себе относился без должного почтения.

Его подлинным антиподом был Георгий Бут, бытописатель военного подвига керченского населения в Аджимушкайских каменоломнях (кому был нужен этот подвиг и зачем власти вместо эвакуации согнали тысячи людей под землю для малоэффективной подрывной деятельности, ещё предстоит расследовать историкам и архивистам, а может быть, международному трибуналу). Бут узурпировал исключительную нишу главного художника в городе, но писал не тузов политики и культуры, а пионеров-героев под каменными сводами, санитарок

и партизан, всех на одно лицо, непременно чумазое и с карими, горящими ненавистью к захватчикам глазами. Для циклопических, подавляющих зрителя полотен в центре города был возведён специальный храм, экскурсантов тащили туда на причащение безальтернативно. Когда директриса этого дворца тьмы на заре перестройки отважилась предложить отделу культуры выставлять там — поначалу в гомеопатических дозах — других художников, хороших и не про борьбу, жрец мрачного культа вражды не выдержал измены и умер. Теперь это и есть городская картинная галерея; за пятнадцать лет, спасибо Лидии Михайловне, там выставлялось много чего хорошего. Совсем уж избавлять её от бутовских детей подземелья, ради коих она создана, безусловно, не стоит, пускай тоже висят, напоминают обо всём плохом. В гомеопатических дозах.

ПРЕРЫВНЫЙ ЗВЕЗДОПАД

…Удержусь от перечисления всех светлых имён современной литературы, которых нам удалось разными путями и неравными порциями подключить к истории Керчи. «Сей поезд журавлиный» выше уже частично проименован. Кто-то, как Жданов, Поляков, Звягинцев, Максимова, Боде, оставался после Форума или приезжал заранее, а мы старались сделать дополнительные авторские вечера в уютном зальчике городской библиотеки имени Белинского, чьих милых сотрудниц я люблю и почитаю в этом городе, пожалуй, горячее всего. На эти встречи собирались чудесные люди.

Но звёзды залетали в Керчь, разумеется, и без нашего участия. Поэт Иван Жданов, уже после Форумов первым получивший самый крупный в мире приз в области русской литературы — премию Аполлона Григорьева, — в 70-х посещал Керчь в качестве осветителя гастролирующего столичного театра.

(«*Мы кадили актрисам, роняя слюну, / И катали на фурке тяжёлого Плятта*» — написал Сергей Гандлевский, один из колоссов, так и не попавших на Форум, но всякий раз собиравшийся и незримо присутствовавший с нами; в 95-м он, например, умудрился опоздать на поезд).

Поэт Света Литвак, куратор московского Клуба литературного перформанса, наезжала сюда с археологическими экспедициями.

Владимир Войнович, участник — с незначительным опозданием — Боспорского форума-94, жил здесь в 50-е, здесь написал текст достославной песни «На пыльных тропинках

далёких планет». На его авторском вечере в тогдашнем городском доме культуры было так шумно, что стихи ему пришлось читать через матюгальник (т. е. мегафон, поясним для необразованных). До сих пор считает себя керчанином.

Больше всего ему запала тогда в память астрономическая цифра в названии его автобусной остановки — «40-квартирный дом».

Это про керченского своего знакомца, одного из пионеров советской международной коммерции в жанре мелкого бартера, Владимир Николаевич написал рассказ «Ченчеватель из Херсона». Слово это из лексикона советских моряков происходит, понятно, от английского change «обмен». «Херсон» здесь — псевдоним Керчи: написать дословно в те годы фактически означало сдать человека компетентным органам.

Список падучих звёзд (каждый раз — «к счастью») можно продолжать. Но вот у Искандера в Керчи даже обнаружился родственник, мы заезжали к нему с семьёй Фазиля Абдуловича. Будем считать, что ваш автор забыл, где он живёт — чтобы не погиб пожилой человек от нашествия интервьюеров. А у изобретательного художника Исмета Шейх-Задэ, будущей, да уже и сегодняшней гордости крымского и вообще современного искусства, дедушка учительствовал в Керчи в 30-е годы, сохранился домик, в котором он жил. Лелею коварную надежду, что Исмет тоже обратит своё внимание на Керчь как на испытанную идеальную сцену для перформансов и фестивалей.

ОЛИМПИАДА ФУТУРИЗМА И ПОСЛЕ

Историк Андрей Мальгин обратил моё внимание на связанный с Керчью немаловажный и почти забытый сегодня эпизод Серебрянного века. В 1913 г. крымский поэт Вадим Баян (Владимир Сидоров) организовал «Олимпиаду футуризма» — большое турне по Крыму поэтов-футуристов, как кубо-, так и эго-: Маяковского, Бурлюка, Северянина и др. Объединить в Таврии авторов разных, даже противоположных художественных направлений, совместить в дискуссионном пространстве наследие античности (Олимпиада) и культурные инновации (футуризм) — явно что-то знакомое… К сожалению, опыт оказался неудачным, эго- и кубо- окончательно расплевались именно в Керчи, разъехались и старались о проекте не вспоминать. Вспомнил лишь «поэт стареющий в Териоках», из его стихотворных мемуаров я и взял первый эпиграф к этому очерку… Боспорскому форуму повезло больше, на этот Керчь раз сумела сдружить

поэтов, не сильно жаловавших друг друга в Москве.

Ещё одно-два десятилетия после Олимпиады футуризма Керчь оставалась интересной культурной сценой. Особо отмечу фигуру жившего здесь Георгия Шенгели, а также эфемерный Боспорский университет, где осела в 20-е годы эвакуированная в гражданскую из столиц профессура. Общесоветский процесс принудительной деградации быстро низвёл университет до рабфака. Не хочу писать о том времени.

МУЗЕЙ АРИСТОНИКА, ПОЧТОВАЯ БОЧКА, ПОЭТИЧЕСКИЙ КАННИБАЛИЗМ, БИОГРАФИЯ ПОДДЕЛЬНОГО КУРГАНА

От Боспорских форумов остались в Керчи не только приятные, я очень надеюсь, воспоминания, но и, что называется, вещественные доказательства. Во-первых, от всех участников мы требовали привезти свои книги или публикации для городской библиотеки. Все основные течения актуальной русской литературы в лице лучших своих представителей открыты читателю пять или шесть дней в неделю! Но есть ещё и сокровенные, почти эзотерические следы.

Музей Аристоника придумала режиссёр форума Оксана Натолока.

Аристоник Олинфский, любимый кифаред Александра Македонского, оставил на Боспоре двойственную память. Срывал на гастролях такие аншлаги, что персидский шпион использовал его приезд сюда, чтобы пересчитать неприятеля: на концерты сбегалось всё взрослое население. Ставя в пример античных фанов ленивым и нелюбопытным в последние столетия керчанам, Оксана призывала их быть столь же неосмотрительными и безоглядно отдаваться заезжему искусству! Для сакрализации оного и собиралась коллекция «Музея Аристоника»: личные вещи участников Форума или предметы, связанные с их творчеством.

На втором Форуме подобные объекты решено было вообще посеять, как разумное, доброе и вечное, в керченскую почву. Прав Сергей Градировский, убеждавший меня сделать жизнеописание рукотворного кургана (точнее, курганчика) «Юз-Адын-Оба». Но для этого надо потрудиться восстановить перечень «творческих талисманов», опущенных участниками Форума в созданное с помощью стройтехники «захоронение». Отмечу лишь, что курган сейчас исчезает с лица земли (точнее, с «отвалов Толстикова» — плоской боковой насыпи из археологического мусора на горе Митридат). Любители творчества конкретно В. Аксёнова разгребают холмик с каждым годом всё глубже в поисках ручки,

которой писатель написал роман «Остров Крым». Говорят, пять или шесть человек уже нашли её, слегка поржавевшую, и показывают, каждый свою, восхищённым приятелям.

Форум наш был благодатным практикумом для сотворчества. («*Ничто так не сближает людей, как совместное музицирование*», — Г. Гессе.) Какие-то проекты возникали просто из воздуха. О символическом жертвоприношении, совершённом молодыми поэтами на первом форуме над распоясавшимся мэтром, неоднократно писалось, но хочу подчеркнуть, что хэппенинг со съедением доставшего всех корифея было проведён корректно и не без художественного вкуса — о чём свидетельствует хотя бы текст заявления на моё имя с просьбой о выдаче тушки и необходимых кухонных аксессуаров.

По предложению стихотворца, симферополитанина Андрея Полякова совершалась акция «Бутылочная почта». Из экологических соображений вместо тучи бутылок в набежавшую волну швырялась небольшая дубовая бочка с письмами участников «в тридцатый век». Аксёнов, по его словам, сообщил там (на английском), где закопан на о. Тузла сундучок с драгоценностями. Не обходилось без экстрима. На третьем Форуме момент опущения писем в бочку на острове телевизионщик не заснял, замылившись на полтора часа с ассистенткой в заросли лоха (дерева, повсеместно эвфемистически называемого маслиной). На катере же он решил наверстать упущенный сюжет — потребовал вынуть письма и раздать их наугад для инсценировки акта заново. Поэт Т. К., взглянув в доставшийся ему лист, побледнел и чуть не потерял сознание. Это писательница В. Б., не ожидая, что её текст будет прочитан ещё «при жизни», послала в будущее размашистый автограф: «… *вам в рот, товарищи потомки!*». Думаю, если бы эта невинная шутка, без каких не обходится ни одно неформальное сборище как великих, так и простых смертных (выражавшая к тому же естественный протест против ура-оптимистической акции в стиле пионерских зорек) стала тогда достоянием высоконравственной общественности, меня бы в Керчи просто линчевали.

CITY DREAMER

«Город-мечтатель», «Дремлющий город» — так называлась по-английски одна ГДР-овская рок-группа. Это словосочетание, как ничто другое, подходит именно к Керчи. Город всегда, в самые разрушительные и бессмысленные годы, полон каких-то неясных

щемящих надежд. Сейчас, к примеру, по городу ходят слухи, что Украина готовится продать или отдать Керченский полуостров России — за прощение газовых долгов! Народ ждёт и верит. Кто-то даже сталкивался в универмаге со специалистами из оценочной (закупочной?) комиссии… Только ГОРОД ВЕЧНОЙ МЕЧТЫ может однажды объявить самому себе, что основан он 2599 лет назад (при отсутствии каких-либо документальных свидетельств), и через год шикарно отпразновать своё 2600-летие! (Марк Твен: «*Нашей планете миллион лет, в ноябре юбилей*».) Я всемерно поддерживаю это очередное сумасшествие, ибо ничто так не радует меня, как интеллектуальные изобретения и красивые мистификации. Застрельщица вышеназванного начинания, вице-мэр Керчи Лариса Борисова, сумела убедить историков и краеведов в том, в чём они были совершенно не уверены десятки лет.

(Между прочим, третим Боспорским форумом мы все обязаны отчасти и Ларисе Ивановне. Крымский минкульт по доброй традиции аннулировал своё обещание финансировать проект — за пару дней до времени «Ч». Мэр Сафонцев на беду был в командировке. Бродя в прострации по исполкому, я столкнулся с Борисовой, она пригласила к себе в кабинет, спросила, почему бледный. Повлиять на ситуацию было явно не в её силах, но я вздохнул и всё рассказал. «А вы знаете, что с сегодняшнего дня у нас новый министр?» — спросила она. Она позвонила Анатолию Литвиненко в Симфи, поздравить с назначением, и заодно ввела его в курс дела. Министр, рьяно взявшись за гуж, тотчас же выполнил обязательство, взятое его предтечей.)

Вся роскошь вселенского безумия Керчи воплощается для меня в загадочной записке, оставленной молодой посетительницей выставки моей графики в городской галерее в начале 90-х. Вахтёр взволнованно передала мне листок с корявой схемой, где в центре была обозначена наша планета, слева в уголке некий «наблюдатель», вверху справа «горяч. источник», а сбоку фатальная надпись: «*Гибель земли не избежна*» (sic! — И. С.) Встретиться с автором мессиджа мне не удалось, — как, разумеется, и предотвратить гибель Земли.

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА?

… Летом 88-го переводчик в моём ЮгНИРО (Южный НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии) Андрюша Широков сказал мне: всё, завтра делаю транспарант и иду на площадь. Иначе мои дети будут жить при крымском Чернобыле! На

Керченском полуострове готовилась к запуску АЭС. Колосс был откровенно на глиняных ногах: дворы в окружающих посёлках залиты великолепным цементом, недоложенным в бетон стен атомной станции. А место для фундамента подобрали вообще на разжижающемся грунте — потенциальном плывуне. Народ дружно ждал первой трещины и Большого Взрыва.

Стало стыдно оставлять Андрея на съедение свирепым ментам (на деле выказывавшим в дальнейшем едва ли не солидарность). Собирать подписи протеста мы поковыляли вдвоём. Вскоре вокруг нас сформировался керченский блок всесоюзной ассоциации «Экология и мир». Со слезами умиления вспоминаю эту разношёрстную горячечную команду, особенно даму с завода, на каждой сходке поднимавшую наш боевой дух новой поэмой против душителей природы и демократии. Между тем горком и обком насмерть, как Иван Земнухов и Ульяна Громова, стояли за «решение Партии и Правительства». Собрания наши в открытую посещали гебешники. Мы держали себя в руках, морду им не били, только издевались вербально. Провели в горсовет и облсовет несколько кандидатов и таки закрыли атомную, совместно с сообщниками из Симферополя и других неблагонадёжных уголков Крыма. Депутатское наше лобби оказалось большей или меньшей степени скромности (вялости?), но один из них развился в гендиректора целого издательского дома и стремительно забыл об общем легендарном прошлом; бог Меркурий ему судья. Но не забыли наши оппоненты!

Дело было так. В конце 90-го года мне срочно понадобилась приличная сумма в долларах для участия в экспедиции с особо экзотическим маршрутом (Египет, Намибия, ЮАР, Мадагаскар, Индонезия и т. д.), финансировавшейся вскладчину. Рассчитывая на новую историческую ситуацию, без малейших колебаний я двинулся в недавний стан врага. И не ошибся.

Вице-мэром был тогда Василий Криворотько, ещё годом раньше державший горестные речи о «разнузданных письмах против руководящей линии». Слуга народа, тоже без малейших колебаний, пообещал мне поддержку рекомендательными письмами и звонками хоть в ЦК. (Василий Иванович врубался насчёт тяги к тропикам — сам скоро умотал в Индию представителем какой-то фирмы.) Прощаясь, уже на пороге он задал мне сакраментальный вопрос, преисполнивший меня незаслуженным уважением к самому себе. «*А всё-таки, скажите, какие силы стоят за Вами в городе?*» Подумать только, они были уверены, что за нами стоит кто-то или что-то, кроме задетого самолюбия и дурной привычки выдавливать из себя раба! Я еле удержался разочаровать его ответом: «Как какие? Андрюша

Широков…».

Помимо звонков и писем к предпринимателям, прежде всего директору корпорации «Воля» (б. Керченский тарный завод) Владимиру Непорожнему и главе Балтийского морского пароходства Виктору Харченко, не последнюю роль сыграли рекомендации мастодонта индустрии путешествий Юрия Сенкевича и ныне покойного директора Института зоологии РАН Ореста Скарлато. Искреннее спасибо всем ещё раз, господа-товарищи! Я ушёл в экспедицию в качестве художника-натуралиста, как бы в творческую командировку от города, и полгода интенсивно шлифовал авторскую технику на образцах островной и африканской фауны и флоры. Итогом стали собранная для музея ЮгНИРО коллекция (впервые в истории Института — ботанические, а не животные экспонаты, чем особенно горжусь), ряд популярных докладов и выставки натуралистической графики в Крыму, Днепропетровске, Киеве и Москве.

«*Культурологически наиболее обусловленная стартовая площадка для путешествия духа*», — сказал про Керчь автор идеи Боспорского форума Изяслав Гершмановских. Да, Керчь послужила трамплином для меня и для многих ныне таких же, в сущности, беженцев, удачливых беженцев, но она же и посадочная площадка — для самых сильных, кому хватит духа вернуться и восстанавливать из руин целостную жизнь. Ты ждёшь ли меня ещё, веришь ли ещё, Керчь?.. Я не знаю, хватит ли мне когда-нибудь силы духа.

К ВВЕДЕНИЮ В КЕРЧЕНСКУЮ ТОПОГРАФИЮ

Всё-таки нужно как-нибудь сконцентрироваться и написать галерею керченских литературных пейзажей, разложить ландшафт на главные составляющие или культовые места. Что за пункты входят в парадный список, заранее понятно. Городской Бродвей — улица Ленина, в молодёжном слэнге «Лента», до революции ул. Дворянская (новый мэр, заботясь об имидже города, чистит его до блеска, Ленту превратил в копию Старого Арбата с фонарями и шопами, снёс опостылевшие развалины по берегам улицы, а мне почему-то жалко); «Комариная плешь» на Тузле; сама Тузла; «Борзовка», «площадка» (окраинный пустырь перед дурдомом, недалеко от горпляжа); Митридатская лестница, ряд раскопок, облюбованных горожанами под первомайские пикники: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака…

Топонимика Керчи — огромная тема. Ни один город планеты

не имел за свою жизнь столько названий. Пантикапей, Боспор, Карх, Чарша, Корчев, Воспоро, Черкио, Воспро, Черзети, Кесария, Керич, Еникале и т. д. Удивляться нечему, Керчь один из старейших городов Земли. В вариантах склонения нынешнего имени — «в КерчИ'», либо «в КЕ'рчи», — я вижу выбор между низким стилем и высоким: смотря с чем ставишь в один ряд это имя — с «печью» или с «речью». Вслед за Маяковским («а там, под вывеской, где селёдки из КЕ'рчи…») предпочитаю второй вариант, хотя в жизни он, натурально, встречается реже. Топонимы в городе в основном советские: старые русские и татарские названия во многих случаях так и не были возвращены. Но всё же гора Митридат выглядит очаровательной антикварной этажеркой: улицы Митридатская, Эспланадная (в произношении горожан, разумеется, «Эксплуанадная»), Первый, Второй Босфорский переулки… На волне гласности в конце восьмидесятых я решил было под шумок добиться переименования улицы Ворошилова, на которой жил, в улицу Максимилиана Волошина: и близко по звучанию, и ассоциации не с подлостью и кровью, а со всеми лучшими человеческими проявлениями… Но согласился с возражениями муниципалитета: улица новая, нехорошее имя у неё с рождения, а вон в Италии до сих пор есть площади Муссолини.

Протекающая через центр речка Мелек-Чесме, — в переводе с татарского «Ангельский Родник», между прочим, — после депортации крымских татар была переименована в речку Приморскую. Образцовый кретинизм типа «площадь Привокзальная», «улица Межмикрорайонная»… Удачно она зашифрована в рассказах Маковецкого: речка Пантикапейка.

На втором Форуме писатель сделал краеведческий доклад «Митридатские улочки». Один из анекдотов, оставшихся в литературных кругах, таков: к концу доклада, вылившегося в суровую критику предыдущего форума, задремавший было в зале поэт Иван Жданов вдруг в тревоге подпрыгнул: «Стоп! А где же кочки-то?» Сидевший рядом поэт Тимур Кибиров строго его поправил: «Не кочки, Ваня! Не кочки, а улочки!»

Но я не случайно во врезке к очерку назвал Керчь городом необыкновенным и магнетическим. Подразумеваю ту мощную ностальгию, которой заражает этот край, когда хоть немного его узнаешь, а потом покинешь. Человеку, объездившему не мир, но почти полмира, от Сахары до Антарктиды и от Джакарты до Санта-Круса-де-Тенерифе, Керчь подарила мне многие из самых сильных воспоминаний в жизни. Читатель сам может если не вспомнить, то вообразить чувства, возникающие при непроизвольной медитации на объекты причерноморской

археологии и геологии. Но опишу один волнующий мою память случай.

Маленькой компанией мы шли на закате холмистой степью к северному побережью Керченского полуострова, к заливу Мама Русская. Простор был тёплым и ласковым, о дневном зное как бы не помнилось, море ещё не показалось вдалеке. И мною постепенно овладело почти мистическое — нет, не чувство, а ощущение, физиологическое ощущение единства с геологическим пространством вокруг. Во мне всё отчётливее звучал некий древний голос, зов-не зов, какая-то длинная, ВЕЧНАЯ монотонная фраза не из слов, а, может быть, из биотоков. Говорили эти холмы и камни, но они не видели ни меня, ни проходивших здесь в течении тысяч лет кочевников и воинов, чьи движущиеся тени были такими же призрачными и случайными в гаснущем вечернем свете, как и я. Стоический монолог адресовался ни к кому, как вой ветра, как шорох радиопомех, как песня-мычание человека, закопанного по шею в песках. Я приотстал от друзей, оглушённый и опьянённый этим немым гулом, я испытывал нечто вроде сладостного ужаса, но сердце билось как никогда мерно и тихо. Когда мы вышли на побережье, голос оборвался, — возможно, заглушённый внешним, звуковым взыванием моря… Это чувство повторилось ещё раз, прошлым летом, уже на юге Керченского полуострова, тоже среди холмов и скал побережья и тоже на закате. Между этими двумя крайними точками ровно сорок километров, ровно четыре года и ровно город Керчь.

* * *

…Я никогда не писал обо всём этом, во всяком случае, в своих стихах. Но я счастлив, что помимо меня Керчь и Керченский полуостров своими образами и топонимами вновь, как в начале XX века, проявляется в русской литературе, как например в поэзии Звягинцева и Полякова. Я знаю, что не будь на свете одного мечтательного города, не появились бы, возможно, на этот самый свет, например, волшебные строки Максимовой:

> …В Цементной Слободке[16] сойдёмся мы вновь
> и найдём отшлифованный камень
> или косточку персика, обглоданную хрустящей волною.
> Вода поднялась, просыпайся, железное сердце
> (бальные тапочки пахнут харбинской смолой).
> А потом расскажи, где китайский олень, где бумажное небо, —

Вязнет в бархатном кашле бесчувственный мальчик-тапёр.
Слышу, треснул рассвет и червивою розой раскрылся,
Серафимом обугленным падает ночь на ковёр.

Донецк: амнистия джиннам (геопоэтика кротовых нор) [17]

…Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда…

А. Б., 12 декабря 1913

— Дяденька, вы Харе Кришна?

Напрасно я забрался на этот терриkон. Ничем хорошим это не кончится, здесь как минимум запросто подвернуть ногу. Два обнаруженных по обратную сторону маленьких аборигена, сестра и братик, стали быстро вскарабкиваться навстречу мне по откосу.

Вопрос чуть не сбил меня с ног. Но удалось сразу же совладать с собой («Просто на этой окраине поселились индуисты, а дети любят подсматривать за чужаками!..», — наскоро объяснил я сам себе и, как выяснилось позже, случайно угадал).

Старейший и, соответственно, самый маленький терриkон Донецка, середины XIX века, возведённый ещё рудокопами, вручную. Старая выгоревшая порода осыпается под туфлями. Тяжёлая пыль, розоватая в свете заката, высеивается в воздух, не поднимаясь выше уровня колен. Мрачноватый полуразрушенный пригородный пейзаж, вечно модная стилистика фильмов Тарковского. И автор этих строк — на крошечном плато, в каких-то десяти метрах над ландшафтом.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Впервые я побывал в этом городе в году приблизительно 82-м, на конференции студенческих дружин по охране природы. Ум мой был несколько обессилен — затянувшейся саднящей влюблённостью в девицу, которая в экологическом движении участвовать не желала и в Донецк, само собой, ехать не собиралась. Поэтому впечатления от поездки остались фрагментарные, хотя скорее всё же позитивные. Местная дружина делала упор, в отличие от нашей, на борьбе не с браконьерством, а с загрязнениями. Город был весь какой-то очень зелёный, сплошь засаженный деревьями и цветами. А на подъезде к нему я из окна поезда впервые увидел терриkоны. Запомнились они

почему-то длинными и ровными, как плоскогорья.

И вот тридцать лет мне не приходило в голову, что могу очутиться здесь снова. Общеизвестная мифологема Донецка не то чтобы отталкивала, но и не привлекала. Сперва долго выглядела скучной (урбанизм в его каком-то совсем беспросветном изводе), а в последние годы наоборот, страшноватой (примешались элементы мифологемы чикагской). Общее впечатление — что называется, «регион просит ребрендинга». Особенно безнадёжным представлялось название: какой-то унылый корень квадратный из «Днепропетровска».

И вдруг меня приглашают в гости, в некую литературно-музыкальную программу, с видеопоэзией и прочими изысками. К этому моменту я уже знал важный факт, стоивший многого: в городе живёт серьёзный поэт метареалистического направления Григорий Брайнин, друг детства Алексея Парщикова, и продвинутый культуртрегер Сергей Шаталов. Они-то и втянули меня в проект.

ДЫХАНИЕ КРОТОВИН

В Донецк дорога шла на этот раз, видимо, каким-то другим путём. Вряд ли кто-то уже занялся ребрендингом терриконов, но форма их была теперь в основном коническая (что в кои-то веки объяснило мне их этимологию: «земляные конусы», да и то не совсем правильно), и подозрительно напоминала увеличенные до гомерических размеров кротовины. Любой специалист по зоософии уверенно скажет вам: именно здесь Человек приблизился к архетипу Крота — укромного добывателя таинственных корешков. Приблизился совсем вплотную и более того, практически в него перевоплотился.

— Это место изначально не предназначалось для жизни, — рассказывает в амплуа краеведа Серёжа Шаталов. — Люди приезжали отовсюду, чтобы повкалывать в шахтах, заработать денег и вернуться домой. Но постепенно стали оседать…

Поэтому терриконы сейчас расположены зачастую в черте города, в непосредственной близости с жильём человека. Старые, отдымевшие громадины.

Как известно, терриконы молодые, в первые десятилетия после их формирования, перманентно кадят, иногда даже загораются: интенсивно окисляется на воздухе оставшийся в породе уголь. Дым этот для человека ядовит. Помню, в старших классах школы кто-то из однокашников принёс для чтения под партой пособие по судебной медицине. Среди леденящих душу

смертельных случаев, подробно рассматривавшихся в книге, один был почти лирический.

Мальчик увлекался скалолазанием и проводил много времени на терриконах. Видимо, после тяжёлых упражнений на карабкание он однажды решил отдохнуть прямо там, наверху. Сочащиеся снизу смертоносные испарения его усыпили и убили. А затем — мальчик был найден далеко не сразу — окутывающая террикон тёплая газовая подушка завялила и мумифицировала тело так, что высушенные конечности ломались при изучении не только в местах суставов.

Вот в этот город я сейчас и вернулся.

МОНСТРЫ

Не нужно быть лозоходцем, чтобы ощущать под этой почвой множественные нерегулярные полости, лакуны, каверны. Даже природный карст индуцирует в надземное пространство энергетическое напряжение, невидимые изгибы полей. Здесь же планетарная кора под ногами расслоена и опустошена во вселенских масштабах. Причём отсутствует внизу гораздо больше твёрдой материи, чем это показано наверху: наглядные терриконы сложены из побочных продуктов угледобычи, а основной объём, поднятый нагора ненаглядный уголь — разъехался по земному шару и беспощадно сожжён…

Это, без сомнения, тщательно вытесняемое психикой чувство — повсеместной и непредсказуемой пустоты под ногами — наверняка как-то влияет на местный менталитет: волнующая тема для исследования.

Но с этого момента о научном дискурсе, видимо, придётся забыть.

Я поселился у Брайнина. Живописный берег реки. Одноэтажная, по преимуществу, окраина города, практически граница с разрастающейся навстречу Донецку Макеевкой — с которой они вот-вот сольются в экстазе, в первый настоящий украинский город-андрогин, тьфу ты, в мегалополис, а ещё точнее в суперагломерацию. В соседнем дворе, по рассказам Гриши, еженедельно режут кабана, торжественно и с щедрыми децибелами. Мне повезло, я попал в тихий промежуток.

Ну, не совсем тихий. Весь первый день под окнами время от времени протяжно и кишкомотательно выл неведомый представитель семейства собачьих — похоже, что очень дикий, серый и лесной. Источника звука нигде не было видно. К вечеру я решился спросить, что это было. Гриша показал мне из окна

верхнего этажа ржавую конструкцию непонятного назначения во дворе соседей (других, не любителей жертвоприношений). Торчащая из неё горизонтальная труба при определённом направлении ветра начинает дико завывать. Моё допущение, что в этом и есть назначение конструкции, Брайнина почему-то не развеселило.

Всё объяснилось без участия монстров. Однако осадок, как в том еврейском анекдоте про серебряные ложечки, остался. Услышав перед отъездом странную историю с котёнком, я уже не удивился.

Котёнок был приблудный, но симпатичный. Он поселился под брайнинским гаражом, и Гриша стал регулярно покупать и подкладывать ему еду. Странность была в том, что еда исчезала со всё большей скоростью, а котёнка при этом давно никто не видел. А забор у Брайнина сплошной, для посторонних тварей вроде бы непроницаемый. Раньше под гаражом жила крыса, и Гриша предположил, что она котёнка задрала и теперь харчит его паёк. Проблема была в том, что и крысу уже давно не было видно, а еда исчезала в количествах, навевавших довольно неприятные размышления.

Так что, будь на моём месте не такой стопроцентный ковбой, он наверняка был бы даже немножко рад, что съезжает.

ИСТОЧНИК МОНСТРОВ

Показательно много монстров обнаружилось среди местной садовопарковой скульптуры. Причём, что важно, самые древние образцы датировались ещё периодом развитого социализма, а то и более ранним. Я напряжённо размышлял о буйстве хтонических сил, которые здесь растолканы и разбужены за полтора столетия индустриальной эпохи (это, кстати, и есть возраст Донецка). Поэты Брайнин и Шаталов целый день показывали город, начав с дома, где жил в детстве Алёша Парщиков, и клуба «Ливерпуль» с единственным, как говорят, во всей континентальной Европе памятником «Битлам». Донецк — пусть и Дальняя, но всё-таки настоящая Европа. Так что чудовища присутствуют в окружающей жизни в основном имплицитно, не выпирая с излишней очевидностью. А в добавление к буйству растительности здесь стоит с позапрошлого века «пальма Мерцалова» — огромное, выкованное из цельного рельса растение с пальчатыми листьями бездонно-антрацитного чёрного цвета. Любой палеоботаник узнает в нём разновидность древовидного папоротника.

Позже, уже в Москве, я прошёлся по текстам донецких поэтов

и поэтов из всяких других мест, писавших о шахтёрском деле. Первое, что бросилось в глаза — неожиданные блоковские строки: «*…Уголь стонет, и соль забелелась, / И железная воет руда…*».

Тому, что в каком-то смысле руда здесь действительно воет, я свидетель, см. выше. У Брайнина, в стихотворении несомненно о Донецке («Набросай мне место своей судьбы…»), обнаружились подозрительные «*негативы, выворачивающие покров / наизнанку*». Одна из главных функций поэзии — выражать невыразимое. Всё вытесненное в подсознание поэзия вытаскивает за уши (за рога) в реальность текста, — минуя по пути логику, да и сознание зачастую тоже минуя.

«*Что тащит со дна своего уголь?*» — вопрошает Парщиков в своей известной «Угольной элегии». «*В рассекаемых глыбах роятся звери, / подключённые шерстью к начальной вере*». Вот на этих строках я испытал тихий ужас. Вовремя вспомнилась ещё чудесная цитата из Мамина-Сибиряка, царапнувшая когда-то в геопоэтической статье Владимира Абашева, — не про Донбасс, но это не важно: «*Лука Назарыч несколько раз наклонялся к черневшему отверстию шахты, откуда доносились подавленные хрипы, точно там, в неведомой глубине, в смертельной истоме билось какое-то чудовище*».

ТЕОРЕМА

Гипотеза, сложившаяся за прошедший после донецкого путешествия месяц, заключается, во-первых, в том, что хтонические силы являются объективизацией, проекцией наружу, на ландшафт, нашей внутренней природы. Во-вторых, что вот это «Мы», — то есть совокупность чувствующих субстанций или живых существ, способных индуцировать вовне хтоническое, — включает не только представителей Homo sapiens. Животные тоже могут порождать духов земли — наверное, совсем уже неантропоморфных… И в-третьих. После нашего ухода эти силы, объективировавшись, в ландшафте остаются.

Что из этого следует? Следует то, что живые существа каменноугольного периода, уходя, насытили окружающие пласты земли своими (примитивными?) демонами. Донбасс, по сути — хранилище древнейших нечеловеческих ду́хов, гигантская консервная банка или, ещё точнее, лампа Аладдина, откупоренная и расковыриваемая всё сильнее и сильнее. Что там эллинский Аид или христианский ад, которым всего-то несколько тысяч лет?.. Человек приспосабливается ко всему, и приезжие

работники добывающей отрасли, постепенно адаптируясь и переставая замечать странности местного пространства, стали расселяться по этой земле. Затейливый у них тут, наверное, фэншуй.

Как проявляются в социуме и в индивидуальных судьбах демонологические особенности края? Что притащил со дна своего уголь? Как ведут себя амнистированные джинны котилозавров, меганевр и териопод? Кто-то скажет мне: «Ну, теперь всё понятно про чикагскую мифологему!» Но это поверхностный взгляд. Главное, что я теперь знаю о Донецке (помимо того, что двое из поэтов-метареалистов — чей круг, заметим, крайне узок! — выросли именно здесь), это то, что здешняя филологическая школа самая сильная в стране, если не на всём постсоветском пространстве. И она всерьёз озабочена проблемами геопоэтики — самой мистериальной доктрины из признанных на сегодня в гуманитарной науке. Первая в Украине диссертация по геопоэтике готовится здесь.

ХАРЕ

Но вернусь к периоду поездки. Мозг был перегрет впечатлениями от Донецка. Во второй вечер мы гуляли по пригороду вчетвером — с Брайниным, Шаталовым и ярким поэтом и слегка депрессивным типом Владимиром Рафеенко. Мы двигались в сторону покрытого лесными насаждениями высокого террикона с идеальным коническим дизайном. Я приотстал, разглядывая тот самый крошечный, десятиметровый палеотеррикон.

Идея подняться наверх возникла у меня, как кажется, совершенно спонтанно. Однако эти двое мелких явно заранее дожидались меня здесь! И теперь боялись опоздать на встречу. Мальчик и девочка взбирались по склону с немыслимой быстротой.

Видеться с ними вблизи почему-то не хотелось. Я припустил обратно вниз, успевая перебирать ногами, потому как если завязнуть в породе конечностью — гробанёшься к подножью кубарем, мало не покажется. Когда я наискосок сбежал по склону к зарослям бурьяна, сверху послышалось негромкое:

— Эй.

Я не выдержал и оглянулся. Две тщедушных фигурки уже были наверху и маячили на фоне темнеющего неба. Я разрывался между растущим желанием вернуться и полезной инерцией: драпать, пока не поздно… Что-то было не так.

— Дяденька, так вы — Харе Кришна?

— Дети, всё в порядке, я обычный дядя.

Помахав им одной из рук, я поспешил вдогонку за друзьями-стихотворцами.

Другая Шамбала. Геопоэтика бельведера [18]

***Настроение**: азарт и предчувствие новых открытий.*

***Свет**: приглушённый сильной облачностью.*

***Цвет**: красное с зелёным, как листья пуансеттии, т. е. мадагаскарии*[19].

***Вкус**: пиратский ром, настоянный на манго и ванили.*

***Музыка**: Морис Равель, «Мадагаскарские песни».*

***Кино**: мультфильм «Мадагаскар»: часть первая, «мадагаскарская».*

***Книга**: Уильям Берроуз, «Призрачный шанс» в переводе Мити Волчека.*

Антананариву, в обиходе Тананариве или чаще просто Тана (феноменально длинные слова своего языка малагасийцы в устной речи сокращают, обрезая их не только в конце, но и в начале), — не просто столица древней страны и центральный город одного из крупнейших островов мира. Это удобно расположенная на плоскогорье со всемирным кругозором наблюдательная площадка для изучения метафизики природы и культуры.

Мы ведь прекрасно понимаем, что есть на планете особенные места. Например, Рим, который Иосиф Бродский называл «*клубком извилин переставшего думать о мире мозга*». Или Эфиопское нагорье, где, как выяснили биологи, отчего-то особенно быстро идут эволюционные процессы (толчками, как кровь из сердечного желудочка, в течение миллиона лет выходили оттуда всё более современные виды и подвиды рода Homo…). Или Тибет, мистический мозжечок Евразии.

Вот и Мадагаскар — тоже нечто: такой «философский пароход», метафизический паром, медленно плывущий из Азии в Африку. И здесь, в сердце острова, или, точнее, «малого континента», выстроен на возвышении комфортный капитанский мостик.

На центральном Высоком плато стоит малоэтажный город-миллионник с обаятельной колониальной архитектурой, в которой переплелись стили южноазиатский и восточноафриканский. В пригородах квохчут и несутся куры бойцовой породы, чьи предки привезены пару тысяч лет назад с островов Индонезии и чьи петухи сейчас сражаются во дворах не столько ради народного тотализатора, сколько просто от избытка

сил. В ресторанах вам подадут блюда, тонко сочетающие рецепты и ингредиенты с двух континентов. А по улицам с преимущественно африканской флорой прогуливаются преимущественно азиатские с виду жители.

А когда торопятся, ловят не знающие сносу крошечные такси французских марок выпуска 50-х годов, сохранившиеся здесь ещё с колониальных времён.

Многие геологи считают Мадагаскар отслоившимся от Чёрного континента шматом восточного побережья. Но есть и более романтичная гипотеза. Великий остров — один из фрагментов расколовшегося около 100 миллионов лет назад мистического праматерика Лемурия, которые расползлись в разные стороны по планетарной мантии. Индостан двинулся на север и вдавился в Евразию, став полуостровом и смяв перед собой складки земной коры в виде Гималаев. Мадагаскар двинулся на запад, к Африке, — в миллионы раз медленнее улитки, конечно, и только поэтому до сих пор не доплыл. Неуловимое тектоническое движение с востока на запад подкрепляется ещё и ежегодными муссонами, которые в течение тысяч лет изредка приносили сюда парусные судёнышки из Юго-Восточной Азии, чьи пассажиры и становились первыми колонистами таинственной земли.

Вот почему, несмотря на близость Африки, лица, которые вы встретите в Антананариву, будут в основном не негроидными, а монголоидными. Тана на острове, пожалуй — наиболее «азиатский» город. Поведение этих людей поражает «восточной» вежливостью и ритуальностью. А отсутствие заметных городских помоек и просто куч мусора на улицах — одно из главных отличий города от южноазиатских столиц — сделает вашу прогулку особенно приятной.

Ошибочное представление о негрскости мадагаскарского населения обсуловлено тем, что европейцы, начиная в своё время знакомство с Островом, сперва встретили на западном побережье представителей крупного племени Сакалава, в этногенезе которого основательно поучаствовали жители Восточной Африки. Французы поначалу даже называли сакалавами всех малагасийцев.

Антананариву же возник изначально как центр владений доминировавшего в последние столетия племени Мерина, обитавшего в центральной плоскогорной части Острова, чьи предки совершенно очевидно происходили откуда-то с Суматры или Филиппин… Кстати, знаменитое длинное название столицы, обожаемое составителями кроссвордов, переводится как «*Город тысячи воинов*»: именно с таким войском отвоевал эти

живописные холмы у местного племени вазимба[20] тогдашний лидер Мерина, король Андриандзака Разакацита-катрандриана.

Мне, кстати, всегда казалось справедливым, что официальным партнёром-побратимом «Города тысячи воинов» в России является Воркута, название которой переводится, соответственно, как «*Множество Медведей*».

Однако, когда один интервьюер спросил меня, какое животное я бы выбрал символом-тотемом Антананариву — я, не долго думаю, выбрал черепаху… «*Южнее Таны на Острове обитает очень красивая лучистая черепаха — медленно ползающая, питающаяся травой; вот и город такой на плоскогорье — лучистый и плоский, как черепаха, медленно, неохотно заползает в мировую историю, и прячет голову от слишком громкого шума*…». Размеренная жизнь этого патриархального мегаполиса — свидетельство принципа «мура-мура», по которому неизменно живёт весь остров: mora-mora, буквально «легко-легко»; можно также перевести на английский — «take it easy»…

Мадагаскар — одна из наиболее плавно, замедленно развивающихся стран. От чрезмерной любви к прогрессу малагасийцев удерживает их обращенность в прошлое, укоренённость, даже заякоренность в нём, особая истовая любовь к предкам. Господствует представление, что загробный мир — важная, если не важнейшая часть реальности, с ним нужно поддерживать живые отношения, не отвлекаясь слишком сильно на ерунду.

Мистическое отношение к миру, которым проникнута здешняя жизнь, особенно заметно при сравнении с окружающими островами и архипелагами: Сейшелами, Коморами, Маврикием, Реюньоном и т. д., — давно и безнадёжно проникнутыми духом посюсторонних, коммерческо-туристических проблем и интересов. И это одна из весомых причин, чтобы ощущать Антананариву, ещё и физически приподнятом над мировым ландшафтом, некий неявный сакральный центр не только Великого острова, но и как минимум индоокеанского региона.

* * *

Пять вещей, которые нужно сделать в первый же визит в Антананариву.

1. Подняться на центральный городской холм. Не только ради экскурсии по дворцовому комплексу (до середины XIX века это были единственные строения из камня из-за запрета королевы Ранавалуны на каменную архитектуру), но и для того, чтобы

насладиться прогулкой по улочкам, где дома, балюстрады и террасы ярусами уютно нависают друг над другом. В целом город довольно плоский, но центральные холмы добавляют ему неожиданное очарование третьего измерения.

2. Посетить местный зоопарк (он же ботанический сад) Цимбазаза. Топоним по-малагасийски означает «Не по-детски», «Никакого ребячества»: в этом районе когда-то проводились финальная церемония прощания с усопшими монархами, всё только на полном серьёзе… Сегодня здесь в вольерах, клетках, на газонах и грядках живут чудеса местной флоры и фауны. Есть даже представители флоры и фауны одновременно, вызывающие в памяти старинный термин «зоофит» — например, растение тифонодорум с двухметровыми листьями-опахалами, законно носящее также название «слоновье ухо».

3. Поторговаться на городском рынке. В течение сотен лет здесь был самый большой в мире рынок под открытым небом «Зума», не так давно он вынесен за город, но и сейчас базар в центре столицы не самый маленький. Своими чудесами Великий остров, вероятно, возникает в Книге Гиннесса чаще, чем любая страна мира, — что даёт повод открыть им, тем самым, Книгу Гиннесса высшего порядка… На базаре стоит купить сувенир — например, сплетённую из стручков ванили настольную скульптурку в виде обнявшихся, как любовники, пары стройных молодых баобабов. Они так и называются по-французски — Les baobabs amoureux.

4. Сходить к монументу погибшим героям Мировой войны на озере Ануси. Оно было создано на месте болота; позже его берегам придали очертания сердца. Из-за проникновения в водоём канализационных вод в воздухе присутствует сероводород, который весной вступает в трагикомическую тяжбу с бешеным ароматом цветущих джакаранд: так сказать, дьявол и ангелы в одном флаконе… Как выражается мой приятель экскурсовод Пьеро Ракутумена, «*озеро было священным, а потом стало грязным*».

5. Побывать в резиденции мадагаскарских королей на священном холме Амбухиманга («Синий холм»). При первом визите туда десятилетие назад мне там очень не понравилось — ни малейшего эстетизма и аристократизма, ожидаемого в столь возвышенном месте: деревянные срубы, кровати в виде полатей, причём под самым потолком, куда самодержец должен был карабкаться по лесенке из небрежно отёсанных брусков… Недаром в музейном комплексе запрещена фото- и видеосъёмка. Возможно, малагасийцы просто стесняются минималистического обихода и отсутствия роскоши у своих древних правителей?.. Но

позже я понял, что визит в резиденцию был для меня всё-таки очень важен и полезен. Грубоватая и бесхитростная архитектура помогает гостю страны лучше понять аскетический дух островитян, для которых достаток и удобство быта — ценность менее важная, чем, например, наличие детей и добропорядочные отношения с предками, в том числе усопшими.

В тихом омуте Джа (геопоэтика тайного омфала) [21]

Рафаэлю Левчину

Есть домовой у любой остановки…

И. Ж.

Прошла чёртова дюжина лет, но помню этот приятный ступор, подобный радости случайного хлопка одной ладонью.

В один из дней февраля 2002 года я спешил на задуманную острую дискуссию в помещении славного некогда Георгиевского клуба, ютившегося в московском профкоме литераторов на задворках Госдумы. Идя от метро «Площадь Революции», пересечь Охотный Ряд я умудрился в неположенном месте, — и застрял на широком островке безопасности в устье Дмитровки. Дорожное движение вокруг было интенсивным, и там скопился десяток автомобилей, стоявших в три колонны по три-четыре машины.

Последние в рядах, только что подрулившие, упорно сигналили, требуя освободить путь. Я присмотрелся к тем, что стояли перед ними, и остолбенел: свет внутри был погашен! Водители давно ушли по делам, использовав островок как парковку. А авто, маячившие в рядах первыми, вообще были целиком укутаны пухлыми, но уже оплывающими грязно-белыми попонами…

На днях прошёл последний февральский снегопад.

ГРАДИЕНТ

Спящие мёртвым сном машины — и бодрые, маниакально бибикающие им в зад! В центре бешеного движения транспорта, обтекающего вплотную тех и других. На секунду показалось, что я сплю… А потом понял, что это просто подарок. Дарственно меткая метафора специально для круглого стола «Кризис клуба», куда я направлялся, — о вырождении салонных форм московской литературной жизни. Осознаваемом далеко не всеми участниками процесса.

* * *

Этот крышесносный, шизофренический сюжет: совмещение разных времён, точнее, разных временны́х темпов, в небольшом тесном пространстве, и полный дисконнект между ними — мерещится мне с тех пор в разных жизненных историях. В столь чистом виде я его, пожалуй, больше не встретил. Порой он мерцает в произведениях искусства, чаще всего в кино. Наиболее выразительно, пожалуй — в эпизоде «Белого солнца пустыни» со старичками-анашистами, кемарящими над готовым взорваться ящиком динамита, посреди снующей кругом борьбы Старого и Нового. «*Давно здесь сидим*…»

Постепенно стало понятно, что подобные сонные островки непременно должны местами возникать кое-где во Вселенной — в потоках любых видов материи и, возможно, информации: на стыке встречных течений, или вблизи обособленных препятствий, локально замедляющих движение среды. Поведение потока в таких зонах характеризуется тем, что в физике называется градиентом скорости — различием величин скоростей между соседними движущимися слоями. В гидрологии даже имеются удобные для расширенного применения древние слова, обозначающие участки с минимальной скоростью воды в реке — в тормозящих течение выемках берега или дна. Боковые такие карманы называются заводями, или затонами, низовые — плёсами, или омутами.

ДЖА

И вот недавно я проезжал, где-то так в трёхсотый раз, через любимый крымский городок, который, вслед за чикагским художником и писателем Рафаэлем Л.[22] — самым, пожалуй, удивительным его уроженцем и самым добродушным из моих друзей — называю сокращённо «Джа». Здесь не столь важно, что в этом негусто населённом пункте родился некогда и я сам. Я давным-давно свыкся с тем, что моя малая родина — не на старте или финише моих внутрикрымских маршрутов, а где-то в первой или в последней четверти пути, исключительно через запятую. Важно то, что раз в несколько лет я покупаю билет специально с пересадкой, так чтобы между поездами был интервал в несколько часов, и получаю возможность погулять по тихому городку. А главное — сходить на другой край города, где стоял когда-то дом моей бабушки, в детстве я гостил там каждое лето. Постоять там на пустынной улочке, взглянуть на своё детство из новой точки

маршрута собственной жизни.

Посидел на вокзале: сперва в кафе за чаем с марципанами, а затем просто так, на деревянных сиденьях зала ожидания, наблюдая за неравномерно перемещающимся проезжим и аборигенским народом. Потом вышел на обращённое к городу крыльцо заднего фасада.

Рядом на скамьях трое не по-туземному одетых длинноволосых парней расчехлили гитары и негромко набирали что-то вроде бы прогроковое, но при этом щемяще современное. Риффы звучали настолько профессионально, что странным было не узнавать эти лица. Кто такие?.. Гастроли солидной группы с пересадкой в Джа трудно было представить. Городок находится в самой неяркой и неинтересной, на первый взгляд, части Крыма: в северных засушливых степях, вдали от моря, гор и лесов — всего, чем знаменит полуостров.

Пересадка здесь — дело обычное, но только для обычных людей, у которых нет импресарио, способного всегда раздобыть прямой билет из Симферополя во внекрымские пространства или, например, из Керчи в Севастополь. Все эти маршруты пересекаются именно и только здесь, в Джанкое.

По каким-то репликам мне почудилось, что группа ожидает не только поезда, но и ещё одного своего участника, здешнего по происхождению. Местные мальчишки наблюдали за музыкантами, почти не маскируясь. Меломанский восторг, или надежда что-нибудь стянуть? С криминальной стороной малой родины я однажды соприкасался, но об этом немного позже.

По случаю поздней осени повсюду жгли последнюю опавшую листву. Джа город игрушечный, ни пробок, ни смога здесь не бывает, но в смеси со внезапно выпавшим туманом этот пряный растительный дым превратился в настоящий непроглядный смог.

К тому же вечерело… Обходя по вокзальной площади огромный центральный газон с ландшафтным дизайном типа «сад камней», я почти сразу потерял из виду станционные строения. Но зачем лишний раз оглядываться, если цель ясна? Несколько шагов, и уже видны городские здания напротив. Я двинулся между ними по улице, уходящей от вокзала фронтально. Времени в запасе было больше, чем обычно — часа три, поэтому я решил впервые за множество лет пройти пешком пару километров, чтобы погулять в том районе, где был когда-то бабушкин дом.

МИСТЕРИИ

..Мама ушла в декрет старшекурсницей, и рожать меня

приехала в Джа к своей матери, крымской эстонке Вере Ивановне Адевитс. Так что почти весь первый год жизни я провёл у бабушки, а потом наезжал сюда в июли или августы вплоть до средних классов школы. Такая у меня образовалась ювенильная станция Лето.

Краткость, всего лишь один-два из самых тёплых месяцев, ежегодного пребывания в Джа не помешала мне именно здесь получить инициацию по обеим ключевым мистериям жизни.

О мистерии прекрасной.

Мне четыре или пять лет, до школы ещё бесконечно далеко. Мы беседуем с соседской девчонкой, имя которой мне не слышно через толщу лет: Таня? Ната? Таната? А топографическая память, обычно услужливая, тоже замерла, не подставляет в рамку запроса ни один из окружающих дворов; где же она жила?.. Стоим на остром углу улиц Гагарина и Суворова, в густой траве под чужим деревянным забором, и ведём рискованный волнующий диалог, который называется «глупости рассказывать».

Окрестности тут простреливаются далеко во все стороны, и, завидев приближающихся земляков, мы переходим на актуальные проблемы здешней жизни: кто кого побил, кто на ком женился, а кто помер. Когда тема смерти публична, она совсем не страшна. А эротика остаётся приватной и конфиденциальной, и в итоге взрослые так никогда и не догадаются о её существовании.

Мы рассказываем друг другу *глупости* и, вообще-то, временами даже показываем. И пройдёт ещё немало лет, прежде чем повторится шок от сакрального зрелища женской наготы. Но сама эта встреча с тайной будет уже для меня не новой.

Теперь о мистерии ужасной. Буквально через один ряд домов от бабушкиного двора, за улицей Суворова протекала городская речка Вонючка. Пахло от неё на самом деле не очень сильно — это ещё конец 60-х, — но рыба там уже не водилась. Зато всё ещё водились разные водолюбы, дафнии и циклопы, чьи-то кольчатые личинки с длинными трубочками-дыхальцами на конце брюшек и водяные скорпионы, такого же грязно-серого цвета, как и пологое заиленное дно. Я лазал со сверстниками по разнотравью на берегах Вонючки и однажды, преследуя на четвереньках какого-то жука, нос к носу столкнулся в травяных зарослях с лежащим в неудобной позе разлагающимся трупиком котёнка.

Котят и щенят, очевидно, топили в речке часто, но этот или погиб по-иному на суше, или сумел в последних конвульсиях выплыть — и застрял навеки в джунглях травы. Кожа с шерстью на маленьком мертвеце ещё местами сохранилась, но из глазниц и ушных отверстий пёрли, переползая друг друга, жирные, вертлявые опарыши какой-то очень телесной, белёсой окраски.

Прежде чем ретироваться, я на какое-то время замер (затаив дыхание — и, вероятно, поэтому не помню смрада), зачарованный таинством смерти.

Совпадение цветовой маркировки таких отдалённых на первый взгляд вещей — спешащих из трупа личинок мух и поверхности моего собственного тела — словно бы что-то означала; но помню, я абсолютно не был готов к каким-то существенным выводам, энтомологическим или антропологическим. Да и сейчас, пожалуй, ещё не готов.

Инициации вообще бывают разные. Что уж говорить, именно в Джа и именно в те годы я впервые в жизни, что называется, получил по башке! Кстати, как раз на лугу возле Вонючки. Было больно и обидно. Получил, разумеется, от старших ребят — то есть, собственно говоря, младшеклассников, — и, понятное дело, именно за неуважение к старшим.

* * *

(Лет двадцать назад я вот так же на полдня застрял в Джа, и постепенно переместился к улицам Гагарина и Суворова. И не обнаружил за последней речку Вонючку!

Она, конечно, никуда не делась. Просто её заделали сверху бетонными плитами. Зато теперь, благодаря веб-картам, на которых она обозначена пунктиром, я впервые знаю, как на самом деле называется наша водная артерия — или, скорее всё же, вена… «*В пределах городской черты река Мирновка взята в открытый коллектор ГК-4*». Эта новость, видимо из местной прессы, мелькнула в Рунете пару лет назад, когда я впервые пробовал писать этот текст и искать упоминания реалий малой родины, — а теперь элиминировалась.)

МЁРТВАЯ ЗОНА

Я брёл сквозь непрерывные клубы дыма к месту своего детства. Было ощущение, как будто ползу по смутно знакомому коридору под какой-то ватной ковровой дорожкой — приподнимая её перед носом и опуская за спиной. Но пространство не ощущалось как равномерное: с каждым шагом что-то кругом неуловимо менялось, то ли нечто усиливалось, то ли, наоборот, ослабевало. Визуально это подкреплялось тем, что обрамляющие улицу двухэтажные жилые здания (построенные по единому проекту после войны силами, в основном, пленных

немцев) постепенно исчезли, а сменившие их одноэтажки становились всё более похожими на дачи… Тут-то и вспомнилось научное понятие о градиенте.

Возможно, это был градиент звука: чем дальше к окраине, тем громче и пронзительнее звенела в ушах тишина. На бабушкиной улице она оказалась просто оглушительной. Даже редкий лай псов в дальних дворах — родная, с младенчества, оркестровка безмолвия — растворялся в хаосе тотального смога. И эпицентр гитарных переборов на вокзале, наполнявших собой и аполлонически упорядочивавших окрестное пространство, вспоминался как предельно отдалённый, противоположный полюс мира.

Максимальная тишина — и максимальная густота дыма. Как будто листья свозили на всесожжение именно к точке моего появления на свет. До бывшего нашего жилья на Гагарина я дошёл почти наощупь. Двор с домом, выстроенным новыми хозяевами после переезда бабушки в 70-х годах, когда я учился в классе пятом, отсюда к моим родителям в большой город, — ничем не отличался для меня сейчас от дворов соседних. Поэтому я прошёл мимо, покосившись туда мельком и отведя взгляд, а потом вернулся и свернул на улицу Суворова.

Слева, со стороны речки большое нечто — бревно не бревно, колода не колода — проступало сквозь дымку рядом с лавочкой у забора. Я постоял над этим двухметровым обрезком (не обрубком: дерево было распилено, довольно аккуратно) толстенного, в метр почти, ствола тополя — как будто припоминая что-то подобное из своего детства. Не валялся ли здесь этот чудовищный древесный брус уже тогда, лет сорок пять назад?

Хотя серые поверхности срезов на торцах бревна казались давно омертвевшими, и вообще оно выглядело так, словно лежало здесь испокон веков, — во многих местах из него тянулись кверху недлинные гибкие побеги, ещё не потерявшие свои листья, не сдавшие их в неведомый общий костёр. Прошлогодних, более старых и грубых веточек нигде не было видно. Это что же — бревно внезапно ожило именно в этом году, когда я почему-то решил после долгого перерыва зарулить в заповедник детства?..

Я вдруг всё понял: градиент скоростей! Даже так: *градиент скоростей Времени*. Этот кусочек пространства находится на самом замедленном участке мировой истории. Через Джа мчатся во все стороны поезда и автомашины, но между их потоками есть крошечная площадка, почему-то совпадающая с местом моего рождения, над каковой площадкой мировое движение, неумолимое Πάντα ῥεῖ — не властно, и где бег времени

воспринимается чистой абстракцией.

Наверное, детские впечатления, пережитые здесь, не могли на меня не повлиять. И я наверняка несу теперь в себе этот мирный пятачок, персональный Омфалос, не подверженный броуновскому прибою жизни.

И тут я вспомнил наблюдение, сделанное когда-то моей подругой Аней Бражкиной — что меня на мировой карте больше всего привлекают «мёртвые зоны», сонные участки внутри оживлённых переплетений транспортных путей. Места, где время патологически замедлено и не поддаётся окружающей суете. Анна перечислила сразу несколько известных ей таких мест, связанных со мной биографически. Изведанные в экспедициях Сокотра (санскритская Dvipa Sukhadhara, «Остров Блаженства») у Африканского Рога и Великий остров Мадагаскар, а ещё — узкий и длинный, километров в семь, островок Тузла в Керченском проливе, где я организовывал коллективные перформансы трёх Боспорских форумов современной культуры. Все эти странные места и вправду особенно важны для меня — хотя, как мне казалось, по причинам очень разным.

Три такие непохожие друг на друга «части суши, со всех сторон окружённые водой» оплетены ещё и струями, как я уже выразился выше, бешеного движения транспорта. При этом сами по себе эти давние перекрёстки человеческих путей погружены в непробудный сон, якорем удерживающий их на шкале времени, не позволяющий уплыть далеко, быть унесёнными течением Истории. Такие, можно сказать, географические островки безопасности. Спальные районы в глубине пульсации жизни.

ПРЯНЫЙ РАСТИТЕЛЬНЫЙ ДЫМ

Выше я обещал рассказать о криминальной стороне Джа. Я столкнулся с ней четверть века назад, встречая здесь в качестве переводчика едущую с пересадкой в Керчь из Варшавы группу польских школьников — участников детского хора. Эта была обменная поездка, в ответ на недавний недельный визит в Польшу керченского детского хора под управлением дирижёра Оксаны Натолоки, моей первой жены. Поезд шёл в Симферополь из Львова, где группа сделала первую пересадку, через Джанкой. Полтора десятка детей средних и старших классов столпились на перроне и глазели на захолустный железнодорожный пейзаж. До поезда на Керчь было часа два, я повёл их в станционную кафешку попробовать чебуреки, которыми знаменит в пределах полуострова наш городок.

Лучшие чебуреки делали первые вернувшиеся после депортации крымские татары. Пока хористы перекусывали их славной продукцией за сдвинутыми мною воедино несколькими столами, у меня за соседним столиком случился странный разговор с местным парнем лет семнадцати-восемнадцати, который заинтересовался компанией и вёл себя вызывающе. Ему явно хотелось продемонстрировать, что он здесь самый крутой и вообще хозяин города. Почти сразу он показал торчащую из кармана рукоятку пистолета, выглядело это довольно натурально. Милиции нигде не было видно, и я очень старался просто замять ситуацию, не довести до хаотичной пальбы. Агрессивность неравнодушного земляка мне удалось снять искренними расспросами о житии-бытии нашей общей родины. Оказалось, что основные прибыльные городские предприятия держат под контролем бандиты из местных. Парнишка якобы работал у них — то ли телохранителем, то ли чуть ли не киллером. Правда, в то, что «*тут уже шлёпнули много оборзевших*», я почему-то не поверил. Информация впоследствии действительно не подтвердилась: шлёпнули не очень многих.

Но в целом ощущение от эпизода сложилось свежее и радостное, как после хорошего вестерна.

Как потом сложилась судьба этого юноши (звали его, кажется, Иван), даже не представляю. В конце девяностых крымскую мафию сильно проредили киевские спецслужбы — без суда и следствия, просто выслеживая их и расстреливая в открытую. Но парень к тому времени вполне уже мог быть депутатом местного совета и делать деньги какими-то более благочинными способами.

* * *

Бандитская тема в истории города, однако, возникла отнюдь не в достославных 90-х, а гораздо раньше. Причём преступные элементы здесь, по слухам, нередко отличались на диво высоким «интеллектуальным уровнем». «*Джанкой запомнился местной братвой, которая заказывала на танцах не блатняк, а Лед Цеппелин с Блэксаббатом…*», — рассказывал в интервью 2013 года, про свой визит туда студентом на стыке 1970-х и 1980-х годов, западноукраинский писатель и поэт Юрий Издрик. А мой земляк художник и галерист Виктор Бабанин примерно в те же годы придумал нашей с ним малой родине эффектный псевдоним с очевидными авантюристско-экзотическими коннотациями — «Джанконг».

«*В середине 90-х мне казалось, что лучшая трава растёт в Джанкое*», — сказал однажды достославный собиратель психоделического фольклора Дмитрий Гайдук. Город Джа славился качеством местной марихуаны на весь целомудренный СССР. В «Растаманских сказках» Гайдука легко встретить пассажи типа «…*Чуваки, сегодня оттянемся: дядя из Джанкоя посылочку прислал*». Не понимаю, как, но сам я умудрился упустить ботаническую сущность родного городка. «Пряный растительный дым» я вдохнул в первый (и, возможно, сразу в предпоследний) раз уже на четвёртом десятке, на научной конференции в Екатеринбурге.

«*Про Джанкой говорят, что это город чебуреков и наркоманов… Здесь кругом заросли дикой конопли. И содержание каннабиоидов в ней выше. Ещё трудности заключаются в том, что сильны традиции местного населения. К слову сказать, тяжких и особо тяжких преступлений здесь совершается меньше, чем в Саратовской области*», — рассказывает глава следственного отдела города Джанкой, родом из Саратова, — не замечая, как мимоходом косвенно, но очень убедительно рекламирует лёгкие наркотики в качестве средства социальной терапии.

Возможно, именно эти целительные свойства моего города имел в виду Рафаэль Левчин, сокративший его имя до симпатичного трансконтинентального сочетания трёх букв.

..Собственно, здесь мы подошли совсем близко к теме великого Джа, без обиняков заявленной в заглавии текста. Но сразу же от неё и отойдём, поскольку это совсем другая история.

<…>

Страны и ментальности

Тропик Водолея [23]

Когда я её спросил, почему идёт дождь,
она стала объяснять и начала так:
«В нашей стране много морей и рек…»
Дальше я не понял и не запомнил.

Л. Р., «Мама мыла раму»

С дождём связана первая метафора в моей жизни. «*Как?!* — вскричал я, когда влажный щелчок по носу продолжился нарастающим лёгким верховым стуком в листве сада и по чёрному толю времянки, между тем как солнце в это время… — *Ведь дождя же нет, а он идёт!*»

«*Он слепой*», — сказала моя бабушка, крымская эстонка, и стала заносить в дом противни с вянущими распластанными абрикосами.

Слепой дождь, смех сквозь слёзы. На третьем десятке лет я узнал, что есть на свете остров, чей язык сплошь состоит из метафор. Река — это «мать воды» (*рени рану*). *Масуандру* (Солнце) — «глаз дня» (*масу андру*), синонимов нет. Будущие островитяне прибыли на свою будущую родину, увидели там холмы и солнце и дали им названия, исходя из уже известных явлений.

Там же их подстерегал дождь. Он стал *у́рана*, возможно от *ра́ну* «вода», то есть — обводнение. «В сезон дождей только утро в счёт». А иногда — *ранун́у́рана*, вода водой, дождевая вода, водяная вода… Всё это, возможно, круто замешано на *ра* «кровь», но об этом позже.

А пока что мы идём сквозь ливень вверх по лесистому прибрежному склону близ Форт-Дофена (Тауланару), с зоологом Алексеем Диким и радиомехаником, имя которого я не различаю через дюжину лет. Цель — обещанная проводником отдалённая роща с повышенным поголовьем хамелеонов. Жара, удушье сырости. Одежда мокрая, как окружающая зелень, и почти того же болотного цвета. Мачете, выпиленное на керченском судоремонтном из автомобильной рессоры, зазубрилось о древесину неизвестного мне кустарника. Растительность постепенно густеет, идти становится всё тяжелее — с

непривычки, и крепчает дождь.

И тут проводник, учитель математики в деревенской школе, оборачивается к нам и спрашивает: Вулеву прене дю кафе?

Здесь, в первозданном тропическом — что называется, дождевом — лесу? А на парне даже не шорты, где можно спрятать в кармане ароматный внутри пакетик и кипятильник или зажигалку, а красные семейные трусы, и больше ничего. И в руках только палка, которой он временами помогает нам расчищать путь в сплетениях вьющихся растений. Хотим, о чём речь, — переглянулись мы. Именно горячего, сладкого кофе! И скоро мы выходим на более пологую плоскость, лес, уплотнившись, приобретает признаки ухоженности и группируется в аллею бананов, в конце которой мы увидели деревянную хижину и стол со скамейками под навесом. Из окошка высунулась коричневая рожица и уточнила, эспрессо или капучино.

Дождь как пелена между чудесным будущим и мутным настоящим.

По́шло и недостойно писать воспоминания о тропических ливнях — хотя бы потому, что мой читатель если и был в тропиках, то скорее всего в сухих типа Хургады или полусухих типа Канар, и впарить ему можно всё что душе угодно. Свобода развращает.

Но если чем и отличается теперь от остальных людей автор данных строк, то количеством времени, проводимого в воде. Два-три купания за сутки — не в счёт, главное, что одно из них обычно заканчивается трёх-восьмичасовым сном — лёжа в пустой ванне с раструбом ду́ша в руках, в текущих на грудь струях тёплой воды. «Душ в моей жизни». *I wanna*. В океане плотно, кровно сживаешься с непрестанным встречным водным потоком, проходящим ежесекундно по корпусу корабля. Когда прервались мои экспедиции, амфибийный образ жизни стал мне подсознательной этому заменой. Вода вдоль тела. Это поймёт каждый, включая самую что ни на есть сухопутную крысу. Дождь, душ. Залезть с головой под фонтан. Экстатические воробьи. Ещё лучше — в водопад. Это уже совсем оляпка. Откуда этот сногсшибательный, пьянящий кайф?

«Сода-солнце» — запомнилась давняя повесть Михаила Анчарова, где герой обожал слепой дождь и ловил губами дождевые капли. Иногда мне мерещится, что не от реки или источника, а от дождя исходит обряд крещения в христианстве и новогодний праздник омовения на Великом острове — Фандруана. Последний и открывает собой дождливый сезон.

Континентальный человек видит первичный смысл воды и дождя в очищении и, с другой стороны, в напоении, утолении

жажды. Я же уверен, что у феномена не физическая, телесная, а интеллектуальная, информационная природа. Тело — лишь сплошная магнитная головка, считывающая сигнал с обтекающей, облекающей её водной ленты. (Центральный для меня эпизод в «Матрице» — медленный ливень ниспадающих цифр на экране перед повстанцами. Браузер, недоступный для зрителя, спрятан в голове персонажа. Люблю «Полифоническую поэму» Андрея Жвакина, чьи строки стекают неровными струями по двери в моей крымской квартире.)

Вот откуда удушливость, излишнесть дождя. От дождя меня всегда как бы слегка мутит — как после запойного путешествия по полкам букшопа. Это — избыточность информации, к тому же в непонятной кодировке. Осыпь спама, где каждая спаминка мыслит себя Мессиджем (зовите меня просто «Послание»). Дождинка не «каплеобразна», она — пульсирующая сфера, как не звездообразны ночные звёзды и не человекообразен человек. В ней пионерное знание о расширяющейся вселенной.

Мокрецы в повести Стругацких двадцатилетней давности «Гадкие лебеди». Тоже часть моей биографии. Некое небольшое, ориентировочно балканское государство претерпело климатическую катастрофу. Который год круглый год идут дожди. И там взросла новая порода людей, питающихся познаниями, неспособных переносить информациионное голодание. Они быстро умнеют, но они быстро умирают, если не давать им читать книги или хотя бы магазинные вывески. Мокрец мой друг симферопольский поэт Андрей Поляков. «Сид, привези новых книжечек». И моросит горькими слезами. В чём связь у Стругацких между обилием осадков и библиоманией, я тогда не врубился, но запомнил. Мозгляки из промозглой страны.

Главный пафос обитания в ванной — возможность нырять, когда захочешь. (Одна из убедительных теорий антропогенеза выставляет нашим непосредственным предком этакую водяную, речную обезьяну, чем объясняется и наше прямохождение, и сохранение волос только на голове — в надводной части. Примат с будущей кличкой Водяной.) Пребывание в ванне я обычно начинаю с наполнения её и погружения с головой под воду, с одновременным выдыханием воздуха через нос. Всплывающие мимо ушей звенящие пузырьки сладостно напоминают о роскошных ныряниях в маске за моллюсками и кораллами на Канарах и Сейшелах, в Южном Йемене, на архипелаге Сокотра. Благодаря эрзац-дайвингу я смог просуществовать на постылой суше дольше, чем мог бы без него.

Поэт Герман Лукомников, по его рассказам, ныряет в ванне лицом и пузом вверх, по йоговскому якобы методу — открыв для

проникновения влаги рот, ноздри, глаза, уши и прочие отверстия тела. По-моему, ничего, кроме менингита, такими упражнениями не достигнешь. Подолгу иногда спит в наполненной ванне поэт Виталий Калашников, опускаясь при этом субмариной на дно. Однажды жена застала его так посреди ночи. Во вдовьем обмороке Ленка простояла над телом мужа полчаса, прежде чем Виталик, как черепаха, всплыл набрать в лёгкие свежего воздуха. Её безумный вопль его и разбудил.

Впрочем, это уже не о дожде. Зато известно, что в день рождения Пушкина круглые сутки шёл дождь, а Лермонтов, наоборот, смертельно раненный, пролежал всю ночь под дождём. В план научных работ: как это повлияло на их творчество.

Дождь в моей жизни. Смотря чего дождь. За возом бегущий дождь соломин. Нет, ностальгический звон пузырьков в ушах. Анти-дождь. Падающие сквозь толщу воздуха пузырьки воды, взлетающие сквозь водную толщу воздушные капли. И те, и другие на встречном пути ускоряются и растут, конденсируя на себя своё из обратной им среды, — прежде чем схлопнуться друг с другом воедино в успокоительной пене на границе миров.

Никто и никогда не посвятит серию эссе всплывающим пузырькам. А ведь они, учитывая флотационные процессы в Мировом океане — копошение бентоса в иле, донное траление, кипение подводных гейзеров и кастрюль на миллионах кухонь, — не менее огромная часть жизни, чем дождь. Просто мы не смотрим. Многие пузыри не достигают нас, растворяются по дороге, — как, впрочем, и дождь не всегда долетает до земли, в пустынях он часто по пути высыхает, я наблюдал это в Намибии.

У русских дождь идёт. У поляков — просто *dżdży*, то же у французов — *il pleut*, и у римлян — *pluit*: «дождит». Кто? Субъект внеположен ситуации. Бытовой агностицизм.

Дождь — это всегда разрядка напряжённости, решение конфликта. Тихие слёзы после истерики.

Громоотводы и водостоки помогают небу кровопусканием. (Атмосферное давление как давление кровяное.) А Абаев объясняет «дождь» через древнеперсидское *дуж* — доить. Хитроумные греки и латиняне сцеживали падающее на крышу дождевое молоко через комплювий — квадратный водосборник то ли по периметру, то ли в центре крытого двора, — в имплювий, т. е. колодец или бассейн. Там откладывался дождевой сыр — вода с пузырьками. Все приспособления — от римского *pluvia* «дождь», восходящего к древнерусскому глаголу *плювать*.

Пока я дописываю этот текст, на улице третий раз за последний час заканчивается июльский дождь. Власти снова обманули с прогнозом на лето. Но настроение прозрачное,

катарсическое. Отгремел гром, намекнув на пубертатную чистоту песен Ю. Шевчука. Очищение и облегчение. Дождь как счастье дехканина. В Интернете промелькнуло сообщение о трёх пострадавших позавчера от молнии в Москве. Один из них умер. В такую слякоть и ненастье он зачем-то припёрся на пляж в Серебряном Бору — тот самый, где мы загорали с Таней Дементьевой и Машей Максимовой в 1996 году, и успели свалить при первом появлении туч.

Масаи Крыма и Галиции [24]

Однажды мой знакомый художник высказал в беседе за коньячком довольно странную мысль. Я, заявил он, никогда не был в Танзании и Кении, но считаю их самыми прекрасными странами на свете. О, эти *прерии*! О, кратер Нгоро-Нго-ро! О, снега Килиманджаро! Я хотел бы там жить и умереть… Только как сделать так, чтобы там не было, как бишь их, *масаев*? Терпеть их не могу!

Я порекомендовал ему всё-таки туда съездить. Мол, пообщавшись с масаями лично, ты увидишь, какие они классные ребята. Увы, советом он не воспользовался и в результате окончательно спился.

Мне вспоминается этот диалог, когда я встречаюсь в поездках с не всегда адекватными представлениями друг о друге жителей юго-востока и запада Украины. От галичан иногда приходилось слышать: ни за что не поеду в Крым — меня там просто кокнут за то, что говорю по-украински! То же самое, но ровно наоборот, говорят порой мои земляки-крымчане.

Недавно мы с коллегами-гуманитариями провели в Киеве, в рамках Форума издателей, круглый стол на тему «Что нам делать с этим Крымом». Ближе всего к корням больной проблемы, по моему мнению, оказался писатель Сергей Жадан, отметивший, что в современной украинской литературе пока что не очень много текстов, связанных с Крымом. А вот русская литература, в силу объективных курортных нюансов имперской истории, подобными текстами буквально переполнена. Двухвековая связь полуострова с русской историей и культурой — одна из главных причин, по которым Крым зачастую воспринимается украинской ментальностью как нечто чужеродное.

И что же делать?

Во-первых, наверное, крымчанам и галичанам хорошо бы почаще бывать в гостях друг у друга. Узнать и полюбить друг в друге, так сказать, *взаимных масаев* было бы не только неплохо, но и просто необходимо.

А во-вторых, хорошо бы украинским писателям привозить из Тавриды побольше текстов, связанных с полуостровом и его жителями. Поскольку литераторы наводят мосты гораздо лучше, чем политики.

Натуральные НАТОвцы [25]

Меня всегда огорчает, когда коллеги не видят и не осознают растущих отличий между россиянами и украинцами. Например, почему Украина (в лице хотя бы её лидеров) стремится в НАТО, а Россия — не очень?

Для объяснения удобна старинная теория геополитики. Концепция простая. Нации делятся на два мало симпатизирующих друг другу типа: атлантические (морские) и евразийские (сухопутные, континентальные). Первые живут в странах с длинным побережьем и склонны к мореходству, вторые морям доверяют не очень, а обожают родные равнины и степи. Скифы, скажем, считали греков за их страсть к мореплаванию суицидалами и идиотами.

Мне возражают: где же отличие на карте? Вон, у России побережье — практически весь Северный Ледовитый, и Белое море, и Балтийское, и Охотское, и Чукотское, и немножко даже Чёрного с Азовским. А у Украины — только два последних. Тогда я задаю встречный вопрос: а как дела у той и другой по ключевому вопросу — островному?

В украинской истории есть остров центральный и сакральный — Хортица на Днепре, где зарождалась казачья вольница. А какие известные острова у россиян, кроме скандальных Курил? Соловки. «Архипелаг ГУЛАГ»… Книга Чехова «Остров Сахалин» — о несчастьях каторжан. А если и есть хорошие острова в литературе, то все они (особенно теперь) иностранные: «Остров Сокровищ», «Таинственный остров», «Остров Крым»…

Когда обнажаются эти геополитические различия? Конечно же, во время «островных» скандалов. Напомню, что китайцы (которые вообще — евразийцы в квадрате) спорный с СССР остров Даманский на Амуре присоединили к своей территории, засыпав пролив между ним и своим берегом. Ту же тактику — превращение отпавшего хвоста в добавочную порцию спины — применяли россияне в памятной «войне нервов» за Тузлу в 2003 году. «Тузла — продолжение континента!» — был их мессидж, и спешно строилась дамба-перемычка. «Нет, остров!!» — настаивали украинцы. И, как известно, настояли. «Воссоединения Тузлы с Россией» не получилось.

Конфликту этому, если кто не помнит, предшествовал другой, украинско-румынский — вокруг острова Змеиный. Румыны заявляли, что это просто скала (а значит, украинские территориальные воды начинаются ближе к Украине). Упёртые украинцы утверждали, что — остров! Закончилось всё

аналогично.

Отстаивать акватории, превращая недоострова в острова — уловка прирождённых атлантистов. Соответственно, всё меньше сомнений и в отношении сегодняшней России, где вместо пионерии пробуют ввести движение юных евразийцев.

И какой же вывод, интересуются коллеги. Коли атлантисты, так пора в Северо-Атлантический блок? Но я не политолог, чтобы давать сомнительные советы. Ну разве что — подождать немного. Хотя бы одно поколение.

Всё ведь не так однозначно. Вот пол-Украины бережёт свои евразийские симпатии. А ваш автор — специалист по островам — за 12 лет жизни в Москве дошёл до патологии в своём оголтелом атлантизме. Сидишь за компом и мечтаешь — слетать в отпуск на какую-нибудь банановую Хортицу.

Раскрась карту [26]

С точки зрения классической имперской идеи, географическая карта империи должна быть раскрашена, по возможности, равномерно в немногие цвета. В идеале, в один цвет.

Речь, конечно, о карте не экономической (регионы должны отличаться хотя бы от центра, своей хозяйственно-административной зависимостью), но как минимум о карте социокультурной. Это та же фундаментальная идея, на которой основан анекдот про кубик Рубика для прапорщиков, «монотонный и монолитный». Однако, если вдуматься, любой цвет, будучи равномерно размазанным по карте, превращает территорию в гигантское слепое пятно, ослабленное информационное поле. Всякая её часть становится неразличимой на фоне других, лишая систему, в конечном счёте, стратегической управляемости. Возможно, именно таким образом в природе империи заложен эмбрион её разрушения, — либо преображения в нечто хотя бы не совсем имперское.

Если преображение исторически неизбежно, то забота о сохранении империи в её классическом виде не имеет практического смысла. Разумнее заботиться о том, чтобы избежать деструктивной, катастрофической фазы.

Как это сделать, как странам и территориям максимально органично и бесконфликтно перейти в постимперский XXI век — из, по сути, так и не закончившегося для многих из них имперского XIX-го, рассказывает вышедшая только что в Петрозаводске книга карельского публициста и исследователя Вадима Штепы «INTERREGNUM. 100 вопросов и ответов о регионализме»[27]. Штепа — один из лидеров и концепторов российского интеллектуального движения за культурное самоопределение регионов, автор в том числе культовой книжки «RUTOПИЯ» (2004).

«*Если бы британское правительство в своё время признало культурно-экономическую автономию Ольстера, а испанское — Страны басков, многолетних конфликтов удалось бы избежать*», — рассуждает автор, и под этим углом читатель может попробовать взглянуть на проблемы других территорий и государств. Например, на решительно отвергнутые два десятилетия назад Грузией шансы сохранить пресловутую территориальную целостность, или на нынешние шансы потерять Крым и Донбасс для Украины, пробующей нивелировать культурное разнообразие своих земель.

В книге рассматриваются важнейшие параметры, особенности и аспекты регионализма — его история, философия, цели, его политические, экономические, культурные ракурсы, взаимоотношения с другими политэкономическими, социокультурными концепциями и феноменами, такими как империализм, мировой кризис, национализм и т. д. Среди ключевых слов — глокализация, фрагмеграция (пока что менее известный неологизм от американского политолога Джеймса Розенау). Построена книга по классической схеме катехизиса: вопросы/ответы; их число (наименьшее из трёхзначных) — это прожиточный минимум, вряд ли способный полностью удовлетворить мало-мальски пытливого читателя: так, у автора этих строк по ходу чтения возникла ещё масса вопросов, с которыми остаётся только обращаться к автору книги… Либо ждать выхода следующего её издания, «расширенного и дополненного».

Проблематика книги настолько актуальна и свежа, что хотелось бы поскорее увидеть, по большому счёту, нечто вроде объёмной «Энциклопедии регионализма», возможно даже многотомной — максимально широко раскрывающей эту проблематику как в применении к российским и постсоветским регионам, так и к мировому контексту в целом. Процессы и феномены, о которых пишет Штепа, представляются абсолютно универсальными. Поэтому изучение исторического опыта самых отдалённых земель и стран, осмысление сделанных другими ошибок повысит нам шанс не наступить на объективно лежащие перед нами, успешно опробованные другими, но для нас пока неразличимые грабли.

Сравнение с катехизисом можно доводить до предела, раскрывая суть регионализма как потенциальной новой светской религии: недаром он приобретает с каждым годом всё больше приверженцев во всём мире. При этом в рамках гиперцентрализованной России, лишь номинально носящей название Федерации, идеология регионализма выглядит на первый взгляд утопической. И всё же есть в ней достаточная доля прагматизма, чтобы не сомневаться в перспективности реализации этих идей и на наших, в том числе, просторах.

Другое дело, что идеологу имперскому, бдящему о сохранении мессианской роли Центра и, соответственно, безликости и провинциализма периферии, эта книга может напомнить знаменитые инструкции по изготовлению взрывчатки в домашних условиях. Правда, для того, чтобы усмотреть в книге некий коварный умысел, подрыв устоев и т. д., её нужно не открывать и не читать. Ибо автор всесторонне рассматривает в

ней политические последствия регионалистского процесса: в норме, процесс этот приводит не к сепаратизму, а к более гармоничному перераспределению между регионом и центром информационных связей и векторов управления. Регион, обретающий собственное уникальное лицо, наращивающий степень своей суверенности и автономности, избавляется от мотивов к изменению своего политического контекста. Обретение более равноправных и жизнеспособных взаимоотношений с центром и с другими регионами автоматически снимает такую опасность.

Главная мысль книги: разнообразие региональных идентичностей, социокультурное (и мифологическое, добавим от себя) многообразие территорий — это очень хорошо. Пример державы, оставшейся империей, но с постимперским многоцветием регионов, это США. Живя вдалеке, в России, мы понимаем, чем отличается, скажем, техасец от нью-йоркца или обитателя Кремниевой долины. Сможет ли навскидку сформулировать американец, даже столичный и продвинутый, чем отличается москвич от жителя Комсомольска-на-Амуре — вопрос!

Ещё один, важный для XXI века, аспект метафоры «слепого пятна». Если имперская идеология и практика превращает карту империи в монохром, со временем всё менее интересный с туристической, в том числе, точки зрения, то регионализм — это здоровый и естественный способ эту карту раскрасить. Сделать её интригующей как для обычных отдыхающих, так и для профессиональных путешественников. А туризм, напомним — один из важнейших сегодня, и тем более в перспективе, бюджетонаполняющих факторов, даже для такого гиганта, как Россия.

Человечество становится всё более мобильным не только в плане работы, но и в плане отдыха, и в будущем станут выигрывать не только те страны и регионы, которые смогут более эффективно привлекать извне необходимую рабочую силу, но и те, кто сумеет приманить больше иностранных туристов. Это один из способов, в терминологии Штепы, «продавать родину»: необходимым для региона ценным специалистам, инвесторам, туристам… «*Наука регионалистика, оформляющаяся лишь в последние десятилетия, набрасывает контуры новой эпохи великих географических открытий*», — утверждает автор книги. — «*Только теперь это уже не буквальное „расширение земель“, но интенсивное углубление их смыслов*». Регионализм обладает тонкими функциями фотошопа, которые позволяют бледный туманный пейзаж, выталкивающий из себя зрителя, превратить, наоборот, в

феерически привлекательную картинку, неодолимо затягивающую внутрь.

Механизм этого расцвечивания прост, Штепа называет его «историческим творчеством». Необходимо высвобождать креативную энергию масс, поддерживать факторы, способствующие формированию региональной идентичности и усилению яркости территориального образа (то, что называется ребрендинг), исторические изыскания, культурные эксперименты, общественный диалог на эти темы. В 90-е автор этих строк использовал для обобщения этих процессов термин «геопоэзис» (буквально «землетворчество»)[28], или «культурное самоопределение территорий». Регионализм и геопоэтика, собственно — две стороны одной медали, сопрягающиеся приблизительно как социология и мифология, как физика и метафизика.

Безусловно главными среди действующих факторов «исторического творчества» являются, во-первых, энтузиасты-краеведы, фанатики региональной истории, с наслаждением выкапывающие из архивов, фольклора и местных сплетен всё самое интересное и необычное, реактуализирующие локальные мифы, что в итоге наращивает уникальность образа данной территории и самоощущения её жителей. А во-вторых, кураторы-пассионарии, изобретатели новых фестивалей и других артистических, социально-экономических, научно-исследовательских и прочих проектов и событий.

«*В целом уже можно констатировать появление целого слоя новых региональных романтиков (иногда называющих себя „практикующими краеведами“) — которые являются предвестием будущих политических изменений*», — пишет Вадим Штепа. — «*Они остро чувствуют и сами создают новый регионалистский дух времени (Zeitgeist), вдохновляя многие творческие группы — сибирские, поморские, ингерманландские и т. д. Фактически они начинают новую эпоху регионального искусства — не в архаично-провинциальной манере, а созвучно с актуальными трендами глокализации*».

Остров Армения (геопоэтика аскезы) [29]

Первое чувство при первом визите в Армению два года назад, на Форум переводчиков и издателей — болевой шок. Казалось бы — переизбыток солнца, загадочные, плавные фрактальные структуры холмов и горных цепей, галактические контуры Арарата, ангельски прекрасные женские лица и чертовски интеллектуальные мужские, разноцветье трав и древесных крон. Но на фоне этого — паническое тиканье в висках: *С т р а н а б е з м о р я!*.. Первая мысль, схватившись за голову: «Боже! Как они с этим живут?..»

ТРАВМА

Страдает ведь прежде всего экономика, страна почти обречена на бедность: нет морской торговли, нет морского транзита, нет морского туризма. Но последнее имеет и психологическое измерение: отсутствует душеспасительная морская эстетика и духоподъёмная морская экзотика…

Нет коралловых рифов — кроме, быть может, неузнаваемых, миллионолетними тектоническими процессами вознесённых на плоскогорье, древнейших рифовых отложений. Нет пальм, поскольку климат континентальный и они не выдерживают здешних зим. Нет флота, кроме разве что катеров на горном озере Севан да водных велосипедов на лесном озере под Дилижаном.

Это, конечно, сугубо личное. Старый моряк и, вроде бы, путешественник, в свои 47 умудрился впервые оказаться в государстве с исключительно сухопутными границами. И сразу впал в непривычную депрессию, помешавшую полноценному восприятию страны с первого захода.

Травма, однако, больше говорит не о стране посещения, а о странностях посетившего. Если раньше никогда не бывал в чисто материковых государствах — значит, сам подбирал такие маршруты. Ни Монголии, ни Венгрии, ни Боливии, ни Мали… Значит, просто подсознательно боялся этой травмы. И что это за путешественник, который всегда выбирает самый комфортный и безболезненный путь?

ПРО ЕКТК

Для того и нужны путешествия, чтобы больше узнавать о себе самом… И всё же в этом ощущении было что-то объективное. Когда решился поделиться им — сейчас, во второй приезд — с местными, отзыв был сочувственный и меланхолический. Обаятельный молодой литератор Армен N. произнёс следующее.

«*Да, это проблема. Здесь многие так считают. Мы так и говорим: мы, армяне, потому и такие несчастные, что у нас нет моря!*»

Несчастных лиц в Армении за два путешествия встретить не удалось. Но писатели умеют — и учат уметь — читать между строк, им всегда хочется верить.

Первая ответная эмоция: украсть для Армении море! Прорыть подземный ход хотя бы к Каспийскому, а ещё лучше к Чёрному или Средиземному. Пропустить, как было принято у фантастов (а ещё у брежневских прожектёров), нитку море-провода под поверхностью соседних стран. Перекачать сюда хотя бы пару заливов и лиманов. Превратить часть государственной границы в эффектное скальное побережье, в гроты, фиорды и пляжи. Или по-другому (если море не идёт к нам, то мы идём к нему!): поднять территорию на домкраты, как перемещают старинные здания и мосты, отвезти по передвижным рельсам на тёплое индоокеанское мелководье, на любимые банки Маскаренского плато. Был бы прекрасный, открытый всему миру остров Армения… Геопоэтика позволяет опровергать и отменять не только геополитику, но и саму Географию. Правда, при этом может сама превращаться во что-то другое, как в данном случае в талассопоэтику.

Первая здравая кураторская мысль: вывозить, на какое-то время, хотя бы местных поэтов (у прозаиков и художников, теоретически, иногда бывают собственные деньги) на мировые побережья. Ещё не проект, но уже почти концепция. Сразу представил себе боевую спецгруппу армянских поэтов-аквалангистов, пробирающихся к Майами-Бич из глубины, через заросли морских анемонов и морской капусты.

АСКЕЗА

Но ведь никакой катастрофы, возразят мне, в отсутствии морских границ нет, и быть не должно. Более того, материковость страны может быть преднамеренной, концептуальной, сохраняться и воспроизводиться в менталитете её жителей и выходцев из неё. Аборигены Скифии считали мореходов-эллинов сумасшедшими и смеялись над их любовью к Талассе. Почему

страна, не имевшая моря, должна по ней тосковать?..

Сухопутная Бельгия в эпоху колониализма завоёвывала в Африке, согласно каким-то своим предпочтениям, не окраины материка, а именно сердцевину. Проекцией имперской Бельгии на Чёрном континенте стало — в метафизическом плане — Сердце Тьмы, а в физическом — большое Конго, явно по случайности сохранившее крошечный, тесный выход к Атлантике.

Но у Армении-то, как раз, на самом деле прежде было море! И даже два, если не три — те самые Каспийское, Чёрное, Средиземное. Незадолго до Рождения Христова завоеватель Тигран Великий расширил страну, добыл для неё выходы к бассейну Мирового океана — на полтысячи с лишним лет. А после распада Великой Армении долго сохранялась, под именем Киликии, её средиземноморская часть. Отсюда эта память и эта тоска, эта фантомная боль.

Мне кажется, что отсутствие реваншистских амбиций по возвращению своих давних приморских земель — разновидность аскезы, подлинного самоограничения. Полузаметное, равномерное страдание без моря, если таковое страдание действительно имеет место — формирует, воспитывает определённым образом национальный дух. Аскеза становится залогом внутренней силы. Армянин, оказавшись в диаспоре, демонстрирует зачастую если не повышенную энергию, то повышенную выживаемость и жизненную прочность. Я стал усматривать признаки этой плодотворной аскезы в разных особенностях мира маленькой армянской метрополии.

ХРАМЫ И АЛФАВИТ

Второй мой визит в Армению был связан с проектом «Литературный Ковчег». Двадцать с лишним писателей из 17 стран Евразии путешествуют полмесяца по армянской части безбрежного Армянского нагорья, ежедневно посещая новые церкви, монастыри и музеи. Я сейчас не о том, что настоящий, идеальный фестиваль должен быть максимально приближён к экспедиции, и отпускать своих участников на родину полупарализованными от зашкаливающих восторгов и информационной перегрузки, выжатыми, как лимон. Я о том, что армянское христианство в своём классическом виде демонстрирует всё ту же аскезу.

Эти полуторатысячелетние храмы, лишённые каких-либо украшений, с голыми каменными стенами и потолками, иногда просто вырубленные в цельной скале, олицетворяют собой

беспримесную духовность, не замутнённую декоративными излишествами и роскошью. Если хотя бы метафорически верно старое детское сравнение храма со звездолётом или космопортом, то можно предположить, что золото и всё прочее утяжеляет корабль, мешает ему взлететь…

А ещё — армянский алфавит. Четверть века назад, в первой своей научной командировке, я работал месяц на побережье Абхазии, и в течении однодневной поездки в Тбилиси, за какими-то подписями и печатями, выучил грузинский алфавит. Разгадка молниеносности, возможно, в делах сердечных: про азбуку меня консультировала юная тбилисская певица Ната, которую необходимо было сразить своими якобы уникальными способностями. Подобных лингвистических блицкригов больше не повторялось, во всяком случае алфавит армянский мне так до сих пор и не дался.

Как заметил полвека назад Андрей Битов, эти буквы — словно каменные. Они так похожи на клинопись, — слегка сглаженную наклоном руки резчика в сторону первого в истории курсива. Но главное, что поразило меня сейчас (долго же до меня доходило!) — это армянского алфавита труднодоступность. Буквы, подаренные Месропом Маштоцем своему народу, гораздо сильнее похожи между собой, чем буквы других созданных им алфавитов, албанского и грузинского. Они рябят и сливаются в глазах непосвящённого, со всей очевидностью показывая, что смысл текста по-настоящему зашифрован. Различение литер требует дополнительных усилий. В других культурах, во всяком случае в современных, ничего похожего нет.

Я спрашивал армян об этом. Никто не согласился со мной. «Ничего страшного, — говорят. — Мы с детства это различаем и читаем…» Но законно предположить, что человек, в раннем возрасте преодолевший этот психологический барьер, а потом всю жизнь усиленно концентрирующий внимание для восприятия информации, получает некоторую дополнительную интеллектуальную закалку, приподнимающую его над теми, кому читать на своих языках легко и вольготно.

ВПЛОТНУЮ К НЕДОСЯГАЕМОМУ

В Библии Армения возникает, в том числе, под именем страны Арарат. Первый покоритель библейской высоты капитан Ной — национальный герой армянской мифологии и, пожалуй даже, официальной истории. Гора Арарат изображена на государственном гербе Армении. Но для граждан Армении

посещение даже подножья своей геральдической горы сильно затруднено. Гора Арарат уже достаточно давно расположена в другом государстве.

У украинского писателя Юрия Андруховича есть эссе, совсем о других вещах, с суггестивным заглавием «*Вплотную к недосягаемому*». Словосочетание, предельно точно выражающее взаимоотношение армян и армянской национальной горы.

Существует догадка, что именно величественный, космический гигант Арарат впервые породил у людей образ и идею недосягаемого и непостижимого Бога. Однако поскольку Арарат состоит из двух раздельных вулканических пиков, основой он мог послужить скорее для дуалистических культов. Но актуальный спор о том, какая из вершин, более высокая и гладкая, или более низкая и острая, соответствуют мужскому, а какая женскому Богу, можно оставить теологам и культурологам.

А вот в том, что Арарат стал для армян труднодостижимым, видится большой религиозный и философский смысл. Для жителей других стран это туристический и альпинистский объект, Гора Ноя, Гора Боли или просто Кривая Гора. Для жителей Армении это их главная и священная гора, которая им не принадлежит. Почти предельная, совершенная в своей многозначности аскеза.

Нам нужна «мифологически насыщенная» Федерация [30]

…Хочу поблагодарить всех наших организаторов и, в частности, Вадима Штепу — мэтра и регионализма, и регионалистики, т. е. деятеля и исследователя одновременно. И, возможно, несколько вразрез с тем, что он говорит о регионах и о необходимости их развития, хочу сказать следующее.

Строительство государства должно, наверное, основываться на хорошо проверенных и давно известных принципах, не имеющих непонятных элементов или аспектов. Тем не менее, эмпирический опыт нам подсказывает, что в последние десятилетия и особенно годы во всех областях человеческой деятельности, включая и государствостроительство, возникают все новые и новые феномены и практики, которые еще недавно не могли быть предсказаны. Возникает очень многое на стыке существующих жанров и дисциплин, междисциплинарность и межжанровость, возникают непривычные гибриды разных гуманитарных наук, как и «кентавры» гуманитарно-естественные, научно-художественные и прочие.

Это некий тренд, это объективный процесс, который происходит сейчас с человеческой цивилизацией. Возможно, то, что я хочу сказать, будет выглядеть второстепенным или десятистепенным на фоне более прагматичных докладов. Надеюсь, тем не менее, что мой взгляд на тему тоже может показаться вам заслуживающим внимания.

Заглавный вопрос сегодняшней дискуссии — «какая федерация нам нужна?». Мой первый ответ на него — федерация, *адекватно описанная*.

Объект, описанный неправильно, практически невидим («видимым» является не он, а его ложный образ). Такой объект не поддаётся ни конструктивному взаимодействию, ни эффективному управлению. Приведу простой пример первостепенной важности правильного описания, а заодно и продуктивности нетрадиционного подхода к феноменам государственного бытия. В данном случае — с точки зрения *зоософии*, исследующей смыслы, которые несут в себе животные образы в культуре. Зоософия, как подраздел философии (а точнее, в современном понимании — её модус), предсказанный Лоренцем Океном, актуализируется сейчас, более чем через два столетия.

Гербовый двуглавый орел, которого Россия позаимствовала

из старинной европейской геральдики, — это символ, основная структурная особенность которого (двуглавость) элементарным образом объясняет наличие у России застарелых проблем с Кавказом. Кавказ не хочет подчиняться тем способам, которыми с ними работает центральная власть. К нему приходится применять какие-то дополнительные опции (в жанре и кнута, и пряника) — иные, нежели по отношению к другим регионам страны. И всё равно эффективность удивительно невысока. Почему?

Что символизирует «анатомическая» схема двуглавого орла? Она репрезентирует взятую из европейской культуры ложную старинную концепцию, согласно которой мировые цивилизации парадигматически делятся на западные и восточные. Соответственно, «вместе им не сойтись». И действительно, в мировой науке гигантская по многообразию африканистика (в Африке не менее четырех автохтонных рас, сотни или тысячи языков) до последних десятилетий считалась частью ориенталистики, востоковедения; Институт стран Азии и Африки не слишком давно назывался Институтом востоковедения. Не в этой ли упрощённой концепции — источник управленческой катастрофы в Африке, причина появления именно там многочисленных *failed states*?

И здесь ясная аналогия с Кавказом.

На Кавказе десятки этносов, и очень многое в их ментальности близко не к восточным цивилизациям, но к цивилизации западной, а многое вообще невозможно описать в терминах «западного» и «восточного». Скорее, можно было бы считать это разновидностью «южного». Как бы то ни было, важно выйти из привычной ложной дихотомии, которая иллюстрируется и закрепляется образом двуглавого орла. Однако ситуацию с Кавказом по-прежнему определяет якобы универсальная формула «*восток — дело тонкое*»… Кавказ описывается и понимается неправильно, и поэтому не удаётся адекватно с ним контактировать.

А ведь уже полвека назад Роберт Макнамара говорил, что противостояние Юга и Севера теперь важнее, чем противостояние Запада и Востока. Но нет же, взор наш упорно обращён лишь на Запад и на Восток. Точнее, на воображаемый Запад и на воображаемый Восток.

Между тем, и центр с регионами, и регионы между собой могут плодотворно общаться только тогда, когда эти регионы описаны и понимаются адекватно. А в сегодняшнем контексте адекватность требует новизны в подходах. Пример с анализом двуглавого орла под углом зрения зоософии говорит о том, что нам необходимо учитывать подобную символику — зооморфную

или нет, не столь существенно. Существенно то, что геральдика содержит не только явные, но и скрытые важные смыслы, и нужно учиться их вскрывать.

А что уж говорить о том, когда геральдический или просто локальный культурный символ связан с образом животного, за которым в культуре закреплены определённые личностные смыслы, черты характера? Причём этот образ не обязательно закреплён в гербе или вообще в символике. Очевидно, что мы можем иметь дело с элементами современного тотемизма — кажущегося игровым, несущественным, но тоже влияющего на местную ситуацию. Потому что неототем, тотем игровой, даже пародийный — это всегда элемент управления: человек делегирует тотему управление своими свойствами и далее уже отчасти от него зависит.

Зооморфные образы становятся все более важными в современной культуре. Это объективный факт, распространение «звериных» аватаров (юзерпиков) в соцсетях тому подтверждение. Современное мышление характеризуется всё большим синкретизмом, усвоением всё новых технологических новшеств в сочетании с одновременной реактуализацией архаических элементов. И это отчасти магическое сознание органично вбирает в себя, как опцию, возможность «зоософической идентификации» человека или территории. Поэтому, скажем, избрание каким-то регионом для себя определённого геральдического животного или фантастического существа, как нового тотема, — весьма перспективная культурная игра на пути обретения регионом (как бы смешно это ни звучало) собственного лица.

Ещё немного о стране в целом. То, что тотем России — это по-прежнему медведь, не вызывает сомнений. Однако, судя по негативности ключевых устоявшихся выражений в русском языке, связанных с медведем — «медвежий угол», «медвежья болезнь», «медвежья услуга», «медвежатник», — идёт несомненное отталкивание от этого древнего образа. Мы неосознанно хотим сменить тотем.

Возможно, будущий тотем России — это не какой-то принципиально иной зверь (довольно любопытные варианты рассматривались нами на кастингах «Новый тотем для России»), а например медвежонок, как это было с символом Олимпиады-1980, снискавшим действительно народную любовь. Ведь образ ребёнка, пускай даже звериного — совсем другое дело, он не может отталкивать. Медвежонок ближе не к медведю, а к зайчонку, к тигрёнку, слонёнку. Дети не пожирают и не подавляют друг друга, они интернационалисты и демократы. И у них непропорционально большая голова, поскольку главная их

задача — познание мира.

Предположу, что как раз такая Россия нам и нужна.

Второй важнейший ответ на вопрос о том, какая нам нужна федерация, — федерация, «мифологически насыщенная».

Напомним о предложенной Элвином Тоффлером теории «трёх волн» в истории мировой цивилизации. На каждом из трёх этапов человечество приобретает некий новый уровень основного ресурса для своей жизнедеятельности. В течении тысячелетий первой, аграрной волны этим ресурсом была земля. В столетия волны индустриальной главный ресурс — это деньги, капитал. В последние десятилетия, в эпоху третьей, постиндустриальной волны главным ресурсом становится информация. Мы видим постепенное «абстрагирование» ресурса, его «субъективизацию». И пора признать, что мы стали свидетелями того, как возникает четвёртая, «мифопоэтическая» волна. Я условно называю этот процесс мифологической (мифопоэтической) революцией.

Зарождается эпоха, главным ресурсом которой является миф. За примерами далеко ходить не надо. Политика осуществляется всё больше путём политтехнологий. Судьбу политика или политического феномена определяет уже не объективная информация о нём, а создаваемый о нём миф. В экономике — те же чудеса. Все мы знаем, что независимо от качества товара он может удорожаться фантастически в разы только потому, что связан с сильным брендом. Но бренд, по сути, и есть управляемый миф.

Возвращаясь к нашей сегодняшней теме, произнесу относительно молодой термин: геопоэтика. Перед вами исторически первая антология по геопоэтике, выпущенная в этом году в московском издательстве «Арт Хаус медиа», составитель — ваш покорный слуга. Тридцать с лишним авторов из девяти стран, от Андрея Битова и Юрия Андруховича до Михаила Гаспарова и Дмитрия Замятина. Что такое геопоэтика? Если коротко — это работа с ландшафтно-территориальными (географическими) мифами. Создание новых мифов или обновление старых. В современной прагматичной формулировке — управление мифом, ландшафтно-территориальным мифом. Как видим, это совсем рядом с брендингом и ребрендингом регионов — тема, традиционно общая у нас с Вадимом Штепой.

Ни для кого не секрет, что туризм и сфера путешествий — великое будущее человечества. Для России с её космическими размерами это будущее тем более великое. А сильный бренд региона, устоявшийся содержательный и позитивный миф о нём — это залог стабильного притока туристов — как зарубежных, так и российских. А с ним — и притока денег в местный бюджет, как

и в семейные бюджеты местного населения. Миф — всему голова.

Но дело не только в экономике. Жить в регионе с уникальным мифом, ради которого приезжает всё больше туристов, уже не так скучно, чувствуешь себя немножко в центре мира. А ведь страна, состоящая из центров, сильнее, чем состоящая из провинций.

Сильный миф способен создавать силы притяжения не только финансового или политического свойства. Ментальность населения в таком месте становится более открытой внешнему миру и более склонной к культурной рефлексии. В конце концов, меняется локальная идентичность, интересными становятся сами по себе местные жители. Способность видеть своё место на карте, своё отличие от других формирует интерес и к себе, и к другим.

Сейчас в России местами идут спорадические процессы нового мифообразования. Ирина Прохорова упоминает в какой-то публикации забавный пример. В провинциальном городке Мышкин создан Музей мыши — первый и единственный в стране. Понятно, как много это даст городу в плане и туристическом, и экономическом, и культурном (хотя, казалось бы, ну, мышь, и что с того?). Он отчасти перестанет быть провинцией. Прохорова называет это «созданием новых традиций». Мне кажется, здесь был бы уместнее термин «мифогенез» или, ещё точнее, поскольку процесс осознанный и целенаправленный, — «мифопоэтика».

Так что я призываю россиян к повсеместному геопоэтическому творчеству — к мифопоэтике на местах. К созданию интересных и разнообразных новых мифов о своих малых родинах и к актуализации и обновлению мифов, существовавших ранее. Основной инструмент в этой работе — культурные события, желательно повторяющиеся: фестивали, хэппенинги, перформансы, конференции, привязанные к определённой площадке, миф о которой вы хотите изменить. Это проективная геопоэтика. Мы начали первые эксперименты в этом жанре в 1993–1995 годах — в Крыму и на острове Тузла, позже переместились в Москву.

В течение исторических пертурбаций XX века население России было отчуждено не только от своей земли, от своей физической географии, но и от своей геопоэтики и метафизики, от своих региональных мифов и возможности их развивать. Мифологизировалось государство в целом, а мифологическая карта регионов постепенно гомогенизировалась, становилась всё менее пёстрой и интересной.

Я не слишком в восторге от фильма «Овсянки» с чисто художественной точки зрения. Но его появление, как и появление книги, по которой он сделан, как мне кажется, отражает важную тенденцию — нового мифотворчества, произвольного мифогенеза

на местах. Материалом для новых мифов могут быть и привнесённая фактура внешнего свойства, как в случае с городом Мышкин (там и компьютерные мыши задействованы, разумеется), и внутреннего свойства, как угро-финнский языческий фольклор в «Овсянках», — хотя в данном случае он, видимо, целиком придуман заново. А то, что крупный мифо-поэт Квентин Тарантино, как говорят, аплодировал фильму стоя, говорит о том, что пойман правильный тренд — включения в современную мифологию фактурной архаики, забытых этнических традиций.

В связи со своей сегодняшней темой, помимо уже названных имён Битова и Замятина, я бы хотел назвать Владимира Каганского. Это главный, концептуальный путешественник в России, географ-теоретик и географ-практик. Вот кто может правильно описывать регионы. Далее, нельзя не упомянуть филолога Владимира Абашева (Пермь). Он автор первой региональной книги по геопоэтике — «Русская литература Урала: проблемы геопоэтики», которая выпущена в прошлом году. Процесс, что называется, пошёл, и, я думаю, его уже не остановить.

А разговор о Перми сегодня невозможен без упоминания имени Марата Гельмана. Заметим, это далеко не первый его геопоэтический проект. Лет, наверное, десять назад состоялась первая «Культурная столица» — питерский вариант альтернативного центра. Ещё раньше — фестиваль землячеств «Москва — Территория 2000» и «Неофициальная Москва» в 1999-м, с которой начались его эксперименты с выращиванием новых географических мифов и модернизацией старых.

С другой стороны, Николай Полисский. Художник, который «идёт в народ» и создаёт новую местную мифологию и новую идентичность. Жанр лэнд-арта — в сущности, «практическая геопоэтика» — существует в мире уже с полвека, но у Полисского с его циклопическими инсталляциями в парке «Никола-Ленивец» лэнд-арт впервые становится народным искусством. Жители окрестных сёл — его соавторы. Это поворот в истории мировой культуры, я считаю. И это всё происходит в России: хотя бы в чём-то мы не отстаём от Запада, а очевидно опережаем.

Таким образом, ключевые слова, которые бы я хотел повторить в заключение, — это кентаврические термины *геопоэтика, зоософия, неототем, мифопоэтическая революция*. Понятия, кажущиеся зыбкими, но приобретающие всё больший вес у нас на глазах.

Правильное описание России и адекватное описание регионов — это сейчас самая актуальная и болезненная тема. И соответственно, чрезвычайно важны процессы регионального

мифогенеза. Регионы должны становиться всё более непохожими друг на друга, более контрастными, как в «фотошопе» с помощью простой функции контрастирования. Так они будут лучше видеть друг друга и более плодотворно взаимодействовать. Увеличивающиеся культурные различия, различия местных менталитетов, идентичностей должно сильнее сблизить между собой регионы, сделать их взаимодействие более содержательным. И одним из главных факторов здесь будет являться ландшафтно-территориальный миф и умение с ним работать.

Ну, и вообще, ведь путешествовать по однообразной стране невозможно.

Будущее как опечатка
Муки новой антропологии [31]

Снится мне, что мне снится, как еду по длинной стране…

Сергей Гандлевский

Я не хочу назад в матрёшку.

Игорь Лёвшин

…Потом приходит смерть, подобно заре, и ты просыпаешься, смеясь над тем, что считал своей скорбью.

Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми

«НИКОГДА НИЧЕГО НЕ БУДЕТ». — «НЕТ ВООБЩЕ НИЧЕГО, ЧТО „БУДЕТ“». — «ЕСТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НАС БУДИТ». — «И ЭТО НИКАКОЕ НЕ „БУДУЩЕЕ“». — «ПОТОМУ ЧТО ВСЁ, НАС БУДЯЩЕЕ, ЭТО ПРОСТО НАСТОЯЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ».

Так, путём обмена телеграммами между Северной Америкой и Восточным Крымом, мы с удалённым коллегой N. N. набросали в 1995 году новую концепцию феномена Времени. Товарища ждали на очередном, третьем Боспорском форуме современной культуры в качестве единственного заокеанского гостя, и мне хотелось, чтобы его долгожданный приезд стал победой не только над Географией, но и над Историей.

Давно забытый, вытесненный другими наработанными с тех пор теориями и практиками, этот конструкт всплыл в памяти в начале 2014 года, когда в Украине начал болезненно обостряться внутриполитический конфликт. Но об этом чуть позже.

Глава 1. БЕСКОНЕЧНЫЙ ИСХОД

Через пару лет после той переписки вдруг выяснилось, что континенты связаны не только телеграфом.

И вот, осваивая Интернет, я обратил внимание на некую

странность в тогдашней юзерской лексике. Для подключения к Сети использовалось выражение «*выйти в Интернет*»; оно и сейчас в ходу. Всемирная Паутина лексико-метафорически сближалась с Космосом. Обратный процесс, однако, описывался отчего-то тем же глаголом: «*выйти из Интернета*». Т. е. к концу сеанса веб-космос сужался примерно до габаритов рабочего кабинета или собственно компьютера, и покидать его приходилось в том же направлении, что и в него попадать. Становясь вроде бы «обратным», движение оставалось при этом центробежным.

Меня радовало и почему-то слегка тревожило, что контекст моей жизнедеятельности регулярно, и всякий раз «необратимо», менял своё качество по отношению ко мне. Вот я выхожу из замкнутой физической Реальности, как из запертого помещения, в разомкнутую Виртуальность… А вот снова выхожу — но уже ИЗ интернета, как из ограниченного пространства, обратно в неограниченную Реальность.

За время пребывания в Сети окружающая виртуальная бесконечность уплотнялась по краям, и возникала некая стенка или оболочка, которая через некоторое время начинала теснить, «жать в плечах». Психологическая усталость, или действие фундаментального закона развития живого?.. У раков, кузнечиков и многих других членистоногих после линьки идёт бурный физический рост, пока очередная хитиновая оболочка, первоначально мягкая, не затвердеет и начнёт сдерживать рост, после чего происходит новая линька.

Обычное возвратно-поступательное, челночное, вроде бы, движение между двумя фазами (Реальность <=> Виртуальность) превращалось в одностороннее перемещение по цепи состояний, каждое из которых оказывалось расширением пространства по отношению к предыдущему: Реальность => Виртуальность => Реальность* => Виртуальность* => Реальность** => Виртуальность**… Меняя фазу, всякий раз по сравнению с прежней фазой я выходил в надсистему.

Дурная бесконечность «исходов» поначалу забавляла, потом приелась, а позже забылась.

Но в последние годы у меня снова стало временами появляться то давнее диковинное ощущение, что вот, — вылез я наконец на свободу из какой-то огромной матрёшки, любуюсь красками неба… И вдруг понимаю, что небо намалёвано на внутреннем куполе головы другой матрёшки, ещё более огромной, и из неё тоже нужно вылезать.

(Здесь брезжит подтверждение давней догадки о том, что и космическое пространство будет человечеству со временем

теснить. Выйдя в открытый Космос, через некоторое время мы будем ощущать потребность *выйти из Космоса*. Но я сейчас не об этом.)

Красивой иллюстрацией к вышеописанному концепту мог бы быть литературный сюжет, например, на библейскую тему, где иудеи, освободившись из египетского или вавилонского плена, вдруг со временем обнаруживали бы, что свободное пространство, куда они вышли жить — это всё ещё Египет/ Вавилон. Но после нового исхода со временем убеждались, что расширенное свободное пространство — это всё тот же (точнее, всё новый и новый) Египет/Вавилон.

Собственно, сюжет этот уже частично отработан растафарианцами, у которых Вавилон («символ прагматичной западной цивилизации, метафора угнетающей и порабощающей силы») имеет вполне ойкуменские, т. е. вселенские размеры.

Глава 2. СРЫВАНИЕ МАСОК НОН-СТОП

От N. N. долго не было писем, он жил тогда в Лос-Анджелесе и имел неприятную привычку замолкать на месяцы, а то и на годы. Между тем, пора было вносить в готовящийся к печати буклет Боспорского форума конкретные темы выступлений. Поэт Андрей Поляков предложил проблематизировать нашего друга каким-нибудь оксюмороном, а он уже пусть сам выпутывается. «Но как подобрать подходящий оксюморон?» — тупя, спросил я композитора Алексея Блажко. «Как это „как“?.. — удивился Лёлик. — Конечно, *от балды*!» Я внял совету, и анонсировал в программе доклад N. N. с бескомпромиссным названием: «БУДУЩЕЕ КАК ОПЕЧАТКА».

Вскоре, однако, наш друг отозвался, и процитированный выше межконтинентальный мозговой штурм приблизил нас к осознанию будущего как *будящего*.

..Ни «будущего» как предстоящего, ни «прошлого» как объективированного архива, по сути, не существует. А «настоящее» — это только беспрерывный процесс пробуждения, освобождения сознания от сменяющих друг друга иллюзорных снов. Перманентный переход в новую (корректируемую) реальность, с тем чтобы, однако, вскоре распознать и эту реальность как очередную иллюзию, некорректную картину мира. И расстаться с ней ради обновлённой реальности, сперва тоже покажущейся единственно точной.

Упрощённо говоря, каждое наше пробуждение по утрам — это избавление от сна, которым была не только эта ночь, но

вместе с ней и вся целиком наша предыдущая жизнь. А заодно и вся история земной цивилизации и происхождение Вселенной.

В фильме «Матрица» показано двухфазовое челночное чередование сна (виртуальная реальность) и бодрствования (реальность физическая). Это, конечно, художественное упрощение. На самом деле мы находимся не в Matrix, а в Матрёшке. Точнее, в бесконечном множестве концентрических матрёшек сна, которые открываются поочерёдно. Но всякий раз новая физическая реальность потом тоже оказывается виртуальной, т. е. сновидческой.

Под «сном», сновидением в боспорском концепте Времени подразумевается, собственно, миф о мире, картина мира, которая всегда неточна, но способна постепенно (бесконечно?) корректироваться, «субъективно становясь всё более объективной».

В повести Станислава Лема «Футурологический конгресс» описана именно такая ситуация: по ходу действия Ийон Тихий осознаёт, что окружающий мир со всеми подробностями — это галлюцинация, созданная масконами, специальными маскирующими реальность таблетками, которые он, оказывается, регулярно пьёт. Однако, отринув галлюциногены, через некоторое время он понимает, что реальность, в которую он «вернулся» — тоже виртуальная, на самом деле он продолжает принимать масконы… И так далее.

Наглядным шаржем на «срывание масок с реальности» могут быть популярные русские экспортные сувениры, несущие в себе мощный философский заряд — одновременно и смирения, и сарказма, и ещё Бог знает, чего. Речь о наборах вкладывающихся одна в другую матрёшек с физиономиями тузов отечественной истории, где внутри Путина обнаруживается Ельцин, внутри того — Горбачёв, и далее по списку…[32]

(А ещё мне когда-то нравилась книжка о России польской публицистки Кристины Курчаб-Редлих «Пандрёшка», где тот же игрушечный образ контаминировался с ящиком Пандоры. Впрочем, я опять отвлёкся.)

..Итак, существует только Настоящее («*есть только миг*…») как бесконечная очерёдность наших пробуждений внутри него: каждый раз мы обнаруживаем, что оно *не совсем настоящее,* и сбрасываем эту ненастоящесть, как шкурку.

Из этих отпадающих и удаляющихся шкурок и состоит «прошлое». Оно тянется за нами шлейфом, как испаряющийся с поверхности кометы газ, составляющий собою её вытянутый и рассеивающийся на конце хвост.

А каждая очередная фаза пробуждения, новая, приходящая

всякий раз «наконец-то», «подлинная» реальность — это и есть то самое наше *Будящее*.

Время не только анизотропно, то есть «различно по свойствам в разных направлениях». Оно вообще атропно: направления, откуда или куда оно движется, не существует. Принято шкалу времени рисовать как условную прямую, где точка посередине — момент Настоящего, от которого вперёд направлен луч Будущего, а назад луч Прошлого. По нашей теории, это схематическое изображение Времени как бесконечной прямой (или кривой, не важно), вдоль которой движется наше рефлектирующее сознание — становится бессмысленным.

Нашу жизнь во «времени» (увы, кавычки весьма желательны) точнее было бы изобразить как бесконечно шелушащуюся луковицу — или, поскольку жизнь у нас не всегда растительная, того же линяющего рака/кузнечика, здесь уместнее зоософия. Регулярно отпадающие и, по сути, исчезающие в т. к. данные живые оболочки не претендуют на какую-либо самоценность, играя лишь вспомогательную (транспортную и защитную) роль. Их последовательность принципиально конечна, и по своей функции близка к многоступенчатой космической ракете-носителю.

никуда наружные оболочки — это всё новые и новые сны о реальности, которые мы постоянно[к] отбрасываем ради очередной «настоящей реальности», которая скоро окажется пустой оболочкой и тоже будет отброшена.

…Тогда, в 95-м, в подтверждение концепта нам вспомнилась масса литературных сюжетов и цитат, от строчки из Гандлевского — «*Перспектива из снов: сон во сне, сон во сне, сон во сне…*» — до вышеупомянутого эпизода из «Футурологического конгресса» и лейтмотива повести братьев Стругацких «Обитаемый остров». Юный разведчик космоса Максим Каммерер, попав на чужую планету, лишь постепенно, путём трудных ошибок и травмирующей утраты иллюзий, проникает в тайны бытия местных жителей. Поочерёдное срывание масок с реальности сопровождается зигзагообразной сменой социальных ролей героя, что отражено в заглавиях частей повести: «Робинзон»; «Гвардеец»; «Террорист»; «Каторжник»…

Глава 3. УКРАИНСКАЯ АПОРИЯ

Как я уже говорил, яркой иллюстрацией к боспорскому концепту мне показалось сегодняшнее положение в государстве по имени Украина. Ассоциация довольно поверхностная и,

возможно, просто ошибочная, но она, тем не менее, напрашивалась.

..Страна, находящаяся физически в Европе, озаботилась вопросом, находится ли она там метафизически. Условная «половина населения» страны (мы сейчас не о точных пропорциях) уверена, что — да, и намерена приложить усилия к формальной фиксации этой принадлежности, а многие даже готовы рисковать для этого здоровьем и жизнью.

Вопрос при этом ставится на диво бескомпромиссно: сближение только с Европой, но не с Россией. Притом что вторая «половина населения» так же безальтернативно и отчаянно отвечает: только Россия, только не Европа!

Основатель Крымского геопоэтического клуба и уроженец благословенного полуострова, в преддверии точки исторической бифуркации под названием «референдум в Крыму» я нервно созванивался и переписывался с земляками и одновременно с украинскими коллегами. Прилежно пытался разобраться в генезисе крымского и восточно-украинского сепаратизма.

Никакой бифуркации, то есть неопределённости, разумеется, не было, был недвусмысленный выбор — пусть не заявленных «96 %» населения, но всё же, судя по всем наблюдениям, значительно больше его половины. Почему так произошло, и почему Восток Украины местами пробует двигаться в ту же сторону?

Моё видение истории вопроса, в итоге, заключается в следующем.

Почти весь постсоветский период этническая политика киевской власти основывалась на устойчивом представлении, что русскоязычное население Украины, ввиду его имперского (в самодержавном ли, в советском ли модусе) происхождения, является как бы менее качественным, чем украиноязычное — как минимум, в культурном плане. Ведь имперское государство и имперский менталитет даже большинством историков признаются более архаичными по сравнению с государством и менталитетом национальным — почему бы не считать их и заведомо менее гуманными и демократичными?

По-видимому, в основном по этим соображениям на русскоязычных территориях Украины масс-медиа, деловая документация, рекламная продукция, образовательные учреждения понемногу переводились на более качественный язык — украинский. По той же причине из двух основных частей населения страны только у одной — аутентичной, коренной, более ценной — язык получил статус государственного. О равенстве прав, о симметричных свободах в отношении другой

крупной части населения даже говорить считалось неприличным. К тому же предполагалось, что введение русского языка как второго государственного подвергнет украиноязычную культуру некой особой опасности, — которая культуре русскоязычной при аналогичных обстоятельствах почему-то не угрожает.

Менее ценная часть населения поддастся размыванию этнической идентичности уже в силу низкого качества своей культуры, её вторичности, и со временем примет новую, коренную, хорошую идентичность. А если, паче чаяния, окажет сопротивление — за ней придёт и заберёт её из страны заинтересованная внешняя сила[33]. Не склонная к рефлексии и уверенная, что решает при этом лишь свои собственные задачи.

Как известно, если не удаётся что-то подавить, его можно попросту выдавить. А страна с вырезанным силами соседей больным «аппендиксом» становится не только очищенной от скверны, но и — формально — жертвой насилия, и может законно рассчитывать на всё новые международные преференции.

Я сам, к стыду своему, происхожу из этой второсортной прослойки. Вероятно, поэтому мне недостаёт интеллектуального ресурса, чтобы постичь фундаментальное антропологическое различие между украиноязычной и русскоязычной культурами Украины. Ни работа над собой, ни интернет-общение с национально продвинутыми писателями вроде Ивана Андрусяка, Ильи Стронговского и их единомышленников ни к чему не привели: я в упор не вижу между двумя культурами никакой духовной иерархии. Эти взаимоотношения по-прежнему чудятся мне горизонтальными.

По этой же причине представление решающего сегмента литературной и политической элиты Украины о русскоязычных украинцах как о согражданах в чём-то второразрядных кажется мне корпоративной легендой, конвенциональной образной системой. Мифологемой, устойчивой ввиду одной только выгодности её для носителей. Разноязычные культуры внутри общей территории обречены на конкуренцию, пусть даже в слабой форме, а закрепление за одной из них особых привилегий называется по-научному тенденцией к этнократии. Отказаться от такого соблазна, наверное, очень трудно.

Но что такое есть «устойчивое представление», т. е. миф? Согласно боспорскому концепту Времени, это «сон», «иллюзия», эфемерная картина мира, матрёшечная ментальная оболочка, завтра неизбежно корректируемая и отбрасываемая, и лишь сегодня кажущаяся единственно корректной.

И вот русскоязычная «условная половина» населения Украины, видя особое уважение к ней и к её гуманитарным

запросам со стороны своего государства, пребывает в аналогичном, отзеркаленном мифе, считая украиноязычную культуру агрессивной, «некультурной», фашизоидной и т. д. И в силу, конечно же, собственной непродвинутости и архаичности, пытается сопротивляться украинизации и утвердить родной язык в своих медиа, образовании, делопроизводстве…

(Речь здесь не о последних месяцах, когда исподволь взращиваемый конфликт перешёл в открытую взрывоопасную фазу с долгожданным силовым участием извне, а как минимум о 20 последних годах — о фазе латентной. Я не говорю о Евромайдане, там сплелось слишком много разнонаправленных векторов и факторов, и большинство стоявших там, совершенно очевидно, выступали не за гегемонию одной этнической культуры, а за справедливость, и против предельно обнаглевшей власти.)

..Первая же половина, в свою очередь, даже мысли не допускает, что дерзкое сопротивление второй половины принудительному облагораживанию есть проявление той же элементарной любви к свободному выбору, того же инстинкта свободы, который позволил самой украиноязычной культуре сохраниться в течение столетий её подавления в рамках иноязычных держав.

* * *

..И вот две части страны видят друг о друге замечательные сны. Собственно, это один и тот же сон, в двух зеркально симметричных вариантах. Сновидение о том, что контуры подлинного, качественного человеческого пространства этой страны — разительно у́же, нежели её очертания на карте Европы. Несущественные различия двух вариантов сна заключаются в уточнении, где́ именно живут лучшие, более ценные её граждане.

И что-то подсказывает мне, что если население страны не очнётся наконец от этого дуалистического, манихейского по сути мифа, не узнает в своём внутреннем визави самого себя[34], то у этой страны нет никакого будущего. В этой догадке никакой мистики: всё та же примитивная игра с корнесловием. Просто давняя опечатка, послужившая грубоватым герменевтическим инструментом.

Ведь если вы одним прекрасным утром не пробудились, то с высокой степенью вероятности можно утверждать, что будущего у вас нет.

* * *

А наш американский друг, кстати, на Боспорский форум так и не приехал. И вообще не отзывался — ровно до самого его закрытия. Так что отдуваться — готовить и читать доклад за N. N., и от его имени! — пришлось автору этих строк. О чём, честно говоря, не особенно и жалею.

В завершение мне, непонятно почему, вспоминается финал киношедевра «Калина красная», где Пётр Байкалов, шурин протагониста, утопив в реке машину с его убийцами, выбирается из самосвала, словно из матрёшки, словно из собственного черепа — и в прострации сидит над водой на кабине, обхватив голову руками.

Крым, Украина, Россия: призрачный шанс [35]

«Век политиков кончился, вместо геополитики приходит геопоэтика. Если её первым полигоном стал Крым, этот шов материка и моря, запада и востока — это тоже лишь естественно…»

М. Гаспаров, 1996

Драматические европейские события последних месяцев, связанные с судьбой полуострова Крым и страны Украина, помимо прочего, характеризовались крушением определённых культурных утопий, к формированию которых имел отношение в своё время и автор данной статьи. Но ответственность за то, что произошло, тоже лежит отчасти и на нём.

1. ТРИ ГЕОПОЭТИКИ

Сперва о терминологии. Я исхожу из того, что современные культурные реалии зачастую представляют собой пограничные явления, в которых сталкиваются ранее не связанные друг с другом элементы. Это требует обновления лексики, их описывающей: смещение ракурса на предметы исследования полезно для обнаружения «мёртвых зон», «слепых пятен», которые не попадали раньше в поле внимания[36]. Новая антропология требует новых «точек сборки».

В последние десятилетия в мировой гуманитаристике произошёл сдвиг исследовательского интереса от исторического подхода к подходу географическому или топографическому. Этот сдвиг принято называть «пространственным поворотом» (space turn). Концепт геопоэтики развивается в рамках именно этой тенденции.

Понятие «геопоэтика» охватывает несколько частично пересекающихся семантических сфер, которые возникали, дополняя одна другую, в последние три десятка лет. Основные направления в геопоэтике, и соответственно, этапы её развития, следующие.

1) **Художественная геопоэтика**. В 1980-х годах во Франции

слово «геопоэтика» (но ещё не строгий термин) ввёл в употребление поэт и эссеист шотландского происхождения Кеннет Уайт (Kenneth White). Он избегал давать предложенному понятию чёткое определение, уточняя лишь, что она «противоположна геополитике», и использовал его скорее как конвенциональный «маркер» особого эколого-мистического отношения к планете Земля, к её ландшафтам и территориям. Геопоэтикой Уайт также называл и художественные тексты на эти темы. Это явление выглядело «литературным продолжением» глобального молодёжного эзотерического движения New Age.

2) **Прикладная геопоэтика**. В середине 1990-х в Крыму, на Боспорском форуме современной культуры, где участвовали писатели, художники и учёные из Украины, России и других стран, была выдвинута концепция прикладной, или проективной геопоэтики. Деятельная «крымская» геопоэтика подразумевала создание (путём реализации экспериментальных культурных и научных проектов) новых ландшафтно-территориальных мифов, либо корректирование мифов старых, давно сложившихся. Мы публиковали исследовательские тексты, где анализировали и теоретически обосновывали новые культурные (мифопоэтические) практики. В 1995 году был создан *Крымский клуб в Москве*, или Крымский геопоэтический клуб — экстратерриториальное продолжение Боспорского форума.

1А) **Художественная геопоэтика с элементом геополитики**. В начале 2000-х годов термин подхвачен, со ссылкой на Крымский клуб, украинским писателем Юрием Андруховичем. Он публикует в киевской прессе цикл «Геопоэтика» — эссе, направленные на переориентацию своей страны с «Востока» (Россия) на «Запад» (Европа, США). Геопоэтика Андруховича — ответвление художественной геопоэтики Кеннета Уайта, с добавлением политической сверхзадачи. В этот же период цикл очерков под тем же названием, но с противоположным — постимперским — элементом публикует в России географ Дмитрий Замятин. Так геопоэтика частично «вернулась» в лоно геополитики.

3) **Научная геопоэтика**. С середины 2000-х термин приходит в научную среду — начиная с немецкой и российской гуманитаристики. В Германии центром геопоэтических исследований становится Берлин (филологи Сильвия Зассе, Магдалена Маршалек, Сузанна Франк), в России — город Пермь (круг филолога и культуролога Владимира Абашева). Последнее объясняется особым обилием на Урале «географически» и «геологически» ориентированной художественной литературы. Первая профильная диссертация в России защищена в

2008 году: Алёна Подлесных, «Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале».

Общее определение для этого странного триединства геопоэтики можно сформулировать так: «работа с ландшафтно-территориальными (географическими) образами и/или мифами». Очевидная несовместимость трёх концепций не мешает, но наоборот, парадоксальным образом помогает лучше понять геопоэтические феномены в их цельности. И вообще увидеть их, как именно геопоэтические.

2. ГЕОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КРЫМА

Напряжённость отношений между разными частями населения Украины, приведшая в 2014 году к острому внутреннему политическому и даже военному конфликту, сложилась достаточно давно. Я увидел её как серьёзную проблему в 2008 году, когда на год переехал из России в Украину и стал активнее, чем раньше, общаться с представителями русско- и украиноязычной интеллигенции из разных регионов страны. Их взаимонепонимание и трагическая разница в видении будущего своей страны побудили меня провести в Киеве геопоэтическую дискуссию о месте Крыма в украинском контексте, с участием известных деятелей культуры.[37] Судьба Крыма волновала меня особенно остро: с этнической точки зрения это наиболее русскоязычный, инородный регион Украины, кроме того, полуостров — моя родина и место моей научной работы в молодые годы.

Особенно интересный взгляд на проблему озвучил писатель Сергей Жадан, отметивший «непрописанность Крыма в украинской литературе», то есть немногочисленность текстов на украинском языке, связанных с полуостровом[38]. Развивая его мысль, я предположил, что для снятия ментальной конфронтации «двух Украин» украиноязычным писателям стоило бы дружить с писателями крымскими, больше ездить в Крым и о нём писать. В выступлении была процитирована, как симптоматичная, самая известная в современной украиноязычной поэзии строчка о Севастополе, где высказывается уверенность в предстоящей гибели его жителей, которые названы «москалями»[39], то есть «россиянами»[40].

Таким образом, с точки зрения «художественной» геопоэтики, Крым оказывается изначально исторически оторванным от Украины. С точки зрения геопоэтики научной и геопоэтики прикладной наблюдается та же унылая картина.

Исследований Крыма, в каком бы то ни было научном аспекте, на украинском языке было опубликовано очень мало. А проходившие на полуострове события, связанные с украиноязычной художественной культурой (литература, музыка, театр и т. д.), не привели к формированию новых геопоэтических мифов (территориальных брендов[41]). Аналогично, мероприятия мультикультурного формата в Крыму не сумели привлечь к себе украиноязычных авторов в такой мере, чтобы это закрепилось в виде устойчивого представления о «диалоге культур». Например, Юрий Андрухович, с 1990-х годов считавшийся главным «послом» украинской литературы, многократно обещал нам принять участие в Боспорском форуме современной культуры. Но всякий раз в последний момент возникало совпадение по датам с каким-то более важным мероприятием в Германии, в Польше и т. д. Лишь на 5-м Боспорском форуме в 2013 году мы увидели трёх писателей из западной Украины — Марианну Кияновскую, Галину Петросаняк и Владимира Ешкилева. Двое последних представляли в рамках Форума «станиславский феномен» — многочисленную и яркую литературную плеяду, сложившуюся в последние 20 лет в Ивано-Франковске и сделавшую этот провинциальный западноукраинский город литературной столицей страны.

До визита этих долгожданных гостей у меня возникала даже рискованная гипотеза: «*украинские писатели не хотят приезжать в Крым, чтобы его невзначай не полюбить*». Конечно, визит в Крым, знакомство с его великолепными пейзажами и живое общение с местными интеллектуалами (столь же гостеприимными, как и интеллектуалы Западной Украины)

ещё не гарантирует зарождение у гостя любви к этой земле и к этим людям. Но вероятность такого поворота резко возрастала бы. А с ней и возможность появления новых украинских текстов о Крыме, то есть — дополнительная (геопоэтическая) связь между разными частями страны. Связь, которая могла бы послужить сохранению её целостности.

Вслед упомянутой киевской дискуссии я опубликовал в общеукраинской газете «24» очерк «Масаи Крыма и Галиции[42]», где развивал свои соображения, подчёркивая, что «литераторы наводят мосты гораздо лучше, чем политики»[43]. Были также и другие публикации в этом направлении[44]. Однако после финансового кризиса 2008 года мне пришлось вернуться в Москву, и в дальнейшем, увы, я задумывался на эти темы всё реже.

Только в начале 2014 года, видя, как накопившееся за долгие годы, не снятое вовремя социокультурное напряжение в Украине

оборачивается смертельно опасным взрывом, я вновь обратился к больной проблеме. Но было уже слишком поздно.

3. КРУШЕНИЕ ГЕОПОЭТИЧЕСКИХ УТОПИЙ

В начале статьи я упоминал о крахе новых культурных утопий. Речь идёт прежде всего о концепте «перехода человечества от примата геополитики к примату геопоэтики» (т. е. от эпохи амбиций власти к эпохе творческих амбиций: гр. poietikos — «творческий»), которую с самого своего возникновения постулировал Крымский геопоэтический клуб. На сайте Клуба www.Liter.net, открытом в Интернете в 1999 году, утверждалось, что «дискурсу „воссоединения Украины с Россией“ Клуб противопоставляет геопоэтический диалог». Подчёркивалась установка на европейскую ценность — «нерушимость сложившихся к настоящему времени государственных границ», и на то, что напряжения, которые создаются неполным соответствием социокультурных и политикоэкономических реалий этим границам, общество может снимать неполитическими способами. Помимо межкультурного диалога и «народной дипломатии», воспринимаемых как универсальная панацея в этом трудном деле, подразумевалась игровая и даже пародийная основа для такого диалога. Мы пользовались также концептом «поэтократии», выдвинутым в начале XX века норвежским историком Эрнстом Сарсом.

Но уже очень похоже на то, что в целом мы проиграли.

Между тем, по фантастически удачному стечению обстоятельств, в начале 1994 года к руководству совета министров Крыма был привлечён близкий нам по духу и идеологии человек, крупнейший российский учёный-экономист Евгений Сабуров. Уроженец Крыма, он после окончания МГУ в 1970 году остался в Москве. И там уже в 1970–1980-х годах был признан одним из наиболее интересных современных русских поэтов. Появление в руководстве Крыма этого яркого автора — писателя, исследователя, мыслителя, управленца-практика, убеждённого либерала и антикоммуниста — вселило в меня надежду на то, что родной полуостров станет экономически успешным, не выходя из состава Украины.

Между прочим, замечу, что правление Сабурова представляло собой редкий в мировой истории чистый случай поэтократии, хотя и не первый на нашем полуострове: у крымских татар была традиция, заключавшаяся в том, что хан (правитель) обязательно должен быть хорошим стихотворцем.

«Современное государство должно становиться удобным и незаметным для своих граждан», — наивно рассуждали мы. Так возник наиболее, конечно, утопический наш продукт — «программа превращения Крыма в мировой культурный полигон», т. е. в экспериментальную площадку для испытания и внедрения новых идей и тенденций в мировом искусстве, науке, образовании и т. д.

Увы, уже первые хозяйственные успехи Крыма под руководством Сабурова оказались нежелательными для неких инстанций. Меньше чем через год учёный был вытеснен с должности и вернулся в Россию. С тех пор за 20 лет ничего хорошего с Крымом в составе Украины не происходило. Полуостров становился всё более нелюбимым пасынком для страны. А я уже через год после отъезда Сабурова, в 1995 году — ведомый то ли амбициями покорения столиц, то ли малодушием, — покинул родной Крым и поселился в Москве.

4. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Что же делать в нынешней ситуации? Я уверен, что если направить наконец усилия на содействие персональным контактам деятелей литературы и искусств из противоположных полюсов Украины, их географическому взаимодействию, рано или поздно это отзовётся расцветом геопоэтического творчества — тем, чего трагически не хватало в стране до сегодняшнего дня. Геопоэтические связи напрасно кажутся нам зыбкими и эфемерными. В сочетании с другими факторами они могут создавать мощное «магнитное поле», позволяющее многое сохранить. Недаром научная геопоэтика наибольшее число авторов привлекает к себе именно в Германии: эта страна до сих пор не смогла полностью ментально воссоединиться после её разделения в XX веке. А ведь территории Украины остались ей от европейских империй, враждовавших между собой. Поэтому она внутренне разделена (ментально и геопоэтически) гораздо сильнее, чем Германия.

Однако на возможность возвращения Крыма в состав Украины я смотрю скептически.

Не только потому, что население Крыма в большинстве своём было очаровано идеей перехода полуострова в состав России — и вряд ли быстро разочаруется в своих ожиданиях (хотя отталкивающая бюрократическая машина империи на фоне новых трудностей от международной изоляции легко может ускорить этот процесс). Я не верю в то, что решающее ядро украинской

элиты — политической, да и интеллектуальной — на самом деле хочет возвращения в организм страны этого уже вырезанного чужеродного органа. Уже три-четыре года назад в украинской прессе стали появляться интервью с Юрием Андруховичем, где он призывал украинцев готовиться к распаду страны и уходу Крыма из её состава. Андрухович — крупнейший геопоэт Украины, один из наиболее авторитетных экспертов по национальному строительству, подвижник — подавал эту будущую хирургическую операцию как необходимую фазу для «формирования украинской нации» (поскольку трудности консолидируют)[45].

Более вероятным представляется дальнейшее сохранение Крыма в составе России — скорее всего, сопровождаемое усилением международных санкций и, соответственно, бытовых трудностей для крымчан. Здесь следует отметить, что благодаря более чем двухсотлетней истории взаимоотношений России с Крымом, количество русских художественных текстов о полуострове настолько велико, что культурологи давно предложили теорию «крымского текста в русской культуре»[46]. Геопоэтическая связь Крыма с Россией несоизмеримо сильнее, чем с Украиной.

Но ситуация не кажется мне абсолютно безвыходной. Я вижу шанс на то, что под давлением как снаружи (со стороны мировой общественности), так и изнутри (со стороны крымской и российской интеллектуальной элиты) Россия предпримет усилия по международной легитимизации нового статус-кво — путём дипломатических переговоров и, вероятно, каких-то новых экономических договорённостей с Украиной.

В завершение процитирую давнюю публикацию — о том, что «на своем авторском вечере в Крымском клубе в Москве 20 июня 1997 года Василий Аксёнов высказал, в частности, предположение, что Украина могла бы Крым России просто продать, — дело только в цене вопроса». Аксёнов — один из крупнейших геопоэтов в русской литературе, благодаря одному только знаменитому роману «Остров Крым». Остаётся надеяться, что геопоэтика сумеет отыграть свои позиции в новом поединке с геополитикой.

Континенты и концепты

Африканская призма[47] (Аполлон Давидсон[48] о Николае Гумилёве)

«Образ Гумилёва сопровождал автора этой книги всю жизнь. С гумилёвских стихов ещё в детстве началось его увлечение дальними странами и затем переросло в профессию». Если существует реинкарнация, то эта книга может рассматриваться как художественное, путём популярного текста, исследование предыдущей собственной жизни. Два разных человека с крайне разными судьбами — романтичный и инфантильный поэт-акмеист, «невольник чести» и маститый учёный, крупнейший знаток истории и сегодняшней жизни Чёрного континента — имеют столь тонкую общность во внутреннем жизненном стержне, в вибрации романтического чувства, в изнурительном фиксировании внутреннего взгляда на отдалённом ландшафте, что — грех не рискнуть с гипотезой о вариантах воплощения одной ищущей души.

Работа Аполлона Давидсона, тематически продолжающая вышедшую десять лет назад книгу «Муза странствий Николая Гумилёва», — из тех, что «писались всю жизнь». Книга написана с таким трепетным пониманием и теплотой в отношении своего героя, что становится как бы пособием по нетрадиционному подходу к биографическому жанру. Не аналитика, но синтез; не объективность, но слияние с объектом; чуждый классической науке взгляд изнутри. Смерть исследуемого и рождение исследователя разделяет десятилетие, но тысячи косвенных, незначительных и важных, пересечений двух судеб сдвигают работу к жанру автобиографии — без потери для предмета изучения. *«Расспрашивая Анну Ахматову и Ирину Одоевцеву, заглядывая в уголки далёкой Аддис-Абебы, где Гумилёв спасался от любовных неудач и мечтал „в новой обстановке найти новые слова“, бродя по истоптанным его ногами улицам Петербурга, снова и снова возвращаясь к книгам, которыми он зачитывался, (…) профессор старался понять и его, и людей, что его окружали, почувствовать аромат безвозвратно ушедшего времени»*. Кажется, только медитация на тему своего непохожего двойника смогла дать шанс сделать несколько существенных историко-литературоведческих открытий, включая идентификацию героев некоторых гумилёвских текстов. Так был расшифрован персонаж стихотворения «Мои читатели» — «старый бродяга в Аддис-Абебе». Учёному удалось восстановить биографию этого

человека, — русского офицера и поэта Фенигова, который женился на эфиопке и стал администратором одной из областей Абиссинии, а в раннесоветские годы приезжал в СССР и пытался наладить связи Советского Союза с Эфиопией, тогдашней Абиссинией. Фенигов дествительно был поклонником творчества Гумилёва и сам посвящал ему стихи.

Есть в книге ещё один существенный, пускай и не бьющий в глаза, элемент новизны. Вычленить его, как ни странно, тем труднее, чем больше знаешь об объекте исследования. Суггестивный образ Николая Гумилёва, — поэта и путешественника, с его почти маниакальным стремлением оказаться в определённом участке планеты, — как бы заведомо диктует нам необходимость некоей «африканской поправки», африканской призмы при восприятии всего, что связано с ним. «Африка как категорический императив», гипнотизирующий шёпот «музы странствий», «нетерпение достичь Харэр» — вот лишь одна из граней этого магического кристалла. Непонятно, каким образом, но получается, что путешествия Гумилёва в с ё объясняют в его жизни.

Но попробуем представить себе Гумилёва, его амбиции, его судьбу, его сочинения вне этого геопоэтического вектора… Многое в мотивации поступков Николая Степановича, в последовательности событий его жизни останется не до конца понятным. И получается, что к истине конкретной человеческой жизни, к видению её внутренних мембран и пружин мог максимально приблизиться лишь автор, для которого этот сдвинутый ракурс, эта афроцентрическая система координат являются органичными и «родными». Случай, когда место литературоведа на олимпе познания законно занимает востоковед.

Южный крест Эйрика Торвальдсона [49]

Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества, и он-то и заставлял меня видеть в самом себе крестоносца в области полярных исследований.

Руал Амундсен «Моя жизнь»

Миф о том, что завоевания древних скандинавов ограничивались Северным полушарием, всё чаще опровергается находками, сделанными в Южной Америке и в Антарктиде. И кажется невероятным, что толчком к открытию ледяного континента послужило фантастическое зрелище созвездия Южного креста, загипнотизировавшее пришельцев с далекого севера.

Передо мной лежит уникальное русское издание середины XIX века — единственный номер «Путевого журнала», фактически предшественника знаменитого журнала «Вокруг света». Моё внимание привлекло в нём большое исследование некоего М. И. Коновцева под интригующим названием «К истории двух поселений исландских норманнов, или же викингов, в субполярной Антарктике». Особенно удивило, насколько глубоко российский автор, первым написавший об антарктических норманнах, постиг психологию наших северных соседей и отчасти пращуров. А именно — парадоксальное тяготение нордического характера к Югу.

.. «ПЕЧЕНЬЕ „ВАРЯЖСКОЕ“, С КОКОСОВОЙ СТРУЖКОЙ». Дивная этикетка в бакалейном отделе одного из первых «перестроечных» супермаркетов уже много лет буквально стоит у меня перед глазами. Стихийная фантазия неведомого кондитера протянула зыбкую ниточку из русской истории в экзотический мир. «*Из варяг в греки, — и дальше!*» Недаром русское слово «князь» происходит от викингского конунг — предводитель, наёмный князь, а слово «витязь» — собственно от викинг. И «подвижная» часть нордической натуры сохраняется в нас как возможность. То-то россиянам так дороги три викинга XX века — великие норвежцы Фритьоф Нансен (между прочим, потомок — через 30 поколений августейших фамилий Европы, — русских князей Игоря Киевского, Владимира Красное Солнышко и Рюрика

Новгородского), Руал Амундсен и Тур Хейердал. И «хожение за три моря» нашего первого Тура Хейердала — Афанасия Никитина, открывшего соотечественникам пряное многообразие миров азиатского Юга, и африканские экспедиции поэта Николая Гумилёва, и утопический проект «свободной русской колонии в Новой Гвинее» Николая Миклухо-Маклая.

Сверхдальние путешествия и древние контакты между отдалёнными цивилизациями — одна из самых волнующих тем в мировой истории. До сих пор помню, как в середине 1970-х меня сразила вскользь брошенная однокашником фраза: «*А викинги, наверное, уже долетели до Марса!*» Я даже зажмурился, представив примитивный, деревянный космический корабль, столетиями мчащийся к соседней планете. Но моё воображение тут же погасили, уточнив, что речь о «Викингах» в кавычках, то есть исследовательских зондах, которые вскоре действительно успешно совершили посадку на Марс. Много парадоксальных ассоциаций возникало и на отечественной почве. Начиная с объяснения имени былинного коня — «вещая Каурка» — через инкрустацию упряжи тропическими раковинами каури.

Работая два десятилетия назад исследователем- ихтиологом в антарктических прибрежных водах, я обратил внимание, что для обозначения изолированной скалы или горного останца, выступающего над ледниковым покровом Антарктиды, моряки и учёные используют эскимосское слово «нунатак». Полярные области нашей планеты естественно зеркалят друг друга. Но такой, почти метафорический, перенос понятия порождал волнующий вопрос: если в Антарктике есть свои морские слоны и котики, свои бакланы (т. е. пингвины), свои айсберги и нунатаки, то почему нет — и, скорее всего, не было — антарктических чукчей или эскимосов? И вообще иннуитов, как именуются в науке циркумполярные, то есть обитающие по всей окружности полярной зоны, народы Северного полушария.

Несколько лет назад аргентинские археологи обнаружили в Антарктиде (которая, как считалось, была открыта в 1819 или 1820 году) следы посещений её человеком минимум за 200 лет до «официального открытия». На прибрежных охотничьих стоянках начала XVII века были найдены предметы утвари, обувь, фрагменты одежды и деревянных строений. Люди, прибывшие в Антарктиду из аргентинской провинции Патагония, занимались промыслом морских львов и слонов. Но, по-видимому, они тоже не были первооткрывателями ледяного континента. Стоит вспомнить останки древнего — на деревянных гвоздях! — корабля, лежащих испокон веков вблизи антарктической станции «Артигас» (Уругвай). По словам моей коллеги, физика Ирины

Репиной, участницы 47-й и 48-й российских Антарктических экспедиций, именно из этих древних досок сооружён знаменитый указатель расстояний от данной точки Антарктиды до разных частей света.

Эпоха норманнов, их походы и последующая колонизация ими новых островов и архипелагов (Исландия, Шетландские, Оркнейские, Гебридские острова, Гренландия…) — яркий и тревожный период европейской истории — начинается ещё с конца VIII века. Морские разбойники — выходцы из Скандинавии, называемые там викингами, — на быстроходных для того времени парусно-вёсельных килевых судах опустошали прибрежные районы Европы. Увлекательные подробности об этих походах отважных скандинавов содержит великолепный труд Г. И. Анохина «К этнической истории гренландских норманнов», опубликованный в составе сборника «Романия и Барбария», выпущенного издательством «Наука» в 1989 году.

Итак, викинги. Через Северное и Ирландское моря, через пролив Минч между Шотландией и Гебридами, как пишет Анохин, на пиратских ладьях хищно устремлялись они к берегам Англии, Франции и Испании и далее — в Средиземноморье, где в опасности от них оказывались на побережье поселения не только в западной части моря, но и в Адриатике, и в Эгейском море, и на Ближнем Востоке. Вполне вероятно, что некоторая часть этих нордических авантюристов делала пробные рейды и южнее Гибралтара — вдоль африканского побережья. Трудно даже теоретически назвать предельную дистанцию вылазки викингов на суперскоростных для своей эпохи пиратских кораблях.

Но не только разбойничье поприще и необходимость освоения новых земель заставляли викингов покидать родной дом. Была ещё одна причина — спасение от кровной мести. За убийство свободного человека из другой семейной общины тинг (местное вече) объявлял главу семьи — а значит, и всю семью — вне закона. Этот приговор «skogarmadr» — «вне закона навсегда» — давал право каждому в любой момент убить осуждённого. Вот и уходили «приговорённые» семейные общины вместе с их главой, домочадцами, зависимыми людьми и рабами-ненорманнами, неся с собой в новые края сложившиеся традиции и обычаи.

В начале 970-х годов среди таких «отщепенцев» оказался человек, которому суждено было в дальнейшем возглавить колонизацию антарктических земель. Его звали Эйрик Торвальдссон, по кличке Рыжий, «человек неуёмной энергии и к тому же своевольный», как пишут о нём современные исследователи. Он-то и стал хёвдингом — лидером

антарктических норманнов.

Спасаясь от кровной мести, Эйрих бежал из родной Норвегии. Затем в Исландии, в своём Эйрикстадуре («Усадьбе Эйрика»), наш герой устроил обвал склона на дом соседа Вальтьова. Друзья соседа в отместку убили рабов Эйрика. Эйрик прикончил сначала одного из этих друзей соседа — Эйольва, а потом на поединке — прославленного драчуна Храфна. Родичи Эйольва возбудили тяжбу. И решением тинга Эйрик Рыжий был поставлен вне закона, практически обречён на изгнание. Но Эйрик не утихомирился, и вскоре, как утверждает норвежский писатель Э. Булстад, получил приговор skogarmadr. Для амбициозного, харизматического персонажа, каким был Эйрик Торвальдссон, это означало не столько опасность или позор, сколько счастливый повод отправиться на поиск новых земель.

Из исландских устных преданий Эйрику и его современникам было известно, что лет за сто до этого корабль некоего Торбьёрна в шторм пронесло далеко на юг от Гибралтара к неведомым торчащим из воды скалам (по современным предположениям — младшие острова Мадейры либо Канар), которые вошли в фольклор под названием шхер Торбьёрна. Было решено двигаться на юг на их поиски. Весной 980 (по другим источникам, 982-го) года Эйрик со товарищи вышли из исландского Хвамсфьорда на шести больших кораблях. Но мореплаватели сбились с пути. Оставив слева от себя, на востоке, шхеры Торбьёрна и всю Африку, флибустьерская дружина через два трудных месяца, полных опасных приключений, достигла бразильского и аргентинского побережья. Саги молчат о контактах в дороге с населением новооткрытых земель. Скорее всего, короткие высадки на берег служили лишь для пополнения запасов пищи, и маленькая отчаянная флотилия продолжала неудержимо двигаться на юг.

Романтической гипотезой Коновцева, объяснявшего этот «южный вектор» заворожённостью путешественников и их предводителя зрелищем созвездия Южного креста, которое открылось им во всем великолепии уже при пересечении Северного Тропика (около 25 градусов северной широты), можно было бы и пренебречь. Но здесь нужно учесть, что незадолго до экспедиции имел место грандиозный «богословский» спор Эйрика с его сыном Лейвом. Последний прослужил зиму в норвежском Тронхейме дружинником при дворе знаменитого викинга Олава Трюгвасона, который не только сам стал христианином, но и активно насаждал христианство среди норманнов. Лейв получил задание Олава — крестить своих товарищей и родственников, чем его отец поначалу был очень недоволен. Можно представить себе

шок, когда перед путешественниками вдруг засиял величественный небесный крест, никогда не видимый их соплеменниками дома, в их широтах! Конечно, крест был воспринят как откровение, как маяк, как путеводная звезда.

Он указывал почти точно на юг.

Впереди был полуостров Огненная Земля, пролив Дрейка… И — Антарктида. Даже сегодня в её прибрежных свободных ото льда «оазисах» ютится кое-какая растительность: мхи, лишайники, грибы, несколько видов трав (о, как ласкает слух натуралиста название: злак *щучка антарктическая*!); о крупных морских млекопитающих речь уже шла. Тысячелетие же назад более богатые флора и фауна края вполне могли обеспечить существование суровым людям, привычным к условиям приполярья.

Подробности о том, как Эйрик Рыжий с соратниками и с четырьмя своими взрослыми детьми — сыновьями Лейвом, Торвальдом, Торстейном и внебрачной дочерью Фрейдис — достигли Антарктического полуострова и основали на его самом северном, то есть самом тёплом побережье вначале новый Эйрикстадур, а затем поселения Эстрибюгдар и Вестрибюгдар, о том, как Торвальд погиб на берегу Антарктиды в стычке с местным явно монголоидным, по описанию, населением, называемым в сагах скрелингами, о том, как два столетия спустя Эстрибюгдар и Вестрибюгдар обезлюдели то ли из-за неизвестной эпидемии, то ли в результате биологического вырождения общины, — можно прочитать в «Путевом журнале», вышедшем 13 апреля (по новому стилю) 1855 года.

Одомашненный космос
Альтернативная астронавтика — скрытый смысл африканского искусства [50]

Возможно, не все из тех, кто застал 70-е годы прошлого столетия, забыли шедевр научно-популярного кино, апофеоз интеллектуального романтизма — «Воспоминания о будущем» Эриха фон Деникена. Эти навязчивые кадры в самом начале: некие туземцы день за днём, год за годом упорно запрокидывают головы, чтобы узреть своих небесных покровителей…

Значит, когда-нибудь боги вернутся. Но метафора эта — для нас! Наши шеи всезнающих европейцев устали от такого залома ввысь уже много столетий назад. Мы занимаемся в большинстве своём сутулыми земными делами, доверив небо авиаторам и астрономам, космонавтам и бойцам ПВО. И лишь ненадолго поднимаем очи горé, когда наши немногочисленные патрульные сигналят о столкновении с чем-нибудь неопознанным.

..Потом у Деникена советский фантаст Казанцев показывает зрителю японские статуэтки «догу», индейскую утварь и наскальные граффити Тассилин-Аджера, уличая их в сходстве со скафандрами или межпланетными кораблями. И мы запоминаем, что космические пришельцы — это очень давно и неправда.

Между тем тот, кто хотя бы раз побывал в Африке, кто стоял у подножья Столовой горы или Килиманджаро, кто дышал грибным дождём Ламбарене или леса Итури, мерил взглядом сверкающую вертикаль водопада Виктория или горизонталь мадагаскарского канала Пангалан, слушал песнь сенегальских гриотов или камлание пигмейского колдуна — тот знает, что Космос гораздо ближе, чем кажется некоторым. Ближе, чем городской планетарий, ближе, чем затопленная в океане орбитальная станция «Мир».

Космос, свёрнутый в скупую алгебраическую формулу, выраженный в странном геометрическом теле из чёрного дерева или жёлтой бронзы — висит на стене или стоит на столе, в виде африканской маски или скульптуры — у кого-то из ваших знакомых. Разве вы никогда не ощущали, что та квартира чуть-чуть сильнее, в неуловимо большей степени, чем ваша, похожа на межзвёздный корабль?..

А помните «Сталкер» Тарковского?

В этом фильме, а ещё больше в самом романе «Пикник на обочине» братьев Стругацких, сквозит пронзительная и элементарная мысль: всё, что недоступно нашему пониманию, но

чем-то тревожит наш разум, есть не что иное, как следы жизни более сложной и мудрой, чем наша. Поэтому предметы африканского искусства следует понимать не как «изделия примитивной культуры», но как свидетельства присутствия в этом мире чего-то большего, чем мы. Боги остановились отдохнуть на опушке нашего леса, и ушли, забыв предметы своего обихода, и мы стоим теперь оцепенело у подножья непостижимого.

И дело не в затрапезной эзотерике или доморощенном оккультизме, ведь злые духи и чёрная магия — это только пугала для глупых атеистов, выдуманные атеистами хитрыми и корыстными. Дело в большем знании о мире, о его подлинных размерах и границах, его тайных законах и вечных истинах, нежели можем выработать мы, с нашей прямолинейной научной методологией и одномерной логикой.

Малийское племя догонов, чьи древние представления о строении отдалённых звёздных систем предвосхитили за сотни лет открытия наших астрономов — лишь одно из множества африканских сообществ, сохранявших с незапамятных времён тайную космологическую доктрину. Только теперь мы начинаем понимать, что астрономия Древнего Египта, от которой отталкивались космогония Эллады и изыскания средневековых европейских звездочётов — сама была продолжением великих знаний, пришедших когда-то из глубин Чёрной Африки, с юга.

..Маска на стене — это иллюминатор, через который, если пристально всматриваться, можно увидеть мировую бездну. Не глядите с непривычки слишком долго — паркет поплывёт под вашими ногами, и вы мурашками кожи ощутите ваше родство и близость с расположенной где-то в соседней Галактике чёрной дырой.

Статуэтка на столе — инопланетный компьютер. Системный блок невероятного дизайна из древесины, твёрдой как металл, или металла мягкого как дерево, с монолитной клавиатурой в виде подлокотников вашего кресла, и нематериальным монитором, проецирующим образы прямо в ваше внутреннее зрение.

Откиньтесь в кресле, закройте глаза и смотрите.

Антиподы. Атлантизм. Австральность [51]

Австралийский фестиваль русской традиционной и экспериментальной литературы «Антиподы» — не просто «современный культурный проект». Говоря актуальным языком культурологии, здесь яркий случай проекта геопоэтического. Сопоставление «геополитика — геопоэтика» наглядно: перед нами неагрессивный, мягкий способ присвоения русской ментальностью целого неизведанного материка с его диковинной сумчатой фауной, с диковинной полиэтнической культурой, где переплелись англосаксонские, аборигенские, китайские, другие корни…

Русская Австралия, Russian Australia, или даже «Rustralia» — едва возникнув, геопоэтические термины оказываются изначально понятными, не требующими пояснения, и при этом не несут в себе экспансивных, захватнических коннотаций. «Захват территории» происходит в пространстве не политическом, а поэтическом, ментальном. Притом совокупность русских текстов об Австралии заново раскрывает не только тайны предстоящего нового материка, но и пресловутую «загадку русской души». Встреча с гигантским «белым», по сути, пятном на глобусе пробуждает в сознании дремлющие, подавленные инстинкты путешественника, землепроходца — то, что в течении столетий европейской истории напрямую сопрягалось с ролью завоевателя, колонизатора.

Между тем, размеры самой России — превышающие величину двух земных континентов, включая Австралию — постоянно обусловливали, вместо экспансии во внешний мир, бесконечный процесс освоения собственной территории, «внутренней экспансии», аутоколонизации. Этот в определённой степени саморазрушительный механизм приводил к переосмыслению страны как самодостаточной замкнутой вселенной, к формированию агорафобии и ксенофобии. К культурному аутизму, торжественно именующему себя «евразийством».

Однако этому доминантному, очевидно, мировоззренческому дискурсу, — возводящему, аналогично геоцентризму в астрономии, точку собственного местонахождения в абсолют, — в России всегда противостоял концепт-антипод, предполагающий относительность любых координат и множественность «центров мира». В геополитической науке называемый атлантизмом, он предполагает видение собственной родины не как главного и «самого одухотворённого» континента планеты, а как одного из многих культурных островов. Находящегося с другими частями

мира не в гегемонских, а в конкурентных отношениях, в подвижном балансе. Можно предположить, что культурное освоение Австралии актуализирует в русском сознании именно это, реалистическое, жизненно необходимое для успешного существования и сосуществования в глобальную эпоху, мировидение.

Так русская культура, — одна из нескольких культур с традициями мировой империи, наряду с французской, британской, американской, испанской, португальской, — после распада самодержавия, а затем Советского Союза постепенно модернизируется, приобретает новые черты. Имперскость, как кажется, уходит, всемирность, хочется надеяться, остаётся. Планетарный ареал русской диаспоры становится всё более многообразным. Культура, сохраняя этническую идентичность, с течением десятилетий адаптируется к особенностям конкретных регионов — к местной национальной культуре, мифологии, климату, ландшафту. Срастается с ними, делая их своими, создавая собственную местную мифологию, бытовую и художественную — безусловно своеобразную и уже в чём-то «автохтонную». Катализатором процесса становятся геопоэтические проекты, вроде литературных изданий диаспоры и в особенности — литературного фестиваля, наводящего мост с культурной метрополией, инициирующего двустороннее движение по нему. Русская Австралия заново открывает для себя Россию, но и наоборот.

Геопоэтический проект, что важно, объединяет собой не только пространства, но и времена. Благодаря фестивалям, создающим единое информационное поле, становится виднее и ретроспектива русской литературной жизни в огромном регионе. Всё активнее задействуются дополнительные, «параллельные» символические пространства, прежде всего Интернет, превращающий малоизвестный до сих пор литературный и культурный архив — как местный, так и российский — в живой, востребованный и общедоступный креативный ресурс. Попутно становятся понятнее некоторые исторические нюансы: так, по наблюдению куратора фестиваля «Антиподы» Татьяны Бонч-Осмоловской, сама масштабность русской эмиграции в Австралию, происходившей в течение всего XX века, обусловлена ярким романтическим мифом об этой стране-континенте, созданным в творчестве таких авторов «метрополии», как К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Гумилёв, Б. Окуджава, В. Высоцкий, И. Бродский и многие другие.

Интерес к Австралии, как и вообще утопическое стремление некоторых русских «на юг» (вспомним хожение за три моря

Афанасия Никитина, экспедиции Миклухо-Маклая в Новую Гвинею или Гумилёва в Абиссинию…) — хотя и не массовый, но тем более интересный геопоэтический феномен, требующий научного осмысления. И здесь исследователям может оказаться полезным забытый русский термин «австральность». Согласно словарю Даля, австральный — *«лат. южный, в южном полушарии находящийся; тропический, полуденный. Австралийский, к земле Австралии, или к пятой части света, Океании, относящийся»*…

Белый мыс чёрного континента, или Карфаген должен быть [52]

«…На Куликово поле ступили войска Таити, хворостиной руки сжигая город Антверпен…»[53]

Что за Антверпен? Откуда Куликово Поле — здесь, на голых белёсых скалах, рядом с вечными руинами Карфагена?

Какие такие Таити?

Вечереет. Я сижу на переднем склоне тунисского мыса Кап-Блан и безуспешно пытаюсь медитировать на тему *другой* истории Европы, которая должна была начинаться две с половиной тысячи лет назад именно отсюда. Я глажу белые камни, но они кажутся то слишком горячими, то слишком колкими. Это место такое напряжённое в геологическом, геокультурном, геопоэтическом плане — что сама мысль о нём кажется острой, не даёт отключиться, уйти в себя.

А может быть, мне мешает наслаждение? Этот волшебный смешанный аромат — тающей у ног морской пены и кустов можжевельника, щедро источающих то ли эфирные масла, то ли фитонциды?

Я добрался сюда не сразу, уже под финал двухнедельной поездки по стране. Мыс Кап-Блан, он же Кабо-Бланко, он же Бен-Секка — форпост космически огромной Африки в Средиземном море. При этом он выдвинут к северу на целый градус дальше, чем расположена самая южная точка континентальной Европы в Гибралтарском проливе: нигде не соприкасаясь и не сливаясь в милую моему сердцу утопическую Афропу, две части света пересекаются по широте…

Когда я говорю о «геопоэтическом напряжении», это не литературный троп: определённые места планеты действительно пронизаны усиленными струями метафизических токов — которые, возможно, суть просто взаимодействия смыслов… Кап-Блан, как и весь Тунис, это: самая северная точка материка; геометрическая ось растворившейся в Вечности карфагенской морской империи; узкий лимитроф между нынешними странами англофонными и франкофонными. И так далее. И эти несовпадения и переходы смыслов, как разница электрических потенциалов, дополнительно разогревают пространство: пусть

всего лишь на тысячную долю градуса, но — *patienti sat*…

Однако бьёт электричеством и сам по себе этот топоним. Как искра при коротком замыкании, вспыхивает мысль о том, что Кап-Блан — это *Белый Мыс* Чёрного континента! То есть, подчёркнуто *самый европейский* его уголок. Белёсые известняки, делающие этот длинный каменный выступ столь контрастным с охватывающими его по бокам тёмными кристаллическими породами побережья, словно подтверждают на молчаливом языке горных пластов обыденную метафору речи. Извечное, заложенное едва ли не законами светового спектра, различие оттенков кожи человеческих рас отразилось буквально в колорите этих живописных склонов.

Основная идея визита была в том, чтобы вообразить здесь, на арене давних исторических коллизий, давно волновавший меня сюжет из альтернативной истории: как бы сложилась судьба средиземноморских цивилизаций, если бы Римской империи не удалось взять верх над Карфагеном? Морская держава, основанная пришедшими из Леванта финикийцами, долгие столетия была мощным конкурентом Риму — в торговле, в политическом влиянии, в военной мощи.

После многократных разрушительных поражений карфагеняне на удивление быстро восстанавливали свою столицу почти на пустом месте — недаром название вечно гибнущей и вечно возрождающейся птицы Феникс родственно исходному топониму «Финикия»… Однако три, с большими перерывами, Пунических войны сломали наконец хребет этому многоголовому и живучему морскому ящеру. В 146 году до рождения Христова Карфаген таки был уничтожен — как это долго предвещал в своих речах в Сенате Марк Порций Катон Старший.

Но неужели мне одному чудится, что это, вроде бы, давным-давно остывшее противостояние всё же не до конца потеряло свою актуальность? Почему вдруг относительно недавно, в феврале 1985 года мэрам нынешнего Рима и нынешнего Карфагена понадобилось подписать символический мирный договор? Это привело «к формальному завершению конфликта» — говорилось в релизах.

Значит, где-то он подспудно и неформально тлел — более двух тысячелетий! — этот тайный метаисторический конфликт…

Элементарное предположение, с которым я приехал, заключалось в том, что если бы победил в этом великом противостоянии всё-таки Карфаген, сегодняшняя Европа была бы абсолютно другой. Её языки сформировались бы при участии не латинской, а финикийской лексики, а морской транспорт мы бы предпочитали любому наземному. Возможно, и освоение морских

глубин пошло бы с опережением, а естественные и гуманитарные науки двинулись бы совершенно другим, особенным путём. Легко представить, что субмарины, аквакультуру, акваланг, скафандр и даже идею *Ихтиандра*, человека-рыбы мы придумали бы гораздо раньше всего остального. А расширение сухопутных владений ещё в Средневековье осуществляли бы, например, за счёт построения искусственных островов.

Но сегодня всё это — просто необязательные фантазии. И лишь диковинное наречие, на котором говорят совсем рядом с Тунисом, на Мальте — острове-останце архипелага карфагенских колоний, где рудименты финикийской культуры сохранялись дольше, чем где-либо — приоткрывает нам краешек тайны: каким оно могло бы быть, Другое Средиземноморье…

Одно из сильных наблюдений в Тунисе — это галерея антропологических типов, которые встречаешь на улицах здешних городов. Страна в основном арабоязычная, с единственным государственным языком — и при этом большинство населения внешне похоже не на классических арабов, семитов Ближнего Востока, а на туарегов и отчасти даже на жителей Северной Европы. Бродя по зелёным цветущим улочкам Бизерты, Суса, Хаммамета, я постоянно встречал лица с явными чертами потомков не только маврско-берберского населения Магриба, но и германского племени вандалов, захватившего Северную Африку в первые века новой эры. К тому же, вспомнилось про набеги на эти побережья, всего лишь тысячелетие назад, харизматичных пиратов из Скандинавии. Некоторые местные жители — очевидные потомки викингов. Смуглые «белокурые бестии»…

Разумеется, явился я сюда не только ради медитативных прогулок и бессонных наблюдений. Имелся и более примитивный мотив ностальгии по Магрибу. Жизнь моя была связана чаще с Африкой субсахарской, но очень много лет назад мне посчастливилось прожить больше года в трёхстах километрах от этих мест. Ландшафтно-климатические характеристики восточного побережья Алжира, где обитала моя семья, и северного Туниса совершенно идентичны. Мощный горный массив Атлас оберегает африканское Средиземноморье от раскалённых воздушных масс Сахары, и наоборот, конденсирует на свои обращённые к северу склоны драгоценную влагу, приносимую морскими ветрами. Растительность здесь на берегу примерно та же, что на Пелопоннесе, в Калабрии или Андалусии: сосны, эвкалипты, кипарисы, можжевельники, агавы, пальмы… И трудно представить, что за заоблачным хребтом открывается бесконечная, растянувшаяся на десяток стран и тысячи

километров, пустыня с редкими оазисами, в которых способны расти только выносливые оливковые деревья и финиковые пальмы.

Мне давно хотелось вновь погрузиться в этот пряный субтропический рай. Но если огромный патриархальный Алжир похож скорее на культурологический заповедник, где тысячелетние ориентальные традиции застыли в своём развитии, как экспонаты в музее, то Тунис, в силу своих историко-географических особенностей, всегда был и остаётся оживлённым пульсирующим узлом разнонаправленных культурных путей огромного региона. Англоязычные Ливия и Египет с одной стороны, Франция с островом Корсика и странами франкофонного Магриба с другой, совсем по соседству — Италия с Сицилией и Сардинией, невероятная семитоязычная Мальта…

Тунис — едва ли не единственная арабская страна со светской властью. Местные жители с гордостью рассказывали мне, как пришедший к власти в 1957 году, вскоре после обретения Тунисом независимости, первый президент Хабиб Бургиба постепенно и неуклонно вводил гражданские свободы и открытый стиль жизни — в политике, экономике, культуре, включая масштабное расширение прав женщин. Настоящая *оранжевая революция* произошла не где-нибудь, а в Тунисе, когда национальный лидер устроил потрясший всех хэппенинг: в разгар Рамадана, в дневное время демонстративно выпил перед телекамерой стакан апельсинового сока…

Алгоритмы культурного диалога и многообразия в Тунисе — отнюдь не изобретение XX века. Со времён Карфагена, главной силой которого была всё-таки не военная армада, а торговые связи и торговое искусство, на этих извилистых берегах, изрезанных такими удобными для каботажных судов бухтами, укоренялись терпимость, поведенческая гибкость и здравый смысл. Где ещё в арабских странах можно найти, например, крупную еврейскую общину, столетиями мирно сосуществовавшую с общинами арабской и берберской, как на острове Джерба в тунисском заливе Габес? (Во второй половине XX века, после обретения страной независимости, еврейская община большей частью мирно съехала — так, на всякий случай. Одна из старейших синагог мира — Эль-Гриба — по-прежнему украшает остров.)

А много ли, например, тропических стран, где средняя продолжительность жизни составляет, как в Тунисе сейчас, 75 лет? И ведь нельзя сказать, что Тунис исключительно евроцентричен, он подлинно многовекторен, и, скажем, странам Дальнего Востока открыт не меньше, чем Западу.

Я был вдохновлён путешествием по этому универсальному *порто франко* размером с целое государство, «свободному порту» Африки. Впечатлили фигуры местных писателей: так, прозаик и эссеист Валид Солиман оказался высококлассным переводчиком художественной литературы не только с нескольких европейских языков на родной арабский, но и наоборот, арабской литературы на эти языки. А мэтр современной арабской прозы Монсеф Мезганни, например, экспериментирует с жанром саунд-поэзии, превращая сценическое исполнение некоторых своих рассказов в подобие перформанса.

Не мудрено, что после подобных встреч я взлелеял мечты организовать в этих местах, например, семинар по арабо-русскому и русско-арабскому поэтическому переводу. В России сейчас практически нет профессиональных переводчиков арабской поэзии, — а есть ли лучший способ воспитать специалиста по чужой культуре, чем периодически окунать его в оную культуру с головой?..

Самой непредвиденной оказалась геопоэтическая находка на юге Туниса, которую мы сделали с моим напарником по «экспедиции», российским стихотворцем Амарсаной Улзытуевым. На площади в городке Таузар, представляющем собой как бы изнанку крупнейшего в северной Сахаре финикового оазиса, мы натолкнулись на монумент не кому иному, как крылатому коню, вдохновителю поэтов… Местные жители нам объяснили, что образ Пегаса увековечен здесь в память о классике арабской поэзии Абуль-Касиме аш-Шабби. Будет ли это переводческий семинар, или всё-таки международный поэтический фестиваль, но мы обязательно должны будем приехать в Таузар и возложить цветы к памятнику аш-Шабби — гениальному автору, ушедшему в 25 лет, однако успевшему очень много сделать для своей национальной — тунисской — и наднациональной — арабской — культур.

..Между тем, деструктивные исторические события, имевшие место в стране в последние годы, что характерно, не ощущаются здесь каким-то внутренне обусловленным процессом — это явное внешнее воздействие, влияние катастроф и неустройств в соседних странах. Механизмы саморегуляции в конечном счёте воспреобладали, и недаром знаменитый «Тунисский квартет» получил в этом году Нобелевскую премию мира: маленькая страна сумела дать всей планете, и в том числе арабоязычному миру, образец тонкой и упорной коллективной работы по налаживанию стабильности и согласия в своём обществе.

Я верю в Тунис, знаю, что страна сможет погасить негативные импульсы, и стать новой, «карфагенской» точкой сборки для

североафриканского и средиземноморского гуманитарного пространства. Слишком обширен и позитивен здешний опыт межкультурного диалога, и слишком симпатичны традиции терпимости и здравого смысла.

А сама «карфагенскость» Туниса и Магриба (и шире, всех арабских стран: растекающийся по Средиземному морю, выплёскивающийся в Атлантику и Индийский океан Арабский мир — это ведь и есть новый Карфаген!), *культурный карфагенизм*, что бы ни стояло за этим термином — абсолютно необходимая компонента полнокровной жизни здешнего участка человеческой вселенной. Здешнего — в расширенном смысле: я говорю как минимум обо всём Средиземноморье и прилегающих регионах. С момента исчезновения исторического Карфагена это пространство страдает от однополюсности и несбалансированности, оно будет естественно поляризоваться так или иначе… Европейскому дискурсу — понимаемому как наследие Pax Romana — жизненно необходим рабочий противовес в виде такого, пусть даже совсем условного, Carthago. «*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*», — эта русская пословица пришла в голову вроде бы не очень к месту, но что пришло, то пришло. Мирный договор подписан, теперь плодотворное соперничество, переходящее в сотрудничество, продолжится в цивилизованных, как бы скучно это порой ни выглядело, рамках.

Планета и обитатели

Сакральный детектив [54]
(О книге Елены Ханги «Про всё» [55])

Один её прадед по матери был афроамериканским баптистским проповедником, другой — ортодоксальным раввином в Варшаве. Дед по отцу — имамом суннитского толка на Занзибаре. Сплетённые силовые линии трёх мировых религий, пронизывающие три континента, и обусловили, вероятно, то магнитное поле, которое сорвало её однажды с места и швырнуло через океан на поиски своих генетических и духовных корней.

Книга Елены Ханги «Про всё» концентрирует в себе это религиозного оттенка напряжение, — что может несколько обескуражить читателя, предвкушающего вальяжные мемуары признанной общественной деятельницы и скандально известной телеведущей. Вместо перечня жизненных успехов мы раскрываем журналистскую исповедь, дневник беспокойной души, полный непрестанных силлогизмов о природе человеческого отчуждения, нетерпимости и малодушия. Как будто она, Ханга, дала обет думать о моральной подкладке происходящего даже на подиуме телепередачи о нелёгком российском эросе.

Текст отчётливо делится на две неравные части. Две трети книги составляет почти детективная история исследования Еленой своих чёрно-белых истоков в Америке и Африке. Чуть ли не с первых страниц начинаешь чувствовать сакральную подоплёку этих изысканий, вызванных, казалось бы, вполне мирскими причинами (заказ на книгу об истории семьи). Ключевые моменты «экспедиции» (героиня задаёт про себя вопросы умершим родственникам, людям разных рас), как и аналогичные эпизоды с матерью автора, имеют откровенно мистическую окраску. «*Я преклонила колени, чтобы положить цветы на могилу, — вспоминает мама, — и испытала какое-то особое чувство, вызванное присутствием американских родственников папы. Словно восстановилась давно оборванная связь. Ничего подобного со мной прежде не случалось*». Все члены семьи автора на тех или иных этапах были преподавателями, и в книге как бы рефреном возникают схожие ситуации, когда в очередной далёкой стране персонаж неожиданно знакомится с благодарным учеником своей бабушки или отца («сцена, конечно, для сериала…»). Проблема духовного учительства, наставничества крайне важна для автора, и эта линия причудливо переплетается с историей мировых идеологий. Вот найденная героиней на индоокеанском острове родная бабушка открывает

потаённый сундук, в котором десятки лет хранит книги казнённого врагами сына. Это многотомник Ленина на английском, привезённый в 1931 году из США в СССР другими бабушкой и дедушкой героини…

Семья у автора, ничего не скажешь, необычная. Матушка, Лили Голден — один из крупнейших специалистов по африканской музыке. Отец — в своё время главный претендент на президентский пост в восточноафриканской стране. Американский прадед после отмены рабства достигает упорным трудом высокого социального статуса, становится чуть ли не единственным в южных штатах чёрным землевладельцем. Бабушка с дедушкой, молодые идеалисты, эмигрируют в Советский Союз, работают по контракту под Ташкентом, дружат с Полом Робсоном, едут с ним отдыхать на Кавказ, где мрачно беседуют об учащающихся арестах (это 37-й год). Оттенок исключительности в сюжете иногда перерастает в почти сказочный. В каком-то эпизоде мелькает афроамериканец по имени Иосиф Сталин. Лёгкий привкус обоюдной фантасмагории. Кому-то из заморских гостей вдруг чудится, что он на съёмках в Голливуде: мимо промчался на верблюде узбек с саблей на боку! Два континента, два мира как взаимный миф.

Вспоминается монография Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Чтобы стать взрослым, либо стать самим собой, герой должен совершить некое трудное путешествие с не до конца определённой задачей, свершая по пути подвиги добра. Вспоминается также «Золушка» и другие классические сказки, где персонаж вдруг обретает если не утраченных богатых или именитых родных, то во всяком случае мудрых друзей-волшебников. Одно из самых волнующих мест книги — инициированная автором первая встреча чёрной и белой американских ветвей большой семьи… Впервые — по прошествии семидесяти лет — достигнуто взаимопонимание, это настоящий катарсис, то есть — очищение. А впереди героиню ждёт ещё вылазка к африканскому семейству отца, попытка понять построенный на патриархате исламский мир. Невольно напрашивается метафора некоей духовной Гондваны, мистического праматерика человечества, расколовшегося когда-то на разноцветные куски. И люди разных цветов кожи обречены на вражду и ненависть друг к другу, — но кто-то всё же должен взять на себя поиск утраченного целого! Ему достаётся труд и подвиг полюбить их, разных, сразу всех. Это под силу Лене Ханге, внучке христианских священников, раввинов и имамов, объединяющей в себе афроамериканские, еврейские, танзанийские и, по всей вероятности, индейские корни.

Межрасовый, межнациональный, межконфессиональный, межполовой конфликт уравновешен и разрешён главным персонажем книги, хрупкой молодой женщиной с записью в паспорте «негритянка». Усвоившей от дедов и бабок и вскармливающей в себе, как главную ценность, способность к пониманию и приятию иного в людях, то есть — терпимость.

Вторая часть книги — последняя треть — сделана в более традиционном ключе и представляет собой подробный анализ (впрочем, живым журналистским языком) комплекса морально-психологических интриг, встававших в связи с работой автора в телепрограмме «Про это». Обнажается терапевтический и педагогический замысел и смысл, который несла в себе передача. Она и возникает в жизни автора как «лабораторное» дополнение к обучению в Нью-Йоркском университете по специальности психотерапия.

Одна из дополнительных важных функций книги — вскрытие неизвестных или замалчивавшихся фактов отечественной и чужой истории. В становлении советской экономики в 20-е — 30-е годы, оказывается, участвовали сотни, если не тысячи приглашённых на высокие ставки американских специалистов, в том числе чернокожих. В главке «Узбекская родина»: «*В Янгиюле американцы стремились вывести новый сорт хлопка, который мог вызревать в относительно короткое узбекское лето*». Оказывается, несмотря на некоторую общность исторических судеб чёрной и еврейской общин Америки, существует феномен чёрного антисемитизма…

В книге много неожиданного, начиная с того, что у самого автора, вопреки представлениям публики («Вы что, „фестивальный ребёнок“?..»), нет ни капли русской крови. Шокирует и раскрывающийся истинный образ живой, не экранной Лены Ханги. Мы знали её как решительного и жёсткого журналюгу, светскую львицу, и вдруг видим перед собой скромное дитя российской интеллигенции, до недавних лет едва ли не «синего чулка». «*Ещё когда я работала в „Московских новостях“, у меня было прозвище „Крупская“. Я не курила (и не курю), не ходила ни на какие пьянки, и такая ходила вся затянутая-перетянутая, в строгих серых костюмчиках*». Известный нам имидж, как и весь проект — произведение продюсерского гения Леонида Парфёнова (мудрого волшебника?).

Время в лице Парфёнова призвало Елену на баррикаду борьбы с отечественной косностью, ханжеством и, будем честны до конца, тупостью («в Советском Союзе секса нет»). И лишь проницательная мама критикует по телефону из-за океана: «*Лена, больше улыбайся, у тебя испуганный вид!*». На презентации своей

книги в московском магазине «Библио-Глобус» Лена улыбалась.

Книга богато иллюстрирована чёрно-белыми снимками из семейного архива Голденов и фото Елены последних лет. Есть кадры совершенно потрясающие. Лена в объятиях вновь обретённой танзанийской бабушки, мамы отца, крохотной иссушённой старушки. «*Она притянула меня к себе и начала баюкать, как ребёнка*». Или — «*Дедушка Оливер читает лекцию в узбекской деревне*». Степенный чёрный Оливер — за кафедрой, в рассевшейся на поляне аудитории — русские и узбеки…

Шут, колдун, советник, соперник
Художник ищет новый язык общения с властью
Потеснитесь, цари [56]

Беда стране, где раб и льстец
Одни допущены к престолу.

А. С. Пушкин

Проблематика природы взаимоотношений искусства и власти огромна и разработана совершенно недостаточно. Особенно затруднительным выглядит построение универсальной идеологической базы для исследования, которая непротиворечиво включала бы в себя элементы и западных, и восточных мировоззрений. Тем не менее, пробовать стоит.

БРЕМЯ БРАХМАНА

Особенно озабочен феноменом взаимодействия интеллектуальной и властной элит Жиль Делёз. «*Почему же происходит так, что люди, у которых вроде бы нет своего интереса, тесно смыкаются с властью, выклянчивают себе долю участия в ней?*» — вопрошает он в совместной с Мишелем Фуко работе «Интеллектуалы и власть». И тут же предлагает блестящие инструменты для вскрытия проблемы, начиная с понятия «*инвестиций желания, создающих образ власти и повсюду его распространяющих*».

Не решён и ещё один фундаментальный вопрос: являются ли политическая харизма и художественный талант разновидностями одного и того же человеческого дара или они несовместимы и антагонистичны по своей природе? Если подход здесь позаимствовать из индуистских верований, согласно которым предназначение и царя, и художника совпадает с верховной кастой (брахман, то есть маг, жрец, мистагог, Учитель), то конфликтные ситуации между людьми искусства и людьми власти приобретают, взамен ореола священной войны за истину и т. п., куда более будничный и правдоподобный оттенок конкуренции. А чем ещё можно объяснить, скажем, жестокое преследование в Средневековье скоморохов и прочих бродячих

актёров? Благодаря способности искусства высвечивать мутные места социума и власти, фокусируя результат в сатире и других «сильных» жанрах, *дурацкий колпак* стоит иногда большего, чем корона короля.

«Бедный Йорик», паяц в одомашненной форме, таким образом — одно из желаемых обличий художника в глазах власти. Так, Горький при Ленине, а потом при Сталине являет беспримесное амплуа переходящего по наследству шута, мудро-наивного и комично-неуклюжего друга-советника («*Беднята Горький! Как жаль, что он осрамился!*»; «*И это Горький! О, телёнок!*»)[57].

САДОВНИК ДЛЯ ВСЕХ-ВСЕХ ЦВЕТОВ

В 20-м столетии во взаимодействии художника и власти появляются как минимум две новые общемировые, по сути полярные друг другу тенденции.

Формирующиеся тоталитарные общества сразу же признают за собой обязанность пестовать духовную жизнь своих граждан, особенно художественное творчество, целиком направляемое при этом на обслуживание потребностей политической элиты и креативно-эстетическую поддержку новой идеологии.

Именно под этим углом виднее всего на просвет история с известным судебным иском против Владимира Сорокина, обвинённого в порнографии: экспансия растущего над собой государства в область совсем уже эстетской эстетики. Казалось бы, механизм предельно прост: подцензурное искусство должно постепенно деградировать, о чём и пророчит в знаменитом эссе «Литература и тоталитаризм» Джордж Оруэлл. И всё же остаются неясности. В несправедливо забытой статье «Литература и власть в Советской России» (1931) Владислав Ходасевич раскрывает поистине инновационные, не сводимые только к принуждению, методы возделывания новой властью творческой среды в СССР.

Государственную протекцию литературным экспериментам на заре советской власти он выставляет как первопричину фонтанирования всевозможных новых течений в литературе — экспрессионизма, имажинизма, ничевочества, фуизма и пр. Поражает и свидетельство, что задолго до НЭПа, на фоне гражданской войны и военного коммунизма, в российских столицах именно столпы футуризма — направления самого новаторского и поначалу фаворитного для правителей-леваков — получали исключительное право на коммерческую деятельность в рамках арт-кафе с авангардной эстрадной программой,

становились «*монополистами ресторанного промысла*». Учитывая это, не исключено, что кое-что в наших представлениях о некоторых фазах сотрудничества искусства и власти придется со временем пересмотреть.

СВЯТОТАТСТВО

Другая, как бы противоположная, тенденция в гуманитарной сфере заключается в экспансии искусства (чаще именно в «шутовской» модификации) в сопредельные сферы человеческой деятельности, в том числе, в политику. Яркой карикатурой на это явление — и на «типовой» прямолинейный ответ власти — выглядел в середине 90-х заочный вызов Бориса Ельцина на дуэль скандальным художником Александром Бренером. Акция, начатая в трусах и боксёрских перчатках на Лобном месте в лютый мороз, благополучно закончилась для бретёра, как и многие предыдущие, в ближайшем милицейском участке.

Поворотным пунктом в истории глобальных раскладов между искусством и властью является, несомненно, *акция с зачехлением Рейхстага*, проведённая 23 июня 1995 года знаменитым художником-«упаковщиком» Кристо Явачевым. 24 года (!) целомудренный бундестаг отказывал творцу в согласии на кощунство, но число голосов «за» неуклонно росло. И стрелка весов склонилась, наконец, в сторону просто забавного на первый взгляд проекта. Фантастическое зрелище — целиком охваченный античными складками серебристого полипропилена, заново покорённый Рейхстаг — околдовало мир, сделало тысячи скептиков адептами современного искусства. «…*Чтобы к Рейхстагу могли теперь стекаться безоружные толпы, а не наоборот*», — писал из Праги Пётр Вайль. Для шутов и колдунов в разных странах мира это был день победы — первой бесспорной победы творчества над властью.

Той же осенью в Политехническом музее в Москве прошла акция галереи Марата Гельмана «Партия под ключ». Призом победителю являлась передача в пользование готовой, зарегистрированной в Минюсте политической организации. Претендентами были в основном звезды радикального искусства — основатель Партии животных Олег Кулик, Анатолий Осмоловский (журнал «Радек» и партия «Паника»), вышеупомянутый Бренер (Партия неуправляемых торпед). Всё делалось в изысканном стиле нынешнего артбомонда: полорогий Кулик бегал, мыча, по сцене; Бренер расстреливал зрителей тухлыми яйцами. Зал был украшен уморительно-пафосными

пародийными полотнами из цикла «Избирательная кампания» Дмитрия Канторова.

Вопреки ожиданиям, победила молодость: приз взяла команда юных радикалов, действовавшая под девизом «Нам не нужны партии! Дайте ключи от Кремля!». Немалого успеха при голосовании добилась и «Партия ровных дорог», представленная известным гуманитарным технологом Ефимом Островским. Модель избирательной кампании оказалась вполне «действующей»: увешанных декоративными ключиками припанкованных победителей, как и полагается во взрослой политике, обвинили в подкупе избирателей, а жюри — в фальсификации результатов.

«КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ»

Попробуем подытожить основные формы взаимодействия художника с властью, имеющие место в современной России.

Классическое профессиональное обслуживание («федеральные портретисты» Шилов, Глазунов, Сафронов и пр.).

«Партнерская разработка бюджетных месторождений» (Церетели с его мегалитическими скульптурными ансамблями по всей Москве). История проигранной борьбы населения столицы с самым выпуклым подарком мастера — истуканом П. Великого, переделанным, по слухам, из отвергнутого латиноамериканцами «Колумба» — ценна тем, что это фактически был первый в России крупномасштабный урок (точнее, «практическое занятие») по улучшению вкуса широкой публики.

Собственно участие во власти. Третья традиционная модель. Отечественная история предлагает очень разные примеры для размышления, как, например, успех министра юстиции Гаврилы Державина или фиаско вице-губернатора Твери Михаила Салтыкова-Щедрина. Наши эксперименты с коммунизмом в двадцатом веке придали этому типу «интеллектуала-социалиста» (фр. буквально «общественника») — которому Мишель Фуко в упомянутой книге наглядно противопоставляет «прОклятого интеллектуала», то есть оппозиционера или аутсайдера, — отталкивающий флёр коллаборационизма и предательства идеалов. Фрондёрство надолго становится в артистических кругах признаком хорошего тона.

Оздоровление обстановки происходит лишь в последнее десятилетие. Обнадёживающе выглядит в этом плане биография Евгения Сабурова. Почитаемый в московских литературных кругах поэт, он же крупный российский экономист, призывается в

коридоры власти то в роли министра экономики России, то в качестве «импортного» премьера Республики Крым. В последние же годы возглавляет различные аналитические структуры: обратное хождение из царей в жрецы.

Другой известный московский стихотворец, Евгений Бунимович, много лет успешно депутатствует в столичной Думе, курируя там образование, культуру и искусство.

Вехой, маркирующей долгожданный перелом в отношении творческой интеллигенции к политической жизни, можно считать опубликованное осенью 1999 года в газете «Неофициальная Москва» интервью её главного редактора, критика Вячеслава Курицына с писателем Владимиром Сорокиным под агрессивно-прогрессивным заглавием «Надо брать власть». Интересно, что ни сами собеседники, ангажированные в различной степени в пиар-событиях тогдашней предвыборной кампании, ни кто-либо из обозримого их окружения даже не собирались баллотироваться в депутаты Госдумы сами. То есть речь шла не о прямом участии во власти, а о борьбе за усиление влияния в широком смысле — следует полагать, не в последнюю очередь путём актуализации жреческого или колдовского дара.

Вспоминается, кстати, ещё одно интервью — с Андреем Синявским в 1992 году, где тот цитировал Эдуарда Лимонова: «*Если когда-нибудь снова начнут делить власть, надеюсь, что окажусь где-нибудь поблизости*». Через десять лет мельтешение созданной Лимоновым игрушечной политической партии привело его на скамью подсудимых: карающим органам, не знакомым с модным философско-искусствоведческим термином «симулякр», игра в солдатики показалась военными манёврами сквозь оптику выпученных от усердия глаз.

АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ

Попытки подсказать власти новый путь для исторического развития страны. Один из первых выпусков «Особой папки» (приложение к «Независимой газете»), вызванный к жизни летом 1999 года военным вмешательством США на Балканах, был посвящён «неовизантийскому» геополитическому сценарию для России. Блистательный проект интеллектуалов московского Эссе-клуба — писателей и публицистов, исследователей российской истории — был, как обычно в таких случаях, проигнорирован властью. Редчайший эпизод политического триумфа художественного высказывания имел место на последних выборах Председателя Верховного Совета

РСФСР. Первое голосование было для Бориса Ельцина неудачным, но, по свидетельству коллег, Станислав Говорухин добился демонстрации делегатам съезда своего фильма «Так жить нельзя», благодаря чему Ельцин добрал нужное число голосов.

Колдовской сервис. В 1999 году галерист Марат Гельман, один из главных жрецов искусства нового поколения, внезапно переквалифицировался в политтехнолога, то есть, по доисторической терминологии, в колдуна. К предвыборной кампании продвинутого (то есть готового к рискованному альянсу с элитарным искусством вместо бонз поп-эстрады) заказчика ему удалось привлечь целую плеяду видных артистических и литературных деятелей. Основными священнодействиями стали фестивали «Неофициальная Москва» с обширной литературной программой, «Золушка» («Культурный герой») и «Москва-территория 2000». В водоворот оказался втянут даже писатель-отшельник, вполне асоциальный тип Виктор Пелевин; впрочем, он-то как раз успел ещё в 1996 году потрудиться для повышения ельцинского рейтинга среди интеллигенции (статья «Ultima Тулеев или Дао выборов» в «Независимой газете»). Администратором работала авангардная художница Светлана Мартынчик, более известная как писатель-фантаст Макс Фрай. Под штаб, в память ленинской цитаты про «взять в первую голову…», был арендован верхний этаж Центрального телеграфа.

Определённая финансовая отдача от изысков на новом поприще вдохновила многих наших творцов продолжить пиаровские труды даже на территории соседних стран — недавних советских республик. В лёгкости этой замены мотивации творческого вдохновения, кстати, обнажается древнее родство жреческой и колдовской профессий. И более того — открывается перспектива не то чтобы тесного сотрудничества, но новых взаимовыгодных игр для искусства и политики на чужих площадках — на поле друг друга.

Какими будут эти интеракции, можно гадать уже сейчас, но в завершение этих кратких заметок позволю себе задать лишь еще один почти риторический вопрос: когда и как российскими художниками будет наконец взят (по большому счёту) московский Кремль?..

Уголки шара: задача для Homo Vagabundus [58]
Всё ещё нет науки о путешествиях…

> *Вагабондаж (лат. vagabundus «странствующий») — непреодолимое стремление к бродяжничеству, скитаниям, постоянной перемене мест.*

Становится модным говорить о девальвации или деструкции понятия путешествия. Относительно недавно это была элитарная человеческая практика: дипломатические миссии, купеческие караваны, квесты молодых аристократов, академические экспедиции, военные походы… Большинство же населения ценило возможность никогда не покидать границы своего надела, деревни, городка, уезда. А сегодня, по данным ЮНЕСКО, в турпоездки ежегодно отправляется около четверти населения планеты. Между тем, эти тенденции остаются пока недостаточно отрефлектированными…

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТРЕЗКОВ

Сегодня, в результате повышения уровня жизни и развития сферы туризма путешествие — в той или иной его форме — становится уделом миллионов землян. Это всё более выпуклое явление повседневности требует анализа и осмысления. Не исключено, что в нём Homo sapiens предстаёт на очередном этапе своего развития, в новом модусе, более восприимчивом и подвижном. Назовём его условно Homo vagabundus — Человек путешествующий.

«Одна из радостей путешествия — это возможность посетить новые города и познакомиться с новыми людьми» (Чингис-Хан). Популярная среди деятелей туриндустрии шутка имеет глубокий смысл: даже в крайне регламентированном современном путешествии, при самых жёстких рамках экскурсионной программы, всё ещё сохраняется лёгкий привкус военного похода: эксклюзивность и авантюрность, предвкушение чего-то неожиданного, надежда на приключение… А стремление туристов к приобретению в своих поездках сувениров прямо

восходит ко взятию боевых трофеев. Они служат вещественными доказательствами победы, преодоления — если не преград и опасностей, то хотя бы некоего конкретного отрезка пути. Преодоление же есть синоним некоей работы, как минимум — внутреннего труда. Получается, что путешествие — это не отдых. Тогда что же?

ПОСЛЕ КРУИЗА

7 октября 1852 года по старому стилю из Петербурга вышел в кругосветное плавание видавший виды военный фрегат «Паллада». В задачи экспедиции под командованием адмирала Путятина и капитана Унковского входило обследование российских колоний в Северной Америке и заключение торгового договора с Японией. Задачи эти выполнены не были, экспедиция была свёрнута через год по причине начавшейся Крымской войны, и канула бы в безвестность, если бы не одно обстоятельство. Секретарем её являлся набирающий популярность русский писатель Иван Гончаров, автор отмеченного аудиторией и критиками романа «Обыкновенная история». По итогам путешествия им был опубликован цикл путевых очерков, сложившийся в цельную книгу под заглавием «Фрегат „Паллада“». Вдумчивыми и точными описаниями дикой природы и человеческой жизни дальних стран зачитывались несколько поколений русской публики.

А сформулированная автором в самом начале заметок проблема не потеряла актуальности по сегодняшний день: *«Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики… описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику…»* С тех пор прошло 150 лет. Науки о путешествиях по-прежнему нет, — а между тем, ценность путешествия уже подвергается девальвации!.. Смешно: при поиске в Рунете словосочетания «наука о путешествиях» обнаруживается только та же сдержанно-страстная цитата из Гончарова. Может быть, стоит наконец поработать над созданием новой научной дисциплины?.. Целенаправленные исследования дали бы нам шанс сохранить — быть может, в экспериментальном, преображённом виде — первостепенно важный в человеческой жизни, но исчезающий феномен.

Сперва следовало бы определиться с понятийным аппаратом. Что такое, собственно говоря, путешествие? Является ли таковым только преодоление географического пространства, или сюда же можно причислить странствия в иных реальностях (называемых иногда «фазовыми пространствами») — наркотические трипы, сюжетные сновидения, компьютерные игры типа «квестов» и «бродилок»? Однако уточнение и оценка различий между этими интригующими феноменами, их сепарация — капитальная задача, неосуществимая в рамках журнальной публикации. Поначалу можно остановиться на аспекте воздействия путешествия на самого путешествующего. Попробуем сформулировать так: путешествие — это сложный гуманитарно-технологический комплекс, представляющий собой относительно длительное перемещение человека в пространстве, сопровождающееся работой по осмыслению особенностей встречного ландшафта и местных культур, а также дорожных ситуаций (приключений)…

Что касается научной лексики, то общепринятым источником новых терминов является древнегреческий язык. И каждое из этих слов — повод подумать над смежными с путешествием явлениями человеческой жизни и культуры.

Травелог (относительно молодой, 1903 года рождения гибрид английского travel «путешествие» и греческого logos «слово, знание», либо английского же log «дневник») — текст о путешествии, обычно развлекательного или познавательного назначения.

Геопоэтика (geopoietikos) — ещё более молодое, пока не совсем устоявшееся понятие, означающее осмысление образов географических территорий путём создания текстов о них (зачастую в процессе или в результате путешествий), либо, в более поздней альтернативной интерпретации, изменение этих пространственных образов путём целенаправленной культурной деятельности, арт-проектов и т. п.

Перипл (periplus) — текст о морском путешествии вдоль берегов: эллины уделяли особое внимание водным путям, только для обозначения моря у них было целых три или четыре слова.

Аподемика *или* ***аподеметика*** — руководства к полезному и приятному путешествию.

Хорография (chorographia «описание земель») — систематическое описание стран (территорий) с информацией о ландшафте, водных путях, фауне и флоре, природных чудесах, исторических памятниках.

Периóд (periodos «обзор») — картографическое описание местности.

Перигеза (periegesis «путеводитель») — текст о сухопутном путешествии, отсюда ***перигет*** — автор перигезы, или вообще путешественник. Современный же греческий предлагает любопытный синоним –

таксидиот, то есть странник. Вслед за греками их соседи болгары называли таксидиотами путешествующих монахов. Но вот и удобное интегральное понятие –

ходос, или точнее, одос (‘odos), то есть дорога, путь. Наука о путешествиях –

одология? Может быть…

БОРЬБА С ОБЛОМОМ

Ценность и конечный смысл путешествия — в его развивающем воздействии на самого путешественника. Тут полезно вспомнить, что важным последствием вышеупомянутого путешествия на «Палладе» стала не только книга о нём самом. За три года до поездки Гончаров опубликовал новеллу «Сон Обломова», якобы отрывок из некоей будущей большой вещи, после чего запала длительная творческая пауза. Но по возвращению из морей у писателя сдвигается с мёртвой точки давно задуманный роман об Илье Ильиче Обломове, в конечном итоге — великая книга, совершенно новая «энциклопедия русской жизни».

Возникает предположение: художественный прорыв Гончарова с романом «Обломов» был бы невозможен или надолго заторможен, если бы автор не испытал творческую мобилизацию в сложной и богатой приключениями экспедиции.

В среде близких друзей Гончаров был известен как человек отнюдь не склонный к поездкам и авантюрам, и даже заслужил шуточное прозвище «принц де Лень». Сам факт отправления его в длительный круиз был воспринят как маленькая сенсация. Поэтому неудивительно, что победа над собственной инертностью смогла дать такие роскошные результаты.

Что должно вселять надежды и во всех нас.

ЩОСЬ ВОНО НЕ ТЕ

Отметим, что среди наблюдений и выводов Ивана Александровича по поводу столь интересовавшей и восхищавшей

его жизни в жарких, в частности, странах есть и довольно неутешительные. Нашему человеку в тамошнем климате не место! Автор лапидарно формулирует это устами неведомого украинца — компаньона по экспедиции. *«Щось воно не тее, эти тропикы! — повторял мой малороссиянин, отирая лицо»*.

Ничего нет лучше родины… Но так или иначе, единственный шанс достоверно убедиться в этом — совершить кругосветное путешествие. Испокон веков путешественники выдвигались в поход или плавание для того, чтобы в конце концов вернуться домой — возмужавшими, обогащёнными уникальным опытом и неординарным знанием многообразия человеческих особенностей и качеств. И степень этих полезных изменений или приобретений прямо связана с объёмом и интенсивностью пережитых трудностей и дискомфортных ситуаций. В пределе — максимальный эффект от путешествия возможен при наличии в маршруте участков смертельно опасных.

Недаром *страх перед дорогой* — одно из главных препятствий для путешественника. Острой формой проявления этого страха является *диарея путешественника*, обычно неверно объясняемая через смену рациона. Другой известный синдром страха — морская болезнь — традиционно связывается с нарушениями вестибулярного аппарата или ещё чем-то. Между прочим, за вышеупомянутую тягу к мореплаванию степняки-скифы насмехались над греками и считали их… таксидиотами, скажем так.

ЭПОХА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗАКРЫТИЙ?

Итак, мы можем вообразить себе, что уже закладываем основы для новой научной дисциплины… Тогда следует учесть, что одной из главных задач любой науки является прогнозирование. И не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы предсказать некоторые существенные скорые изменения в сфере путешествий — угрожающие разрушить самоё эту сферу.

Индустрия туризма, взявшаяся окормлять стремление человечества к путешествиям, естественным образом стремится предельно алгоритмизировать все процессы, снабдить путешественников путеводителями, набором сведений о маршрутах и полезными инструкциями, уменьшающими возможные риски. Если раньше моделью или идеалом путешествия можно было считать научно-исследовательскую экспедицию, то туриндустрия, раскладывая по полочкам знания и рекомендации, низводит всё до уровня *экскурсии*. Наиболее

интересные нам, белые пятна на карте расцвечиваются погуще топографическими значками и пометками.

Развивая сферу путешествий, человечество как бы тем самым делает их невозможными. Вспоминается старая шутка: *«В одном из прекраснейших уголков Земного шара… Но разве у шара могут быть уголки?»*

И всё же будем надеяться, что будут выработаны способы *остранения* уже целиком изученных и описанных справочниками территорий и явлений. Здесь уместно вспомнить, что пару десятилетий назад наука археология, всегда имевшая дело с объектами достаточно древними, начала фокусировать своё зрение на предметах более близких, представляющих не то что Новое Время, но и время Новейшее — начало XX века. Были раскопаны руины каких-то заброшенных заводов, внуки и даже дети работников коих, очень возможно, ещё живы.

Уже проводятся пробные раскопки на современных городских свалках, и наверняка они чреваты какими-то неожиданными открытиями… Поэтому вполне допустимо предположить, что и подлинные путешествия в будущем всё-таки возможны — туры или даже экспедиции по самым густонаселённым и максимально изученным районам планеты, по мегаполисам, по офисам корпораций, по ультрасовременным производствам…

Отстранённые и незаметные для окружающих (возможно, что и шапка-невидимка своевременно станет технической реальностью), мы пройдём там, *где ещё не ступала нога путешественника*.

Минусы вертикали [59]

Меня всё не отпускает брутальный символизм мультфильма «Мадагаскар». На этот раз нью-йоркские обезьянки грозят бросаться сверху какашками. Стремглав впадая в детство, зритель хохочет: сила сказки не в англоязычии четвероруких и даже не в робкой аллегории на американский милитаризм, а в предельной свободе волеизъявления.

* * *

Эта, единственно естественная, направленность полёта дерьма — сверху вниз — представляется мне и гравитационно обоснованной, и исторически преемственной. Наши пращуры приматы, начиная с полоумных полуобезьян лемуров и недвусмысленной тупайи, кажется, именно с этой целью добились выхода в объёмную, с вертикальной компонентой, систему жизненных координат. Вожак на верхушке дерева может гадить на сидящих ниже более слабых конкурентов и самок, те — на молодняк. В этом, очевидно, и заключается сущность Мирового Древа и любой социальной иерархии. Властная вертикаль даёт право не заботиться о судьбе своих экскрементов: это проблема тех, кто устроился ниже. Гермес Трисмегист был не ювелирно точен со своей изумрудной скрижалью («внизу, как наверху»).

Узникам горизонтали сложнее: странствуя в плоскости, рано или поздно натыкаешься на своё отвергнутое прошлое. Добро ещё, когда ты бездомный заяц или вольное копытное: родные лепёшки или катышки можно просто не признавать.

Зато от хищника уже сама концепция «подконтрольного участка» требует не то чтобы с ходу гигиены, но хотя бы конспирации. Вот откуда у кошек и собак наследственный рефлекс захоронения постыдного клада.

Однако не менее интересна, конечно, возможность прицельного пуляния, да и других творческих манипуляций. Вспоминается чья-то красивая картинка в интернете: «*Птица гадит на танкер с поправкой на ветер*». Если уж созревает в нас само собой, как жемчуг, нечто заранее ненужное и избыточное — почему бы не использовать непроизвольный продукт для решения этических, эстетических и прочих проблем? Гениальны догадки и дедушки Фройда с его анальной стадией сексуальности, и гражданина Хармса с его «*Мотька с г… ном наигрался и спать пошёл*».

Тем не менее, преодолевая непроизвольный автоматизм расставания с продуктами жизнедеятельности и заодно — свободное волеизъявление, развивая идею личных участков и, соответственно, личной гигиены, цивилизация придумала канализацию. Напомним, само латинское слово «клоака», приблизительный синоним ануса, изначально означало «сточную канаву». Каковое изобретение, метафорически равное целенаправленному вытеснению из памяти неудобных воспоминаний, было, в свою очередь, тоже эстетизировано и антропологизировано… «*Понеслось г…но по трубам!*» — нежно описывает давнюю дружескую попойку поэт Сергей Гандлевский.

* * *

Один впечатлительный японец в транссибирском экспрессе в ужасе прибежал к проводнику: «Я СЛОМАЛ УНИТАЗ!» И действительно: сделал своё дело, оглянулся проверить, а там вместо предметов медицинского анализа — мелькающие шпалы.

Мне представляется, что это сугубо наше изобретение: превратить «щемящее чувство дороги», бесконечную грустную зону между рельсами в полосу отчуждения, рассредоточенное по пространству-времени дно выносного горшка. Бедная отрезанная голова Анны Карениной в этом контексте испытывает ещё одно, уже символическое, попрание. Недаром в некоторых архаических культурах публичное обдавание дерьмом или погружение в оное приравнивается к смертной казни. Впрочем, «это в Турции, там тепло».

С эрой воздухоплавания масштабы дистрибуции фекалий и сопутствующих материалов резко расширились. Грустной зоной риска быть обгаженным сверху становится вся планета. Недавно в новостях прошло сообщение о некоем везучем крестьянине, чей сарай дважды за несколько лет был бомбардирован оледеневшей мочой с аэробуса.

Заметим, турбулентные явления в полёте придают траектории сброшенного балласта приятную непредсказуемость, — что наглядно демонстрирует эпизод с паспортом злосчастного персонажа «Необыкновенных приключений итальянцев в России». Коий паспорт был спущен заботливым соотечественником в самолетный нужник, но тут же кокетливо прилип снаружи к иллюминатору рядом с сиденьем хозяина. Когда я слышу изумительную песню Юза Алешковского «Окурочек», не могу отделаться от мысли о единственном пути, которым бычок неизвестной стервы попадает из «Ту-104» к ногам

сентиментального зека на этапе. И это всё так естественно…

* * *

Одно из самых сильных — и в эмоциональном, и в философском плане — впечатлений моей жизни связано с конкретным малоизвестным участком круговорота г…на в человеческой вселенной.

Дело было в 90-х в городе Керчь, он же средневековый Черкио и Воспро, он же позднеантичный Карх, а еще раньше — Пантикапей, столица славного Боспорского царства. Вдоль центрального холма, известного ныне как гора Митридат, сохранились сотни семейных подземных гробниц горожан — слегка эллинизированных скифов, исповедовавших тогда культ фригийско-фракийского конного бога Сабазия. Сабазиасты эти, каждая ячейка общества в собственном дворе, рыли укромные усыпальницы, где на трехметровой глубине укладывали в положенное время очередного покойника. А узкий (вертикальный, отметим) лаз, или дромос, заделывался наглухо до следующей оказии — во избежание посторонних гостей, ибо каждого отошедшего в мир иной снабжали в дорогу необходимой утварью, включая недешёвую керамику и какое-никакое золотишко.

В XIX веке, с присвоением Крыма российской империей, эти залежи полезных ископаемых стали понемногу осваиваться наиболее удачливыми представителями пришлого населения. Они так и назывались — «счастливцы» — и, разумеется, преследовались законом. Поэтому копали ночью, к новым же погребениям добирались не штольнями с поверхности, а продалбливая наугад в разные стороны длинным шлямбуром стены уже обчищенных камер и расширяя шурф, если стержень вдруг переставал испытывать сопротивление глинистого грунта. Так возник постфактум город мертвых, сетевой некрополь, при Советах закрытый археологами для посещения зеваками и новыми авантюристами. Но нам, молодым специалистам института океанографии, удалось подбить на небольшую новую экспедицию туда местного историка, писавшего когда-то по этим захоронениям научную работу и знавшего замаскированную мусором единственную точку входа.

Продвигаться пришлось в основном на четвереньках. Конечно, было страшновато. От покойников в помещениях остались, как правило, лишь отдельные кости черепа или скелета. Зато на стенах сохранились обращенные к усопшим

бесхитростные напутственные фрески, отчасти позволяющие предположить влияние на сабазиазм раннего христианства, а также автографы первых непрошеных посетителей, с положенными ерами и ятями.

Архитектура одной из самых дальних камер оказалась необычной. Посередине, почти достигая вершиной потолка, возвышался полутораметровый земляной конус. Вскарабкавшись по нему, я увидел над собой уходящую вверх темную штольню диаметром в ширину плеч, в каких-то засохших потёках. Минутная медитация привела к сокрушительному инсайту: вскрытый полтораста лет назад склеп был использован жившими над ним новыми пантикапейцами как выгребная яма! Я всегда знал, что нам в глубине своей на. ать на наше прошлое, но что эта позиция может быть настолько буквальной, не предвидел даже в самых буйных фантазиях.

Я попирал четырьмя конечностями пирамиду из старинного — судя по обычному черноземному запаху — кала. Мелькнувшее лихорадочное предположение, что камера не ограблена и наваленные холмом испражнения суть маскировка нетронутых фамильных драгоценностей, тотчас сменилось ужасом перед стопроцентно — в этом-то не было никаких сомнений! — хранящимися в пирамиде вирусами и бактериями. Вернувшись домой, я яростно драил кожу и стирал одежду, матерясь, но невольно восхищаясь практичностью своих покойных земляков.

Поиски наземного выхода осквернённого дромоса ничего не дали: ориентировочное местоположение заветного сраного сезама совпадало с покрытым мусором и сорняками пустырем. С тех пор я никогда не встречал столько фекалий одновременно. Но видение летящего г…на, несущегося по аэродинамической трубе машины времени куда-то назад, в далекое прошлое, временами преследует меня.

И я до сих пор не понимаю, что нам вообще делать с собой, если дерьмо из нас так и прет. Мы созданы по господнему образу и подобию, но есть подозрение, что сходство это не во всем. Попытки же прийти к некой единой метафоре приводят к какому-то странному раздвоению мысли. А напрашивающаяся итоговая фраза — «*Человечество ходит под себя*» — вызывает у меня двойственный образ: привязанного к земле Гулливера и шмыгающих под ним лилипутов.

Глобальное потепление как торжество всего [60]

«… Вот уже три года, как я не ношу зимой перчатки: при заморозках хватает карманов. Вторую зиму обхожусь без шапки. В случае чего достаточно капюшона… Благополучно закончилась первая зима без подштанников».

1 марта 2007 года, когда литератор N завершил этой записью заметки на тему смягчения климата, британские метеорологи продолжали обещать миру аномально жаркий год. Прогноз, как всегда, не сбылся. Год катится под уклон, а достоверно зафиксированный писателем вектор климатического сдвига до сих пор не узаконен наукой окончательно. Длится диспут, отраженный даже в голливудской анимации: глобальное потепление на нас надвигается или всё-таки четвёртый ледниковый период? С одной стороны, тёплый «эффект Эль-Ниньо» у восточного побережья Латинской Америки, с другой — остывание Гольфстрима… Засуха будет всемирная или все же потоп? То, что грядут новые казни египетские, уже известно всем; осталось только выяснить, какие именно. (За что именно, вопроса не возникает. Тут, каждому по-своему, всё понятно.)

На самом деле все гораздо проще. Погода не улучшается и не ухудшается. Она идет вразнос. Кошмарная ситуация, характерная пока для одной только Эфиопии (то засухи, то наводнения, а нормальной жизни нет), становится мировой моделью. Зима в той же Москве бьет столетние рекорды по морозам, лето — по жаре.

А до того, что Потепление и Оледенение способны наступать одновременно, никак не додумаются самые высокие лбы. * * *

И все же при всех зигзагах температурных кривых тенденция к таянию льдов налицо. Испарились воспетые Хемингуэем снега Килиманджаро. Облезает айсбергами чудовищная шапка Антарктиды. Разжижается *вечная*, как ее когда-то пафосно назвали, мерзлота Западной Сибири. Выбрасывая при этом в атмосферу столько метана, что Киотский протокол уже смахивает на протоколы сионских мудрецов, а выражение «нефтегазовая империя» становится просто саркастическим.

Ко всему перестает быть *ледовитым* океан. Освобождая от торосов огромные акватории, будто специально для того, чтобы Россия окончательно рассорилась с Америкой — на этот раз из-за арктических, тоже по-своему чудовищных, запасов нефти и газа. При этом мы почему-то убеждены, что, если объявить идущий через полюс подводный хребет Ломоносова естественным

продолжением Российской Федерации, конкуренты обязательно остепенятся и умерят свои аппетиты.

Что бы там ни было, а парникового эффекта планете вряд ли избежать. Даже ярые защитники окружающей среды требуют лишь «сокращения выбросов вредных газов». О *прекращении* никто не заикается. И открытие новых кладовых природы трактуется не как повод сделать наконец над собой усилие, обратиться к чистым видам энергии, остановиться в разграблении, а как свисток в игре «Кто первый разграбит?».

Так что впору заранее селекционировать гигантские хвощи и древовидные папоротники — загонять обратно в землю выпускаемого из нее джинна по имени Углерод. И предвкушать, какие толщи грязного антрацита останутся от предстоящей эры.

* * *

Мой друг Исмет Шейх-Задэ, мусульманский художник-концептуалист и по совместительству экзегет-любитель, посмотрел кинокартину «Титаник» с Ди Каприо. Выводы его показались мне любопытными.

Не триллер и не мелодрама, но социальная реклама для великоамериканских соотечественников — на уровне тотального Двадцать Пятого Кадра. Своим людям мягко и аллегорично демонстрируют, каким образом будут распределяться места в спасательных шлюпках при Всемирном потопе: конкуренция при нынешнем перенаселении по сравнению с эпохой Ноя вырастает на много порядков.

Кто достиг исполнения большой американской мечты (насчет количества цифр на личном счету) — тот спасен. Всяким лузерам, занятым вместо реальных дел духовными поисками и прочей ерундой, место за бортом. (Ну, по поводу роли здесь рефлексирующей интеллигенции я бы поспорил; мне много лет не дает покоя образ выжившей после крушения героини «Фальшивомонетчиков» Жида, которой поручили обрубать камбузным ножом пальцы всем, кто пытался уцепиться снаружи за переполненный бот…)

Из этого же апокалиптического ракурса коллега рассматривает, кстати, и пресловутую экспансию США в Переднеазиатском регионе. Дело не только в нефти. Штаты со свойственной им практичностью готовятся к концу света. Нагорная центральная часть Евразии, с ее чистым воздухом и великолепными пейзажами, — лучшая площадка для эвакуации бизнес-класса в случае Большой Воды. Такой VIP-Арарат.

(Совсем по-иному идёт навстречу катаклизмам сама Азия! Скажем, туркменбаши Ниязов незадолго до своей безвременной кончины заявил о строительстве зоопарка в раскаленных Каракумах. Где *«обязательно должны быть пингвины, поскольку им угрожает вымирание от голода в результате глобального потепления»*.)

* * *

Давно и навязчиво всплывающая везде (включая этот текст) тема углеводородов задевает целый ряд побочных, дополнительных смыслов. Из области если не этического, то, во всяком случае, экзистенциального.

Во-первых, сама эта цепочка вытекающих друг из друга физических процессов и их метафизических результатов.

Слишком много парниковых газов.

Слишком много тепла.

Слишком много пресной воды.

Слишком много моря.

Слишком много углеводородов…

Слишком много чего угодно.

Би-би-си сообщает, что одним из последствий потепления является распространение в Европе болезней, ранее характерных только для тропиков. За несколько лет зарегистрировано немало случаев малярии, появилась черная лихорадка.

Смещаются и перемешиваются ареалы биологических видов. Уже пятая часть рыбы в Средиземном море — сугубо тропические формы, мигрировавшие в последние десятилетия из Красного моря.

Вспоминается почему-то приговская оратория «ТОРЖЕСТВО ВСЕГО». А ещё — завязка одной давней элегии Виктора Куллэ:

> «Однажды будет всё: индийский чай,
> российский снег, китайские гондоны,
> отряды пролетарской обороны,
> гуляющие как-то невзначай…»

Тему Армагеддона, подспудно зреющей битвы, поэт черпает имманентно из образа навалившегося излишества, даже просто «достатка». Если очень долго всего не хватало, с состоянием последующего избытка справиться очень трудно, легко скатиться в полный хаос.

Недаром на Западе все активнее муссируется понятие

климатической бомбы.

Вообще, переизбыток того, чего больше всего хотелось, — в этом явно есть нечто эсхатологическое. Мне иногда кажется, что ожидающие многих из нас муки преисподней будут заключаться не во фрустрации типа жажды или голода ввиду всяческих напитков и яств, — напротив, грешников должны закармливать и опаивать ими насильно. То есть вместо «хотеть и не мочь» — навеки «мочь, но не хотеть». Такой, почти по Бродскому, гастрономически объективный ад.

И кто, самое интересное, предъявляет основные претензии на лакомый кусок? (Мы сейчас о гипотетических месторождениях в Арктике.)

Один из двух главных субъектов нарастающего спора — мировой гегемон, давно контролирующий множество чужих территорий и эксплуатирующий полезные ископаемые только там, собственные считая запасом неприкосновенным. Но нужно еще, еще!

Другой — гегемон бывший, ностальгирующий по былому величию, но поднимающийся заново по трамплину сырьевой конъюнктуры, уже транслируя миру свои мутные пока новые представления о новом порядке… Обладавший недавно шестой частью планетарной суши и, соответственно, минеральных ресурсов, а теперь — одной восьмой (что таки вдвое больше любой мировой державы) и понимающий это как унижение. Ойкумена, отдавай все Алясочки взад!

Но не слишком ли много углеводородов?.. Не программируем ли мы своей многосторонней алчностью если не последнюю мировую, то последний виток загрязнения биосферы, приближая, каким бы он ни был, судный день?

И хочется поинтересоваться напрямую у сторон назревающего конфликта…

А слабо́ многосторонне договориться о НЕиспользовании этих залежей, как это вроде было достигнуто в свое время по отношению к Антарктике?

Или: слабо подарить, по зрелому обсуждению, эти новые акватории самым бедным, обделённым природными ресурсами странам мира?

А слабо вообще подавиться? Не к столу, конечно, будь сказано.

Корабль старых дураков [61]

Больше всего на первый взгляд они были похожи на инопланетян.

Конец восьмидесятых. Наш научный корабль пришвартовался к причалу порта южнойеменской столицы Аден. Молодой специалист-биолог, гражданин СССР, в компании с бывалыми коллегами я второй раз в жизни ступил на территорию чужого государства. И почти сразу увидел их.

«ЧУЖИЕ»

От большой парусно-моторной яхты, ставшей на рейде, эту странную пёструю группу привёз к причалу портовый катер. Они были намного сутулее нас и в большинстве своём носили очки, их кожа была морщинистой, а одежда практичной и непривычно яркой: кроссовки, шорты, футболки, панамки. Высыпав на пирс маленькой галдящей толпой, они деловито ощетинились фото- и видеокамерами, фиксируя экзотические местные реалии и минуя объективами нас, учёных-моряков. При этом они с нами приветливо поздоровались и обменялись восторгами по поводу чудесной погоды и романтического пейзажа.

Романтического — не то слово! В стене офиса портовых властей зиял свежий пролом от орудийного залпа — след подавленного недавно военного переворота. Мы ещё озирались, думая куда направиться, а они уже целеустремлённо двинулись гуськом в начало улочки, идущей вверх к горному склону.

Конечно, это не так, — но мне показалось тогда, что они были смуглые и золотоглазые.

СЧИТАЙТЕ МЕНЯ ПРИДУРКОМ

С тех пор, когда в разных странах я вижу туристов-пенсионеров, меня не оставляет ощущение поставленной перед ними некой тайной космической сверхзадачи. Стоя, совершенно очевидно, одной ногой в могиле, они упорно изучают многообразие мира нашей планеты. И нет сомнений, что многих из них смерть застаёт не в домашней или даже гостиничной постели, а где-нибудь на сафари со львами, на горных тропинках или в карстовых пещерах. Недаром именно о туристах-пенсионерах шутят: «*Главное — не цель, а количество дошедших до*

цели».

Причём сухая статистика свидетельствует, что всё больше из них выбирают именно экстремальные маршруты и форматы путешествий. «*Согласно данным Министерства иностранных дел Великобритании все больше пожилых британцев старше 50 лет выезжают за границу, чтобы попробовать экстремальные развлечения: бэйс (прыжки с парашютом с наземных объектов), скайдайвинг (прыжки с парашютом в форме параплана), дюльфер (спуск по веревке на крутых и отвесных стенах) или плавание среди акул*».

Мининдел Британии даже издал справочник с советами туристам-пенсионерам, как подготовиться к походным трудностям и как преодолевать опасные ситуации. Тони Уиллер, основатель прославленного путеводителя «Lonely Planet», которому недавно исполнилось 60 лет, так сказал о своём поколении:

«*… Теперь речь идёт уже не о двух неделях в Испании или круизе. Мы считаем, что пенсионный возраст — это шанс сделать всё то, о чём мы мечтали или хотели: от сафари до плавания по Меконгу*».

«*Я люблю смотреть, как <…> тонет судно / с пожилыми придурками на борту*» — роняет поэт Ян Шенкман. И я отвечаю официально: хочу стать в своё время именно таким пожилым придурком.

ОБРАТНАЯ МОДЕЛЬ

Поначалу я просто ничего не понимал.

Ловя крупнейших представителей семейства ящериц в скалах на горном перешейке острова Тенерифе, я неожиданно столкнулся с пожилой супружеской парой, совершавшей восхождение, как и я, без компаньонов и гида. Все трое как раз созрели для привала, и завязалась дружеская беседа — на километровой высоте, под огромным и прозрачным атлантическим небом.

«Над какими именно проблемами Вы работаете там, внизу?» — спросил я Майкла, узнав, что он социолог. Супруги прилетели из Канады. «Ни над какими», — был простодушный ответ. «УАЙ???» — удивился я.

— He tired, — с улыбкой ответила за него Дженнис.

Очень хорошо. Значит, вкалывать он устал, а карабкаться по скалам — нет?? К этому надо было привыкнуть. Образцовый хомо советикус, я был уверен, что выход в тираж и переход на

пенсионное обеспечение означает тихую старость, со свежим воздухом в лучшем случае с балкона и спортивными достижениями в виде победы над соседями в дворовом домино. Концепция старения как угасания казалась единственно возможной.

Антисоветский мир показал мне обратную антропологическую модель. Да, эти люди, как и мы, пахали всю жизнь, –

прилежно, или как мы, не очень, — прерываясь на отпуска с непродолжительными вылазками на природу. Но с момента окончания трудовой деятельности происходило преображение. Долго сдерживаемое необходимостью зарабатывать деньги, а теперь стимулируемое тем фактом, что оные уже заработаны, махровым цветом распускалось *любопытство к миру*.

АНДРОИДЫ ГАМПЫ

Конечно, не последнюю роль здесь играет экономический фактор. Всё больше стран принимают непреложным постулатом, что пенсия должна быть равна зарплате человека в последний период его работы — а не 40 % или менее того, как всё ещё принято у нас. Недаром главные Мафусаилы авантюризма — по-прежнему иностранцы. Это, в том числе, и великолепный француз Жак-Ив Кусто, начинавший свои подвиги совсем молодым (между прочим, изобретением акваланга), и погибший прошлой осенью в возрасте 63 лет в горах штата Невада миллионер-янки Стив Фоссет. Первых уникальных результатов в одиночном плавании и воздухоплавании он достиг уже на пороге пенсионного возраста. Заработав миллионы созданием крупнейшей трейдинговой корпорации США Lakota Trading Inc, он на шестом десятке оставил бизнес, переплывал Ла-Манш, поднимался на все высочайшие вершины мира, участвовал в самом длительном скоростном ралли на гоночных машинах, пересекал океаны на яхте и облетал мир без посадки и дозаправки. Его друг Ричард Брэнсон, — конструктор уникального самолёта Фоссета, побивавшего рекорды скорости кругосветного перелета, но также и первого туристического космического корабля SpaceShip One, — называл его «*помесью андроида с Форрестом Гампом*».

Что же у нас? То ли миллионеров слишком мало, то ли они тратят свои миллионы на что угодно, только не на подвиги и развитие достижений человеческого духа.

* * *

А что касается общепланетарных перспектив, то в жизненной модели, завершающейся бесконечным познавательным путешествием, мне видится великое будущее всего человечества. Ведь и загадочные Странники у братьев Стругацких, следы коих Странников наши звездолётчики обнаруживали на самых отдалённых планетах — это явно престарелая, уставшая от своего прогресса инопланетная цивилизация (притом не очень даже важно, гуманоидная или нет), оставившая суетные дела и отправившаяся в последнее, но нескончаемое великое путешествие по Вселенной.

Homo Lusens, наследник Крыма [62] (О книге Александра Люсого «Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность» [63])

«Поэт, художник, культуролог…
Кавалергарда век недолог».

Невеселый звягинцевско-окуджавский центон в зачине как бы намекает, что здесь у нас будет история пессимистическая. Про то, скажем, как исследователь X. Y. родом, например, с Кубани, одержимый краеведческим азартом присоединять родной топоним к любым другим элементам реальности, — или, шире, пагубной человеческой страстью к сопоставлению несопоставимого, — выдумал термин «кубанский текст русской культуры». Выдумал, а термин вдруг оказался жизнеспособным и заработал. В смысле, помог объяснить некоторые особенности текстов, написанных кубанскими литераторами, а особенно — литераторами приезжими, которые, побывав на Кубани, стали писать немного по-другому. И даже не побывавшие на Кубани, а только слышавшие о ней — тоже немного по-другому стали писать. Он-то термин придумал, а потом некие магаданские, скажем, филологи затеяли конференцию на Охотском море — почему-то про этот самый, в русской культуре, кубанский текст. И самого X. Y., автора концепции, на тусовку не позвали. Вернее, пригласили в последний момент, но не дали толком выступить. И получился невеселый нонсенс, омрачивший подготовку его итоговой на сегодня книги.

А на самом деле у нас история оптимистическая! Поскольку она всего лишь про то, как исследователь X. Y. придумал термин (назовем уже под правильным, сакральным именем) *«крымский текст русской культуры»*, а термин оказался верным и заработал. И теперь мы все имеем право, и даже почетную обязанность, им пользоваться. Потому что столь оптимистичны и плодотворны природа научного азарта и пагубной страсти все сопоставлять… А природа Крыма, как ни крути, такова, что сама подтолкнет к играм ума. «Воображенью край священный», — исчерпывающе сказано об этом еще А. С. Пушкиным.

А про вероломство охотских филологов, да и про них самих, скоро все забудут.

Александра Люсого принято хвалить за *увлекательный*

эссеистский стиль, содержательность академической части, «множественность цитат… сродни ренессансной varieta». Я же ценю в авторе А. Люсом отнюдь не текстуальную компоненту, но именно выдумки. (Так, не будучи поклонником прозы В. Войновича, обожаю мелькающие в его книгах кунштюки, вроде газеты «Правда» в форме рулона туалетной бумаги.) В фан-клуб люсофилов, иными словами, не вхожу. Пишет Александр Павлович многомудро, пространно, пестро, — можно сказать, барочно, но точнее все же было бы «рококошно». Растекаясь сложносоставными предложениями, неудержимо играя словами, как логофил-вундеркинд, нокаутируя неосторожного читателя редкой терминологией и постструктуралистским лексиконом… Я же, хоть сам отчасти сторонник обскурантизма и умозрения, как потребитель письма ценю как раз прозрачность и лаконизм.

Интересен Люсый, и особенно его последняя книга «Наследие Крыма», на мой взгляд, совершенно другим. В этом авторе предельно проявился открытый и всесторонне описанный им феномен «крымского текста» — текста играющего, по одному из определений, с географией, историей и мифологией, как с фрагментами самого себя.

«…Прямой продолжатель масштабной исследовательской деятельности таких всемирно известных ученых-подвижников, как Михаил Бахтин, Юрий Лотман, Владимир Топоров, Михаил Гаспаров», — сказано об Александре Люсом. Мне же кажется, что следует говорить не столько об исследовании, сколько о собственно возведении мифов. И если у названных выше гигантов последователей хоть отбавляй, мне видится совсем другая, причем незаслуженно полузабытая персона. В лице Люсого мы имеем дело с редким наследником (подчеркну, речь о культурной роли, а не о литературном качестве) незаурядного мифотворца, подлинного и беспримерного Homo ludens — Алексея Ремизова, бессменного председателя Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Бескорыстная преданность интеллектуальной игре роднит две эти странноватые фигуры.

Таким образом, «крымский текст» оказывается очередной крымской мифологемой, но уникальной тем, что отражает в себе все остальные.

Если же подойти к «крымскому тексту» как к региональной школе, мы очевидно имеем дело с готовым её идеологом. Когда-то в похвальной рецензии на прозу земляка и тёзки моего героя, А. Грановского, сказалось буквально следующее: «*Метод постмодернистский, рассредоточенный, слегка шизоидный*»… Александр Павлович же показывает нам, что не бывает предела совершенству.

Эллинистическая топонимика и русская лексика, Серебряный век и реалии контемпорари арт, исторические факты и локальные легенды — всё приходит у Люсого в броуновское движение. Рекреация теряет ясные границы с креацией. Крым из «места для отдыха» превращается во «время собирать камни». (Камни причём годятся любые — от абстрактного гранита науки до «куриного бога» с коктебельского пляжа.)

..И все же здесь имеет место не только игра.

Люсый возвращает в литературный обиход «поэтического Колумба Крыма» Семёна Боброва.

Развивает и углубляет идеи геопоэтики (мимоходом демонстрируя преимущества логофилии над филологией).

Выявляет коренное стилистическое отличие между русским Севером (с его эпическим героизмом гипербореев) и отчасти русским Югом (с его плутовскими жанрами игрушечного Средиземноморья).

Ловит за руку жуликов от крымского текста, спекулирующих драгоценными пейзажами («*береговой контур Крыма, этот млеющий клиторок, обмакнутый в синеву*») и ликами (вроде «*пушкинского лица, вскормленного няниной грудью*»).

Напоминает всем о симулятивной сущности таврического мифа (увязывая его в том числе со «сквозным внеисторическим стереотипом» российской ментальности — потёмкинскими деревнями).

Раскрывает вышеупомянутый миф в многообразии его литературно-поэтических преломлений (обобщая сказанное о благословенном полуострове великими и не очень).

Доказывает с пером в руках, что Крым — это не только военно-морская база.

* * *

Итак, автор Александр Люсый — это феномен. Книга «Наследие Крыма» феноменальна. А Крым, как предлагал очень уместно В. Аксёнов, — игровая площадка для всего мира. (Включая, очевидно, не в последнюю очередь русскоязычных логофилов.) Или, по выражению менее именитого заокеанского коллеги, «всесоюзная песочница». Уточню: песочница для вундеркиндов. Самозабвенно играющих с кубиками реальности — географией, мифологией, топонимикой, историей — как с фрагментами самих себя.

Неудержимо сопоставляющих сопоставимое с несопоставимым.

Слово о Дмитрии Замятине [64]

До тех пор, пока не будет окончательно разрушена стена между двумя полярными модальностями современного сознания — интуитивной и дискурсивной, артистической и научной, образной и логической — разрушители этой стены будут выглядеть как автохтонные представители этих, так сказать, полушарий. Плоть от плоти своей парадигмы. Просто они осознали в какой-то момент пагубность и бесперспективность своей односторонности и начали подкоп или демонтаж стены со своей стороны. Когда-нибудь они (мы) встретятся, и это будет величайшее рандеву в истории человечества — поэтов со специалистами, визионеров с аналитиками, художников с систематиками. Когда окажется, что это одни и те же лица.

Сегодня в гуманитарном пространстве России существует человек, который уникальным и неудобопредставимым, на первый взгляд, образом бьётся с этой стеной сразу с двух сторон. Его зовут *Дмитрий Замятин*, и для многих коллег, а тем более для студентов соответствующих факультетов он давно, ещё с прошлого тысячелетия является классиком. «Пространственный поворот», обращение гуманитарной мысли к неисследованным сторонам взаимодействия человека с географией впервые в российской науке было озвучено именно им.

Литературное паломничество на места боевой писательской славы как экзотическое и, в общем, маргинальное явление культуры существовало и раньше. Замятин обратил умственные упражнения на этой почве в стройную систему, а романтический порыв к путешествию — в повод для самоанализа и отдалённых текстологических реминисценций.

Менее были известны начатые им параллельно или немного позже работы в диаметрально противоположных интеллектуальных форматах и жанрах. Эссеистика Замятина — образец «нестрогого» жанра исследования, когда к новым смыслам автор приходит не путём прямолинейных научных рассуждений, но изогнутым ходом коня, где связь между исходным и конечным мыслительными конструктами зачастую оказывается неуловимой. Недавно мы узнали Дмитрия Замятина — поэта, и здесь он верен прежней фантастической идее разрушения архаичной ментальной стены. Его новые тексты по-прежнему во многом связаны с рефлексией на пространство и по-прежнему работают на растворение перегородки между наукой и искусством — теперь уже с «левой», художественной её стороны.

Невероятное количество научных терминов, выработанных

им для описания человеческой рефлексии на окружающее пространство, топологию, ландшафт — свидетельство борьбы, временами лихорадочной, с неуловимостью своего предмета. В глубине своей взаимоотношение человека с пространством, с географической средой табуизировано, оно «выталкивает», парализует рефлексирующее на эти темы сознание. Замятин — один из немногих, кто понимает, что бьётся не с ветряными мельницами (как это кажется некоторым, предпочитающим видеть за междисциплинарностью мышления всего лишь его недисциплинированность), а с подлинным, невидимым для подавляющего большинства драконом неизъяснимости.

Верю в то, что это сужающееся раздвоение, невероятная битва с противником сразу с двух противоположных сторон приведёт Дмитрия Замятина ещё ко многим открытиям и победам.

Конец истории, начало географии «Неандертальский вопрос» сегодня [65]

Что-то не так.

Многообразие дисбалансов в состоянии обозримого человечества взывает к позитивному, да и к любому другому, разуму. В базисных объяснениях структуры нашей психосоциальной, социокультурной, политэкономической и т. д. реальности ощущается какая-то нестыковка. Архаизм — если не сказать анахронизм — сегодняшней власти на евразийских (ну, то есть постсоветских) пространствах проявляется социальными конфликтами и чреват конфликтами ещё бóльшими, вплоть до гражданских войн. Архаизм власти некоторых стран просто азийских — чреват войной мировой. Вопиющая неразличимость путей модернизации этой власти заставляет задумываться над обратным вариантом спасательных мер — вплоть до тотальной архаизации (анахронизации) всего остального.

Труд это, весьма возможно, богоугодный. Однако всё же явно немножко Сизифов. Как если бы делать что-нибудь против ветра.

Между тем на дворе, как выражался один романтический дачник, тринадцатый год нового тысячелетия. Та самая эпоха, когда, согласно давним ожиданиям, противоречия мировой цивилизации, хотя бы наиболее опасные, должны уже быть сняты — силой одного только возросшего знания о человеческой природе. И неясность путей предотвращения апокалипсиса не только глобального, в виде мировой войны, но даже локального, в виде войны гражданской (пусть даже как-нибудь красиво озаглавленной, типа «арабской весны»), — свидетельствует прежде всего о несостоятельности, на сегодняшний день, вышеупомянутого знания.

ПОДСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Антропология, что бы не подразумевалось под этим словом, не может не быть знанием хотя бы отчасти прикладным. Если мы исследуем структуру и мотивацию различных человеческих практик, а к таковым устойчивым практикам принадлежит, например, терроризм, — то рано или поздно мы можем, а значит, и должны прийти к каким-то профилактическим рекомендациям…

О прагматике больше ни слова, сейчас речь об

антропологическом знании как таковом. Представляется необходимым смещать озаглавленные так мыслительные конструкции из описательно-объяснительного дискурса, каким бы самодостаточным он ни выглядел, в поле онтологии и телеологии — пусть это даже покажется кому-то сдвигом в сторону философии или уступкой религии (а может быть, мистицизму). Всё сказанное — пока общие пожелания, но есть, похоже, первые соображения по смене общего подхода.

Антропология (объединим этим эвфемизмом всю совокупность антропологических или шире — гуманитарных дисциплин, буде их этимология тоже сводится к «человеку») как бы воображает себя бедной палеонтологией, лишённой возможности рассмотреть свой предмет в его целостности и вынужденной судить о нём по отпечаткам его мёртвого тела в мёртвых горных породах, древним следам, которые сами тоже уже частично уничтожены или разрушены. Невольно напрашивается старинная аллегория про слепцов, пытающихся высказаться о сущности слона, но способных говорить лишь об отдельных его частях или органах… Аналогия красивая, но неточная, поскольку явно избыточная. Предмет антропологии, как показывают банальные эмпирические наблюдения, не столь уж непомерно широк. Я бы не сужал.

От необходимой критической части перейдём к потенциально конструктивной.

Новая антропология, если таковая возможна, должна, прежде всего, строиться на других — хотя бы отчасти — основаниях. Например, если мы признаём некую поступательность и необратимость исторического движения человечества, и усматриваем в качестве движущей силы непримиримую, но плодотворную борьбу каких-то противоположных начал, то следовало бы искать альтернативу общепринятым моделям бинарной оппозиции — борьбе классов, каст, элит, поколений, полов и т. д. Нам не известны какие-либо доводы в пользу того, что вечная линия фронта, мобилизующего пресловутый цивилизационный прогресс, не пронизывает человеческий космос под каким-нибудь ещё, совсем другим углом.

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

И здесь предлагается вспомнить о *неандертальцах*, — осмыслив разом все последние связанные с ними научные открытия и гипотезы.

Во-первых, уже достаточно давно опровергнуто представление, что неандерталец — вид Homo, эволюционно предшествующий кроманьонцу, более примитивный. Некоторые черты его анатомии действительно кажутся, так сказать, непродвинутыми, зато более объёмный, чем даже у современного человека, мозг намекает на обратное. Да и в культурном плане — именно за неандертальцем признан, например, уникальный прорыв в изобразительном искусстве. Собственно, все известные на сегодня наскальные росписи проходят именно за его авторством. А главное, известно, что кроманьонец и неандерталец сосуществовали и взаимодействовали. Как именно — особая тема. Советский историк и социолог Борис Поршнев — гениальный визионер, неизвестным нам способом пришедший к целостной картине бытия палеоантропов (как он почему-то называл неандертальцев) — убедил нас, что взаимодействие было кровавым. Неандертальцы, как менее социализированный, не слишком склонный к консолидации даже перед лицом опасности тип, потерпели поражение в этой, вероятно, многотысячелетней войне. Сохранились ли они где-то на краю, или за краем, сегодняшней ойкумены, в лице достославных «реликтовых гоминоидов» или т. п., — здесь речь не об этом.

Суть в том, что в ходе борьбы два близких, но имеющих некоторые кардинальные различия вида многократно скрещивались. Имели жизнеспособное и фертильное, в свою очередь, потомство. Официальная генетика заявляет, скажем, что иммунная система современного человека большей частью унаследована именно от неандертальца, другие признаки — в меньшей степени. Но мы сейчас, опять же, не о витальных проявлениях.

Пропорция неандертальских генов у среднестатистического современника оценивается в пределах всего нескольких процентов. Но если вспомнить постулаты генетики о возможностях рекомбинации и дрейфа генов, логично предположить, что у одних особей Homo sapiens эти проценты могут быть растеряны, стремиться к нулю, а могут и наоборот — накапливаться и, не исключено, даже зашкаливать.

Простую, но радикальную научную идею, удобную для дальнейших умопостроений, я услышал несколько лет назад от культуролога Игоря Яковенко. А именно, что свойственный уже отдалённым нашим предкам бинарный психический механизм «суггестия/контрсуггестия» (условно говоря, способность приказывать и, соответственно, сопротивляться приказам), описанный когда-то вышеупомянутым Поршневым, не обязательно имеет вербальную природу. Факт есть факт:

достаточно давно доказано, что у неандертальца гораздо слабее, чем у кроманьонца, выражены отвечающие за членораздельную речь отделы головного мозга. Да и сама наглядная анатомия речевого аппарата, начиная с более чем скромной подбородочной кости (создающей ложное впечатление «неправильного прикуса»; «аристократически скошенный подбородок»), была развита гораздо слабее.

Вывод элементарный: нелюдимый молчун неандерталец умел внушать всё, что ему понадобится, бессловесно. Недавно на BBC прозвучало мнение экспертов, что структура черепа неандертальцев вообще не позволяла им говорить. Если так, наличие у них материальной культуры, искусства и т. д. уж точно придётся объяснять общением телепатическим…

ШАШНИ С ЛАНДШАФТОМ

Чтобы представить, как они могли приобрести такую способность, вовсе нет необходимости покидать научный дискурс. То немногое, что мы знаем о механизмах эволюции, вполне позволяет объяснить этот [предполагаемый умозрительно] феномен.

В последние годы, благодаря компьютерным реконструкциям строения и динамики частей скелета неандертальца, стало окончательно ясно, что коллективной охотой на крупную дичь он, в отличие от кроманьонца, заниматься не мог. Загонять на кромку обрыва или в ловчую яму (как это издавна изображают нам художники-энтузиасты) стадо диких лошадей или отдельно взятого мамонта могут люди, чья конституция предназначена для долгого упорного бега. Кости же и мышцы ног неандертальца были ничуть не стайерскими, но спринтерскими. Это свидетельствует о принципиально другом стиле плотоядного поведения.

Кроманьонец предпочитал, как например хищники семейства собачьих, загонную охоту. Неандерталец, подобно представителям семейства кошачьих (недаром ведь он «гулял сам по себе») — скрадывание. Прятался со своим копьём в укрытии, дожидаясь приближения будущей добычи. Затем стремительный рывок, спурт, удар копьём, и… И вот здесь мы имеем право сделать первое заметное логическое допущение.

Для того, чтобы не погибнуть от голода, чтобы гарантировать себе приближение животного, даже если оно единственное на огромной территории, неандерталец обязан был выработать у себя рано или поздно — тупая диктовка естественного отбора! —

определённую способность к гипнозу. Какой-нибудь тур или олень, проходя вдалеке, должен был почувствовать непреодолимое желание — мотивируемое, быть может, беспричинным страхом перед другими вариантами маршрута, а может, беспричинным любопытством? — пройти возле засады палеоантропа.

..И вот Он скрывается в листве на краю лесной прогалины, неизвестно с какой стороны, не выдавая себя ни звуком, ни запахом — подолгу он не бегает и потому никогда не потеет, и не надо нам баек про «вонючих предков»! Он растворился в окружающей среде, он, собственно, стал ею. И теперь она вся, на какое-то время, думает о том, кто проходит через этот оживший, одушевлённый пространственный коридор. Но потенциальная добыча ещё об этом не знает, а подходит к каким-то особенно затихшим кустам подлеска, чтобы почесаться рогом или отщипнуть веточку…

Суггестия неизбежно снимется, сорвётся в момент атаки, и это будет уже не гипноз, а настоящий честный спорт: кто окажется ловчее и стремительнее, зверь или человек? Но если охотник шевельнётся на секунду раньше, чем нужно, или ещё почему-то жертва очнётся от наваждения, — легко представить себе ощущение животного (впрочем, а какого ещё?) ужаса, испытываемое ею вдруг — посреди уютной, показавшейся сперва абсолютно безопасной полянки… Весь обступающий пейзаж охотится на тебя!

ДВА В ОДНОМ

..Итак, после хронологически последнего, вероятно, разветвления родословного древа Homo sapiens, два ближайших наших разумных пращура пошли по разным путям адаптации, овладевая, помимо физического пространства своих ареалов, новыми, неизвестными животному миру измерениями жизни.

Склонный к вербально-логически согласованной, алгоритмизируемой деятельности, кроманьонец создал первые поселения и начал осваивать пространства социального взаимодействия, множившиеся и усложняющиеся по ходу дела — отчуждаясь постепенно от географического ландшафта и от природы в целом. Иррациональный индивидуалист неандерталец оставался плоть от плоти этого ландшафта, его подвижной, но органичной частью. И прорастал при этом в пространства мистериальных сил.

Два конкурирующих вида имели каждый свои, весьма

различные преимущества и слабости. Преимущество кроманьонца, как коллективиста — удивляться нечему — оказалось решающим… Однако незадолго до полного и окончательного решения неандертальского вопроса виды успели гибридизироваться. И сквозь глобальную историческую канву, как потайные чернила, по-прежнему проступали мистические способности отдельных людей, — предоставляя им жизненные преимущества в социуме (но с ними заодно и повышенную опасность для жизни), а при благоприятных условиях институциализируясь, обрастая мистериальными практиками и ритуалами. Так, в форме уже внутривидовой конкуренции, продолжается по сей день эта грандиозная драматургия, великая вечная война (вот она, искомая линия внутреннего фронта!) Логики и Интуиции, Науки и Магии, Речи и Молчания, Коллективизма и Индивидуализма.

И если на бинарном поле Коллективизм/Индивидуализм в конце концов с разгромным счётом побеждает Коллективизм, то с раскладами в некоторых других оппозициях не всё так однозначно.

СОЮЗ РЫЖИХ

Мой покойный друг писатель Даур Зантария, человек невероятной внутренней мощи и редкого обаяния, чья выразительная внешность характеризовалась, в частности, развитыми надбровными дугами, в своей повести «Кремнёвый скол» с симпатией называет неандертальцев «рыжиками». Тема грибов к данному контексту отношения не имеет, речь всего лишь о цвете шерсти (ну то есть, волосяного покрова). Неандертальцы были рыжими; рыжие волосы — хрестоматийный пример рецессивного признака у человека.

От представителей всех, неродственных между собой, кавказских народов, на территории обитания которых мне доводилось путешествовать — армян, грузин, абхазов, аварцев… — я слышал очень похожие слова по поводу того, что самые «чистопородные», из самых дальних селений, их соплеменники, издавна наименее смешивавшиеся с чужаками — как правило, голубоглазы и рыжеволосы. Известный закон проявления рецессива при скрещивании в закрытых популяциях. Рыжеватым был единственный мой знакомый аварец Руслан Нурудинов, он же поэт и куратор Руслан Элинин. Невысокого роста, но великой суггестивной силы персонаж литературной жизни Москвы конца 80-х — середины 90-х.

Отметим, что смешение неандертальского и кроманьонского генотипов произошло задолго до формирования не только современных этносов, но и основных антропологических рас, и «неандертальцы» рождаются среди любых народов — кроме, разве что, коренных жителей Африки. Лично у меня последнее вызывает ступор: некоторые важные свойства неандертальской психической деятельности кажутся ближе всего к параметрам чёрной расы. Не вызывают сомнений постулаты теории негритюда, предложенной Леопольдом Сенгором. Представитель негроидной расы наиболее органично существует в пространстве, чутче других воспринимая реальность, получая информацию с невидимых её слоёв, те самые «тонкие вибрации». Другое дело, что за африканцами в среднем не замечено сколько-нибудь повышенной способности к суггестии. Видимо, дело просто в частичном конвергентном сходстве с неандертальцами.

В свете этих соображений становится понятнее, скажем, преследование в средневековой Европе, Инквизицией и не только, людей с рыжими волосами. Рыжеволосость считалась опасным признаком, свидетельствующим о мистериальных (колдовских) способностях. Обладатели уже одного только этого обособленного биологического свойства преследовались, уничтожались. Да и в наше время временами приходится временами слышать квазисиллогизмы типа: «Натуральная рыжая… Наверное, ведьма!»

Из вышеизложенных элементарных наблюдений и соображений следует (может следовать) бездна конспирологических мотивов и сюжетных заготовок…

Разумеется, реликтовый окрас волосяного покрова не обязательно совпадает с «мистериальным» атавизмом психики (экстрасенсорность, паранормальность и тд.). Иначе мы бы имели, например, целые аулы потомственных рыжих шаманов и ясновидящих. Но независимо от процента совпадений этих признаков — мы можем использовать рыжину как метафору. «Союз рыжих» — невинная детективная фантазия Конан Дойла, название которой возводит эту метафору в авральную для «кроманьонского большинства» степень: люди с проявленными неандерталоидными чертами психики — назовём их просто «неандертальцами» в кавычках — могут объединяться для защиты своих интересов и/или решения своих [тайных?] задач!

МИСТЕРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Двадцатый век пережил несколько, условно говоря,

эзотерических переворотов. В их числе можно назвать всплеск интереса к оккультизму в политической элите тоталитарных (а вполне вероятно, не только тоталитарных) стран в первой половине века; во второй половине — распространение на Западе восточных религий, появление трансперсональной психологии и синкретических культурных течений вроде Нью-Эйдж и движения хиппи; в XXI-м — взрывное обогащение поэтики ролевых и компьютерных игр магическими образами и сюжетами… Новый расцвет переживают тайные ордена и секты. Мистериальное не просто возвращается. Нам довелось застать подлинный реванш «неандертальского дискурса». Но в этом нет, однако, ни на йоту той «анахронизации», о которой говорилось в начале.

Исследования культуролога Екатерины Дайс демонстрируют тотальное, сквозное присутствие в современной европейской, в широком смысле, цивилизации (захватывающей, безусловно, страны Америки и, вероятно, Японию) мистериальных символов и элементов. Культурное поле человечества размечено плотной мистериальной «сеткой». Эта традиция институционализируется зачастую в виде тайных (либо замаскированных под что-либо другое) объединений — рыцарских орденов, религиозных сект, алхимических школ, колдовских династий и т. д. (Отдельной статьёй мог бы проходить цыганский этнос или, точнее, суперэтнос: как некое цеховое объединение гипнотизёров и ясновидящих, приобретшее национальный масштаб — если только мы не имеем здесь дело с красивым мифом.)

В результате двухтысячелетнего противостояния этих течений общеевропейскому религиозному мейнстриму (осуществлявшемуся, понятное дело, в основном коллективистским «кроманьонским большинством»), они оказались оттеснены на периферию информационного поля, приобрели маргинальный статус. Возникает вопрос — каким образом осуществляется дрейф этих явлений с окраины в центр?

Здесь не лишне вспомнить, что люди с повышенными мистериальными способностями, или «неандертальцы» (предлагается называть их ещё короче, переосмыслив античный термин для обозначения младших жрецов, новопосвящённых: мисты) наследственно не слишком расположены к интеграции. Естественно предположить, что, с одной стороны, многие участники объединений «неандертальцев» по своей природе не являются таковыми. Это просто умелые имитаторы из «кроманьонцев», составляющие отдельный, по-своему крайне любопытный класс шарлатанов. А с другой стороны, некоторые «неандертальцы» могут, наоборот, имитировать «кроманьонский дискурс». Вне всяких масонских лож, рыцарских орденов, тайных

сект и прочих «союзов рыжих» одарённый мист может защищать свои интересы и осуществлять свои задачи, скрывая свою «неандертальскую» сущность.

Подобная стратегия, основанная на гипнотических или даже магических навыках, может быть настолько успешной, что мы вправе подозревать неандертальскую сущность у многих людей, ставших лидерами в самых разных сферах. И не в последнюю очередь — во вполне «кроманьонских» с виду: во властных структурах, в церковных аппаратах, в спецслужбах…

Если это так, то мистериальная революция, во-первых, неизбежна, а во-вторых, не обязательно должна быть заметной.

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ»

Как всё вышесказанное связано с гностическим мировоззрением, которое подозрительно часто присуще носителям мистериальных способностей? Вряд ли представление о жестоком и неразумном Демиурге коренится в коллективном воспоминании «неандертальцев» о поражении их предков в битве с лучше организованными, но лишёнными художественного дара противниками… Скорее, дело в самом самоощущении избранного, электа… «Кроманьонское большинство» склонно верить в трансцендентное вне себя. «Неандертальское меньшинство» — также в божественную искру (мистическое начало) в самом себе. «Я поэт», — ответил на вопрос судьи о роде его занятий всемирно известный рыжий тунеядец.

* * *

Нас же сейчас волнует одно из важнейших свойств неандертальца — его неразрывная [мистическая] связь с территорией обитания, с окружающим ландшафтом. Если догадки верны, мистериальная революция, реактуализация «неандертальского дискурса» должна нести с собой смену принципов взаимоотношений человека с биогеографической средой. И XX век последовательно демонстрировал такие изменения. А если даже мы ошиблись, и дело вовсе не в генетическом наследии палеоантропов, и всему придётся искать другое объяснение — «неандертальская» гипотеза на сегодня работает, хотя бы как удачная метафора…

Первой ласточкой мистериальной революции послужило возникновение геополитики, рассматривавшей государства в их

целокупности с территорией как гигантские конкурирующие между собой живые организмы. Экологизм, которым заряжены многие духовные движения, включая тот же Нью-Эйдж, построен на философии любви к Земле: «шашни с ландшафтом», но уже идеологически обоснованные. А в последнюю четверть века в гуманитарных науках на Западе замечен красноречивый сдвиг исследовательских интересов: от исторического ракурса к «географическому». Литературоведение, культурология, этнография и т. д. всё большее значение придают взаимосвязи своих предметов с их планетарным и локальным контекстом. Это глобальное явление получило название «пространственный поворот». На постсоветском ареале с середины 90-х в обсуждении этих тем активно применяется термин, взятый у парижского поэта Кеннета Уайта — «геопоэтика».

Понятие «конца истории», завершения исторического процесса, выдвинутое Михаилом Гефтером, а затем Френсисом Фукуямой, приобретает в этом контексте совершенно новый смысл. Если истории больше нет, исторический подход в науке закономерно умирает. Но внезапный компенсирующий рывок в развитии географического подхода означает одно: ничего на самом деле не кончилось, просто время теперь меньше влияет на нашу жизнь, и всё сильнее влияет на неё пространство. Перенаселение планеты и деградация природных ландшафтов, возникновение и расслоение виртуальных пространств, соблазн (угроза?) ухода в них для части человечества, «естественный отбор» альтернативных реальностей, «мифологическая революция» гуманитарных технологий, выбор между утопиями и конфликты между ними — вот реальные проблемы, стоящие перед нами. За всем этим грозной вселенской дырой темнеет отсутствие ответа на главный антропологический вопрос — о цели существования человечества. И мы возвращаемся к «смещению в сторону онтологии и телеологии», о необходимости которого говорилось в начале.

Обустроить Землю, превратить её в «благоустроенный космический корабль» — призывал 16 лет назад на Первой конференции по геопоэтике Михаил Гаспаров. Великие утописты указывают направление, не удосуживаясь хотя бы набросать маршрут. Искать пути приходится всем остальным. Но отрадно хотя бы то, что сегодня в человеческий мир возвращается исчезавший надолго баланс (а с ним — и великая война) между Логикой и Интуицией, Наукой и Магией, Речью и Молчанием, Коллективизмом и Индивидуализмом.

Двое в одном скафандре [66]

Уже давным-давно замечено, как
некрасив в скафандре водолаз…

В. У.

Говорят, что лучшим, а то и единственным на сегодня лечением от тяжёлых форм депрессии является не кондитерская диета, не пытка воробьиным пёрышком и даже не 15 минут славы, а ***погребение***. Это одно из самых эффективных направлений психотренинга, именуемого, понятное дело, «танатотерапией». Больной копает сам себе могилу в лесу, медитирует наедине с лопатой «для ощущения быстротечности жизни», а затем ложится в гроб с вентиляцией в виде трубочек, и его закапывают в чернозём как минимум часа на три. Потом откапывают — совершенно здоровым.

Здесь очевидна работа принципа относительности: психофизиологические или экзистенциальные проблемы, мучившие пациента, оказываются вдруг сущим пустяком на фоне шанса (пускай скорее теоретического, зато вполне наглядного) на смерть «а-ля Гоголь». Важен, конечно, и сам факт предельного ужатия жизненного пространства. Вселенная — архетипически мыслимая небесная твердь — стягивается от бесконечных величин до внутренних габаритов гроба. Зазор между этой новой твердью и поверхностью тела — вот и вся остаточная свобода персонального волепроявления. А остро ощущаемые пределы пространственных измерений заставляют пациента, помимо прочего, смириться, сжиться с ограниченностью предстоящего ему — каким бы он ни оказался — отрезка измерения временно́го.

Это к тому, что всё больше копий ломается в последнее время вокруг научно-практической проблемы: является ли русская ментальность по умолчанию гностико-манихейской, как это отмечают некоторые исследователи, и если да, то не синоним ли это замеченной другими исследователями тотальной депрессивности? При этом депрессия расценивается как неприятная, но почему-то незыблемая данность: вот, мы такие, и с этим как-то надо жить (либо не жить) дальше… И если вдуматься, что-либо изменить действительно трудно: ведь *всех нас* лечь добровольно в могилу — хоть и ненадолго — не заставишь!

Автора этих строк, в силу ряда биографических причин, больше волнует другой, уточняющий вопрос. А если вместе с пациентом в гробу окажется, например, живая крыса? Станет ли лечение менее эффективным, или эффект усилится? Или взамен ушедшей депрессии придёт, скажем, так называемый тремор покоя? Или хотя бы обычная паранойя.

Я почему спрашиваю. Странное отсутствие у меня сколько-нибудь опасных приступов депрессии, приблизительно с начала деятельности как естествоиспытателя — несмотря на то, что являюсь вроде бы носителем русской ментальности, — я объясняю себе одним важным эпизодом, имевшим место четверть века назад и сильно напоминающим мне разновидность танатотерапии.

На заре Перестройки, молодой специалист-ихтиолог Южного НИИ океанографии в Керчи, я не смог устоять перед искушением — пройти курсы пилотов батискафов в СЭКБП, Севастопольском экспериментальном конструкторском бюро подводных исследований. Научные субмарины — отдельная тема; я сейчас о подготовительных стадиях. Курсанты должны были освоить основные виды подводного снаряжения, от акваланга до тяжёлого скафандра.

Эллины, как известно, «скафандрами», то есть лодкочеловеками, называли лучших ныряльщиков и пловцов. Термин уже изначально подразумевал некое неразрывное единство человека и плавательных функций, и его сольную роль в их исполнении. Со временем принципиально ничего не изменилось, только выросли глубина погружения и количество снаряжения. Соотношения остались классическими и предсказуемыми: одна «лодка» — один ныряльщик.

Но в моём случае эти ожидания не оправдались.

На описании плавания в акваланге останавливаться нет нужды, в наше время каждый второй — дайвер: лёгкое действо, сплошные удовольствия. А вот водолазный скафандр составил для меня серьёзную проблему. Ощущения от пребывания в нём ближе всего к эмоциям пациента, проходящего упомянутую выше терапию. С тем небольшим и невыгодным отличием, что зазор между плотью ныряльщика и внутренней поверхностью «лодки» разработчиками сведен до минимума: способный (еле-еле) к передвижению гроб, едва ли не вплотную облегающий тебя от шеи до пальцев ног! Припадков клаустрофобии, тем не менее, как-то удалось избежать.

Хуже другое. На ключевом и самом трудном этапе обучения — зачёте по водолазным работам — упомянутые соотношения «один к одному» выдержать не удалось. На причале, во время

длительного и сложного облачения в скафандр, внутрь него залетела первая, возможно, в этом 1986 году муха. Обыкновенная комнатная муха.

Сперва я воспринял это почти как должное: весна, всё-таки. Тем более, любому биологу привычен как преднамеренный, так и случайный контакт третьего и даже четвёртого рода с братьями меньшими. Двукрылое смирно уселось в шлем, на стекло бокового иллюминатора, сразу пропав из виду. Я помахал инструкторам клешнёй и стал спускаться по лесенке в неощутимо холодную воду Балаклавской бухты.

Но вот ***мы*** (далее грамматическое множественное число в сюжете всё более оправданно) дошли до отметки 10 метров, и из мглы внизу стало проступать неоднородное грязное дно. И тут мой «заяц» — применить здесь лексику общественного транспорта, полагаю, тоже вполне уместно — очнулся, и начал проявлять активность. Возможно, с непривычки возникло лёгкое кислородное опьянение, а может быть, как и у меня, инстинктивная тревога ввиду замкнутости пространства.

Муха легонько прыгнула (они, черти, это умеют, на крошечную правда дистанцию), и уже сидела на моей щеке. Я как раз приступил к предполагавшимся по инструкции нормативам, а это не фунт изюма, — и поначалу не обращал внимания на внеплановые сенсорные сигналы. Тем временем, пока я громоздко ковылял по дну бухты, насекомое всё оживлённее перемещалось по мне самому. По мере выполнения нормативов я приходил в себя — и становился субстратом всё более чувствительным.

Вскоре от растущей чесотки (если можно так назвать ощущения в ситуации, когда почесаться абсолютно невозможно) хотелось биться в конвульсиях. Те, кого кто-нибудь щекотал во время сдачи экзамена, меня поймут.

Постепенно к дикому раздражению стал примешиваться какой-то тихий ужас. На самом деле ведь, присутствие рядом лишнего, пусть мелкого, но подвижного организма означает для водолаза непредсказуемый риск, серьёзную опасность.

Приблизительно в те же месяцы на западные экраны должен был выйти блокбастер Дэвида Кроненберга «Муха»; но я, к счастью или к несчастью, о его существовании пока что не знал. Сейчас с этой моей историей ассоциируются строки Вознесенского о Северянине: «*…Лицо в морщинах, таких глубоких, / что, улыбаясь, он мух давил*», или ещё чьи-то — с образом «*пули, влетавшей как муха при вдохе*». А тогда в памяти всплыла почему-то цитата из О’Генри, про Боливара, которому «не снести двоих». Крылатая тварь запросто могла стать причиной моей смерти.

То, что в самых верхних петлях своего пешего маршрута маленький враг находился фактически в сантиметре от моего мозга, это пустяк. Другое дело, что он мог меня, например, *торпедировать* — проникнув в дыхательное горло (не вовремя вспомнилось, как едва выжил фокусник Гарри Гудини, вдохнув под землёй песок и пыль при очередном проделанном на пари «восстании из гроба»), или на худой конец *заминировать* — заразив какой-нибудь инфекционной болезнью, хронической или острой. В моём же арсенале было лишь банальное *подавление противника* (по-научному, наверное, прессинг?) о металл или стекло шлема; проникновение членистоногого ниже уровня шеи устройство моего облачения затрудняло. Потенциальных орудий убийства имелось немного, в виде выступов тела — относительно подвижных, как например язык, и более-менее фиксированных, как нос или уши. Бедственное положение заставило меня критически взглянуть и на геометрию (топологию) собственного тела, и на функциональность его частей. Например, второй тип выступов зачем-то имел предательского рода вогнутости или даже сквозные отверстия. Они позволяли неприятелю спастись путём пускай частичного, но от этого не менее отвратительного погружения в живой рельеф, и вообще на порядок повышали его манёвренность.

* * *

Сейчас, когда всё уже позади, понятно, в чём здесь ключевая проблема — в той ситуации, по сути, вообще центральная. Это в принципе главный, хотя и нечасто заявляемый как таковой, вопрос антропологии — о ценности человеческой жизни.

Я и раньше задавался вопросом о соотношениях ценности жизни человека и его попутчиков — различных животных, начиная именно с двукрылых насекомых, бывающих нашими визави наиболее часто. Абсолютно ли это отношение (убитому комару соответствует один человеческий труп), — или относительно? А если относительно, то в какой пропорции и по какому параметру — по биомассе (смертной казнью будет караться убийство, скажем, 500 тысяч комаров, суммарно равных убийце по весу), или по интеллекту? В последнем случае, человек с IQ в 100 единиц имеет право прихлопнуть ценой своей жизни, 66 комаров, IQ которых равно в среднем 1,5 (если, конечно, давняя публикация в Scientific American не была первоапрельской); а с IQ в 150 единиц — 100 комаров, выходит так…

Классическая антропология по определению антропоцентрична, она отвечает на вопрос без вариантов: человек превыше всего! Мне, биологу по образованию и экологу по роду тогдашней общественной деятельности, этот тезис не казался истиной в последней инстанции; доводы к его опровержению здесь опустим, ввиду их общеизвестности. Меня и теперь раздражают антропотропные формулировки типа «домашние грызуны», «домашние насекомые». Если какие-то существа соизволили сожительствовать с людьми, то это был их, а не людей, свободный выбор. Человека никто не спрашивает. Поэтому, в сущности, *он* оказывается при таракане, а не таракан при нём.

Таким образом, в тот день я отнюдь не был уверен, что в нашей битве с мухой более ценной стороной являлся именно я. Возможно, я был чересчур деликатен; возможно, напрасно включился «джентльменский» рефлекс на образ беззащитного существа женского пола (закреплённый ещё в детстве русскими сказками и классической поэзией) — при том, что противник мой вполне мог быть и самцом! Но исчезновение приступов депрессии, иногда бывавших у меня до этой истории, я связываю почему-то прежде всего с этим осознанием относительности собственной ценности, которое тогда сложилось.

Трудно вспомнить, сколько это продолжалось — час, два, или те самые (минимально необходимые для танатотерапии) три часа. Зачёт я как-то сумел не провалить. Но едва мне отвинтили шлем и кошмарное создание выпорхнуло на волю — как я испытал, вместо облегчения, невероятное опустошение, почти тоску. Эффекта «проданной обратно козы», как в анекдоте про совет раввина, не получилось. Пускай даже это был типичный стокгольмский синдром, но я притерпелся к наглому сокамернику; пожалуй, что и сжился с ним за эти часы. Смертельная опасность, которой мы угрожали друг другу, сработала парадоксально. Не скажу, чтобы я часто скучал по маленькому мерзкому компаньону, но в целом сюжет по-прежнему чем-то меня волнует. На мир, на планетарную фауну, на человечество я смотрю во многом через эту призму.

Звери, ставшие партнёрами людей по путешествию, особенно быстро становятся любимцами. Вопреки, а возможно и благодаря тому, что приносят порой массу неудобств, как мой тогдашний попутчик. Беда, как известно, сближает. Ведь сущность настоящего путешествия не отдых, а наоборот, огромный внутренний труд, преднамеренный кризис; ещё точнее — экзамен.

О воле к Волошину [67]

Сегодня исполняется 80 лет со дня физической смерти величайшего геопоэта если не мировой, то, как минимум, нашей отечественной истории.

ЦИТАТА

«*…Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко бога, на коренастых, точёных как кегли, как сталь упругих, как столбы устойчивых ногах, с аквамаринами вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови („А ты знаешь, Марина, что наша кровь — это древнее море…“), со всем, что внутри земли кипело и остыло, кипело и не остыло. Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли…*»

Суть здесь не в размашистости и в то же время нежности мазков в портрете. Суть не в авторе (это Цветаева). Суть даже не в любви. А в уникально точном и объёмном — скульптурном — видении героя. Листая тома трогательных и тонких воспоминаний современников о Максимилиане Волошине, поражаешься, сколь фрагментарным и односторонним, как правило, рисуется при этом его образ. Отсюда — кривотолки о «второразрядном художнике», о «поэте, у которого мало (или вообще нет) великих стихов». Тот же Викентий Вересаев, признавая феноменальный авантюризм и завораживающее великодушие Макса, в войну спасавшего белых от красных, а красных от белых — говорит об ощущении «невыносимой скуки» от непрестанных волошинских культурологических импровизаций. «Макс чрезмерно увлекался парадоксальной игрой мысли» (Маргарита Сабашникова). Всё это — не то чтобы заблуждения, ибо вполне допустимо рассматривать историческую фигуру под сколь угодно заострёнными углами. Но всё это — только проекции.

Я хочу сказать, что существуют какие-то главные критерии, параметры, по которым прежде всего следует расценивать образ и наследие Максимилиана Волошина. Тогда становится понятен подлинный его масштаб.

ГИПОТЕЗА

Есть предположение. Новая антропология (если таковая ещё возможна), ненайденное до сих пор интегральное понимание человека, будет зиждеться на базовом понятии *мифа*. Миф — это главная и подлинная реальность, мерило всего и вся. То есть всё, что мы называем первичной реальностью — феномены, рассматриваемые естественными науками — оказывается «недореальностью», всего лишь разновидностями материала для мифа. Гуманитарные науки органично займут место естественных и точных, а естественные приобретут определённый элемент призрачности. Как когда-то наука начинала строить картину мира на понятии атома — который и был сперва буквально «неделимым», так в будущем всё будет плясать от мифа.

В такой Вселенной человеческий тип, называемый мифотворцем, становится центральным. Метафорическое сближение предмета антропологии с богом-создателем — формулируемое вполне обиходным словом «творец» — лишается вдруг этой своей метафоричности. При этом конкретная природа мифотворчества (художество, бытовая мистификация, реклама, PR, брендинг, политтехнологии и прочие «гуманитарные технологии»), возможно, уже не столь важна, важна сама способность, врождённая или выработанная, к построению новых мифов.

И вот всё понятнее становится титанизм фигуры Максимилиана Александровича. Этот деятель сразу многих искусств и сфер интеллектуальной активности занимался не художествами и прочими «сферами» в их частностях. Нет, он просто методично, в течении существенной части своей изумительной жизни строил колоссальный (культурно-географический, но это уже подробность) миф под названием «Коктебель», необходимо включающий его «историческую оболочку» — Киммерию. Оболочка выветривается быстрее, но миф Коктебеля, полуразрушенный за 80 лет после смерти автора, стоит прочно, как геологический останец, и ещё долго сможет простоять, сколько ни будут вытаптывать, расшатывать и расковыривать это виртуальное пространство туристы, продавцы сувениров, постояльцы домов творчества и прочие «поклонники Коктебеля».

ЭНЕРГЕТИКА

Само слово паломник, напомним, означает того, кто обязан

унести со священной территории некий (почему-то непременно вещественный) фрагмент, по сути — сувенир. Лист пальмы из Мекки — это, конечно, «возобновляемый ресурс». Искусственно возобновляемым может быть, скажем, «подлинный камень Парфенона»: хранители давно догадались разбрасывать по ночам мраморную крошку из сродственных здешней архитектуре карьеров — чтобы растаскивали её, а не отламывали постепенно кусочки самой святыни. (Берлинскую стену, если вдуматься, вовсе не обязательно было торжественно-символически крушить: так или иначе туристы, безо всяких высоких идей свободы, разнесли бы её постепенно по кирпичику.)

Вернёмся к странному, кажущемуся натянутым, сопоставлению мифа и атома. Атом, после долгих веков неделимости, более столетия назад оказался не просто способным к деконструкции, но притом ещё и полным невероятных количеств энергии, высвобождающихся в этом процессе. Смотрите: какие титанические, буквально взрывчатые силы, спрятанные в созданном мифе, обнаруживаются при его быстром разрушении. Вообще, не распад ли мифов — основной детонатор мировой истории?

Пусть это не совсем то же, или совсем не то же самое, что ядерная реакция, — но какое подозрительное сходство…

А распад мифов более медленный и управляемый, как это бывает, скажем, при эксплуатации их в различных культурных и политических проектах — чем не «мирный атом»? Те же разнообразные коктебельские фестивали, питаемые твердыней местного мифа, и понемногу подтачивающие и обедняющие её. Ресурс проедается, возобновлением не озабочен никто; восстановительные (они же, собственно, и есть мифотворческие) технологии здесь давно забыты. А исполняемые энтузиастами сохранительные функции, разумеется, способны лишь в какой-то степени замедлять ставший неизбежным процесс.

ГЕОПОЭТИКА

Вернёмся к цветаевской цитате (это мемуар о Максе — «Живое о живом»). Здесь и дальше по тексту автор упорно повторяет мысль о «земной», «земляной», «геологической»

природе своего героя. От описания особенностей внешности Макса она протягивает мысленные нити к миру хтонического, к метафизике земных недр, поверхностных сколов и срезов. Максимилиан Волошин в интерпретации Цветаевой — судя по всему, первая, и сразу же гигантская, фигура геопоэтики (что бы

ни означало это слово) в мировой литературе. Понятие Genius Loci существовало всегда, но оно связано больше со сберегающей ролью, для описания же роли (ролей) Макса оно не точно и недостаточно. Волошин оказался первопроходцем в области игрового, но при этом сразу и технологичного, — то есть лишь отчасти спонтанного, — построения территориального мифа. Следует изучать артистические и жизнетворческие практики обитателей и гостей коктебельского Дома Поэта именно с точки зрения *производственных технологий*.

Практики эти уже тогда демонстрировали ошеломительное разнообразие; но на Волошине и прочих «обормотах» ничего не кончилось. Недавно, например, мне попалась в Сети беседа философа и публициста Вадима Штепы с карельским историком, этнографом, писателем, художником и общественным деятелем Вячеславом Агапитовым, где тот называет его «Волошиным Заонежья». Причём сам Штепа тоже вполне подпадает под такое определение. Так имя Максимилиана Александровича стало нарицательным для целого относительно нового и крайне малочисленного пока класса людей (или, может быть, психотипа) под условным названием «геопоэт».

…Кстати, об имени. Из геопоэтических проектов, связанных с именем М. В., наиболее продуктивным представляется московская Волошинская библиотека, основанная в 2007 году. Нюанс в том, что здесь никто не ставил себе задачу *воспользоваться* волошинским мифом. Произошло по-другому. Это место в постсоветские десятилетия спонтанно стянуло на себя множество уникальных, новаторских программ:

семинары по культуре североамериканских индейцев и по кельтологии (библиотека выпускала даже собственный научный сборник); литературный клуб «Авторник»; клуб «Анима» для общения людей с нарушениями эмоциональной сферы — единственный в своём роде в России; эксклюзивные лекции по египтологии и т. д. И когда возникла идея объединить всё это многообразие одним высоким именем, коллектив не смог найти лучшей кандидатуры, чем М. А.

(Другой нюанс, по-своему забавный, заключается в том, что библиотека эта с момента создания в в 1918 году долго носила имя Карла Маркса. Такое впечатление, что её основатели чётко представляли себе визуальный образ будущего культурного героя-«ктитора»: массивная фигура с густой «оволошенностью», мощное надбровье… Но поначалу просто неправильно распознали картинку.)

ГЕОПОЭТЫ

Из трудов Волошина веером, повсеместно в мире, произрастают современные эксперименты. В последнюю эпоху в одном только символическом пространстве Крыма действуют (отчасти физически дистантно, и не всегда одновременно) несколько абсолютно непохожих в своих методах, весьма изобретательных авторов-мифотворцев.

Поэт и учёный-экономист Евгений Сабуров, оказавшийся в 90-х полуостровным премьер-министром, и занявшийся планомерным построением здесь благополучной европейской экономики. Мегапроект, увы, был срочно торпедирован местной мафией. Но миф о неосуществлённой «крымской Швейцарии» остался, дразня воображение земляков.

Художник-концептуалист Исмет Шейх-Задэ, решительно привнесший импульсы и интенции contemporary art в традиционную крымскотатарскую и шире, в мусульманскую культуру, — или, точнее, наоборот. В свои перформансы регулярно втягивает, в том числе, живущего в Лондоне принца — наследника Крымского Ханства.

Стихотворец Андрей Поляков, одно время осуществлявший жизнетворческую программу в жанре life-art — *персонального воплощения Русского Языка*.

Трагически погибший при почти что мифологических обстоятельствах, поэт и куратор Сергей Дружинин, подвижнически переводивший классиков крымскотатарской поэзии, включая великих ханов.

Живописец Жорж Матрунецкий, создававший образ восточного Крыма как единства мировых стихий, в чьих полотнах земля и море неудержимо срастались и переходили друг в друга.

Поэт и прозаик Александр Ткаченко, воссоздавший в своей последней и лучшей книге микромир почти исчезнувшего народа — крымчаков.

Культуролог Александр Люсый, пытающийся осмыслить вышеперечисленное, а также всё-всё-всё остальное автохтонно-литературное, с помощью предложенного им понятия «Крымского текста».

<…>

Междисциплин

От геополитики к геопоэтике
Смена парадигмы мироустройства на примере преобразования крыма В мировой культурный полигон [68]

Разработка программы преобразования Крыма в мировой культурный полигон потребовала от её авторов (крымско-московской литературной группы «Полуостров») некоторых футурологических изысканий, осмысления общей направленности изменения в механизме устройства мира, дабы наиболее органично вписать создаваемый «культурполигон» в этот динамичный контекст.

На первый взгляд, гармоничная интеграция Крыма, с его неразвитой хозяйственной и культурной инфраструктурой, в социально-экономическую карту мира в обозримый исторический период весьма проблематична. В лучшем случае его может ждать судьба курортно-туристического аппендикса той или иной страны (Украина, Россия, Турция?..) с некоторым флёром пенсионно-дачной резервации. Однако даже самый примитивный анализ существующих прогнозов эволюции упомянутого мирового контекста при экстраполяции на совокупность культурноисторических особенностей Крымского полуострова даёт для него картину совершенно иных возможностей и перспектив — вне зависимости, будет ли он в составе какого-нибудь государства или станет независимым «островом».

Так, третьестепенность крымских запасов полезных ископаемых нивелируется на апокалиптическом фоне перспектив глобального истощения недр планеты, показанных работами Римского клуба ещё 60-х годов. Всеобщее смещение производства к менее материало- и энергоёмким, но более информационноёмким технологиям ставит локальную задачу сохранения и наращивания полуостровного интеллектуального потенциала, задачу в принципе не абсолютно неразрешимую.

И всё же основное внимание следует уделить иным ключевым тенденциям исторического процесса. Суть в выделяемом многими авторитетными футурологами (О. Тоффлер, Дж. П. Грант, Ж. Эллюль и др.) сдвиге пропорций между производственным и непроизводственным секторами сферы человеческой занятости в сторону последнего, связанном прежде всего с накоплением в мире излишков производственного продукта. (Речь идёт не об

утопических теориях «общества всеобщего благоденствия» — до Золотого века нам явно дальше, чем до Армагеддона, — но лишь о тенденции, которая явственно проступает лишь в развитых странах, на фоне по-прежнему процветающих безработицы, нищеты, голода в третьем мире.) Сокращение необходимого рабочего времени порождает проблему обеспечения «психологической занятости», и на первый план выдвигается расширение игровой, то есть не направленной на конечный результат человеческой деятельности: сферы искусства, культурных отправлений, азартных игр, спорта и т. д. Искусству — и не в последнюю очередь его массовым, китчевым, поп-формам — здесь по праву принадлежит лидирующая роль, как индикатору и испытательному стенду происходящих изменений.

Главным ресурсом человечества на новой стадии его социально-экономического развития («*Третья волна*»), согласно Тоффлеру, является информация, и главный поставщик этого ресурса — творческая деятельность. В таких условиях схема «силовых полей», структурирующих человеческую жизнь, в частности международную, кардинальным образом меняется. Механизм мироустройства отныне всё более будет зависеть не от политико-экономических, но от культурных, творческих, информационных, коммуникационных факторов. Следовательно, необходима новая научная дисциплина, исследующая закономерности устройства жизни человечества под воздействием сил «культурного тяготения», взамен традиционной геополитики. Назовём эту гипотетическую науку геопоэтикой, от греческого poieticos — «творческий»; она-то и станет теоретическим фундаментом международной культурологической деятельности группы «Полуостров» и иных экспериментирующих в этом многообещающем жанре авторов и объединений. Разработка методологических основ геопоэтики откроется серией докладов на футурологическом симпозиуме в июне 1995 в рамках очередного, третьего Боспорского форума современной культуры, проводимого группой «Полуостров».

Собственно говоря, деятельность «Полуострова» сама по себе уже является прикладной геопоэтикой. Региональный подраздел этой дисциплины, посвящённый конкретно Крымскому полуострову, уже получил известность под названием «тавриологии». По существующему точному определению, тавриология — наука о Крыме как центре эстетической симметрии мира, а грубо говоря — о крымской культурной мифологии и культурных перспективах. По замыслу «Полуострова», именно Крым и должен стать экспериментальной площадкой, апробирующей наиболее интересные и

перспективные тенденции и течения современной мировой культуры.

Так, международная Поэтическая Партия, или Партия Зеркальных, заявившая о себе впервые именно в Крыму в феврале 1995 (в числе инициаторов движения были крымские участники «Полуострова»), является типично геопоэтическим явлением: она не является политической организацией и вообще не является организацией. Это просто общность людей творческого склада, склонных к рефлексии (отсюда метафора зеркала) и тем самым олицетворяющих собою самосознание современной культуры. Характерным атрибутом Поэтической Партии является полный отказ от стремления к власти: политические амбиции оставлены адептам предыдущей, уходящей в прошлое, мировой парадигмы.

Следует подчеркнуть, что вышесказанное по-прежнему не имеет никакого отношения к утопическому мышлению — смена парадигм мироустройства с «политической» на «поэтическую» ни в коей мере не подразумевает обязательного при этом духовного возвышения человечества. Более того, новая природа взаимоотношений между людьми и их сообществами, между государствами чревата, быть может, ещё более страшными и опасными катаклизмами, нежели военно-политические. Так, согласно представлениям американского мыслителя, профессора Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона, «культура сменит идеологию как линия противостояния в грядущих международных конфликтах». Впрочем, это уже тема для отдельных геопоэтических исследований. Отметим только, что говорить о некоем повышении нравственности в изменяющихся условиях, мягко говоря, преждевременно. Чего стоит один только факт, что прикладные геопоэтические проекты в качестве одного из основных инструментов построения новой реальности подразумевает мистификацию, подтасовку исторических фактов, короче говоря — их фальсификацию. Уже одно это навевает не самые лучшие ассоциации с опытом идеологического манипулирования в XX веке…

.. Можно предположить, что новая историческая реальность потребует в целом глобального обновления терминологии по принципу «от политического к поэтическому». Можно вообразить себе возникновение со временем таких социальных институций и понятий, как «поэтическая полиция», «поэт-заключённые», «поэтические проститутки» — пока что в шутку. Однако история не раз осуществляла всерьёз то, что казалось вначале забавным вымыслом.

«Основной вопрос геопоэтики» [69]

1.

Ныне, к концу тысячелетия, становится всё более очевидным определённый сдвиг в структуре социокультурного пространства человечества. Культура, искусство, наука, творчество вообще всё сильнее влияют на другие сферы человеческой жизни и в том числе даже на политику. Так, по мнению известного философа и культуролога, профессора Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона, «культура сменит идеологию как линия противостояния в грядущих международных конфликтах». Нас в данном случае интересуют не конфликты, а изменения и инновации, и в этом плане показателен относительно недавний факт — решение германского Бундестага о разрешении известному художнику Кристо (Христо Явачеву) провести акцию с упаковкой Рейхстага, — решение, которого артистический мир планеты ожидал в течение двадцати лет. Перформанс, проведённый в июне 1995 года, знаменует собою первую явственную победу искусства над политикой. Вершители власти впервые позволили эстету играть по большому счёту в доселе безраздельно принадлежавшем им пространстве.

2.

Гипотетическая новая гуманитарная дисциплина, долженствующая исследовать возрастающее влияние культурных и, в первую очередь, творческих явлений на структурирование человеческой вселенной, получила условное (рабочее) название ***геопоэтика*** (от греческого poieticos — «творческий»). Таким образом, уже как минимум терминологически мы отталкиваемся здесь от геополитики, уже около столетия являющейся основным методом анализа традиционной парадигмы мироустройства, однако до сих пор не приобретшей статуса точной науки. В её арсенале накоплены новейшие изящные теории и великие спекуляции прошлого, как например остроумные диаграммы корреляции между длиной государственной границы и её политической ценностью (прямой пропорции, если граница морская, и обратной, если граница сухопутная) отца геополитики Фридриха Ратцеля; так называемая «географическая ось истории» Х. Д. Маккиндера с её «сердцевинной землей» в виде России, «поясом приморских стран» вокруг и «внешним поясом» в виде Америки и Австралии; концепция государства как разумного существа Р. Челлена; доктрина «континентально-океанического противостояния» К. Хаусхофера… Что ж, мы тоже неизбежно начнём с гипотез откровенно спекулятивных.

3.

Существеннейшая тенденция, обнаруживаемая авторами в современной международной социокультурной жизни и

конституируемая как фундаментальный геопоэтический феномен, получила известность как «культурное самоопределение территорий» (назовём его условно для краткости «*геопоэ**зис***»). Процесс этот идёт вне какой-либо прямой и зачастую даже косвенной связи с самоопределением национально-этническим и/или государственно-политическим (и никогда не совпадает с ним территориально). Более того, он идёт иногда вопреки ему, как например нынешний этап начавшегося в XX-м веке культурного самоопределения Крыма в качестве «эпицентра» творческой жизни России, СССР, а теперь СНГ (естественно экстраполируемое авторами на планетарный уровень через только кажущиеся эпатажными категории «центр эстетической симметрии мира», «мировой культурный полигон» etc.) — политический контекст этого объективно существующего, помимо наших авторских амбиций, геопоэзиса очевиден, равно как и вызванные этим контекстом трудности в деятельности агентов этого процесса.

4.

Геопоэзис не обязательно должен идти спонтанно, он может возникнуть и проходить под воздействием субъективных причин — например, в виде реализации конкретной, завязанной на данную территорию творческой программы (назовём её геопоэтическим проектом, для краткости «***GP-проектом***»). Типичным GP-проектом является предложенная арт-деятелем Арнольдом Боде и осуществляемая с 50-х годов программа ежепятилетнего фестиваля современного изобразительного искусства «Документа» в заурядном — поначалу — западногерманском городе Кассель. Ныне проект можно считать в высшей мере состоявшимся, «Документа» (а с нею и Кассель) давно стала одной из главных художественных столиц мира. По лапидарной формулировке Владислава Кулакова, главная идея геопоэтики «*в том, чтобы поэты создавали столицы, где захотели*».

5.

Отличительной чертой геопоэзиса является фактическая непрограммируемость его результата, процесс идёт нелинейно, как бы в постоянном самопознании и самоотрицании-самоутверждении, и даже дискурсивно «вычисленные» формулировки целей GP-проекта в конечном счёте не совпадают с реальным ходом событий.

Речь, безусловно, идёт о пригожинской «самоорганизации», то есть творческом поиске системой самой себя, идущем на некоем надличностном, а именно на геопоэтическом уровне, где непредсказуемо взаимодействуют социально-психологический, историко-культурный, политико-экономический, ландшафтно-

географический и, безусловно, метафизические факторы. В этом плане культурные проекты, основанные на уже утвердившихся идеях, лишённых экспериментального духа, не являются геопоэтическими. Типичным примером такого квази-геопоэзиса является возникновение и развитие Голливуда: уже в момент его зарождения идея кинематографа была давно апробирована и превращена в неотъемлемую мёртвую деталь механизма бизнеса, поэтому инфраструктура Голливуда изначально лишена творческого начала и состоит практически из традиционных административных и коммерческих субструктур; творческий процесс наличествует лишь на исполнительском ярусе кинопроизводства (сценаристы, режиссёры, актёры) и лишён геопоэтического компонента.

6.

Система творческих и деловых отношений в GP-проекте принципиально отличается от традиционных социальных, производственных и политических образований, имеющих общую пирамидальную структуру (структуру «перевернутого куста»: руководство вверху, от него вниз ветвятся «силовые линии» подразделений, вплоть до нижнего яруса конкретных исполнителей). Вертикальная координата такой пирамиды определяется, условно говоря, количеством степеней свободы обитателей каждого яруса: максимум у руководства, минимум у младших исполнителей (т. е. каждый ярус как бы имеет обязательства перед всеми вышестоящими). Именно в этом и состоит кардинальное отличие GP-структур, напоминающих, наоборот, перевернутую пирамиду, то есть имеющих кустообразную форму. В основании «куста» находится т. н. основатель, или главный координатор, на самом верхнем ярусе — главные исполнители, яруса между ними занимают промежуточные коодинаторы, они же промежуточные исполнители. Максимальное число свобод — у главных исполнителей (их творческая специализация соответствует генеральной идее GP-проекта), минимальное — у главного координатора, он как бы находится на службе у всей структуры (здесь тоже каждый уровень имеет обязательства перед всеми вышестоящими). Типичный пример — GP-структуры Руслана Элинина и Дмитрия Кузьмина: внизу схемы находится основатель, от него вверх ветвятся силовые линии (здесь точнее сказать — координационные линии, в GP-структурах отсутствует или несуществен фактор руководства или управления) творческих подразделений: некоммерческих издательств, средств массовой информации, литературных салонов и т. д.

7.

Уточнение «некоммерческий» в отношении GP-структур и их отдельных элементов является онтологически важным и вообще неотделимым от категории «геопоэтического». Главным ресурсом общества в его нынешней постиндустриальной фазе являются уже не деньги и капитал, а информация, поэтому творчество, как основной поставщик новой информации, постепенно становится доминирующей сферой человеческой жизни, и авторитет власти понемногу уступает место ***власти авторитета***, то есть максимальным влиянием обладают доминирующие творческие единицы. Соответственно, на второй план отодвигаются проблемы финансового успеха (но не теряя своей важнейшей функции жизнеобеспечения). Социальная борьба перемещается из плоскости экономико-политической в плоскость творческого соперничества, спора и конфликта научных, художественных и т. д. авторитетов.

Разумеется, конкурентная борьба присуща и самим геопоэтическим системам; в этом плане геопоэзисы имеет смысл сравнить с разумными существами — по аналогии с челленовской геополитической концепцией государств как живых организмов, мыслящих, чувствующих и борющихся друг с другом за жизненное пространство («lebensraum»). С этим связана ещё одна геопоэтическая закономерность — «*новое рождается на окраинах*» (формулировка крымского историка Андрея Мальгина), или принцип TABULA RASA — кстати, именно так называлась концептуальная выставка московских художников на необитаемом острове Тузла в Керченском проливе, ставшая гвоздём программы 1-го Боспорского Форума. Суть принципа почти очевидна: геопоэзис лучше идёт на территориях, не отягощённых чрезмерным культурно-историческим балластом и заметными апробированными GP-проектами; в этом плане разрабатываемый группой «Полуостров» проект создания всемирной (гео)поэтической академии на Мадагаскаре (а точнее — её воссоздания, ибо о существовании в древности такой академии говорит, например, тамильская мифология) имеет гораздо больше шансов на прочный и долговременный успех, чем если бы местом реализации проекта предполагались, скажем, США, Россия или Франция.

* * *

…В качестве предварительного вывода из практических наблюдений и первичного их осмысления можно высказать предположение об уместности дальнейших размышлений на

геопоэтический предмет, с привлечением к диалогу авторов из самых разных творческих сфер. Ибо главным вопросом геопоэтики на настоящий момент остается, на наш взгляд, вопрос *объективности* перечисленной проблематики: — является ли геопоэтика на самом деле наукой или всё-таки искусством, НУЖНА ЛИ ГЕОПОЭТИКА ВООБЩЕ, и стоит ли свеч наша с вами интеллектуальная игра.

Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня [70]

Ситуация внешне тихой, подковёрной, но при этом бескомпромиссной конкуренции в присвоении лексемы «геопоэтика» — между писателями, путешественниками, культуртрегерами и учёными — представляется мне несколько безнадёжной. Напрасно ожидать, что какая-то из спорящих сторон уступит, и мы, видимо, обречены в этом плане на некую семантическую кашу… А значит, ничего не остаётся, как просто получше эту кашу приправить.

Ваш покорный слуга — скорее практик, чем теоретик, но нередко интерпретатор, или, по сути, рефлектирующий практик. Тем не менее, чересчур широкий сегодня, и не склонный к сужению, веер интерпретаций понятия «геопоэтика» требует определённых усилий по поиску общего языка между носителями этих разных концепций. В рамках этой задачи, поделюсь некоторыми наблюдениями и соображениями последних лет.

1. ГЕОПОЭТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Пару лет назад Сергей Жадан сопоставил в эссе «Полуостров свободы» политический конфликт 2003 года между Россией и Украиной вокруг острова Тузла с акциями Боспорского форума современной культуры, проводившимися мною ранее на той же Тузле. Резюме звучало так: «…*Неожиданным образом оказалось, что геополитические векторы довольно точно накладываются на контурные карты геопоэтики*». Когда такое — вправду неожиданное — о тебе пишет друг и компаньон, это серьёзный повод поразмыслить о глубинных мотивах собственной деятельности. Давний фестиваль с российскими, в основном, участниками — не является ли он действительно пробной (ровно на 10 лет вперёд, практически день в день) моделью предстоящей территориальной экспансии соседней страны?..

Геопоэтика возникала как откровенная оппозиция геополитике, способ целостного её отрицания: как органичная

часть некоего (возможно, лишь воображаемого) глобального гуманистического процесса. Обратная же конвертация геопоэтики в геополитику, на что, пускай и в шутку, но весьма убедительно намекает Жадан, — повод засомневаться не только в необратимости процесса, но и в самом его существовании.

Похоже, в этом смысле геопоэтика оказывается всего лишь очередной глобальной утопией.

Я прихожу к выводу, что геопоэтика — всё-таки родная, в крайнем случае двоюродная сестра геополитики. Можно сказать, что геопоэтика — продолжение геополитики, но более тонкими (более гуманными, более гуманитарными, более артистичными…) методами. Но и наоборот, геополитика есть развитие интенций геопоэтики в сторону сферы политики, в пользу взаимодействия грубых сил власти, властных амбиций. Геополитические, по изначальной задаче, описания географических пространств могут органично приобретать геопоэтическую форму, а геопоэтические опыты, наборот, — геополитические обертона и «попутные» задачи соответствующего рода.

Можно привести множество примеров, и ближайший — это органичный сплав интенций геопоэтики и геополитики в эссеистике писателя Юрия Андруховича и географа Дмитрия Замятина, практически одновременно открывших в 2004 году рубрику «Геопоэтика», в украинской общественно-политической газете и на российском политологическом веб-сайте. Оба делились своими воззрениями на судьбы постсоветской части Европы, и у обоих в этих текстах затруднительно отделить геопоэтическое от геополитического.

Родство геополитики и геопоэтики уже в том, что обе являют собой механизмы освоения человеком географических пространств — соответственно, путём властных, политических усилий, либо путём усилий ментальных, интеллектуальных, художественных. Написав о некоем новом месте, о чужой территории (либо — как в случае Крымского клуба — совершив там определённые артистические акции), автор не захватывает её физически, но так или иначе её присваивает, делает в определённой степени своей. При этом, заметим, делается фактически первый, подготовительный шаг к геополитическому её освоению. Однако, если автору достаточно этого первого шага, ситуация остаётся в пределах геопоэтического дискурса.

2. ГЕОПОЭТИКА И НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Говоря о геопоэтике, не лишне задаться вопросом: почему это понятие возникло именно в последней четверти XX века? С одной стороны, очевидно, что термин, со всей своей многозначностью, более-менее плотно закрывает некую давно зиявшую семантическую нишу, где пересекается тема географического пространства и проблематика творческой, в частности художественной, деятельности человека. Это было невозможно, например, в XIX столетии, — в последний период реального господства христианского мировоззрения, исключавшего возможность всерьёз говорить о хтонических силах, о персонажах античных языческих мифов, о мистике и метафизике географического пространства, и т. д. — обо всём том, что даёт материал для геопоэтического мышления.

Можно даже предположить, что вся эпоха торжества христианства в целом отрицала возможность геопоэтики.

Далее, геопоэтический ракурс не мог быть общепринятым в XX веке, в эпоху [кажущегося?] блицкрига науки и НТР. Подобный ракурс был естествен несколько тысяч лет назад, в эпоху язычества и пантеизма, когда ландшафт обожествлялся и, следовательно, одушевлялся. Формировалось представление о хтонических существах, особенно антропоморфных, связанных, вплоть до взаимной тождественности, с определёнными территориями и географическими местами. В случае водных пространств речь шла, соответственно, о русалках и наядах, о морских богах и т. д. «Демонология места» — важное ответвление или, если хотите, модус геопоэтики. В этом смысле геопоэтика явление не просто традиционное, а древнее, даже архаичное.

О геопоэтике, как о литературной или жизненной практике (первоначально стихийной, не осознанной, не названной, не декларируемой), можно говорить, начиная с эпохи Максимилиана Волошина. Здесь принципиально важна множественность идеологических подходов к реальности, органичная эклектика, продуктивный мультикультурализм, которые исповедовал Максимилиан Александрович. Без этого эклектизма, без «сумерек богов», без теософии и антропософии, без возвращения к вере в Пенатов и в Genius loci, без «бытового многобожия» (известно, что не только Волошин сам себя, но и его друзья и гости сравнивали его с Паном, с Бахусом, с сатиром и другими персонажами античной мифологии) — геопоэтика невозможна. В глубине своей геопоэтика эклектична и мультикультуральна, плюралистична и политеистична, она является продуктом наслоения и взаимодействия совершенно разных идеологических систем.

С другой стороны, победа, к началу XX-го века, научной рефлексии над некритичным религиозным восприятием мира

создавала некий новый дисбаланс, новый вызов. Возникшая тогда циничная и наукообразная геополитика сама по себе требовала какого-то ответа, компенсации, восстановления баланса. Романтизм — заново взамен скептицизма, синтетичность взамен аналитичности, Мистика взамен Рацио… Очевидно, геополитика не смогла убедительно ответить даже на собственные поставленные вопросы. В частности, на вопросы, связанные с побудительными причинами человеческой экспансии в новые географические пространства.

Однако увы, геопоэтика не сумела внести в эту сферу какую-либо ясность. Основное её достижение заключается в том, что вопросов стало намного больше. Зыбкость, размытость, патологическая *междисциплинарность*, свойственные сегодня этому понятию, намекают на необходимость поиска принципиально новых точек сборки гуманитарного знания.

Вот почему спор о геопоэтике неотделим сегодня от темы необходимости нового взгляда на человека вообще, некоей *новой антропологии*. Какой должна быть такая новая антропология, — в которой геопоэтика стала бы одним из важных аспектов, ракурсов, или модусов? Полагаю, это должна быть, в каком-то смысле, антропология элементарная, предлагающая более простые решения в случаях, когда традиционно предлагаются усложнённые интеллектуальные схемы. Не раздробленный, посредством уже буквально фасеточного зрения, обзор предмета, но попытка заново целостно охватить сущность человека, его свойства и качества. А поскольку геопоэтика по сути своей архаична, то инкорпорирующая её «новая антропология» — это ещё и, так сказать, «*хорошо забытая старая* антропология».

3. ГЕОПОЭТИКА И ВООБРА АЕМЫЕ ПРОСТРАНСТВАК

Человек, а особенно современный человек, обитает одновременно во многих совершенно разных пространствах, в том числе символических — а не только в физическом (географическом). Общеизвестные (и составляющие всё более серьёзную социальную проблему), феномены компьютерной и интернет-зависимости, в том числе от так называемых MMOG, — требуют от нас признания некоего фундаментального и, вероятно, имманентного человеческого свойства: жизнь и деятельность в воображаемых пространствах имеет для человека не меньшую, а иногда бóльшую значимость, чем в пространстве реальном.

В этом смысле, геопоэтический ракурс в исследованиях, помимо реального географического пространства, подразумевает

накладывающиеся на него смысловые, символические, идеальные пространства, — многие из которых по совокупности признаков можно назвать геопоэтическими. Это пространства территориальных мифов — от архаических волшебных до современных политических и научных; пространства индивидуального воображения, в том числе писательского, и т. д. Число этих пространств «на душу населения» постепенно растёт, по мере дополнения мифологических представлений о мире научными, по мере роста числа толкований реальности и её структурного устройства. Одновременное существование в разных пространствах хорошо отражает литературоведческий, в основном, термин «метареализм», возникший приблизительно тогда же, когда и «геопоэтика».

4. ГЕОПОЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Так же, как жизнь в пространстве сетевой игры, человеку могут быть крайне важны его местоположение и его деятельность в этих геопоэтических пространствах. И конечно же, эта его «параллельная» жизнедеятельность не оторвана полностью от пространства первичной, физической реальности. Она сопрягается с ней с помощью внутренней «разметки», своего рода «контурных карт», а также различными другими, в том числе не всегда очевидными способами. Эти пространства могут конкурировать между собой, в плане важности их для человека, но могут и, в каких-то планах, частично замещать друг друга… В этом один из залогов роста значимости геопоэтики в нашу эпоху.

О побудительных причинах географической (геопоэтической) экспансии. Возможно, нам следует отказаться от представления о географическом и прочих других пространствах, включая символические, как о косной «среде», «контексте» жизнедеятельности человека. Эти пространства составляют с человеком некое пускай прерывное, но единство, не контекст для него, а общий с ним живой «текст». В пределе, можно было бы говорить о ландшафте, о территории, о стране, о планете как об «отдалённых» или «протяжённых» оболочках человека, экстраполяциях или метафорах телесного пространства. Аналогии из восточной мифологии напрашиваются сами собой (Пуруша и пр.). Говоря же языком греческой философии, предлагается расширить понятие Микрокосма. С частичным наложением его на Макрокосм, на его достижимую зону…

В этом ракурсе становится более понятным — и выглядит столь естественным — стремление человека к географической

(геополитической, геопоэтической) экспансии: это нормальный процесс роста метафизической, «протяжённой оболочки», независимо от того, закончила ли физический рост его первичная, телесная оболочка.

5. ГЕОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ОТРА ЕНИЯ ЧЕЛОВЕКАК

Составляя с человеком неразрывное целое, пространства приобретают определённую субъектность и даже, в каких-то случаях, некоторую внутреннюю антропоморфность, черты человеческой личности. Человек нередко одушевляет ландшафт или даже обожествляет. Случаи с антропоморфными элементами ландшафта (профиль Волошина на склоне Карадага, скалы «Три Сестры» в Австралии, Мукуроб — «Палец Бога» — в Намибийской пустыне, и т. п.) являются простейшими, но не исчерпывающими с типологической точки зрения. Человек в ландшафтном пространстве не обязательно монологичен, возможен постоянный и разнообразный диалог с Ландшафтом. Для архаичного сознания этот диалог легитимизирует, облегчает персонификация и сакрализация Ландшафта.

На мой взгляд, геопоэтика в широком смысле, *что бы ни стояло за этим термином*, должна быть предельно диалогичной, она в определённой мере и есть именно (многообразный) диалог с ландшафтом.

Разновекторность трактовок геопоэтики, не уменьшающаяся с годами, отнюдь не означает невозможность общего знаменателя.

Заметим кстати, что геопоэтика — термин, состоящий из одного слова, в отличие от «культурной географии», «литературы путешествий», «локального мифогенеза» и пр. Напрашивается простая мысль, что мы имеем дело отнюдь не с «пограничным эффектом» между разнородными компонентами, который сводится к одному из них («geo» и «poetica»), либо просто к их взаимодействию. Нет, само это взаимодействие, диалог творческого начала с географическим пространством, является самостоятельным феноменом. А то, что он ускользает от нашей рефлексии, может объясняться тем, что эти явления и субстанции по каким-то причинам оказались табуизированы… Мысль об окружающем пространстве, непонятно почему, ограничена в степенях свободы. И это — ещё одна тема для исследования.

Итак, в геопоэтическую эпоху (или эпохи, ибо, очевидно, их как минимум две — античная и современная) с пространством, в том числе с его различными эманациями, возможны сугубо

«человеческие», интимные отношения. В том числе, конечно, и эротические. В качестве классического примера можно привести упоминаемую Екатериной Дайс влюблённость Владимира Соловьёва в финское озеро Сайма. К этой теме мы ещё вернёмся.

6. ГЕОПОЭТИКА ТЕКСТА И ГЕОПОЭТИКА ПРОЕКТА

Каждая из сторон, претендующих на правильное понимание термина «геопоэтика», вносит в этот спор определённый собственный ракурс. Ваш покорный слуга в данном плане — лоббист понимания геопоэтики как почти-буквального «землетворчества» (калька греческого «geopoietika»), как деятельности по созданию новых географических или топографических мифов. Такая — проективная, практическая — геопоэтика становится синонимом мифопоэтики. Единицей измерения в этой области следует считать проект, геопоэтический проект (когда-то даже предлагалось наукообразное сокращение «GP-проект»).

Эта концепция противостоит двум другим трактовкам геопоэтики — классической уайтовской (эссеистика о природных и культурных ландшафтах, изначально зачастую мистически заряженная, «путевая проза» и т. п., включая особое «геополитически напряжённое» ответвление, созданное Андруховичем) и новейшей «берлинско-пермской» (исследовательские подходы к подобной литературе, генетически также связанные, по-видимому, с «культуртрегерской» деятельностью Андруховича в европейской академической среде). Обе они делают упор на текстовое описание географического (или воображаемого) пространства, единицей измерения для них является текст. Любопытно, что последняя, сугубо научная ипостась геопоэтики представляется типичным продуктом цикла развития европейской мысли — от мистики до позитивизма…

Замечено, что многие авторы тяготеют конкретно к одной из интерпретаций геопоэтики. Мне представляется, что этот выбор отражает некие врождённые склонности и способности человека. И здесь, в ракурсе «новой антропологии», можно предложить некую первичную дихотомию человеческой деятельности, которая выглядела бы вполне традиционной, — а значит, и естественной.

7. ГЕОПОЭТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Освоение древним человеком новых территорий обитания

могло обеспечиваться последовательным участием личностей двух типов с противоположными наклонностями, назовём их геопоэтическими типами личности. Их modus vivendi можно определить, как «путешественник» и «домосед», а по функции в человеческом обществе — «первопроходец» и «возделыватель». Первый тип подвержен «охоте к перемене мест», его волнуют новые пространства, и его тянет в путешествия жажда этого переживания. Второй тип — оседлый, его вдохновляет освоение, возделывание уже обретённых (как правило, другими) пространств. В кочевых сообществах преобладает первый тип, в оседлых — второй, но дело не в этом.

Если набросить эту реконструкцию на формы современного взаимодействия между авторами и географическим пространством, первый тип проявляется в основном в написании текстов о новых (в той или иной степени) территориях, осваиваемых чаще всего путём классического путешествия, причём желательно — ранее никем не описанных. Это своего рода литературный первооткрыватель. Задача же второго типа — *переописание*, окультуривание уже открытого кем-то пространства, преобразование его сущности или создание новых мифов о нём. Это принципиально иная деятельность.

Итак, возможны два полярных человеческих типа, которым условно-приблизительно соответствует разделение между *геопоэтикой текста* и *геопоэтикой проекта*.

Первый тип (путешественник/первопроходец) отличается отсутствием не столько длительной фокусировки интереса на одной территории (она иногда может иметь место, хотя исключительно в разведывательном, наблюдательском, исследовательском ключе), сколько именно потребности «возделывания» территорий. Назову, как ближайшие примеры, неоднократно упомянутых здесь на конференции Кеннета Уайта и Василия Голованова.

Тип домоседа/возделывателя. Постоянная фокусировка на одной территории; территория эта может быть довольно обширной, но обязательно единой с геопоэтической точки зрения; внутри неё возможны большие цикличные «путешествия» (здесь желательны кавычки — скорее всё же это *обход владений*). Яркие образчики этого моноцентрического типа — уже упомянутый Максимилиан Волошин в Крыму и Даур Зантария в Абхазии, демонстрирующие противоположные по сюжету истории взаимоотношений со «своей» территорией. Первый обрёл такую территорию после долгих скитаний, отведав настоящей Европы и настоящей Азии, благодаря чему смог избрать Коктебель как идеальную для себя пропорцию Азии и Европы. Второй родился и

жил в маленькой Абхазии (с географической точки зрения она приблизительно равна волошинской «Киммерии»: что это — случайность, или некая константа протяжённости «малой родины?»), создавал о ней тексты и фильмы, а умер, очень возможно, именно оттого, что лишился дома и вынужден был покинуть родину. В обоих случаях — люди, связанные со своей землёй тысячей физических и метафизических нитей, а главное, обладающие уникальными личностными свойствами, которые их современники определяли конкретно как «демонические», в лучшем смысле слова. Дух земли, «гений места» — так это называлось издревле.

8. ГЕОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Можно вычленить также промежуточный тип между первопроходцем и возделывателем — полицентричный, в простейшем случае бицентричный. Образцовый пример последнего — Андрей Георгиевич Битов. Он вообще известен как литературный путешественник, но главное не это. Битов постоянный житель обеих столиц России, и регулярно кочует, курсирует между ними, по известным семейным обстоятельствам. Возвращаясь к «эротической» компоненте геопоэтики, вспомним его эссе десятилетней давности «Исповедь двоежёнца». Он там пишет о разрывающей его любви к двум этим соседним, но разным пространствам (с геопоэтической точки зрения Питер и Москва, конечно же, территории во многом полярные, отрицающие друг друга), невзирая на то, что в обоих локусах его считают «изменником».

В этом свете, кстати, понятнее известная битовская идея памятника зайцу, остановившему Пушкина на пути из Москвы в Петербург перед восстанием декабристов: увековечить того, кто сумел разорвать, пресечь сакраментальный «литературный маршрут». (Кстати, не повлияла ли здесь как-то идиома «*как зайцу стоп-сигнал*»?) Мне кажется, что всё это — элементы очень специфического и очень современного геопоэтического проекта. Персонального проекта по имени «Андрей Битов»… Человек как проект — явление по-прежнему актуальное, родственное жанру *life art*, развитие направления «деятель искусства как объект искусства».

Итак, Битов-проект: бесконечное путешествие, причём «челночное», возвратно-поступательное движение в географическом пространстве… Вашему покорному слуге (который, по-видимому, также полицентрический тип…) эта

ситуация весьма близка. Деятельность моя распределена между территориями России и Украины, периодически концентрируясь на «нейтральной полосе» — пограничном островке Тузла между ними, а в последнее десятилетие добавилась третья важная зона — отдалённые земли и острова на Юге… Разрываешься между стремлением к созиданию на излюбленных территориях, и «охотой к перемене мест». Эффективность зависит от выдержки, «усидчивости» в каждом случае разработки нового пространства. Боспорский форум в Керчи мне удалось провести трижды, и я долго потом удивлялся, что не получается найти ресурсы на следующий — пока не осознал, что работа Крымского клуба в Москве — это как бы и есть мой четвёртый, слегка видоизменённый и более стабильный «форум»…

И тем более очевидны мне эротические коннотации с битовским эссе. Я уже писал как-то, как одна медиа-бизнесвумен в Крыму бросила мне обвинение — что я соблазнил город Керчь (своими фестивалями), а потом уехал: «поматросил и бросил»[71].

Хотелось бы назвать ещё несколько наиболее интересных или характерных геопоэтических проектов — на ближайших, то есть постсоветских, пространствах.

Наиболее серьёзный коллективный геопоэтический проект (или, может быть, *интертекст*) нашего времени — это деятельность группы под условным названием «Путевой журнал»: Василий Голованов, Дмитрий Замятин, Андрей Балдин, Рустам Рахматуллин. Двое последних авторов разрабатывают проблематику геопоэтическую, или близкую к ней, основываясь на мировоззрении имперском. Главный ареал их «внутренней карты» — Российская империя, абсолютная точка отсчёта — Москва. Отмечу специально, что оба они, приобретая всё большее влияние своими разработками, получая признание, выражающееся в весомых государственных наградах, ничуть не приближаются с годами к сфере власти как таковой. То есть эти авторы работают с Империей в её исключительно геопоэтических, а не геополитических измерениях, их любовь и интерес к ней, к её иерархизированному Космосу и безбрежному географическому пространству, очевидно лишены прагматики.

В целом, эта геопоэтика успешно решает задачи в чём-то противоположные задачам Крымского клуба. Различия очевидны уже в жанровом плане: «Путевой журнал» представляет собой, в конечном счёте, последовательность геопоэтических текстов, Крымский клуб — скорее последовательность геопоэтических акций. Существенно расхождение и в «большом стиле»: если первое объединение тяготеет к модернизму или даже романтизму, то второе не без оснований подозревают в

симпатиях к постмодернистской поэтике; мне, правда, более точным здесь кажется термин «карнавальная»… Если деятельность «Путевого журнала» имеет некий героический оттенок, то работа Крымского клуба, во многом пародийная и гиперрефлексивная, соответственно, заставляет вспомнить термин «трикстер»; об этом неоднократно писали разные авторы.

Однако для того, чтобы увидеть главные различия, следует взлянуть на эту бинарную оппозицию сквозь призму идей геополитики. В этом плане очевидно, что вектор первого объединения совпадает с концептом евразийства, теллурократии, а второго, хоть и не столь очевидно — с концептом атлантизма: зацикленность на островах, интерес к путешествиям скорее океаническим, чем сухопутным, к талассократии и т. д.

Особенность «Путевого журнала» — в его подчёркнутом традиционализме, чуть ли не в геноновском смысле, и определённой герметичности. Новые авторы в этом поле появляются не часто; отмечу здесь Владимира Ешкилева (Украина), Владимира Березина, Илью Бражникова. Нет явного тяготения к диалогу, точнее, диалог возможен лишь настолько, насколько уже наработан общий язык. Чуждые воззрения — не только на геопоэтику — не возбуждают, не вызывают стремления к диалогу. (Например, сомнения в абсолютности мировой роли Российской империи и особенно Москвы, как центра мира.)

Крымский клуб же, наоборот, со своей гиперрефлексивностью, полицентричностью и определённым релятивизмом склонен постоянно втягивать в полемику всё новых представителей как дружественных, так и иных объединений и групп, в том числе и из «Путевого журнала». Эта работа по созданию контекста и интертекста кажется мне исторически необходимой: подлинный диалог возможен лишь с тем, с кем ты не согласен или кого ты не до конца понимаешь; диалог как таковой идёт там, где не завершён поиск общего языка. Диалог между единомышленниками — скорее многоголосный монолог.

Интересный геопоэтический проект осуществляет уже много лет Вадим Месяц — «перемешивание земли великих могил». В своих путешествиях он берёт землю, допустим, с могилы Заратустры и привозит её на могилу, скажем, Мухаммада. Этот обмен некими маленькими, условно говоря, Граалями — между святынями различных религий — призван, как заявлено, «перемешивать ноосферу». К геопоэтике имеет отношение и подчёркнуто архаичная в своей стилистике работа Месяца по созданию эпоса некоего несуществующего нордического народа («Норумбега»), — из области того, что называется фиктивной географией. Жанр «Песен западных славян», но в бореальном

изводе. Отмечу также весьма геопоэтичное название издательства, созданного Месяцем — «Русский Гулливер». Имперскость в её атлантистской версии; авантюрность; географическая напряжённость… Правда, в самой деятельности издательства геопоэтическая направленность пока не замечена. Соответствующие книжные проекты осуществляются другими издателями.

Если говорить о литературных издательствах России, то наиболее, если не единственно, геопоэтическим на сегодняшний день представляется «Арт Хаус медиа». В числе таких проектов последнего года, помимо недавнего сборника «трёх пограничных поэтов» «Кордон», можно назвать первую антологию русской поэзии об Одессе, «кросс-культурный» поэтический сборник Александра Кабанова с красноречивым подзаголовком «Крымско-херсонский эпос», готовящуюся к выходу монографию Элеоноры Шафранской о Ташкентском тексте в русской литературе.

* * *

Итак, суммируя все эти наблюдения, мы вынуждены отметить, что геопоэтик, как систем миропонимания, по-прежнему несколько, и сближения между ними не предвидится. Примирение концепций, тем не менее, легко достижимо, если эти геопоэтики примут на себя схиму употребления термина с каким-нибудь уточняющим эпитетом — как это сделала практическая геопоэтика. Сейчас это делается с помощью эвфемизма: вместо определения, концепция атрибутируется по имени «основателя» направления: геопоэтика по Уайту, геопоэтика по Андруховичу, и так далее. А вполне возможны и заранее непротиворечивы, между тем, геопоэтика литературная, геопоэтика аналитическая, геопоэтика политтехнологическая… Сие просто означало бы, что творческие связи человека с землёй более многообразны, чем нам казалось на давнем старте размышлений на эту тему.

Мифопоэтические практики и их артефакты Опыты постсоветского периода [72]

«Ex Tauricam semper aliquid novi»
(«Из Крыма всегда что-нибудь новое»)

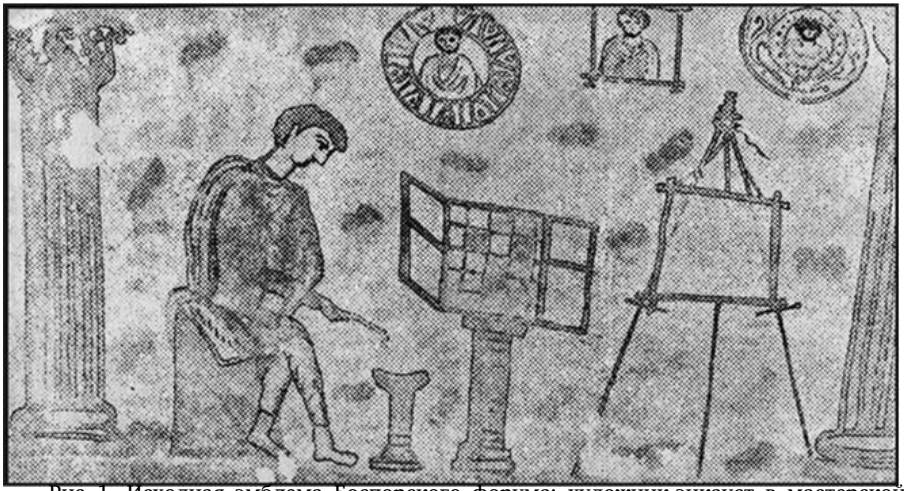

Рис. 1. Исходная эмблема Боспорского форума: художник-энкауст в мастерской. Фреска из керченского некрополя времён Боспорского царства

Если рассматривать эпохи в их «идейно-семантическом» аспекте, через доминирующие в каждой из них, или приближающиеся к доминантной фазе гуманитарные концепции, то начало третьего тысячелетия как минимум в восточноевропейском и постсоветском культурном ареале отмечено, помимо прочего, триумфальным шествием *геопоэтического* концепта.

Геопоэтика, претерпев за тридцать лет с момента появления этого термина несколько радикальных переосмыслений, стала необходимой компонентой современной интеллектуальной жизни, увенчав собой период так называемого «*пространственного поворота*» в гуманитарных науках — смещения исследовательских интересов с исторических ракурсов на рассматриваемый предмет к ракурсам географическим. Этот период породил множество новых научных дисциплин близких направлений — культурную географию, метагеографию, литературную топографию, культурографию и пр., и ещё больше терминов, имеющих лишь частичное, а зачастую и весьма спорное отношение к научному дискурсу, таких как «сакральная география», «метафизическое краеведение», «фиктивное краеведение», «географика» и т. д. Характерно, что большинство подобных терминов остались оригинальными изобретениями, «персональными лейблами» их авторов, не войдя в широкое пользование. И лишь геопоэтика становится понятием общеупотребимым — как бы по-разному она ни трактовалась на определённых этапах. Очевидно, мощный потенциал этого термина заложен в самой элементарности его морфологии, в соединении ключевых для нашей темы древнегреческих корней —

geo «земля» и poieticos «творческий»[73].

1. ГЕОПОЭТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ

«Пространственный поворот» в целом тоже происходил не сам по себе, но оказался органической частью и одним из наиболее заметных проявлений наблюдавшихся в последние десятилетия процессов всеобъемлющих изменений в мировой культуре, обобщаемых разными авторами как «эзотерическая революция»[74] или шире — *мифологическая*[75] или даже *мифопоэтическая революция*. Исследователь этого феномена культуролог Екатерина Дайс объясняет его через «возвращение Великой Богини», т. е. сдвиг в коллективном подсознательном, связанный с реабилитацией женского божества, которое представляет стихию Земли и известно со времён Античности, в том числе, под именем богини Геи[76].

Напомним, что история геопоэтики включает в себя последовательно «французскую» версию («смысловое поле, возникающее между поэзией, философией и наукой» — по расплывчатому определению изобретателя слова, поэта Кеннета Уайта, «крымскую» версию (в настоящее время определяемую как «создание и коррекция ландшафтно-территориальных мифов»), «карпатскую» версию (выработанный украинским писателем Юрием Андруховичем род художественной эссеистики, заряженной политическими эмоциями) и версию «берлинскую» — интердисциплинарные исследования на стыке литературоведения, культурологии, этнографии, посвящённые литературным и художественным образам территорий, мест и ландшафтов (в том числе и возникающим в рамках первых трёх названных версий или, выражаясь культурологически, дискурсов[77]). Привязка к Берлину, возможно, спорная: приблизительно одновременно с немецкими исследователями, в России понятием геопоэтики как научным инструментом стали пользоваться пермский филолог Владимир Абашев и его коллеги.

Рис. 2. Бочка с «Письмами с Понта» (посланиями в будущее участников Боспорского форума) готовится к отправке в Мировой океан: крышка герметизируется расплавленным воском. Фото Андрея Канищева

Данный доклад посвящён некоторым практическим сторонам и элементам реализации «крымской» геопоэтической доктрины, известной также как проективная, или практическая геопоэтика. Формирование её было обусловлено коллективным творчеством участников *Боспорского форума современной культуры* (1993–1995), выработавшим концепцию развития Крыма как «мирового культурного полигона», а также участием автора этих строк в Международном научном симпозиуме «Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы» в 1995, где была впервые обнародована крымская интерпретация геопоэтики[78]. Начиная с того же 1995 года, понятие закреплено в названии и практике деятельности *Крымского геопоэтического клуба*, основанного в Москве как продолжение и развитие творческих стратегий и практик Боспорского форума.

Рис. 3. «…*Три десятка писателей опустили свои послания потомкам в дубовую бочку (в последний момент по-диогеновски экологично заменившую собой бутылки), и та, кувыркаясь, полетела в волны Эвксинского Понта*». Из статьи И. Сида «„ТОРОБОАН“. Поэт Андрей Поляков и проблема протеизма» — предисловия к поэтическому сборнику А. Полякова «Для тех, кто спит» (М.: Новое литературное обозрение, 2003). Фото Андрея Канищева.

Приоритет Крымского клуба в плане определений геопоэтических феноменов отражён в первом научном сборнике по геопоэтике, вышедшем в 2010 году в Берлине под редакцией Сильвии Зассе и Магдалены Маршалек: авторы первых трёх статей называют Крымский клуб «самым успешным приложением геопоэтической идеи» и приводят ключевые цитаты о геопоэтике из наших работ середины 1990-х годов.

2. МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Глобалистическая концепция Крыма как «мирового культурного полигона», выдвинутая на Боспорском форуме, была очевидной для всех участников процесса недостижимой гуманитарной утопией, построенной в соответствии с известным максималистским слоганом «*Будьте реалистами — требуйте невозможного*». Однако, как известно, на пути к реализации утопий, таких как например создание Философского камня, человечество может совершать непредвиденные открытия,

позволяющие делать важные шаги в сторону прогресса.

В ходе названных выше экспериментов их участникам регулярно приходилось использовать понятие *мифа* — в его научной трактовке, не подразумевающей обязательное искажение фактов или обман (дополнительное значение, приписываемое понятию мифа обыденным сознанием): миф как устойчивое представление людей о каком-либо объекте или историческом сюжете. Именно в таком значении этот термин появляется уже в ключевой публикации по итогам первого Боспорского форума (1993 г.) — статье «Предчувствие новой мифологии. Боспорский форум как попытка к возрождению таврического мифогенеза».

Рис. 4. «*Эффектным завершением пленэрной выставки явились работы Аристарха Чернышёва: инсталляция „Восставшие из пролива“*[79] *в виде вереницы заполненных водой лабораторных колб, протянувшихся с двухметровым интервалом по узкому окончанию песчаной косы острова, в каждой колбе плавало по длинной серебристой рыбе странной наружности…*» (из статьи «Крым: предчувствие новой мифологии…», см. также рис. 5). Фото Андрея Канищева.

Рис. 5. «…*пироперформанс „Боспор — Бикини“, заключавшийся в серии ослепительных взрывов вдоль совершенно голого побережья (взрывы порождались жестикуляцией стоявшего в отдалении среди зрителей автора)*» (из статьи «Крым: предчувствие новой мифологии…»). Фото Андрея Канищева

Понятие мифа, а именно, *ландшафтно-территориального мифа* и по сей день имеет фундаментальное значение в доктрине проективной геопоэтики. Ландшафтно-территориальный миф, или в упрощённой бытовой лексике *местный миф* — по сути, элементарная единица, необходимый паззл культурной карты любого города, провинции, страны. Обновляя (дорисовывая, совершенствуя или даже заменяя) мифологические «кирпичики» культурной карты, мы можем в какой-то степени модернизировать, облагораживать своё культурное пространство, делать его более комфортным и интересным. А если смотреть с государственнической колокольни, более яркий территориальный миф делает регион более привлекательным, например, в качестве объекта туризма.

В этом плане, обогащение мифологии своего родного региона становится проявлением подлинного патриотизма.

В контексте нашей собственной творческой биографии деятельность подобного рода в первую очередь обусловливалась, конечно, художественными и исследовательскими амбициями. Стоит ли уточнять, в сколь высокой степени эти амбиции подогревались ощущением пионерного, беспрецедентного эксперимента: посмотреть, что получится, если?..

Здесь следовало бы подчеркнуть, что описываемый период, непосредственно последовавший за эпохами Перестройки и

распада Советского Союза, характеризовался мощным пафосом «возрождения ценностей культуры» и «восстановления международных культурных мостов». Кроме того, следует учесть, что многими субъектами истории — и мы здесь не исключение — руководило тогда ещё и определённое разочарование, отталкивание от прошлого. Речь о разочаровании не только в ценностях «социалистической культуры», требовавших замены несомненно с использованием богатства культуры мировой, но также и в таких фундаментальных понятиях мирового прогресса, как непременная *дихотомия сфер интеллектуальной деятельности*: на сферу научно-техническую, основанную на логико-аналитическом мышлении, и художественную сферу, основанную на мышлении синтетическом и ассоциативном. Поэтому наши «возрожденческие» идеи во многом строились именно на диалоге и экспериментальном взаимодействии науки и искусства. Само жанровое определение Боспорского форума изначально носило гибридный, кентаврический характер: «международный культурологический семинар-фестиваль».

Итак, в центре внимания нашего обзора — художественные и шире, культурные практики, направленные на создание новых или трансформацию существующих мифов. Не сразу, но в ходе осмысления уже проделанной работы, эти практики приобрели название *мифопоэтических* (гр. mythopoieticos «мифотворческий»). В области гуманитарных технологий мифопоэтические практики являются необходимым элементом *брэндинга* и *ребрэндинга* регионов — достаточно прагматичного рода человеческой деятельности. (Следует уточнить, что в выработанной нами понятийной системе, бренд — это по сути современная, «рыночная», управляемая форма мифа.) Нет сомнений, что наши наработки могут быть полезными многим, при реализации новых проектов подобной направленности. Исходя уже из одних только этих соображений, не лишне поделиться некоторыми технологическими секретами и наблюдениями.

Рис. 6. И. Сид и В. Аксенов утрамбовывают захоронение творческих талисманов участников Боспорского форума на искусственном кургане Юз-Адын-Оба. Фото Андрея Канищева

3. МИФ КАК ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЙ РЕСУРС

В наших публикациях разных лет мы сравнивали ландшафтно-территориальный миф с нефтяными залежами. Например, сильный локальный миф, привлекающий внимание внешнего мира, можно сравнить с богатым месторождением. В регион с сильным интересным мифом с бóльшим удовольствием приезжают не только туристы, но и вообще гости и чужестранцы, и в том числе потенциальные будущие инвесторы местных проектов, как культурных, так и предпринимательских. Если использовать привлекательные элементы местного мифа в таких проектах, не заботясь о сохранении, так сказать, репутации этого мифа, он может постепенно оскудевать, как нефть в скважине, и в конце концов может исчерпаться.

Однако существует принципиальное отличие локального мифа от любого месторождения полезных ископаемых: миф — это ресурс возобновляемый. Простейший способ восполнять мифологический ресурс данного места — привлекать к процессу восполнения современных мифотворцев. Уже сам по себе визит знаменитостей, живых классиков приращивает местный мифологический потенциал; но особенно важно, что локальный

миф может подпитываться за счёт новых интересных сюжетов, происходящих здесь с гостями — историческими фигурами.

В нашем случае, к участию в сессиях Боспорского форума приглашались известные поэты, писатели, художники, критики, такие как Василий Аксёнов, Иван Ахметьев, Владимир Войнович, Дмитрий Воденников, Фазиль Искандер, Дмитрий Кузьмин, Иван Жданов, Тимур Кибиров, Алексей Парщиков, Лев Рубинштейн, Руслан Элинин, участники крымско-московской поэтической группы «Полуостров» Николай Звягинцев, Мария Максимова, Андрей Поляков, Игорь Сид и многие другие. Стоит ли говорить, что с их пребыванием на форуме связана масса любопытных или забавных историй, в том числе эпизоды, задуманные и инициированные самими участниками.

Рис. 7. «*Инсталляция Валерия Айзенберга и Ирины Даниловой „Рождение Афродиты из яйцеклетки“ (шестиметровый квадрат из выложенных параллельными рядами гипсовых яиц, местами замененных небольшой копией головы Богини любви и красоты), совершившая ранее успешное турне по залам галерей Старой Европы, на этот раз была размещена на песке под открытым небом. Громокипящая (с тяжким грохотом) близость пенного Эвксинского Понта скрадывала банальные технократические ассоциации („инкубационный период“, „квадратно-гнездовой метод“ etc.), благодаря чему, по словам художников, „особую глубину приобрели её античные корни“. Если вдуматься, включение авторами темы яиц в предложенную версию теогонии в чём-то отвечает классическим версиям: согласно Гесиоду, Афродита родилась из крови оскоплённого Кроносом Урана! Во всяком случае, произведение осталось в памяти зрителей под условным названием „яйца Айзенберга“*» (из статьи «Крым: предчувствие новой мифологии…»). Фото Андрея Канищева

4. КОЛЛЕКТИВНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И АКЦИОНИЗМ

На Боспорских форумах приветствовалось участие всех гостей в создании новых местных традиций и легенд. Совершенно очевидно, что независимо от степени их соответствия исторической реальности, легенды, связанные сразу с несколькими известными персонажами, имеют больше шансов сохраниться, чем «сольные» сюжеты.

Неоднократно писалось, например, о шутливой акции коллективного жертвоприношения (путём символического съедения, с использованием шашлычной и колбасоделательной технологий) известного поэта, который отяготил коллег недостаточно учтивым поведением в дни форума. Священнодействие было отражено уже в первой официальной публикации, связанной с Боспорским форумом[80]. Сакраментальный эпизод до сих пор с удовольствием вспоминают при случае большинство связанных с ней участников форума — кроме, разумеется, самого съеденного поэта.

Рис. 8. Зрители идут по пляжу острова Тузла вдоль инсталляции Роста Егорова «LOOK TO THE HEAVENS» (запечатлён участок с буквами предлога «TO»). Фото Андрея Канищева

Одним из запомнившихся и участникам, и зрителям Боспорского форума коллективных перформансов была акция «Письма с Понта» (см. рис. 2, 3). Идея использования

«бутылочной почты» была предложена поэтом Андреем Поляковым, автор этих строк концепцию несколько видоизменил, во избежание засорения моря десятками бутылок: «письма в будущее» участники акции вкладывали не в накопившуюся за время форума стеклотару, а в единый и весьма экологичный транспортный сосуд — деревянную бочку небольшого размера. Так общими усилиями вырабатывалась замечательная новая традиция, прервавшаяся только в связи с продолжительной паузой в работе самого Боспорского форума.

В программе форума указывалось, в частности:

«*Каждый участник форума при желании сможет отправить epistola ex Ponto (лат. „письмо в XXX век“). Из экологических соображений сотня почтовых бутылок будет заменена одной дубовой бочкой, долженствующей впоследствии пройти (по течению реки Океан) последовательно Эвксинский Понт, Симплегады, Боспор Фракийский, Пропонтиду, Геллеспонт, Эгейское, Ионическое моря, Сциллу с Харибдой, Тирренское и Лигурийское моря и выйти к 2000 году через Геракловы Столпы во Внешнее море. Правительства и береговые службы средиземноморских стран заблаговременно предупреждаются о прохождении почтовой бочки…*»

Одним из важнейших элементов наследия Боспорского форума — это, конечно, «Музей Аристоника», придуманный режиссёром форума Оксаной Натолокой (Евсеевой). Нет сомнения, что музейные экспонаты, артефакты, собираемые для этой отчасти мифической (хотя бы потому, что принципиально не имеет собственного помещения) кунсткамеры — своеобразные «мнемонические кнопки», фиксирующие в нашей памяти исторические события форума. <…>

5. СОЗДАНИЕ МЕСТНОЙ ЛЕКСИКИ

Ещё один существенный элемент создания местного мифа — выработка специальной местной лексики, закрепляющей представление об особенности данного места. Имеется в виду именно не столько местный сленг, подразумевающий «местные» синонимы к обычным, общеупотребительным словам, сколько термины, соответствующие именно уникальным особенностям данного места и данного мифа. Так Максимилиан Волошин актуализировал (по другим данным — изобрёл сам) название Киммерия, связанное с древним народом киммерийцев, по легенде обитавших в Восточном Крыму. В нашем случае также активно использовались и актуализировались уже

существовавшие когда-то слова и исторические наименования. Более того, в программные материалы специально включался т. н. «Глоссарий Боспорского форума», калейдоскопически объединявший архаичные и модернистические термины.

Так, для обозначения участников Боспорских форумов применялся, как в сиюминутных репортажных, так и в позднейших историософских публикациях, термин «боспориты», во времена античного Боспорского царства означавший местных жителей независимо от их этнического происхождения (эллинистического, скифского и т. д.). В отношении острова Тузла, как объекта художественной экспансии, было актуализировано древнее наименование Акмэ («Остриё иглы»), связанное с тем, что изначально остров представлял собой земляную косу — полосу суши, продолжавшую собой мыс на азиатской (ныне российской) стороне Керченского пролива.

Рис. 9. Фото, ставшее визуальным символом Боспорского форума: участники форума над последней буквой инсталляции Роста Егорова «LOOK TO THE HEAVENS» на острове Тузла. Слева направо: австралийская художница и искусствовед Мария Гоуф, поэт и редактор Вероника Боде, художественный критик и редактор Михаил Боде (старший), поэт Андрей Поляков, художник Ангелина Панова, фотохудожник Андрей Канищев, художник Валерий Айзенберг. Фото Андрея Канищева

Слово «геоглиф», обычно употребляющееся в отношении художественных объектов достаточно древних, а в нашем случае пригодившееся для обозначения авангардного произведения, в нашем обзоре уже упоминалось. (Обратим внимание, кстати, на первый корень этого термина, общий с «геопоэтикой».)

Не все вновь создаваемые слова и наименования сохраняются в обиходе. Так, название искусственного «псевдоскифского»

кургана Юз-Адын-Оба («Сто Первая Вершина» на несуществующем языке яки, придуманном Василием Аксёновым для романа «Остров Крым», см. рис. 6), который был насыпан специально к открытию второго Боспорского форума летом 1994 года, постепенно было забыто и участниками форума, и жителями Керчи. Объясняется это очень просто. Поскольку, благодаря свободному посещению акций форума и многочисленным публикациям, население знало, что внутри этого кургана участниками форума было сделано захоронение неких «творческих талисманов», насыпь подвергалась постоянному раскапыванию и разграблению, до тех пор, пока холм не сравнялся наконец с лицом земли. Ничего удивительного: если нет кургана — то нет и названия…

6. ЛЭНД-АРТ

Формирование ландшафтно-территориального мифа не требует обязательного воздействия на ландшафт: новые смыслы или новые интерпретации могут «вчитываться» в уже имеющийся рельеф. Классический пример — «профиль Волошина» в Коктебеле, который до появления в этих местах Максимилиана Александровича считался профилем Пушкина. Однако при отсутствии богатого ассоциациями субстрата его можно создавать целенаправленно.

Одним из важных способов формирования ландшафтно-территориального мифа является такой «крупногабаритный» вид искусства, как возникший более полувека назад лэнд-арт, в котором артефакты выполняются зачастую на открытом пространстве, вписываясь в природный или культурный ландшафт и подвергаясь воздействию естественных стихий. Крупные культурные сооружения издавна носят эпитет «циклопические», что подчёркивает их нечеловекомерность, их надчеловеческую и метаисторическую значимость. Акции по созданию артефактов лэнд-арта в рамках Боспорского форума проходили под слоганом «циклопический жест».

Уже упомянутый здесь курган Юз-Адын-Оба, насыпанный на втором Боспорском форуме — типичный образец лэнд-арта. Но уже на первом Боспорском форуме в сентябре 1993 года ряд экспериментов в этом виде искусства были проделаны художниками из России и Австралии, в рамках выставки инсталляций «Tabula rasa» на острове Тузла.

Наибольшую известность из этих опытов приобрела впоследствии гигантская — по разным оценкам, длиной от

полукилометра до полутора километров — инсталляция Роста Егорова «LOOK TO THE HEAVENS» (англ. «Смотри в небеса»). Произведение представляло собой геоглиф (гр. «надпись на земле»), выложенный по траншеям в песке чёрными морскими водорослями, в обилии выброшенными на побережье Тузлы штормом за несколько дней до форума. Зрители, доставленные катером из Керчи, должны были идти по побережью острова, побуквенно записывая текст к себе в блокноты: окинуть взглядом всю надпись целиком, согласно масштабному замыслу автора, было невозможно.

Категорический императив: обратить взгляд в небо — неизбежно породил обратную художественную проекцию, воображаемый «взгляд с неба». Один из участников форума, уехав по его окончании со своими арт-проектами в США, через некоторое время передал организаторам фотоизображение исполинской надписи, сделанное якобы спутником NASA. И хотя со временем подлинность снимка была подвергнута сомнению (на фото были заметны следы компьютерной обработки), а затем отпечаток вообще бесследно исчез, — тем не менее, в общественной памяти надолго закрепилась эта прямая «космическая» связь между произведением современного художника и объектами самой передовой технической цивилизации, наглядная «читательская перекличка» между небом и землёй.

«Власть маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен [81]

Можно вынуть историю из пешехода…

Иван Жданов [Жданов, 1991]

Исходным вызовом, мотивировавшим возникновение данной работы, стал для автора сам факт отсутствия в современной науке специализированной исследовательской дисциплины, посвящённой проблематике *путешествий*. Путешествиями в их географическом, социальном, психологическом, биологическом, экологическом и т. д. аспектах и преломлениях занимаются лишь конкретные разделы соответствующих наук. Между тем, о необходимости консолидации усилий гуманитарных и естественных наук вокруг исследования феномена путешествия говорится давно, в том числе и в русском культурном

пространстве. Отечественные авторы, начиная с Владимира Каганского, любят цитировать Ивана Гончарова — пассаж об отсутствии и необходимости «науки о путешествиях» из его автобиографической книги «Фрегат Паллада» (цикл очерков — в сущности, классический травелог, 1855–1857). Ключевая цитата оттуда такова:

«Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику…» [Гончаров, 1986].

Со времени написания книги прошло более полутора столетий, но лишь в последние годы ситуация стала постепенно меняться.

Первым серьёзным диалогом о природе путешествия на отечественном пространстве можно считать семинар «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий», прошедший в 2000 году в Санкт-Петербурге. Затем, после длительной паузы, в последние три года состоялась целая серия конференций и круглых столов по проблематике путешествий: «Актуальные проблемы религиозно-образовательного туризма и паломнической деятельности»[82]; «Путешествие, текст, арт-проект: захват территории в XXI веке»[83]; «Россия — Италия — Германия: литература путешествий»[84]; «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа»[85] (данная статья представляет собой доработанный текст доклада на последней конференции). Культурно-инновационным и геопоэтическим аспектам путешествия как феномена и как человеческой практики была посвящена одна из секций конференции «Поэтический фактор в культуре. Синкретические тенденции и инновации» в Международном университете в Москве в апреле 2013. Наконец, в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России в июле 2013 прошёл круглый стол по антропологии путешествий[86].

Тем не менее, сегодня по-прежнему трудно как-либо оценить возможность сведения в будущем исследовательских ракурсов в некий единый дисциплинарный проект.

Итак, сама безуспешность, до сегодняшнего дня, попыток

создания единой теории путешествий или хотя бы квазинауки (инонауки, по С. Аверинцеву) о путешествиях свидетельствует, на наш взгляд, об универсальности, «избыточности», тотальности феномена путешествия — как в плане экзистенциального эксперимента в рамках индивидуальной человеческой жизни, так и в качестве социального института.

Путешествие присутствует, зачастую в латентном или свёрнутом виде, во множестве других социально-психологических явлений и может рассматриваться как один из наиболее фундаментальных феноменов человеческого бытия. И соответственно, скорее не путешествие должно описываться как совокупность каких-то существенных компонентов, а наоборот, описание других антропологических феноменов может базироваться на элементарном компоненте — путешествии, как целостном пространственно-временно́м феномене, метафорически соответствующем человеческой жизни (биографии) в целом.

Согласно концепции путешествия, выдвинутой Владимиром Каганским [Каганский 2001], путешествие всегда происходит одновременно в нескольких пространствах — как минимум, в географическом, личностном, в пространстве знаний; большинство этих пространств являются семантическими или фазовыми. Вне зависимости от того, чем является, а чем не является Путешествие, и от того, в каких именно пространствах оно происходит, у этого феномена имеется как минимум один абсолютно необходимый смыслообразующий атрибут (элемент) — Маршрут: схема-траектория движения в путешествии, наложенная на карту соответствующего пространства. Все хронологические моменты путешествия однозначно связаны с соответствующими пространственными точками его маршрута. В каких бы пространствах не осуществлялось путешествие: в наземном ландшафте, во внешне однообразном океане, в мире снов, в виртуальных или мифологических пространствах, в любых фазовых или семантических пространствах — каждому моменту путешествия соответствует включённая в маршрут одна определённая точка пространства (неважно, реального, виртуального или воображаемого).

Таким образом, маршрут жёстко связывает пространственную компоненту с временно́й, сплавляя их в единый пунктир, точнее, непрерывную кривую, включающую «пунктир» реперных точек — остановок, станций, привалов, ночлегов, приключений и т. д. Тем самым, временна́я координата, намертво связанная с линией маршрута (схематически сводимой к одному из

пространственных измерений), оказывается как бы лишней, факультативной. А значит, путешественник, хотя бы метафорически, свободен от хронологической шкалы.

Один из любопытных примеров наглядной эмансипации путешественника от временно́й шкалы показан в докладе С. Сидоровой на X Конгрессе этнографов и антропологов России. Британские колониальные чиновники зачастую строили оглавление своих мемуаров о карьере в Индии не по хронологической, а по географической схеме. При этом каждый биографический этап, привязанный к очередному месту назначения в различных индийских провинциях, воспринимался автором как точка маршрута большого путешествия, каковым становилась для него в итоге вся его прожитая жизнь [Сидорова, 2013].

Мысль о путешествии как бы выталкивает нас за пределы пространственно-временно́го континуума: сравнивая эпизоды путешествия, мы должны мысленно отодвинуться от включающего их потока времени, чтобы охватить их единым взглядом. Это, по сути, взгляд наблюдателя из дополнительного пространственного (или же дополнительного временного) измерения, описанный британским философом Джоном Данном [Данн, 2000]. Подобным «взглядом из гиперпространства» можно объяснить, например, любопытный феномен, описанный прозаиком Андреем Битовым: убедительный текст о путешествии может возникать даже до его начала [Битов, 2012]. Аналогично, поэт Сергей Гандлевский признавался, что одно из самых известных своих стихотворений о Средней Азии он написал ещё только в ожидании своей первой экспедиции. Дело не столько в прогностическом, визионерском элементе в подобных произведениях (его вполне может не быть), сколько в самой инвариантности стимула думать и писать о путешествии, независимо от расположения автора на хронологической шкале относительно исторического отрезка, когда осуществлялось или будет осуществляться путешествие.

Т.о., путешествие — объект многообразной рефлексии, с которым путешественник может поддерживать мыслительную связь всегда, в любой момент своей жизни — до, во время и после самого путешествия. В итоге, вся его жизнь, в определённой степени, может проецироваться на путешествие. Путешествия становятся опорными элементами биографии, из которых — вероятно, по законам подобия, близким к фрактальности — складывается его жизнь. Каждое из путешествий содержит в себе в виде модели всю жизнь путешественника в целом.

Всё более заметные сегодня усилия русскоязычного

интеллектуального сообщества по осмыслению феномена путешествия дают повод к размышлению о возможных различиях между культурами в плане их «лингвистического ресурса» для понимания этого феномена. Есть предположение, что русское слово с двумя корнями «путешествие» даёт больше возможностей для рефлексии по отношению к феномену путешествия, нежели, скажем, английские journey, travel, trip, французские voyage и tournée, немецкое Reise и т. д., — почему-то сплошь однокоренные.

Наличие одного корня в слове делает понятие (представление) синкретическим, нерасчленимым, бескомпонентным. В основных европейских языках понятие путешествия содержит в себе простой смысл, являющийся, в сущности, модификацией понятия «движение». В слове же «путешествие» два корня содержат разную, причём взаимно дополнительную семантику: «путь» как некая пространственная протяжённость, и «шествие» как действие, протяжённое во времени. Получается, что понятие путешествия, переданное русским словом, изначально содержит в себе, в виде полускрытых автономных смыслов, представление о наличии разных физических координат — пространственных и временных — которые и конструируют в своём сочетании феномен путешествия.

Кроме того, совершенно очевидно присутствие в русском «путешествии» некоего дополнительного латентного социально-эстетического измерения — полузаметных оттенков праздничности, торжественности, если не сакральности, которые связаны с семантическим полем слова «шествие».

Знаменательно, что ещё одно русское слово — «маршрут», пришедшее из устаревшей немецкой лексики (в современном немецком вместо Marschroute используются слова Route и Reiseroute) — тоже двухкоренное, и является почти точной калькой-перевёртышем «путешествия»: Marsch как действие, протяжённое во времени («шествие»), Route — «путь» как пространственная протяжённость. Два этих корня содержат в себе философско-математический смысл, дающий носителям русского языка возможность априорно быть чуть ближе к постижению феномена путешествия и параметров его осуществления, чем носители других языков — хотя бы неосознанно.

Ещё одно предположение заключается в том, что данная особенность русского слова «путешествие», как и закрепление в русском языке немецкого слова «маршрут» при исчезновении его в исходном немецком, связано с тем, что Россия — страна скорее сухопутная, нежели морская.

Даже чисто умозрительно ясно, что лексика атлантических держав, связанная с путешествиями, с меньшей вероятностью удержит в себе слово, связанное с «шествием», чем лексика стран «срединной земли». Путешествие морское имеет привязку к географическому пространству лишь при плавании вдоль берегов (отсюда прагматизм и устойчивость понятий «периплы», «каботаж» и т. п.). Плавание же от берега к берегу через открытое море (каковы, как правило, все плавания океанические), по сути, лишено пространства как различаемой и измеряемой данности, зато оно, соответственно, переполнено временем. В океане на пути корабля нет вех, по которым можно было отсчитывать, мысленно выстраивать путь. Во всяком случае, пространство такого путешествия лишено человекомерности, координатная сетка строится не на пропорциях относительно анатомии человеческого тела (локоть, фут, шаг и т. д.), а на подсчётах количества движения в его космических проекциях, по смещению небесных светил.

Кроме того, в этих лексико-семантических различиях мог сыграть роль и тот нюанс, что сухопутное европейское пространство, во-первых, достаточно тесное, повсеместно раздробленное невысокими горами, холмами и прочими неровностями (пресловутая «пересечённая местность»), в нём почти нет характерных для Азии, Африки или Америки величественности ландшафтов, избыточного простора и размаха, которые сам по себе примагничивают внимание путешественников, увлекая в путь. А во-вторых, в странах Европы в представлении о путешествиях должен был быть давно размыт оттенок познавательный. Европейское пространство уже со средних веков очень хорошо изучено, описано, известно в подробностях, т. е. стимул для отправления в путешествие здесь был просто давно ослаблен. Поэтому понятие о «путешествии» растеряло свою когнитивную и эвристическую (да и сакральную, вероятно, тоже) ценность, превратившись в преимущественно механическую и прагматическую характеристику движения.

Уникальность феномена путешествия, по нашему предположению, заключается ещё и в том, что это, пожалуй, единственный вид человеческой деятельности, все хронологические стадии которого одинаково самоценны. Начало или середина пути по умолчанию не менее важны, чем финал. Конечной целью путешествия является *всё путешествие в целом*, а не только его кульминация или финал, или другие моменты маршрута.

То есть путешествие можно рассматривать как элементарную поведенческую модель для многих видов деятельности, как

например игра, учеба, воспитание детей, секс, еда, творчество. Эти формы активности являются, по своим психологическим механизмам, производными от путешествия, его «разновидностями» или модусами. При этом они зачастую не подразумевают пространственного перемещения, и в трёх из четырёх физических измерений их маршрут свёрнут в точку. «Маршрут» этих модусов путешествия лежит не в физическом пространстве, базовыми пространствами являются для них пространства фазовые или семантические — пространство личностного роста, пространство эмоций и т. д.

Старт любого путешествия, подобно человеческому младенчеству и детству, отмечен эйфорическим избытком чувств и дефицитом информации; финиш, подобно старости — наоборот, перегружен накопленными знаниями и впечатлениями, но беден на эмоции, восприятие истощено. И совокупность промежуточных этапов путешествия может рассматриваться, в том числе, как параллельные процессы — постепенной утраты остроты восприятия и одновременно — последовательного накопления информации о мире. Аналогично, завершение путешествия, в классическом случае в той же точке, откуда оно было начато, соответствует смерти.

И именно поэтому любое путешествие является многогранно работающей метафорой *человеческой жизни в целом*, её действующей моделью, устойчивой ментальной матрицей (приблизительной иллюстрацией которой является латинская пословица «*via est vita*»).

«Путешественник», в таком случае, — почти полный синоним «человека». А исследовать путешествие — едва ли не так же сложно, как и изучать человеческую жизнь вообще, во всей её бесконечной сложности и поливариантности. Аналогичным образом, исследование смыслов человеческой жизни, понимаемой как протяжённость, маршрут, «биография» — тоже до сих пор не институализировано в отдельной научной дисциплине, оно всё ещё остаётся прерогативой различных разделов философии.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исходным вызовом, мотивировавшим возникновение данной работы, стал для автора сам факт отсутствия в современной науке специализированной исследовательской дисциплины, посвящённой проблематике *путешествий*. Путешествиями в их географическом, социальном, психологическом, биологическом, экологическом и т. д. аспектах и преломлениях занимаются лишь

конкретные разделы соответствующих наук. Между тем, о необходимости консолидации усилий гуманитарных и естественных наук вокруг исследования феномена путешествия говорится давно, в том числе и в русском культурном пространстве. Отечественные авторы, начиная с Владимира Каганского, любят цитировать Ивана Гончарова — пассаж об отсутствии и необходимости «науки о путешествиях» из его автобиографической книги «Фрегат Паллада» (цикл очерков — в сущности, классический травелог, 1855–1857). Ключевая цитата оттуда такова:

«Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику…» [Гончаров, 1986].

Со времени написания книги прошло более полутора столетий, но лишь в последние годы ситуация стала постепенно меняться.

Первым серьёзным диалогом о природе путешествия на отечественном пространстве можно считать семинар «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий», прошедший в 2000 году в Санкт-Петербурге. Затем, после длительной паузы, в последние три года состоялась целая серия конференций и круглых столов по проблематике путешествий: «Актуальные проблемы религиозно-образовательного туризма и паломнической деятельности»[82]; «Путешествие, текст, арт-проект: захват территории в XXI веке»[83]; «Россия — Италия — Германия: литература путешествий»[84]; «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа»[85] (данная статья представляет собой доработанный текст доклада на последней конференции). Культурно-инновационным и геопоэтическим аспектам путешествия как феномена и как человеческой практики была посвящена одна из секций конференции «Поэтический фактор в культуре. Синкретические тенденции и инновации» в Международном университете в Москве в апреле 2013. Наконец, в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России в июле 2013 прошёл круглый стол по антропологии путешествий[86].

Тем не менее, сегодня по-прежнему трудно как-либо оценить возможность сведения в будущем исследовательских ракурсов в некий единый дисциплинарный проект.

Итак, сама безуспешность, до сегодняшнего дня, попыток создания единой теории путешествий или хотя бы квазинауки (инонауки, по С. Аверинцеву) о путешествиях свидетельствует, на наш взгляд, об универсальности, «избыточности», тотальности феномена путешествия — как в плане экзистенциального эксперимента в рамках индивидуальной человеческой жизни, так и в качестве социального института.

Путешествие присутствует, зачастую в латентном или свёрнутом виде, во множестве других социально-психологических явлений и может рассматриваться как один из наиболее фундаментальных феноменов человеческого бытия. И соответственно, скорее не путешествие должно описываться как совокупность каких-то существенных компонентов, а наоборот, описание других антропологических феноменов может базироваться на элементарном компоненте — путешествии, как целостном пространственно-временно́м феномене, метафорически соответствующем человеческой жизни (биографии) в целом.

2. МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Согласно концепции путешествия, выдвинутой Владимиром Каганским [Каганский 2001], путешествие всегда происходит одновременно в нескольких пространствах — как минимум, в географическом, личностном, в пространстве знаний; большинство этих пространств являются семантическими или фазовыми. Вне зависимости от того, чем является, а чем не является Путешествие, и от того, в каких именно пространствах оно происходит, у этого феномена имеется как минимум один абсолютно необходимый смыслообразующий атрибут (элемент) — Маршрут: схема-траектория движения в путешествии, наложенная на карту соответствующего пространства. Все хронологические моменты путешествия однозначно связаны с соответствующими пространственными точками его маршрута. В каких бы пространствах не осуществлялось путешествие: в наземном ландшафте, во внешне однообразном океане, в мире снов, в виртуальных или мифологических пространствах, в любых фазовых или семантических пространствах — каждому моменту путешествия

соответствует включённая в маршрут одна определённая точка пространства (неважно, реального, виртуального или воображаемого).

Таким образом, маршрут жёстко связывает пространственную компоненту с временно́й, сплавляя их в единый пунктир, точнее, непрерывную кривую, включающую «пунктир» реперных точек — остановок, станций, привалов, ночлегов, приключений и т. д. Тем самым, временна́я координата, намертво связанная с линией маршрута (схематически сводимой к одному из пространственных измерений), оказывается как бы лишней, факультативной. А значит, путешественник, хотя бы метафорически, свободен от хронологической шкалы.

Один из любопытных примеров наглядной эмансипации путешественника от временно́й шкалы показан в докладе С. Сидоровой на X Конгрессе этнографов и антропологов России. Британские колониальные чиновники зачастую строили оглавление своих мемуаров о карьере в Индии не по хронологической, а по географической схеме. При этом каждый биографический этап, привязанный к очередному месту назначения в различных индийских провинциях, воспринимался автором как точка маршрута большого путешествия, каковым становилась для него в итоге вся его прожитая жизнь [Сидорова, 2013].

Мысль о путешествии как бы выталкивает нас за пределы пространственно-временно́го континуума: сравнивая эпизоды путешествия, мы должны мысленно отодвинуться от включающего их потока времени, чтобы охватить их единым взглядом. Это, по сути, взгляд наблюдателя из дополнительного пространственного (или же дополнительного временного) измерения, описанный британским философом Джоном Данном [Данн, 2000]. Подобным «взглядом из гиперпространства» можно объяснить, например, любопытный феномен, описанный прозаиком Андреем Битовым: убедительный текст о путешествии может возникать даже до его начала [Битов, 2012]. Аналогично, поэт Сергей Гандлевский признавался, что одно из самых известных своих стихотворений о Средней Азии он написал ещё только в ожидании своей первой экспедиции. Дело не столько в прогностическом, визионерском элементе в подобных произведениях (его вполне может не быть), сколько в самой инвариантности стимула думать и писать о путешествии, независимо от расположения автора на хронологической шкале относительно исторического отрезка, когда осуществлялось или будет осуществляться путешествие.

Т.о., путешествие — объект многообразной рефлексии, с

которым путешественник может поддерживать мыслительную связь всегда, в любой момент своей жизни — до, во время и после самого путешествия. В итоге, вся его жизнь, в определённой степени, может проецироваться на путешествие. Путешествия становятся опорными элементами биографии, из которых — вероятно, по законам подобия, близким к фрактальности — складывается его жизнь. Каждое из путешествий содержит в себе в виде модели всю жизнь путешественника в целом.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА

Всё более заметные сегодня усилия русскоязычного интеллектуального сообщества по осмыслению феномена путешествия дают повод к размышлению о возможных различиях между культурами в плане их «лингвистического ресурса» для понимания этого феномена. Есть предположение, что русское слово с двумя корнями «путешествие» даёт больше возможностей для рефлексии по отношению к феномену путешествия, нежели, скажем, английские journey, travel, trip, французские voyage и tournée, немецкое Reise и т. д., — почему-то сплошь однокоренные.

Наличие одного корня в слове делает понятие (представление) синкретическим, нерасчленимым, бескомпонентным. В основных европейских языках понятие путешествия содержит в себе простой смысл, являющийся, в сущности, модификацией понятия «движение». В слове же «путешествие» два корня содержат разную, причём взаимно дополнительную семантику: «путь» как некая пространственная протяжённость, и «шествие» как действие, протяжённое во времени. Получается, что понятие путешествия, переданное русским словом, изначально содержит в себе, в виде полускрытых автономных смыслов, представление о наличии разных физических координат — пространственных и временных — которые и конструируют в своём сочетании феномен путешествия.

Кроме того, совершенно очевидно присутствие в русском «путешествии» некоего дополнительного латентного социально-эстетического измерения — полузаметных оттенков праздничности, торжественности, если не сакральности, которые связаны с семантическим полем слова «шествие».

Знаменательно, что ещё одно русское слово — «маршрут», пришедшее из устаревшей немецкой лексики (в современном немецком вместо Marschroute используются слова Route и

Reiseroute) — тоже двухкоренное, и является почти точной калькой-перевёртышем «путешествия»: Marsch как действие, протяжённое во времени («шествие»), Route — «путь» как пространственная протяжённость. Два этих корня содержат в себе философско-математический смысл, дающий носителям русского языка возможность априорно быть чуть ближе к постижению феномена путешествия и параметров его осуществления, чем носители других языков — хотя бы неосознанно.

Ещё одно предположение заключается в том, что данная особенность русского слова «путешествие», как и закрепление в русском языке немецкого слова «маршрут» при исчезновении его в исходном немецком, связано с тем, что Россия — страна скорее сухопутная, нежели морская.

Даже чисто умозрительно ясно, что лексика атлантических держав, связанная с путешествиями, с меньшей вероятностью удержит в себе слово, связанное с «шествием», чем лексика стран «срединной земли». Путешествие морское имеет привязку к географическому пространству лишь при плавании вдоль берегов (отсюда прагматизм и устойчивость понятий «периплы», «каботаж» и т. п.). Плавание же от берега к берегу через открытое море (каковы, как правило, все плавания океанические), по сути, лишено пространства как различаемой и измеряемой данности, зато оно, соответственно, переполнено временем. В океане на пути корабля нет вех, по которым можно было отсчитывать, мысленно выстраивать путь. Во всяком случае, пространство такого путешествия лишено человекомерности, координатная сетка строится не на пропорциях относительно анатомии человеческого тела (локоть, фут, шаг и т. д.), а на подсчётах количества движения в его космических проекциях, по смещению небесных светил.

Кроме того, в этих лексико-семантических различиях мог сыграть роль и тот нюанс, что сухопутное европейское пространство, во-первых, достаточно тесное, повсеместно раздробленное невысокими горами, холмами и прочими неровностями (пресловутая «пересечённая местность»), в нём почти нет характерных для Азии, Африки или Америки величественности ландшафтов, избыточного простора и размаха, которые сам по себе примагничивают внимание путешественников, увлекая в путь. А во-вторых, в странах Европы в представлении о путешествиях должен был быть давно размыт оттенок познавательный. Европейское пространство уже со средних веков очень хорошо изучено, описано, известно в подробностях, т. е. стимул для отправления в путешествие здесь был просто давно ослаблен. Поэтому понятие о «путешествии»

растеряло свою когнитивную и эвристическую (да и сакральную, вероятно, тоже) ценность, превратившись в преимущественно механическую и прагматическую характеристику движения.

4. ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МЕНТАЛЬНАЯ МАТРИЦА

Уникальность феномена путешествия, по нашему предположению, заключается ещё и в том, что это, пожалуй, единственный вид человеческой деятельности, все хронологические стадии которого одинаково самоценны. Начало или середина пути по умолчанию не менее важны, чем финал. Конечной целью путешествия является *всё путешествие в целом*, а не только его кульминация или финал, или другие моменты маршрута.

То есть путешествие можно рассматривать как элементарную поведенческую модель для многих видов деятельности, как например игра, учеба, воспитание детей, секс, еда, творчество. Эти формы активности являются, по своим психологическим механизмам, производными от путешествия, его «разновидностями» или модусами. При этом они зачастую не подразумевают пространственного перемещения, и в трёх из четырёх физических измерений их маршрут свёрнут в точку. «Маршрут» этих модусов путешествия лежит не в физическом пространстве, базовыми пространствами являются для них пространства фазовые или семантические — пространство личностного роста, пространство эмоций и т. д.

Старт любого путешествия, подобно человеческому младенчеству и детству, отмечен эйфорическим избытком чувств и дефицитом информации; финиш, подобно старости — наоборот, перегружен накопленными знаниями и впечатлениями, но беден на эмоции, восприятие истощено. И совокупность промежуточных этапов путешествия может рассматриваться, в том числе, как параллельные процессы — постепенной утраты остроты восприятия и одновременно — последовательного накопления информации о мире. Аналогично, завершение путешествия, в классическом случае в той же точке, откуда оно было начато, соответствует смерти.

И именно поэтому любое путешествие является многогранно работающей метафорой *человеческой жизни в целом*, её действующей моделью, устойчивой ментальной матрицей (приблизительной иллюстрацией которой является латинская пословица «*via est vita*»).

«Путешественник», в таком случае, — почти полный синоним

«человека». А исследовать путешествие — едва ли не так же сложно, как и изучать человеческую жизнь вообще, во всей её бесконечной сложности и поливариантности. Аналогичным образом, исследование смыслов человеческой жизни, понимаемой как протяжённость, маршрут, «биография» — тоже до сих пор не институализировано в отдельной научной дисциплине, оно всё ещё остаётся прерогативой различных разделов философии.

Литература

Битов А. Г. Путешествие как литературный жанр. Доклад на конференции «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа». Москва, 6 декабря 2012.

Гончаров И. А. «Фрегат „Паллада“». Л., 1986.

Данн Дж. У. Эксперимент со временем. М.: Аграф, 2000.

Жданов И. Ф. Место Земли. Книга стихов. М.: Молодая гвардия, 1991. *Каганский В. Л.* Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып. 2. *Сидорова С. Е.* Путешествие длиною в жизнь: британские колониальные чиновники в Индии. Доклад на круглом столе «Антропология путешествий: мотивы, персонажи, трансграничье» в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России, 4 июля 2013. (Не опубл.)

Межкультурное взаимодействие и геопоэтика: О значении путешествий (на примере одной сюжетной линии в романе Даура Зантария «Золотое колесо») [87]

Выдающийся абхазско-русский писатель Даур Зантария в своём главном произведении, романе-эпопее «Золотое колесо» изображает краткий период новейшей истории Абхазии, непосредственно предшествующий началу грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. Несколько переплетающихся сюжетных линий с участием персонажей различных национальностей — как живущих здесь абхазов, грузин (мингрелов), греков, русских, цыган, так и гостей из Балтии и Западной Европы, — дают в совокупности картину сгущающегося этнополитического конфликта.

Исследуя причинно-следственные связи данной исторической ситуации и противоречивые механизмы коллективного восприятия, автор не даёт происходящему никаких оценок и

далёк от какой-либо дидактики; в романе практически нет героев полностью отрицательных. Обостряющийся кризис обладает собственной внутренней логикой, несводимой к поведению или взглядам отдельных людей, и напоминающей нарастание катящегося с горы снежного кома. Так, приезд в Абхазию французского велосипедиста-миротворца парадоксальным образом приводит к дальнейшей эскалации напряжения: «*Война так война, решили все. Стало ясно, что здесь уже так сильно пахнет жареным, что и до Парижа дошло. В сознании людей постепенно укреплялась опасная мысль о неотвратимости войны. Это-то часто и делает войну неотвратимой. В краю, где наскоро сколачивают хижины с мыслью, что всё равно сожгут, никогда не кончатся поджоги*»[88].

Центральная сюжетная линия романа, связанная с судьбой мингрельского юноши Могеля, выглядит особенно интересной с точки зрения теории путешествий и геопоэтики, поскольку событийно-хронологическая канва здесь накладывается на физическое перемещение героя вдоль черноморского побережья Кавказа, а в нарратив втягиваются, в том числе, ландшафтно-географические образы.

Могель совершает странствие из Мингрелии в Абхазию, стремясь состояться как личность. Образ этого героя, действующего на протяжении почти всего романа, прописан не очень подробно и выглядит как некоторое обобщение. В начале романа читатель узнаёт лишь, что «*Могелю было за двадцать, но до сих пор он по-настоящему жить не начал: не успел ни жениться, ни переехать в Абхазию*»[89]. Постепенно становится ясно, что «*уехать в Абхазию или Тбилиси, как это делают все, кто могут*»[90] — устойчивая тенденция у молодёжи прибрежной, то есть провинциальной, части позднесоветской Грузии. В эпоху, когда Абхазия была включена в Грузию, столицы обеих республик были главными центрами притяжения на этой общей территории, местными метрополиями. И часть молодых людей были захвачены мечтой переехать туда, чтобы приобрести там профессию, семью, достаток и вообще реализоваться.

Феномен путешествия мы рассматриваем в рамках концепции путешествия, разрабатываемой географом и классиологом Владимиром Каганским[91]. Согласно Каганскому, путешествие происходит одновременно в нескольких пространствах. Помимо привычного нам собственно физического пространства, символически отражаемого в географических или топографических картах, путешественник, в зависимости от структурной сложности конкретного путешествия, перемещается одновременно также в пространстве эмоций, в пространстве

познания, в пространстве личностного становления и т. д. Каждое из этих пространств может быть символически отражено в собственной карте, отдельные участки и точки которой соответствуют, или могут быть сопоставлены, участкам и точкам карты географической. Т. о., эти карты частично накладываются друг на друга.

В данном случае из возможных пространств путешествия на первый план выступает пространство личностного становления, то есть судьба. Географическое перемещение Могеля с периферии одной республики в столицу другой оказывается «запараллелено» с внутренней метаморфозой его взросления, причём завершение путешествия совпадает с окончанием жизни персонажа. Событийная канва его короткой судьбы накладывается на географический маршрут странствия с родной мингрельской окраины в Сухум, где юноша, едва начав адаптироваться и пробуя участвовать в политических событиях, гибнет при неясных обстоятельствах. Тем самым, в романе представлено в идеальном, очищенном виде символическое тождество феномена путешествия и феномена человеческой жизни в целом, о каковом тождестве мы писали в сборнике «Русской антропологической школы»[92] в 2013 году.

К рассмотрению сюжетной линии Могеля в романе представляется интересным также привлечь концепцию филолога Александра Кораблёва, согласно которой пространство путешествия, развёрнутое в маршрут, рассматривается как прочитываемый текст, как система знаков, «*которые мы читаем с такой же филологической установкой, как если бы мы читали написанное*»[93]. В этом свете нарратив о Могеле в контексте романа представляет триединство накладывающихся друг на друга маршрутов — текстуального (от завязки к финалу), географического (из Мингрелии в Абхазию) и биографического (от решения предпринять путешествие к неожиданной гибели). Здесь мы можем проследить парные соответствия трёх маршрутов героя: путь как жизнь («via est vita») и жизнь как путь; книга как жизнь и жизнь как книга; путешествие как текст и наоборот.

В романе подчёркивается, что перемещение героя в Абхазию для Могеля — подлинное путешествие, характеризуемое особым состоянием духа, относительной автономностью по отношению миру «вне путешествия»: «*как только он вышел на дорогу, дорога тут же захватила его*»[94]. Путешественник конституирует это состояние, оглашая его встречным: «*Могель сказал, что он путник*»[95].

Это странствие-инициация оказывается внутренне родственно таким путешественным традициям, как паломничество, а ещё

больше — средневековой европейской традиции квеста (англ. quest «поиск, предмет поисков, поиск приключений, исполнение рыцарского обета») для молодых аристократов, которые должны были надолго покинуть своё родовое гнездо для странствия по Европе с интенсивной межкультурной коммуникацией. В процессе познания своей ойкумены и преодоления различных трудностей — по сути, «жизненных экзаменов» — происходило возмужание молодого дворянина и превращение его в полноценного рыцаря. Здесь же в качестве строгого и судьбоносного «испытательного полигона» для юной души выступает маленькая, отчасти мифологизированная Абхазия; писатель изображает родную страну глазами наивного гостя из соседней страны.

Сходство описываемого путешествия с историческим квестом подтверждается присутствием рядом с героем преданного и ловкого слуги, роль которого выполняет персонаж-трикстер — разумная дворняжка Мазакуаль («Плутовка» по-мингрельски). Хитроумная и жизнерадостная, она напоминает собой Санчо Пансу или, скорее, Кота в сапогах. Поэтике Даура Зантария присущи элементы магического реализма, в его стилистике усматривают влияние латиноамериканской прозы; так, Маргарита Ладария[96] и Этери Басария[97] напрямую сравнивают данное произведение Зантария с романом Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества». В романе «Золотое колесо» присутствует несколько «фоновых» фантастических персонажей — разумных животных, героев нартского эпоса и абхазского фольклора.

«*Он шёл, строя личные планы и полный самых невозможных надежд… Окрестные жители… догадывались, что и этот юноша подчинился стихийному движению на запад*»[98]. Хотя на реальной географической карте Абхазия по отношению к Мингрелии расположена несколько под другим углом — на северо-западе, в тексте многократно подчёркивается именно западный миграционный вектор — судьбоносный, маркирующий какие-то особые возможности для карьеры. Здесь очевидна обобщающая геопоэтическая аллюзия на известные в мировой истории сюжеты «покорения Запада»: на захватнические миграции азиатских народов, волнами «осваивавших» Европу в раннем Средневековье; на завоевание Северной Америки европейцами в Новое Время, а также на историю советской эмиграции в Европу и США.

Однако изображаемое в романе стремление героя к перемене места объяснимо не только из ракурса теории путешествий (желание инициации, перехода в другое состояние, приобретения более высокого статуса, самореализации и т. д.), но и с точки зрения геопоэтики, то есть интеллектуальной работы с

ландшафтно-географическими образами: тяга человека к неизведанному пространству, к расширению своей персональной вселенной. Несмотря на определённую ландшафтно-климатическую близость Абхазии и Мингрелии (объединяемых историко-мифологическим топонимом «Колхида»), автор резко разделяет их в своём поэтичном описании: «*Вдали засверкала голубая река, раскидавшая на белых камнях свои рукава. И с левого боку — море. Это была граница, за которой начинался совершенно другой мир. Там кончалась глинистая почва, там кончались болота с чахлыми ольховыми ростками, там кончалась влажная страна — и начинался вожделенный берег, где буйствовала диковинная природа, а аромат, переполнявший тот берег, рвался и сюда, но сквозняк речной долины уносил его к морю*»[99].

Значимость перехода из привычного пространства в небывалое автор подчёркивает острой реакцией на этот рубеж полусказочного зоологического персонажа, напоминающего собой о тотемических ритуалах инициации — мыслящей дворняжки: «*Собака за мостом вдруг остановилась, словно неожиданно наткнулась на стеклянную стену. Это была мингрело-абхазская граница*».

Представление об Абхазии как об особом, райском месте или земле обетованной основано на реальных особенностях климата и ландшафта этой страны. «*Современная Абхазия, занимающая северную часть Колхидской горной провинции, относится к самым тёплым и влажным областям Кавказа. Среднегодовая температура воздуха в Сухуме, достигающая +15 °C, является самой высокой на Кавказе… А. П. Чехов, посетивший Абхазию более ста лет назад, в одном из своих писем восторженно писал: „Природа удивительна до бешенства и отчаяния“…*»[100]. Существуют даже исследовательские проекты, доказывающие, что именно территория Абхазии, в силу её ландшафтно-климатических особенностей, стала историческим прообразом библейского райского сада[101].

Неотъемлемой частью ландшафта, как известно, является флора. Взаимодействие с древесной растительностью составляет важный элемент геопоэтического контекста приключений героя: в пути он ежедневно ночует на деревьях. Эти эпизоды носят отчётливый реминисцентный характер. «*Когда окончательно стемнело, Могель нашел удобное тутовое дерево у обочины и, усевшись под ним, разулся и перекусил. Потом, сунув глиняную обувь в суму, взобрался на вершину дерева и расположился на ветви, привязавшись к ней ремнем*»[102]. Хотя удобство ночлега на дереве весьма сомнительно, автор не пренебрегает возможностью простроить ассоциативный ряд со знаменитыми фиктивными

путешествиями из классической литературы, где герои вынуждены были ночевать на деревьях — как например Робинзон Крузо в первую ночь на своём острове или члены поисковой экспедиции в романе «Дети капитана Гранта», оказавшиеся в джунглях во время тропического ливня.

В некоторых эпизодах романа взаимодействие героя с ландшафтом приобретает особо символичные, почти сакральные черты. С точки зрения геопоэтики, в число ключевых моментов данного произведения Даура Зантария входят история создания Могелем глиняной обуви, а также мистический сон героя, где родная земля под ногами превращается в Золотое Колесо бога.

Первый из этих эпизодов происходит в самом начале путешествия. «*Сойдя на обочину, он выбрал на берегу речки замечательную глину, которой всегда славилась Колхида. Он сел на камень, обработал глину и наложил себе на ноги. Потом, уже на ногах, стал эту глину лепить, придавая ей вид обуви. По бокам нарисовал орнамент, а на месте, где на кедах эмблемы, изобразил кабанчиков с папоротником в зубах — деталь средневекового мингрельского герба*»[103]. Затем Могель обжигает глиняные башмаки на солнце, после чего практически не снимает их до самого прихода в Сухум. Причём ближе к финалу путешествия выясняется, что изготовление обуви из родной глины для путешествия в чужую землю является едва ли не традицией. «*Джозефина же открыла нижнюю створку шкафа-вешалки и поставила глиняную обувь Могеля рядом с точно такой же глиняной обувью, только почерневшей от времени. То были башмаки, в которых прошёл в своё время его брат Энгештер свой бесшумный поход*»[104].

В мировой художественной литературе, мировом фольклоре и эпосе весьма затруднительно найти аналогию этим действиям персонажа. Здесь Даур Зантария выступает как новый мифотворец, предлагающий яркий символичный сюжет: метафорическое сращение ног персонажа с родной землёй, парадоксальное использование её в качестве «средства передвижения». Можно провести лишь самое отдалённое сопоставление с греческим мифом об Антее, получавшем невероятную силу от соприкосновения с матерью — богиней Геей, воплощением которой являлась Земля.

Мистический сон Могеля приходит к нему задолго до границы между Мингрелией и Абхазией, причём в центре сновидческого сюжета лежит как раз переход этой границы. «…*Он уже не шел, а танцевал. Ибо тут, на мингрело-абхазской границе, земля дрогнула под ним и, послушная его стопе, задвигалась назад. Теперь он уже не шел, а шагал на месте, подобно потийскому*

циркачу на барабане, с тою только разницей, что золотое колесо барабана вместе с циркачом словно бы двигалось назад, он же, Могель, если вглядеться со стороны моря, будто бы стоял на месте… Могель шел, а горбинка почвы под ногами, как обод золотого колеса, двигалась к нему от каждого толчка его ступни. Он шёл, танцуя, словно Заратустра. С каждым шагом придвигая абхазскую землю. А мингрельская земля, уходя из-под ног, позади собиралась в гармошку»[105].

Образ золотого колеса, важность которого подчёркивается самим заглавием романа, требует отдельного исследования. Здесь же отметим, что возникает он во время путешествия центрального персонажа, причём именно на границе двух стран, двух родин — его собственной и чужой.

Межкультурное взаимодействие, происходящее с Могелем во время путешествия, подчёркивается самим автором как ритуал посвящения в чужую жизнь, элемент инициации. Герой, как истовый исполнитель квеста, всячески настроен на это взаимодействие и на познание. «*Тебе не положено произносить имя своего покойного деда, — заметил… дядя, на что Кесоу миролюбиво согласился… — Почему нельзя? — спросил Могель у Кесоу. Его интересовало все. — Этнография, — коротко ответил Кесоу*»[106].

Однако искреннему любопытству героя к Абхазии мешает бытовавший на соседней территории миф о её жителях, враждебно настроенных к чужакам. «*Могель наяву воображал вожделенный край. Одно его смущало — это сами абхазы*»[107]. Последнему мифу ещё предстоит разрастаться и обогащаться, по закону заколдованного круга, за счёт подпитываемых им локальных конфликтов. Что в совокупности с другими историческими факторами и приведёт в конце концов к грузино-абхазской войне.

В завязке романа миф о злобных абхазах регулярно опровергается в глазах героя, он обнаруживает у них много общего с собой. «*Больше всего Могеля удивило, когда он пошел по абхазской земле, что никаких особых перемен он не ощутил, как будто продолжал шагать по Мингрелии*»[108]. Многовековая общекавказская традиция межкультурного взаимодействия, устойчивые механизмы мирного сосуществования регулярно выправляют ситуацию, грозящую бытовым столкновением, снимая наваждение мифологических образов. «*Верхом на дровах сидели два мужика. Глаза у них так и зыркали, так и стреляли, зубы у них так и клацали — ясно было, что они абхазы. Тем не менее Могель встал и поклонился им, как положено в сельской местности. Мужики тоже привстали на дровах, приветствуя*

его»[109].

Поначалу герой преодолевает влияние негативного мифа об абхазах. В какой-то момент выясняется, что Могель знал о соседнем народе и нечто хорошее. «*Настоящий абхазский старец!*» — восторженно восклицает он, пообщавшись с местным мудрецом-долгожителем Баталом[110]. Влюбившись в абхазскую девушку, Могель добивается её любви и женится на ней. «*Сегодня, когда в недавно опубликованном манифесте борьбы с сепаратистами даны четкие раскладки, какими надо быть и что надо делать грузинским патриотам, ибо, вдохновлённые Центром, абхазские сепаратисты перешли на открытое клацанье зубов, — он, Могель, вдруг ослеплён страстью к абхазке…*»[111].

Однако личное счастье приходит в противоречие с этнополитической ситуацией. Трагический финал истории Могеля в романе связан с участием юноши в межнациональной конфронтации, стремительно превращавшейся в настоящую войну. «*Ещё недавно не желавший идти на митинги неформалов, сейчас он не только стоял на самом агрессивном из всех митингов, на которых ему приходилось бывать, но и держал транспарант, гласивший, что сепаратистам нет места на земле Давида Возобновителя*»[112]. Ввязывание в разрушительный для всех сторон конфликт приводит героя к личной катастрофе, паломничество-квест заканчивается неожиданным фиаско.

Последний раз читатель видит Могеля пытающимся сбежать из клокочущего Сухума на угнанном автомобиле. По сути, это попытка возвращения из путешествия задолго до достижения его цели, слом его целостного сюжета. Дальнейшая судьба героя кратко и эвфемистически описывается словами абхазского поэта: «*На рассвете кто-то, увидев кровь, принял её за зарю*»[113]. Возможно, такой концовкой автор как бы наказывает путешественника за малодушие: переехав в новую страну, ты должен был найти в себе силы её полюбить, при всех разногласиях с её жителями, и до последнего искать с ними общий язык, стараясь решать межнациональный конфликт мирно, а не разжигать его.

Как отмечено нами в докладе на X Конгрессе этнографов и антропологов России[114], индивидуальная смерть является максимально выраженной формой «завершения путешествия». В романе «Золотое колесо» смерть центрального персонажа совпадает к тому же ещё и с началом войны, т. е. с символической смертью мира, общества, эпохи.

Территория и ландшафт как палимпсест
Макс Волошин, Даур Зантария: геопоэты в

«свёрнутом» путешествии [115]

Аннотация. *В докладе вводится, как точный термин, понятие «геопоэт». Раскрываются функции геопоэта как первооткрывателя или переоткрывателя (описателя или переописателя) ландшафта и территории. Противопоставляются основные типы геопоэтов — «кочевой» (путешественник, первооткрыватель, описатель) и «оседлый» («переоткрыватель», переописатель). Рассматриваются два ярких исторических примера геопоэтов на российском, советском, постсоветском пространстве. Обобщается представление о «классических» и «свёрнутых» формах путешествий и их значении в человеческой жизни.*

Ключевые слова: *базовое пространство путешествия, геопоэт, геопоэтика, маршрут, переоткрыватель, переописатель, пространство, путешественник, путешествие, «свёрнутые» путешествия.*

Так телом я ленив и так душа легка!
Куда спешит душа из оболочки грубой?
А если всё — обман, зачем тогда тоска,
И что это за речь невольно шепчут губы?..

Даур Зантария

ВСТУПЛЕНИЕ

Как и недавний исторический перевал fin de siècle, так и, тем более, всё ещё длящийся ощутимо водораздел двух тысячелетий часто символически привязывают к какому-нибудь характерному катаклизму планетарной значимости — наподобие, скажем, падения Берлинской стены[116] или авиаатаки на Башни-Близнецы. В нашем же представлении, отсчёт следует вести от событий более существенных, пусть и менее заметных широкой публике: моментов, связанных с качественным цивилизационным сдвигом, новым рубежом в развитии самопознания человечества. Таким эпохальным поворотом глобальной мысли видится состоявшаяся ровно в 2000 году в Санкт-Петербурге теоретико-биологическая школа «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий» в рамках семинара по биогерменевтике «Мир путешествий. Мастерство путешествий» под кураторством Сергея Чебанова[117]. На наш взгляд, XXI век начался с этой первой в истории мировой науки, и сразу успешной, попытки заложения Теории путешествий. Почему

эта теория, находящаяся сейчас в стадии становления, так важна для человечества, мы попробуем показать ниже.

1. РАСШИРЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Первый, в рамках диалога о путешествии, выход наблюдателя за рамки физического ландшафта, «географического пространства» в пространство человеческой личности был совершён более 40 лет назад. Об этом свидетельствует знаменитая диаграмма «Оптимальная временна́я структура путешествия» из статьи Бориса Родомана «Искусство путешествия»[118] (см. рис. 1).

«*Высота кривой соответствует силе впечатлений, ощущений, эмоций, вызванных прежде всего окружающей средой. Форма кривой получена методом „качественной математики“ не на основе измерений, а из рассуждений о том, в какой момент времени приток впечатлений должен быть сильнее, а когда слабее… Показанная на чертеже структура отдалённо напоминает циклическую сонатную форму в музыке и сонет в стихосложении. Хорошее путешествие исполняется как симфония!*», — пишет автор. Итак, вертикальное измерение на диаграмме Родомана добавляет в поле научного исследования путешествия эмоциональную составляющую этого сложного процесса. При этом оказывается, что новая координата — это характеристика состояния не только человека. Она набрасывается автором и на всё окружающее путешественника пространство. «*В ландшафтном континууме есть свои разрежённости и сгустки впечатлений, впадины и вершины ощущений, гребни волн, которые надо подчеркнуть, заострить*», — утверждает учёный. Свойства и процессы человеческого восприятия не просто проецируются на ландшафт, что вполне представимо в классических научных текстах, — они с ним смешиваются, сращиваются.

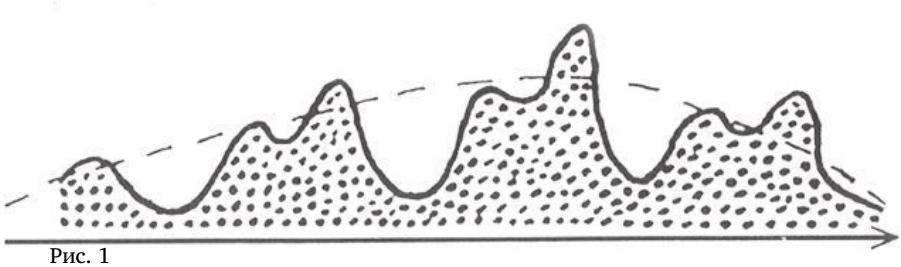

Рис. 1

Следующий радикальный шаг — даже, без преувеличения, революционный прорыв в осмыслении феномена путешествий как особого вида движения человека — совершён Владимиром Каганским, которому и принадлежат инициатива проведения и ключевые тезисы вышеупомянутой теоретико-биологической школы в Санкт-Петербурге. Фундаментальная идея Каганского, закладывающая самоё возможность теории путешествий, заключается в констатации множественности [частично сопрягающихся между собой] пространств, в рамках которых одновременно проходит путешествие. Помимо географического пространства, Каганский говорит о пространстве познания и пространстве личности: «*Путешествие — активное включённое постижение разнообразия ландшафта путем движения в трёх сопряжённых пространствах: ландшафта, личностном и когнитивном, имеющих общие узловые точки*»[119].

Возвращаясь к петербургской Школе 2000 года, отметим, что уже на этой стартовой фазе обсуждения феномена путешествия было заложено максимально широкое (с известными оговорками) представление о многообразии его форм; таковых форм было названо не менее 20. «*На Школе был представлен и рассмотрен материал многих разновидностей путешествия (в широком смысле): автостоп, затрагивался также бизнес-туризм, бродяжничество, виртуальные путешествия, жизненные путешествия, кочевничество, литературные путешествия, паломничество, познавательные путешествия, психоделические путешествия, психологические путешествия (по личности), рекреационные путешествия, странничество, терапевтические путешествия, туристические путешествия, учебные путешествия, шествия, экскурсии, экспедиции, в том числе научные, эмиграция*»[120].

Однако за 15 лет, прошедших со времени Школы, исследование феномена путешествий двигалось в основном в русле физико-географическом, и предметом рассмотрения являлись, как правило, «путешествия в узком смысле». Даже на большой обобщающей конференции «Власть маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа», проведённой 06.12.2012 в Москве Институтом «Русская антропологическая школа» и Крымским геопоэтическим клубом, подавляющее число докладов было посвящено традиционной форме путешествия и близким к ней формам, а также литературным и киножанрам, отражающим этот ограниченный набор форм[121].

2. ВОЗМОЖНОСТЬ «СВЕРНУТЫХ» ПУТЕШЕСТВИЙ

Отметим, что сопрягающиеся пространства «традиционной», наиболее известной формы путешествия («путешествия в узком смысле»), которую исследует, соответственно, наука география, являются условно «параллельными», но не равнозначными: из них географическое пространство является как бы первичным, базовым. Сразу же предположим, что могут существовать формы путешествия, в которых базовым является какое-либо другое пространство, не физико-географическое. В любом случае, нас в данной работе будут интересовать прежде всего наименее исследованные формы путешествия — при которых движение путешественника в физико-географическом пространстве минимизировано.

Некоторые особенности таких путешествий мы рассмотрим на примере жизнедеятельности двух исторических персон — известных литераторов, чьи личностные образы тесно связаны с определёнными географическими территориями и маршрутами, и приобрели черты «genius loci» в отношении территорий, на которых они проживали значительную часть своей жизни и с которыми прочно ассоциируются с тех пор их имена — Максимилиана Волошина в Киммерии, т. е. восточном Крыму, и Даура Зантария в Абхазии. Эти два писателя представляются наиболее значительными из известных нам мифотворцев Нового Времени (во всяком случае, на российском, советском и постсоветском пространстве), чьё творческое наследие включает не только корпус существенных для своей эпохи текстов, но и мощный пласт современного [городского] фольклора и окололитературных легенд, имеющий источником своего происхождения лишь отчасти их писательскую деятельность, но в основном — их устную речь, бытовое и игровое поведение, и теснейшим образом связанный с ландшафтом и территорией, где они обитали.

О возможных формах «свёрнутых» путешествий мы упоминали в работе 2012–2013 гг. «Власть маршрута: путешествие как фундаментальный антропологический феномен»: «*Путешествие присутствует, зачастую в латентном или свёрнутом виде, во множестве… социально-психологических явлений и может рассматриваться как один из наиболее фундаментальных феноменов человеческого бытия*»[122]. Под «свёрнутостью» подразумевается ограниченность или неочевидность физического движения путешествующего — движения в физическом пространстве, интуитивно воспринимаемом нами (возможно, ошибочно) как базовое в структуре путешествия. Там же уточняется, что в метафорическом плане путешествием являются многие виды деятельности

человека, не связанные с физическим перемещением: «*„Маршрут“ этих модусов путешествия лежит не в физическом пространстве, базовыми пространствами являются для них пространства фазовые или семантические — пространство личностного роста, пространство эмоций…*».

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕОПОЭТА

В сложном феномене, который представляет собой путешествие, в данной работе мы сконцентрируемся на его субъективных сторонах, и прежде всего — на *субъекте путешествия*. «*Путешествие предполагает* ***путешественника*** *как особый субъект и фигуру, в том числе и культурный персонаж… Путешественник активно интерпретирует среду и реконструирует ее по фрагментам, воспринимаемым разными способами*»[123] — сформулировал В. Каганский в своём докладе на конференции «Власть Маршрута…» в 2012 году. В докладе «Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня» на II Международной конференции по геопоэтике в 2009 нами предложена элементарная геопоэтическая типология личности с двумя диаметральными типами, включающая тип путешественника: «*Их modus vivendi можно определить, как „путешественник“ и „домосед“, а по функции в человеческом обществе — „первопроходец“ и „возделыватель“. Первый тип подвержен „охоте к перемене мест“, его волнуют новые пространства, и его тянет в путешествия жажда этого переживания. Второй тип — оседлый, его вдохновляет освоение, возделывание уже обретённых (как правило, другими) пространств*». Далее, «*первый тип проявляется в основном в написании текстов о новых (в той или иной степени) территориях, осваиваемых чаще всего путём классического путешествия, причём желательно — ранее никем не описанных. Это своего рода литературный первооткрыватель. Задача же второго типа — переописание, окультуривание уже открытого кем-то пространства, преобразование его сущности или создание новых мифов о нём. Это принципиально иная деятельность. Итак, возможны два полярных человеческих типа, которым условно-приблизительно соответствует разделение между геопоэтикой текста и геопоэтикой проекта*»[124].

Эти два типа охватывают собой все возможные формы геопоэтической деятельности — творческого взаимодействия человека с территорией и ландшафтом, их образами и мифами о них. Самих же людей, занимающихся подобным взаимодействием (любого их двух типов), было бы логично называть ***геопоэтами***.

Так, в отношении М. Волошина и Д. Зантария определение «геопоэт», несмотря на редкость употребления, звучало неоднократно, в том числе и со стороны автора данного текста: «*…имя Максимилиана Александровича стало нарицательным для целого — относительно нового — крайне малочисленного пока класса людей (или, может быть, психотипа) под условным названием „геопоэт“*»[125]; «*Если перейти на язык современной культурологии, творчество Даура Зантария следует рассматривать, в том числе, через призму геопоэтики; он был подлинным геопоэтом*»[126]. В обоих случаях подразумевалась особенная роль этих авторов в построении культурного мифа о связанной с ними территории (Киммерии и Абхазии соответственно), причём не только путём написания текстов об этих территориях: геопоэтическая деятельность («*работа с ландшафтно-территориальными (географическими) образами и/или мифами*»[127] может принимать самые разнообразные формы — художественно-изобразительные, научно-исследовательские, путешественные и т. д.

Наиболее раннее известное нам употребление слова «геопоэт» датируется 1964 годом и сделано русским автором, советским геологом академиком В. А. Обручевым в отношении его австрийского коллеги и предтечи, классика геологической науки Эдуарда Зюсса (1831–1914), автора гипотез о существовании суперконтинента Гондваны и океана Тетис. «*Эпитет „геопоэт“ является почётным. В общении с природой — величайшим поэтом — Зюсс черпал вдохновение, облекая свои научные труды в художественную форму…*», — писал Обручев.[128] Следует предположить, что в немецкой околонаучной литературе эта лексема применялась в отношении Зюсса при его жизни, т. е. минимум ещё на полстолетия раньше; это тема для отдельных лексических изысканий. С другой стороны, мы предполагаем, что само зарождение слов «геопоэтика», «геопоэзия» и «геопоэт», несмотря на древнегреческое происхождение их корней (Γη «земля» + ποιητικός «производящий, творящий, творческий»), стало возможным не ранее начала XX века, как «лингвистическая» реакция культуры на появление модной тогда геополитики. Термин «геополитика», как известно, впервые употребил в 1899 году шведский политолог и государствовед Рудольф Челлен.

Лексема «геопоэт», по нашим наблюдениям, применяется каждый раз как бы заново, как «впервые» создаваемый окказионализм, и, как правило, без каких-либо смысловых определений в отношении него: в публицистических, изредка научно-популярных статьях, но никогда — в научно-

исследовательских, и никогда не попадая в словари. Неудивительно, что это слово до сих пор не стало точным термином и употребляется с достаточно широким семантическим наполнением. Так, украинский писатель Юрий Андрухович, первым в своей стране ставший активно употреблять слово «геопоэтика», «*крупнейшим геопоэтом нашего времени*» называет папу Иоанна Павла II — не поясняя при этом, какую его деятельность или какие его черты имеет в виду[129].

На основных европейских языках слова «геопоэтика» и «геопоэт» в соответствующих переводах мелькают в текстах самого разного рода и в самых разных значениях. Однако, например, в национальных Википедиях — на английском, французском, немецком, итальянском, испанском — употребляется только слово «геопоэтика» (никогда не в качестве предмета собственно для энциклопедической статьи), но не слово «геопоэт». В первом региональном, посвящённом Центральной Европе, сборнике статей по геопоэтике, изданном в Берлине в 2010 году, слово Geopoetik («геопоэтика») встречается 165 раз, geopoetisch («геопоэтический») 44 раза, слово же Geopoet («геопоэт») — ни разу.

В выпущенной нами тремя годами позже первой международной антологии геопоэтических текстов «Введение в геопоэтику»[130] слово «геопоэтика» встречается 410 раз, «геопоэтический» 152 раза, «геопоэтичный» 3 раза, слово «геопоэт» — 10 раз. Так, в представленном в сборнике тексте выступления Василия Голованова на круглом столе Крымского геопоэтического клуба «Геопоэтика: между текстом и жизнью» 27.09.2005 автор, главный российский последователь Кеннета Уайта, подытоживая свои многолетние размышления о геопоэтике, употребляет слово «геопоэтика» 14 раз, а слово «геопоэт» дважды, причём в кавычках (намекающих, что эта лексема является искусственным конструктом), без смыслового определения к новому слову и в отрицательном модусе: «*Разумеется, Марко Поло или Афанасий Никитин не были „геопоэтами“, они были купцами и разведчиками*»; «*Не были „геопоэтами“ ни Паллас (оставивший гигантский свод сочинений), ни Гумбольдт, ни Ламарк*». При всём этом, автор делает уверенный вывод: «*Но это не мешает нам сегодня рассматривать их книги как глубоко геопоэтические творения*»[131].

По этой логике, существование геопоэтики не требует обязательного существования геопоэтов; при определённых условиях произведение становится геопоэтическим у автора, не являющегося геопоэтом. То есть геопоэтическое творчество, или «геопоэтическая компонента творчества», в отличие от

творчества, например, поэтического (в его узком, классическом смысле), может быть неосознанным.

Заметим, кстати, что и сам изобретатель неологизма «геопоэтика» Кеннет Уайт в статье об одном из упомянутых Голованoвым авторов «Les pérégrination géopoétique de Humboldt» («Геопоэтические странствия Гумбольдта»), применяя в отношении экспедиций под руководством своего героя термин «геопоэтические», геопоэтом самого его при этом не называет. Более того, по нашим сведениям, этим словом он не пользуется вообще никогда.

Далее, в первых наших собственных публикациях на темы геопоэтики (в 1990-е годы) слово «геопоэт» также не используется. И хотя оно звучало, например, в кулуарах на Первой международной конференции по геопоэтике в 1996, в качестве возможного терминологического дополнения к геопоэтике, однако в текстах докладов и выступлений зафиксировано не было, — если не считать шутливый отзыв на конференцию одного из её организаторов, опубликованный на сайте Крымского клуба под вымышленным именем престарелого петербургского философа, академика С. Лебенсраума (где, кстати, М. Волошин мимоходом назван «*величайшим из геопоэтов*»)[132]. Однако с началом нового тысячелетия потребность в этой лексеме при публикациях стала нами ощущаться: очевидно, обобщённых, довольно абстрактных понятий «геопоэтика» и «геопоэтический» стало недостаточно для описания и объяснения геопоэтических явлений. Субъект геопоэтики постепенно выходит на первый план, геопоэтика перестаёт быть исключительно «объективной». Современная жизнь требует создания всё новых смыслов (а в чём культурная роль / социальная функция геопоэта, как не в создании, прежде всего, таковых смыслов?), и эта работа становится всё более осознанной.

Научное определение к возможному в будущем точному термину «геопоэт» может отталкиваться от значений слова «поэт», с соответствующими поправками. Что подсказывают нам словари?

ПОЭТ, — а, м. 1. Писатель — автор стихотворных, поэтических произведений. *Пушкин — великий русский п. П. родной природы*. 2. перен. Человек, к-рый наделен поэтическим отношением к окружающему, к жизни. *П. в душе. П. по натуре. П. в своем деле*. || ж. поэтесса [тэ], -ы (к 1 знач.). [Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 — «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой).]

Как видим, считать человека субъектом поэтической деятельности могут по двум причинам: наличия созданных им

поэтических произведений (результатов соответствующей деятельности), и/или наличия проявлений в его поведении, свидетельствующих о склонности к такой деятельности, либо хотя бы его оценочных высказываний по отношению к окружающему, демонстрирующих соответствующую оптику (мировоззрение). При конструировании определения к термину «геопоэт» вторую часть этой семантической схемы мы опускаем, т. к. «геопоэт» в этом втором, излишне абстрагированном смысле — фактически синоним поэта.

ГЕОПОЭТ, — а, м. Субъект геопоэтической деятельности (см. Геопоэтика[133]) — человек (как правило, представитель научных, художественных или практических сфер), осознанно работающий с ландшафтно-территориальными образами или мифами: создающий новые мифы и образы или преобразующий старые. *Волошин — великий русский г.* || ж. геопоэтесса [тэ], -ы. (Определения геопоэтики в словарях также пока нет, здесь в рабочем порядке воспользуемся уже процитированным определением: «*работа с ландшафтно-территориальными (географическими) образами и/или мифами*».)

Итак, с применением конкретного исторического имени в качестве наиболее типичного (и «интуитивно понятного» любому отечественному читателю) примера геопоэта, мы приходим к более внимательному рассмотрению того, каким образом сочетаются (пересекаются, накладываются и т. д.) в человеке свойства *геопоэта* и *путешественника* — с тем, чтобы в итоге уточнить более молодое из двух понятий и выяснить их смысловые взаимоотношения.

4. МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. ЧАСТИЧНОЕ «СВОРАЧИВАНИЕ» ПУТЕШЕСТВИЯ

Биография поэта, переводчика, художника, критика, культуртрегера Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина (1877–1932) общеизвестна. Важнейший как в рамках нашего исследования, так и в контексте жизни этого автора сюжетный поворот происходит в 1907 году, когда Волошин оседает в избранном им для дальнейшего проживания восточно-крымском посёлке Коктебель — в который они с матерью переехали из Москвы ещё в 1893 году, однако жил он в тот период на съёмных квартирах в соседней Феодосии, где обучался в школе. До этого поворота, в первой половине жизни он много путешествует; в своей «Автобиографии» 1925 года он выделяет два таких периода подряд общей длительностью 14 лет: «4-ое

семилетье: Годы странствий (1898–1905)» и «5-е семилетье: Блуждания (1905–1912)». Так, помимо [само]образовательных путешествий по Европе (занимается в библиотеках, слушает лекции, берёт уроки рисования и т. п.), ещё раньше он предпринимает странствие по Средней Азии. «*Я ходил с караванами по пустыне*», — пишет он в своей «Автобиографии» 1925 года[134].

Отметим, что хотя факт «хождения с караванами» никем, коме самого поэта, не подтверждён, для нас в контексте данного исследования сама историчность такого факта не представляется принципиальной. Когда мы говорим о геопоэте как человеке, «*осознанно работающем с ландшафтно-территориальными образами или мифами, создающем новые мифы и образы или преобразующем старые*», мы подразумеваем, что эта мифотворческая деятельность может задевать, и даже втягивать в себя, также и личностный образ/ персональный миф самого геопоэта (или, как сейчас принято говорить, его *имидж*).

Для такого задевания и втягивания может быть несколько причин. Во-первых, это может происходить неосознанно, в силу тотальности и инерционности процесса мифотворчества, материал для которого может черпаться «автоматически» из разных семантических пространств, включая личностные. Во-вторых, осознанное наращивание, как например в описанном случае с Волошиным, «путешественной» составляющей личностного образа придаёт дополнительные возможности –

иначе говоря, символический капитал — для дальнейшей геопоэтической (мифотворческой) деятельности, и т. д.

Можно предположить, что к 1907 году мощность персонального мифа М. Волошина достигла величины, достаточной для старта главного его геопоэтического проекта — по сути, дела всей его жизни: построения сложного многоуровневого мифа со встроенными друг в друга архитектурными элементами: «Дом Поэта», «Коктебель», «Киммерия». Волошин навсегда возвращается в места своей юности, после чего его странствия пролегают в основном по замкнутому региону Восточного Крыма, от Карадагского горного массива до восточного окончания Керченского полуострова.

Из этих мини-путешествий, как правило однодневных, он регулярно приносит всё новые пейзажные акварели и стихи. «*Загадочное было в этой страсти / Из года в год писать одно и то же: / Всё те же коктебельские пейзажи, / Но в гераклитовом движенье их. / Так можно мучиться, когда бываешь / Любовью болен к подленькой актрисе / И хочется их тысячи обличий / Поймать, как настоящее, одно…*», — пишет керченский поэт

Георгий Шенгели (1894–1956) в 1936 году в известном стихотворении «Максимилиан Волошин» памяти своего старшего друга.

В каждой из этих, можно сказать, художественно-исследовательских мини-экспедиций ландшафт и территория Киммерии как бы заново переписываются, с частичным обновлением своего содержания, выступая в качестве своеобразного природно-культурного палимпсеста[135]. Именно эта характерная практика бесконечного переписывания, по сути, элементов географического мифа позволяет нам назвать Волошина типическим, если даже не *архетипическим*, случаем *геопоэта оседлого типа* — переописателя (переназывателя) ландшафта и территории. В принципе, кроме Максимилиана Александровича, в XX веке нам не известны другие авторы, давшие новое название и новое содержание достаточно обширной и далеко не безлюдной, хорошо обжитой территории. «*Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)*», — писал Волошин[136].

Не менее впечатляющим случаем геопоэтического переописания является устойчивое представление о контуре восточного склона Кара-Дага, видимом со стороны Коктебеля, как о «природном памятнике» Максимилиану Александровичу. «*И на скале, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой*», — фиксирует Волошин в стихотворении, датируемом 6 июня 1918 года. Однако ещё вплоть до 1910-х годов этот силуэт традиционно приписывался А. С. Пушкину, что было отражено даже в путеводителях по Крымскому полуострову и на дореволюционных открытках[137].

Любопытно, что Марина Цветаева в своём гениальном эссе о Волошине «Живое о живом» многократно подчёркивает связь образа Максимилиана Александровича со стихией и идеей Земли, выражая его многообразный творческий диалог с геологическим субстратом жизни — как бы иносказательно намекая на *геопоэтическую* сущность своего героя. Позволим себе обширную цитату из этого творения поэта:

«*Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко Бога, на коренастых, точеных как кегли, как сталь упругих, как столбы устойчивых ногах, с аквамаринами вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови („А ты знаешь, Марина, что наша кровь — это древнее море…“), со всем,*

что внутри земли кипело и остыло, кипело и не остыло. Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли.

Макс был именно земнородным… В Максе жила четвёртая, всеми забываемая стихия — земли. Стихия континента: сушь. В Максе жила масса, можно сказать, что это единоличное явление было именно явлением земной массы, гущи, толщи. О нём, как о горах, можно было сказать: массив. Даже физическая его масса была массивом, чем-то непрорубным и неразрывным. Есть аэролиты небесные. Макс был — земной монолит… По-настоящему сказать о Максе мог бы только геолог…»

В контексте нашего исследования наиболее важным представляется то, что в течение четверти века — всего последнего, коктебельского периода своей жизни — Волошин был постоянным инициатором и центром коллективного мифотворчества, совместно с многочисленными литераторами, художниками, деятелями других искусств — гостями его «Дома Поэта». Мистификации, розыгрыши, сочиняемые экспромтом новые местные легенды и объяснения различных местных реалий — всё это наращивало созданный им мощный «киммерийский» миф. Образ самого Максимилиана Александровича стал настолько неразрывно связан с образом этого геопоэтического пространства, что Г. Шенгели уже цитированное выше стихотворение заключает выводом: «*Я не поеду больше в Коктебель*», имея в виду отсутствие там его покойного друга (известен и другой, более лобовой вариант финала: «*Мне без него не нужен Коктебель*»). «*Сам Коктебель как курортное место — во многом детище Максимилиана*

Александровича. Все эти дома творчества, хиппи, коттеджи, джипы, палатки с сувенирами на набережной — результат проникновения в массы идеи избранности Коктебеля, сакральности этого места. Как древний заброшенный храм притягивает к своим стенам праздных туристов…, так и волошинский дом — центр этого шумного южного городка, его метафизическое сердце», — пишет культуролог Екатерина Дайс в нашей совместной монографии 2011 года об образе Крыма в русской литературе[138].

Совокупность подобных наблюдений позволила нам охарактеризовать М. Волошина как «*величайшего геопоэта если не мировой, то, как минимум, нашей отечественной истории*»[139], а на Второй международной конференции по геопоэтике в 2009 году высказать предположение, что о самой «*геопоэтике, как о литературной или жизненной практике (первоначально стихийной, не осознанной, не названной, не декларируемой), можно говорить, начиная с эпохи Максимилиана Волошина*»[140]. Мы надеемся, что

включение лексемы «геопоэт» в гуманитарно-научный оборот приведёт, в частности, к тому, что энциклопедические статьи, например, о М. Волошине будут расширены с добавлением ещё одного существенного понятия (творческого амплуа): «*русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик,* ***геопоэт***».

5. ДАУР ЗАНТАРИЯ. ПИСАТЕЛЬ В «СВЁРНУТОМ» ПУТЕШЕСТВИИ

Даур Бадзович Зантария (1953–2001) — второй, на наш взгляд, после М. А. Волошина крупнейший геопоэт на советском и постсоветском пространстве, чьё мифотворчество также приобрело поистине национальные (в рамках своей национальной территории) масштабы, и при этом второй по известности за пределами Абхазии, после Ф. А. Искандера, абхазский писатель. «*Даур Зантария был слишком талантлив. Двадцать лет назад он показал мне свою первую крупную вещь „Енджиханум, обойденная счастьем“*, — писал о Зантария Андрей Битов. — *Она была не только талантлива, но и гениальна, настолько в ней выражен новый жанр, новый писатель — органичный сплав эпоса и хроники, фольклора и летописи. Казалось, после Фазиля Искандера в абхазо-русской прозе делать нечего. Даур нашел путь, продолжение которого сулило мировую мощь*»[141].

Однако между этими двумя абхазскими авторами, при некоторых неизбежных сюжетно-фактурных, «этнографических» элементах сходства в творчестве, существуют кардинальные отличия. Искандер изначально писал свои произведения на русском языке, родном для него. Зантария, уроженец абхазского приморского села Тамыш, долгие годы (с 1970-х до грузино-абхазской войны 1992–1993 годов) писал оригинальные произведения исключительно на родном абхазском, которым владел в совершенстве, лишь некоторые из рассказов переводя затем на русский язык для публикаций в русскоязычных изданиях. Лишь после войны, лишившись крова на родине (родительский дом в Тамыше был сожжён пожаром, а квартира его в Сухуме подверглась частичному разрушению) и переехав ради журналистского заработка в Москву, Зантария стал писать прозу и стихи сразу на русском. Поэтому абхазскими читателями литературное творчество Д. Зантария воспринимается преимущественно как более аутентичное, специфически-абхазское, нежели у Искандера: последний, как известно, даже изображая патриархальный кавказский быт, предпочитает

рассказывать не столько о проблемах народной жизни, сколько о проблемах общечеловеческих, универсальных — «этническая» фактура служит писателю не столько предметом рассмотрения, сколько материалом и поводом для высказывания.

Проза, поэзия, эссеистика Даура Зантария отражали в себе, с одной стороны, историю Абхазии глубиной в несколько столетий (для написания основных своих повестей писатель проводил много времени в изучении государственных архивов), а с другой — недавнюю и современную жизнь республики: довоенную, военную, послевоенную. В этих текстах оживает его родная топонимика и топография — вплоть до геометрии абхазских пещер, в которых археологи проводили раскопки стоянок первобытного человека[142].

Однако наиболее важной в контексте данного исследования, и при этом наименее отражённой в публикациях стороной многообразного творчества Даура Зантария — прозаика, поэта, эссеиста, переводчика, киносценариста, публициста, — является его обширная и непрестанная внетекстовая, устная мифопоэтическая деятельность. Огромное количество весьма правдоподобных анекдотов и легенд о писателе, его афористичных высказываний и остроумных выходок приводят, например, многочисленные авторы раздела мемуаров о нём в его посмертном сборнике «Мир за игольным ушком». Типичную историю о Зантария излагает, например, его друг Борис Джонуа: «*Я ездил в деревню и записал такой фольклорный материал, от которого наши фольклористы лопнут от зависти! — сообщил он. Вытянув руку вперед, он стал декламировать…*»[143]. В дальнейшей беседе, благодаря проницательности автора мемуара, выясняется, что это очередная мистификация Даура. Всё же множество его розыгрышей самого разного рода не были распознаны как таковые и разоблачены, поэтому коллективная память о нём представляет собой огромный конгломерат исторически бесспорных фактов и результатов безудержного мифотворчества — зачастую не только со стороны Зантария, но и коллективного, с участием его близких друзей и коллег по литературному цеху. В этот процесс вовлекался самый разнообразный фактологический и фактурный материал — от литературных, художественных и киносюжетов до этнографических особенностей абхазской жизни и сиюминутных обстоятельств городского быта. Но главное, что эта постоянно разрастающаяся новая мифология охватывала практически всё культурное пространство Абхазии, придавая ему дополнительную артистическую окраску и литературный блеск.

Даур Зантария, таким образом, был ярко выраженным

геопоэтом второго, оседлого типа — переописателем своего культурного пространства, преобразователем ландшафтно-территориального мифа родной страны. «Оседлость» его, выраженная гораздо сильнее, чем у М. Волошина, имела характер анекдотический. Почти все его друзья и контактёры познакомились с ним не просто на маленькой территории Абхазии, откуда он выезжал крайне редко — более того: в большинстве случаев это произошло на одной и той же исторической площадке, знаменитом летнем ярусе сухумского ресторана «Амра», расположенном на выдвинутом в море пирсе в самом центре города, напротив гостиницы «Абхазия» и начала улицы Фрунзе (ныне Айдгылара).

Автор этих строк тоже впервые увидел Зантария именно в «Амре», в мае 1986 года, и при дальнейших визитах в столицу Абхазии часто пересекался с ним именно там: место встречи изменить нельзя… Фото Зантария с Фазилем Искандером, Андреем Битовым и другими известными писателями зачастую сделаны тоже в «Амре», за чашечкой турецкого кофе или рюмочкой армянского коньяка.

Всё вышесказанное приобретает довольно парадоксальный оттенок на фоне того странного факта, что образ Даура Зантария в глазах его друзей был почему-то достаточно тесно связан с темой *путешествий.* Отчасти это объясняется, конечно, подчёркнуто ориентальным, «дервишским» мировидением писателя, которое весьма часто и весьма художественно артикулировал «Старик», как называли Даура все друзья: мудрость на Востоке часто тесно связана со странничеством, паломничествами и т. д. «*На зайце суфизма я доскачу до твоего слона индуизма и буддизма*», — приводит характерное для Зантария высказывание его близкий друг, писательница Марина Москвина в предисловии к составленной ею первой посмертной книге Зантария «Колхидский странник», откуда мы уже процитировали выше высказывание Андрея Битова. Почву для представления о себе как о путешественнике мог давать в своих текстах и сам Даур. Так, пиша о древнем абхазском городе Анакопии, он замечает: «*Когда-то я держал в своих мечтах, что последние годы своей жизни проведу в этом благодатном месте. От этой мечты я не отказался и теперь, когда путешествую по белу свету*…».

Тем не менее, для текстов Зантария характерны достаточно ироничные, абсурдные или гротескные пассажи в отношении феномена и практики географического путешествия: «*папуасы не тронули ни единого гвоздя в оставленной великим путешественником хижине, почитая белого господина, как*

божество, правда, вскоре после того, как сам он был ими съеден»[144]; «*Нет смысла здесь рассказывать обо всех злоключениях, которые выпали на долю нашим путешественникам из Обезьяньей Академии по пути в Хуап*»[145]; «*Сам Платон в жизни был и тружеником, и путешественником одновременно! Он ходил и общался с людьми в силу своего пристрастия к конокрадству*»[146]; «*…путешествие к Хвосту Земли закончилось тем, что горсовет прописал цыган в Старом Посёлке*»[147]; «*Ночь выдалась для путешественника тревожная: ему пришлось наблюдать битву в небе кавалерии абхазских и черкесских джинджиков, то есть попросту вампиров*»[148]; «*„Выдающегося норвежского путешественника Нансена звали Фритьоф“, — так начинал, бывало, наш географ свой рассказ*»[149].

Обозначенный парадокс особенно выпукло иллюстрируется тем, что за тринадцать лет с момента выхода этой книги её «путешественное» название — «***Колхидский странник***» — не вызвало никаких сомнений или претензий со стороны множества авторов мемуарного раздела этого сборника, и даже у широкой читательской публики, значительная часть которой знала «оседлого геопоэта» лично. «*Читая произведения Даура Зантария, вошедшие в книгу „Колхидский странник“…, читатель может совершить своеобразное путешествие во времени и пространстве… Путешествие это не только познавательное, но и полное приключений и трагических судеб героев, за каждым из которых чувствуются сопереживания и сострадания самого автора*», — пишет друг Даура, культуролог Василий Авидзба в своих воспоминаниях о нём[150].

Когда в ходе работы над данной статьёй автор задавал разным респондентам вопрос: «Не удивительно ли называть „странником“ человека, проводившего большую часть своей жизни в относительной неподвижности, за столом — либо письменным, либо кофейным?» — ответы можно было услышать самые разные, но в равной степени убедительные. «*Общение с ним не вызывало чувства, что беседуешь с человеком, который мало где бывал. Видимо, прав Лао Цзы, что „можно постичь Дао, путешествуя, а можно — не выходя со двора“*», — высказывает догадку давний друг Даура, художник Адгур Дзари (Дзидзария).

«*Чтобы понять форму движения, применявшуюся Дауром, нужно просто вспомнить дзенскую притчу о том, что можно уйти, хлопнув дверью, а на самом-то деле остаться*, — поясняет Марина Москвина, известная как буддистка по миросозерцанию. — *А можно остаться, но ты ушёл, просто этого никто не заметил… Одиссей, как известно, возвратился пространством и временем полный — после длительного*

географического странствия. А Одиссей Даур был наполнен и тем и другим изначально. Поэтому странствовал в своём внутреннем безначальном пространстве и времени — как мифотворец, и одновременно как мифологический герой».

Огромный, богатейший персональный миф Даура Зантария включает в себя, в том числе, весьма характерную легенду… По утверждению родственников писателя, во время одной из немногих (и самых дальних) его поездок — из Абхазии в Прибалтику, перед войной — его эстонский друг-бизнесмен в пылу дружеских чувств подарил ему свою яхту, стоявшую в тартуском порту. Дауру был приятен этот дар, но он так никогда и не воспользовался им. Судя по всему, у него вообще не было такой потребности.

«Странник», владелец яхты, которому эта яхта для его странствий не нужна? Что же это за странствия, возникает вопрос…

«*Может быть, Даур взял пример с [невыездного — И. С.] Пушкина, и предпочёл путешествиям в дальние края путешествия в мир воображения?*» — задаётся вопросом в ответ на мой вопрос сын писателя Нар. Это объяснение по-своему развивает один из ближайших друзей Зантария, московский прозаик и критик Леонид Бахнов: «*Странствовать можно не только самому, но и со своими героями, и сидя в „Амре“, — тем более, в мифы и в глубины истории, которую отчасти сам же и сочиняешь*».

Безусловно, писателю в процессе сочинительства дана возможность делегировать активную путешественную функцию некоторым их своих персонажей — вероятно тем, которые являют собою эманации его «я», проекции его личности в текст (пусть и преображённые или даже искажённые до неузнаваемости читателем). «Полноценное» путешествие его героев в базовом для них, но воображаемом с точки зрения писателя географическом пространстве позволяет ему переживать вместе с ними это путешествие, будучи самому при этом в состоянии путешествия «свёрнутого». Это означает, ни больше ни меньше, что даже «оседлая» геопоэтическая деятельность является (во всяком случае, может являться) всё-таки разновидностью деятельности путешественной. Просто физико-географическая компонента «писательского» путешествия, как правило, сокращена до минимума (когда, например, автор сочиняет новый сюжет во время собственной вечерней прогулки), или даже до нуля (писатель за письменным столом).

Здесь следует заметить, что, аналогично истории с караванами у Макса Волошина, ни для геопоэтического наследия Даура Зантария, ни для нас с вами, как его читателей, не

является принципиальным вопрос, имел ли на самом деле место в его биографии эпизод с яхтой. Важно то, что этот эпизод убедительно вписывается в геопоэтическую мифологему Даура, он подтверждает её, и наоборот. Здесь мы задеваем зыбкую область виртуальных реальностей, мифопоэтики в её становлении, «сослагательного наклонения Истории». Тех пространств, где важна не фактология сюжета, а его [художественная] убедительность.

Поэтому и определение «странник» в заглавии книги моего друга может происходить не от слова «странствия», а от слова «странный», или от слова «страна». И эта страна, как и в случае с Максом Волошиным, с каждой новой сочинённой писателем историей или с каждой мистификацией заново оказывается палимпсестом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. БУДУЩЕЕ ФЕНОМЕНА «СВЁРНУТЫХ» ПУТЕШЕСТВИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АМПЛУА ГЕОПОЭТА

Совершенно очевидно, что ввиду ограниченности планетарного пространства, белые пятна, манившие геопоэтов первого рода (классических путешественников), на глобусе давно исчерпаны. Стремление человека открывать и осваивать новые пространства, в ситуации исчерпанности пространства географического, будет побуждать прирождённых первооткрывателей становиться переоткрывателями — учиться заново, в остранённом свете и под новым ракурсом открывать для себя и для мира физические пространства ранее открытые. Тем самым, типы геопоэтов между собой сближаются, а осваиваемые ими пространства (ландшафты, территории) всё чаще и интенсивнее выступают в качестве палимпсеста, с разной степенью «соскоблённости» предыдущего текста. (То, что уже известно под термином «ребрендинг регионов» — лишь одна из возможных, всё более многочисленных и изощрённых в будущем форм «переписывания» участков географического пространства[151]).

Можно ожидать, что в обществе будет всё больше цениться и всё активнее развиваться геопоэтическое мастерство: во-первых, умение вписывать в заново прочитываемые участки пространства новые слои смыслов (достаточно яркие и убедительные, чтобы частично или даже полностью перекрывать, заслонять или «соскабливать» уже существующие там смыслы), и во-вторых, умение неустанно «читать» и «перечитывать» такие обновлённые

пространства или их участки, путём каждый раз нового и уникального, в идеале, переживания путешественного маршрута. То и другое будет приобретать черты новых видов искусства или даже новых жизненных сфер. Возможности для геопоэтического творчества, а также его жанровое разнообразие и важность его для здорового функционирования человечества, будут неуклонно расти. Амплуа геопоэта может быть институциализировано как профессия.

Далее, неуёмная жажда новизны даст человеку повод к расширению поиска других пространств для путешествий, параллельных физико-географическому: виртуальных, информационных, пространств воображения, психоделических, сновидческих и так далее, — а также для конструирования новых таких пространств. Ведь неизвестно, кто из людей обитает в большем числе пространств — обычный землянин или, например, Стивен Хокинг, чья активность в физическом пространстве минимизирована?

Невзирая на ограниченность пространства родной планеты и неясность перспектив расселения человечества в Космосе, мы будем стремиться всё больше путешествовать физически по земному шару, — но одновременно и наращивать число обитаемых (или хотя бы посещаемых) нами пространств нефизических. Подобно тому, как из-за дефицита земли в городах стали появляться и расти в высоту многоэтажные дома, а затем небоскрёбы, так пространственность жизни человечества будет становиться всё более «многоэтажной», многослойной.

Совокупность этих явлений и тенденций делает всё более важной предназначенную для их исследования теорию путешествий, в широком её понимании. И есть повод задуматься, как может называться гипотетическая дисциплина, нацеленная на изучение «свёрнутых» путешествий, или путешествий, для которых базовыми являются пространства нефизические. «*Общая теория путешествий*»? — притом, что путешествиями в географическом пространстве будет заниматься «*Специальная теория путешествий*»? (Наподобие Общей и Специальной теорий относительности.) Или всё же наоборот?

Литература

Андрухович Ю. Вплотную к недосягаемому. «Зеркало недели», 22.04.2005.

Битов А. «XXI век уже наступил». Интервью для «Литературной газеты», № 51, декабрь 1996.

Боссалини Петр. Путеводитель Боссалини для Феодосии и

окрестностей. Феодосия: Петр Боссалини и Ко, 1914.

Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013.

Волошин М. А. Константин Богаевский. // *Волошин М.* Лики творчества. Л.: Наука, 1988.

Волошин М. А. Автобиография. // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель,1990.

Голованов В. Геопоэтика. Текст выступления на круглом столе Крымского геопоэтического клуба «Геопоэтика: между текстом и жизнью». // Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 300.

Дайс Е. Максимилиан Волошин: великая мастерская. Глава монографии. // Екатерина Дайс, Игорь Сид. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы. «Нева», 2011, № 3.

Делёз Жиль, Гваттари Феликс. Трактат о номадологии. Пер. Валерия Мерлина. Новый круг, 1992, № 2, с. 183–187.

Зантария Д. Колхидский странник. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002. *Зантария Д.* Кремневый скол. Повесть. «Дружба Народов». 1999, № 7.

Зантария Д. Мир за игольным ушком (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники). Сухум, 2007.

Зантария Д. Слово о холоде (Амундсен и Нансен). Эссе. «Россия», август 1997.

Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013.

Каганский В. Л. Междисциплинарно-культорологический и теоретико-географический аспект путешествий. // Материалы теоретико-биологической Школы «Междисциплинарно-культорологический и теоретико-географический аспект путешествий».

Каганский В. Л. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? // Материалы международной конференции «„Власть Маршрута“: путешествие как фундаментальный антропологический феномен». 06.12.2012.

Лебенсраум С. Простор для молодой фантазии // Материалы Первой международной конференции по геопоэтике.

Обручев В. А. Избранные труды. Т. 6. М.: Наука, 1964. С.45.

Родоман Б. Б. Искусство путешествий. // *Родоман Б. Б.* Поляризованная биосфера: сборник статей. — Смоленск: Ойкумена. — 2002. — С. 190–197.

Сид И. Даур возвращается. Интервью Сергея Арутюнова. Газета «Новый День», 31.05.2010.

Сид И. О воле к Волошину (Утро грустной годовщины: нейтральные размышления). Русский журнал, 11.08.2012.

Сид И. «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен. // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. — Вып. 13. — М.: РГГУ, 2013. — С. 27–35.

Сид И. Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня. (Гл. 7: Геопоэтическая типология личности) Доклад на II международной конференции по геопоэтике. / И. Сид // Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 240–252.

Сид И. Крым, Украина, Россия: призрачный шанс. Гэндай сисо, Токио, 2014, выпуск т. 42, № 10.

Геопоэтика в картинках

ГЕОПОЭТИКА НА ГРАНИ ЗООСОФИИ

«*Поэт Александр Курбатов готовится к Кастингу тотемов Москвы*».

Не сказать, чтобы слишком повезло с кадром: композиция схематична, светотени убиты фотовспышкой. Но сюжет — загадочен, символика темна;

что мы застали: ритуал посвящения, консультацию, обмен разумов?..

Саша — главный сегодня геопоэт Москвы, Genius loci гулких промзон и заброшенных фабрик, спальных районов и извилистых малых рек.

Участники его воскресных экспедиций по столице, писатели и читатели, обретают шанс узнать о родном мегаполисе нечто абсолютно новое.

Путешествуя даже в знакомый участок города, группа — одновременно со сменой местоположения — делает невидимый дополнительный рывок вбок, по координате мнимых чисел, занимая остранённые, сдвинутые ракурсы на реальность. Некий

метафизический ход конём.

Москва, дворик Музея Серебряного века, март 2017. Фото автора.

«ХАДЖЖ СЕГОДНЯ». ДОМ ЯКОБЯНА

Детская игра «литературное паломничество») Прочитав «Дом Якобяна»

Аль-Асуани, возмечтал увидеть это здание, где туго переплелись судьбы простых, и не очень, египтян… У каждого свой квест в этом лабиринте.

Проигрывают *ВСЕ* герои, — кроме главного негодяя, воротилы-политикана

(он всегда верен мерзкому себе), да сладкой парочки: старого ловеласа и красавицы — некогда невесты экстремиста и наложницы галантерейщика.

Этим же награда — за измену себе: отринув прошлое, любят друг друга…

И, наперекор разнице в возрасте и козням родных, регистрируют брак)

..Особняк, впрочем, слегка разочаровал. Но разочарование ведь и есть тайная и главная (пусть трудно достижимая) цель любого паломничества.

Каир, февраль 2017. Фото автора.

ПОГРЕБЕНИЕ/ПОГРЕБ. ХРАНИТЬ/ХОРОНИТЬ

Земля во дворах, как и стены окружающих домов, испещрена окнами.

Точнее, дверьми: люками в хтонический мир, который далеко не *пекло*.

Каждый погреб, публичный тайник отдельной семьи — эксплуатация могильного холода, самозахват отнорка Аида, Сезам в толще гумуса…

Для употребления продуктов в пищу необходима их эксгумация.

В античном Пантикапее на Боспоре каждая семья имела под участком подземное святилище — склеп, где хранились их усопшие.

Погребения; хоронилища… Сквозная геопоэтическая традиция.

Никополь, Днепропетровская область, январь 2017. Фото автора.

БОГИНЯ ГЕЯ ДЫШИТ ПОЛНОЙ ГРУДЬЮ

Хороша с бельведера Замковой горы панорама Юлийских Альп!

Но в туманные дни различим лишь этот ближний фрагментарный образ.

Дымка клубится, и веришь, что над нею колышется чудовищный бюст.

Это Grmada и Šmarna Gora, а по-английски (вместе) — Mount Saint Mary)

Не отсюда ли пришёл в Западную Европу культ *чёрной мадонны*?

И вспоминаются две вящих галактических маммы другого цвета, сосцы Великой богини на севере индоевропейского сегмента Азии –

внезапно родные для славянского уха белокожие сёстры Сис и Масис…

А эти твин пикс, кстати — северная граница ареала европейского протея.

…Как же волнует мысль, что находишься *в ареале европейского протея*!

Алые жабры балканского аксолотля так похожи на зачаточную корону.

Донырни он до пещер Урала, слыл бы аватарой Хозяйки Медной Горы.

Любляна, стена Замка, ноябрь 2016. Фото автора.

ВОДА БАЙКАЛА ***Истоки Ангары, июнь 2016. Фото автора.***

ОРХИДЕЯ БАЙКАЛА

Сибирская орхидея Башмачок капельный… Наши орхидные растут на земле и *корнями вниз* — а не куда угодно, как эпифиты тропиков.

Мы привыкли, что растения маркируют климат или географическую зону.

Это справедливо, но след маркера бывает непредсказуемо широк!

И тогда обычный у нас вид оказывается вдруг линком в мир вечного лета.

Греет знание, что наши сирень и ясень — родом из семейства *маслинных*:

их веточки тянутся из средней полосы в мир Библии и Античности…

Геоботаника возвращает надежду разуверившимся в связности мира.

…Листья башмачка, кстати, сохранились в зубах Берёзовского

мамонта –

того самого, присевшего отдохнуть на 44 000 лет. Мамонт ел орхидею.

Байкальский тракт, пойма р. Щегловка, июнь 2016. Фото автора.

«НАРОДЫ МОРЯ»

Повезло с кадром. Океанический парафраз «Мечтателей» Дейнеки)

Не знаю, на что глазели эти ребята — рыбачить с мола, на самом деле, там не очень-то удобно, — но возвращаясь через час, я видел их там же.

Меня всегда завораживал неясный термин «*народы моря*» — псевдоним, под которым историки скрывают очень разные этнические объединения, двинувшиеся на Египет и Левант в эпоху «катастрофы Бронзового века».

..Принцип географического детерминизма предполагает, в частности, что у народа, живущего у моря, зрелище бесконечного горизонта якобы вызывает такое неудержимое стремление вдаль, — покорять водные просторы, и т. п., — что вот уже у него и развитый флот, и астрономия, и философия зрит в запредельное… В Марокко прививка авантюризма, в арабском и

пиренейском штаммах, к берберскому аграрному субстрату успела дать неординарный талассократический импульс: в XVII–XIX веках это было лихое пиратское государство, союз пиратских городов.

Порт Эль-Джадиды, январь 2016. Фото автора.

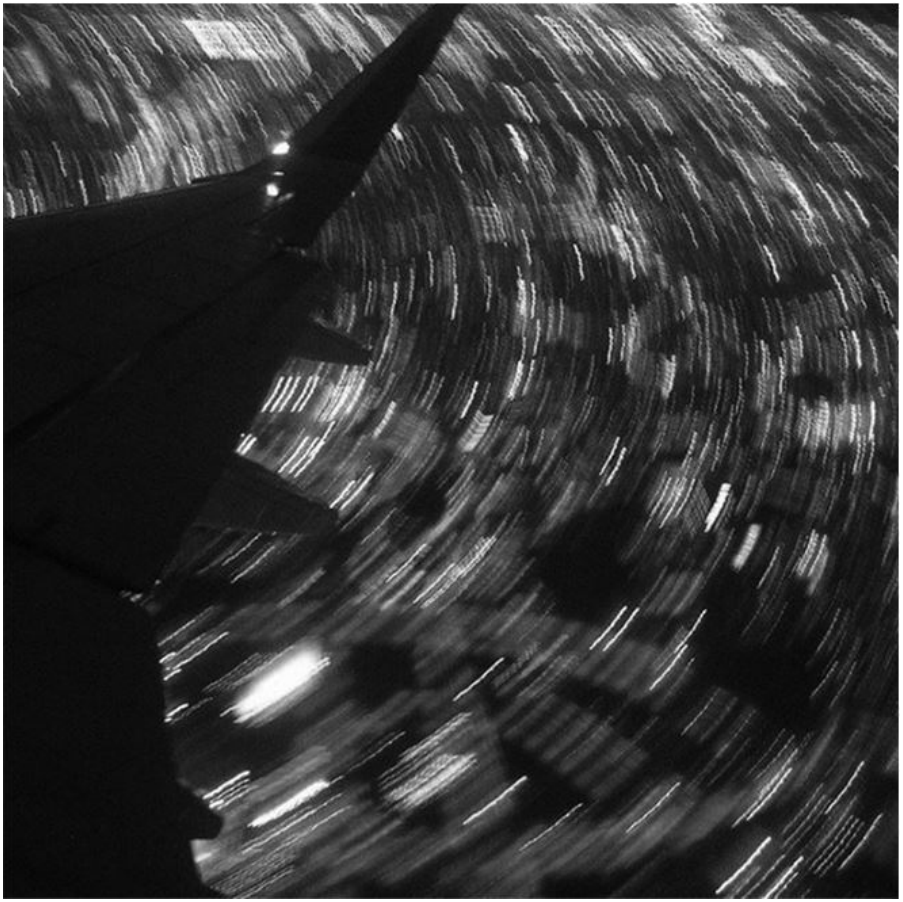

МАРОККО. МАРРАКЕШ. САРАЙ

Мимолётный взгляд на примитивную, тяп-ляп, декоративную сварку на дверях в тихом переулке — и непреднамеренный транс: не оторваться!

Магрибцы и особенно марокканцы слывут лучшими дизайнерами своих интерьеров и вообще обитаемого пространства. До этой секунды я почему-то ещё сомневался.

Окраина Марракеша, декабрь 2015. Фото автора.

РАЗВОРОТ НАД БОСПОРОМ

Боспорский пролив и Стамбул — сверхсложные узлы человеческих путей по твёрдому, жидкому, газообразному субстрату. Мультиперекрёсток, ставший символом контакта цивилизаций, но в самом широком смысле –

включая и диковинную дипломатию, и беженство, и военные конфликты…

Аэробус берёт курс на Касабланку. Вода уже под другим крылом.

Мой ступор и тупо тормозящая фотокамера — залог праздничного кадра.

Вселенная вращается даже не вокруг Земли: вокруг самолётного кресла.

Небо Стамбула, декабрь 2015. Фото автора.

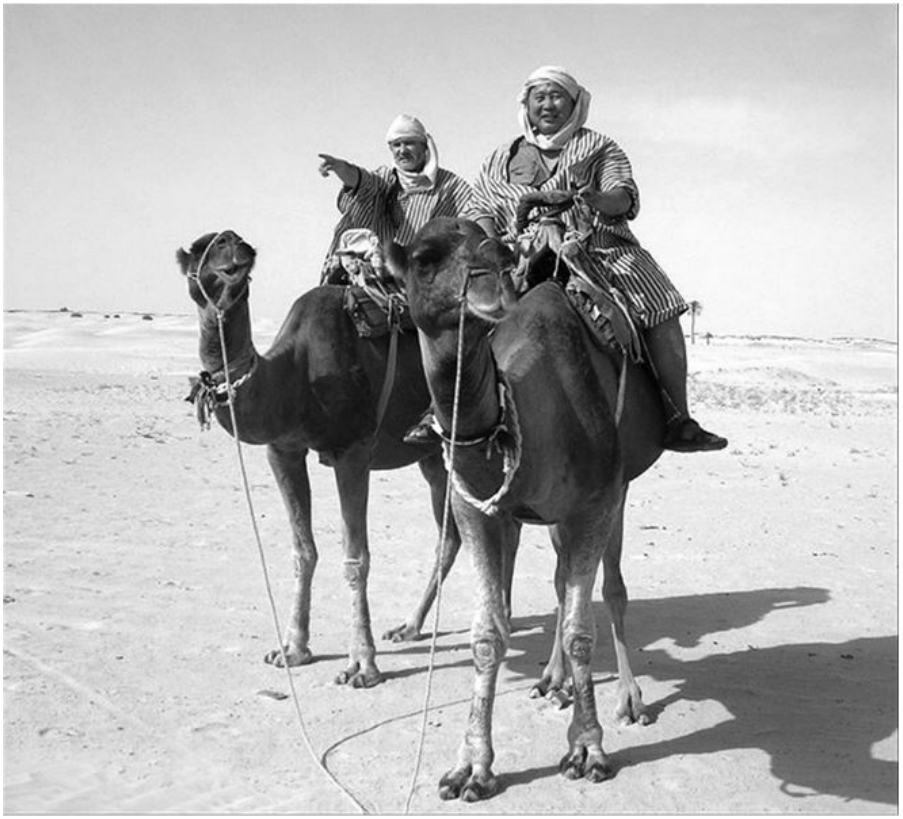

АРАБСКИЙ ПЕГАС

Одно из самых сильных геопоэтических впечатлений в жизни. Джип, везший нас по пустынному городку к отелю, остановился на перекрёстке.

Подняв глаза, мы с Амарсаной Улзытуевым увидели крылатого коня, непонятно откуда залетевшего на край Сахары! И поняли, что это знак.

Таузар, август 2015. Фото автора.

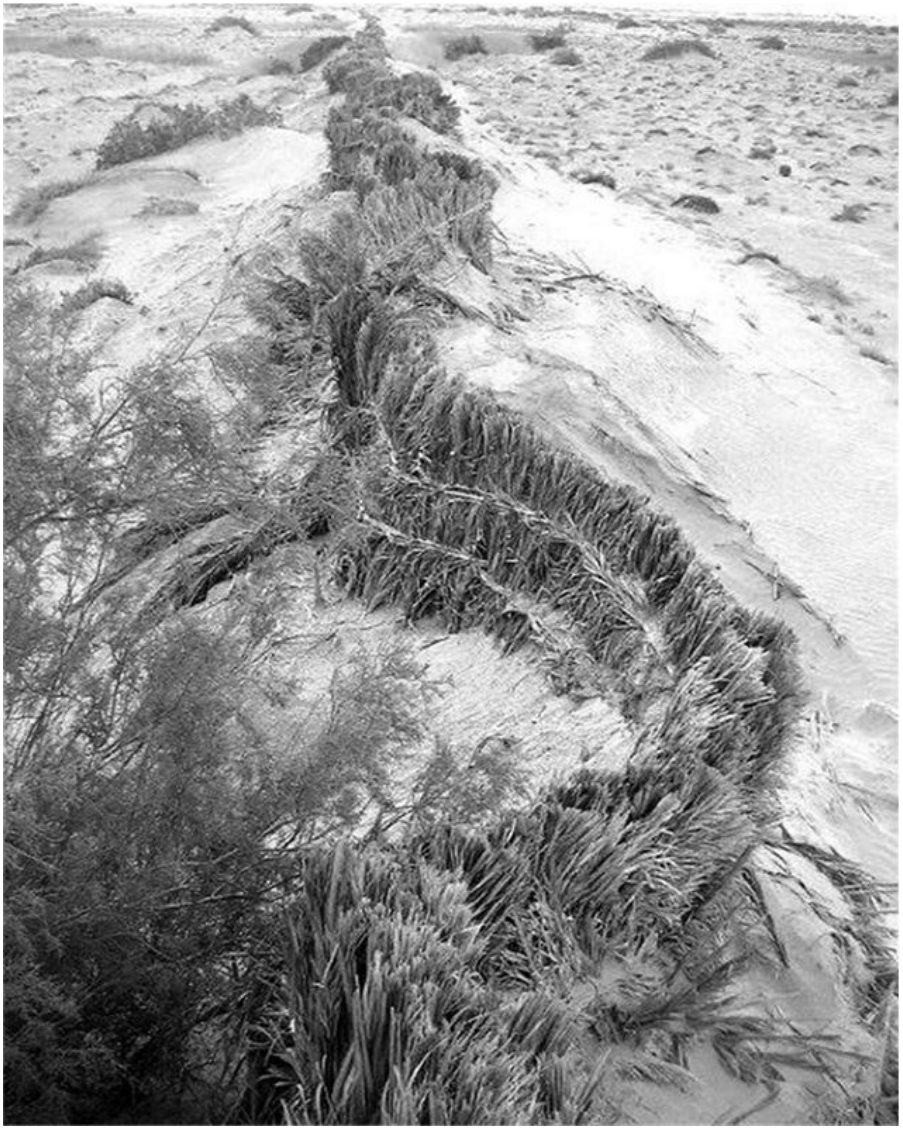

БУРЯ В СТАКАНЕ ПЕСКА

После щелчка фотокамеры мы с Амарсаной люто заспорили, поскольку погонщик верблюдов мог направить наш потешный караван налево, к загадочно черневшему на горизонте скелету пальмы, как предлагал я, а мог повести и прямиком от оазиса, как предлагал друг-романтик –

чтобы мы смогли забраться как можно дальше в дюны за оплаченный нами час туристического сервиса.

Окраина Сахары, южный Тунис, август 2015. Фото Муамара Джебби.

ПЛОХО СПРЯТАЛСЯ ДРАКОН

Высокий песчаный вал с ершистым гребнем выглядел сверху, как схрон бесконечно коварного и длинного змея. Плетень из пальмовых листьев защищает финиковые плантации от нашествия дюн и просто от суховея;

с обеих сторон его подпирает песок, усиливая эффект мембраны…

И пылинки не пропустит из пустыни в пустыню демон Максвелла!

Окрестности Дуза, Тунис, август 2015. Фото автора.

НЕЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ БОГА

Представление о Боге как субъекте космических масштабов возникло, возможно, вместе с первыми пробами географических или, поначалу, топографических карт. «Эффект обратной эмпатии» в предельном виде.

Набрасывая на песке план-схему действий на грядущей охоте или битве, древний человек смотрел на воображаемую перед собой территорию глазами какого-то огромного существа, которое способно, во-первых, охватить взглядом с неба (и даже прутиком) невероятные пространства, а во-вторых, хотя бы частично предвидеть будущие события.

Слабо совместимый с самоощущением человека, этот образ отчуждался и присваивался Богу. Или, в другой системе представлений, *Богом*.

Небо южного Туниса, август 2015. Фото автора.

Я ДУМАЛ, СМЕРЧЕМ ЗДЕСЬ ПРОНЁССЯ САТАНА,
А ЭТО ПРОСТО БЫЛ ТОВАРИЩ ВРЕМЯ

Отчего нас так притягивают руины? Мне кажется, скрытый мотив этого интереса — надежда на загробную жизнь, которую преподаёт нам зрелище формально обезображенных и лишившихся своих функций, однако не потерявших своего содержания архитектурных произведений.

Смерть тела ещё не означает смерти души, — считываем мы.

Смысл покидает предметы последним.

Церковь Николая Чудотворца (1695), гора Пыскор, Северный Урал, май 2015. Фото автора.

АНТРОПОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Повезло с кадром. В споре на конференции «Человек в ландшафте» два главных географа-теоретика и практика России наглядно демонстрируют, каждый в своём концептуальном образе, диаметральные взгляды на антропологию путешествий. Обманчиво степенный, даже статуарный

(в походах они оба подвижны, как ртуть) Владимир Каганский считает

Путешествие элитарной, аристократической человеческой практикой, отказывая сфере массового туризма в путешественном потенциале.

Путешествие — напряжённый интеллектуальный и духовный процесс, доступный далеко не каждому. Это инициация, преображение личности.

Его учитель и друг Борис Родоман придерживается демократической, эгалитарной точки зрения. Любая незначительная поездка может стать настоящим путешествием, если содержит определённые эмоциональные и познавательные элементы, а тем более — неожиданные приключения и испытания… Путешествие подстерегает нас где угодно и когда угодно.

Усолье, Пермский край, май 2015. Фото автора.

ПОБЕДА НАД ГРАФФИТИ!

Повезло с кадром. Действия (священнодействия) муниципальных ремонтников абсолютно архаичны, даже архетипичны по стилистике.

Задача убрать со стен несанкционированный стрит-арт воспринята исполнителями близко к сердцу, эстетизирована и сакрализирована.

Ритуальные танцы перед петроглифами в пещере. Отвага и доблесть.

Охота будет успешной!

Москва, набережная Яузы, апрель 2015. Фото автора.

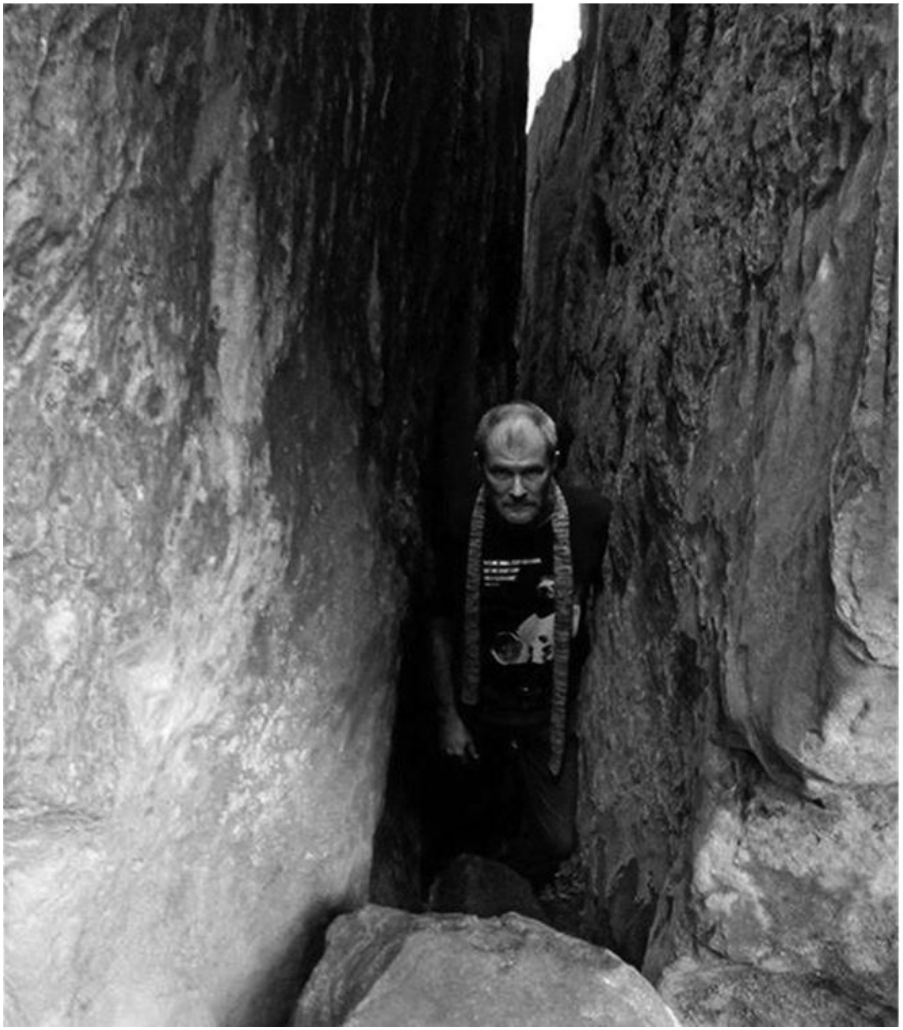
ОДЕССА-2

Благодушный, чуткий, открытый всему новому Нью-Йорк город –

типичный порто-франко, как и Одесса когда-то: *свободный порт*. Отсюда концептуально начинался «плавильный котёл» Соединённых Штатов, но в самом NYC нет ни черты плавильного котла: все этноконфессиональные и социокультурные элементы пёстро-различны и наглядно различимы.

Брайтон-Бич, над которым летим — самая точная *Одесса Нового Света*, с антропологической и картографической точек зрения. Изрезанное, в отличие от одесского, и океаническое, а не морское побережье, с системой заливов и проливов — всё же откровенно намекает на ностальгию населения по солёным лиманам…

Небо Нью-Йорка, январь 2015. Фото автора.

В ОБЪЯТИЯХ КАРПАТСКОЙ МАНТИКОРЫ

«Кто там, в толще скал?» — спрашивал нас фантаст Клиффорд Саймак.

Один из ярчайших мифотворцев и геопоэтов Украины Владимир Ешкилев организовал в Карпатах проект, посвящённый вымершему *людоеду*:

именно так переводится с древнеперсидского имя чудовища Мантикоры.

Это фестиваль фантастики и метареализма, и гости непременно проходят инициацию в мегалитическом комплексе *Тернишорская Лада* –

горном языческом святилище, заложенном ещё в палеолите.

Яремчанский район, октябрь 2014. Фото Энжи Богаченко.

ОКСЮМОРОН В ГЕОБОТАНИКЕ

Флора, наряду с архитектурой, геологией, топонимикой и т. д. — один из творческих элементов в геопоэтике. Растениями интересно мыслить.

Имел ли в виду некие политические аллюзии неведомый озеленитель, сделавший близкими соседками русскую берёзку и абхазскую пальму?

(*Вид пальмы, конечно, не здешний, эндемичных пальм на Кавказе нет:*

обычный циркумсубтропический декоративный трахикарпус.)

Пальме зимой бывает холодно, берёзе летом, разумеется, жарко…

Живут на газоне под многоэтажкой рядом с Центром Даура Зантария.

Сухум, просп. Аиааира, май 2014. Фото автора.

ГРИША БРУСКИН ВЗЯЛ РЕЙХСТАГ

Прочитав лекцию по истории геопоэтики в Университете Гумбольдта, прогулялся по историческому центру столицы и вдруг вижу в окошке…

«Фундаментальный лексикон», — знаменитое в конце 1980-х полотно

Григория Брускина, ставшее первым произведением русского искусства, проданным на аукционе Сотби за сумму с пятью нулями. Суть не в этом.

Совсем недавно, в 1995 году я праздновал первый мировой триумф художников над политиками, — когда акционисту Кристо Явачеву после многолетнего спора с Бундестагом разрешили упаковку Рейхстага в белоснежный, напоминающий не то саван, не то паранджу чехол.

Я был тогда счастлив… А теперь испытал чувство окончательной победы)

Берлин, декабрь 2013. Фото автора.

МАДАГАСКРЫМ. ПАНМОНГОЛИЗМ

Геопоэтический перформанс «МадагасКрым»: взаимная проекция

Крымского полуострова и Великого острова, осуществлённая крымскотатарским художником Исметом Шейх-Задэ (на фото слева) в рамках 5-го Боспорского форума в турецкой крепости Ени-Кале, с участием экономиста-аналитика Тантели Ратувухери, малагасийца. Помимо всех историко-географических аллюзий, любопытна антропологическая составляющая: участники акции, очень разные монголоиды с побережий

Чёрного моря и Индийского океана, репрезентируют собой, по сути, некий подспудный *паназиатский* дискурс.

Керченский полуостров, сентябрь 2013. Фото автора.

ПЛЯСКИ НА ВУЛКАНЕ

Участники 5-го Боспорского форума на керченском грязевом вулкане

Солдатская Слободка. Слева направо: Марианна Кияновская, Алекс

Очеретянский, в.п.с., Татьяна Бонч-Осмоловская, Владимир Ешкилев.

Керчь, пустырь. Закат. Селфи… Эфемерные геоглифы танцующих теней на затравевшей поверхности макалубы откровенно напоминают о *платоновской пещере*. В ней все мы, как известно — узники, а всё что мы видим — только лишь мнимость, мнимость…

Зато в спины нам дует солнечный ветер Идеи!

Керчь, район Солдатская Слободка, сентябрь 2013. Фото автора.

ПЕРМЬ. ПОЛИССКИЙ. ПАМЯТНИК ПОКОЛЕНИЮ П

Бревенчатые бирюльки Бога? Нет, это инсталляция из еловых стволов, созданная в 2011 году российским ленд-артистом Николаем Полисским, возводит в степень 3D тотемную букву-логотип столицы Пермского края!

Раньше стены домов создавали из брёвен, а сердцевину из воздуха.

Архитектор впервые в мире поменял атмосферу и лес местами.

Сквер 250-летия Перми, март 2013. Фото автора.

ПРАВО НА 15 МИНУТ ЗИНДАНА

Дежавю: снова и снова обнаруживаю себя где-то в скальной толще.

Никакого диггерства, обычная борьба со страхами — высоты и темноты.

Хор Вирап — по-армянски «Глубокая Темница». Царь Трдат III держал Григория Просветителя в этом каменном мешке 15 лет, но однажды Григорий исцелил его от тяжёлой болезни и обратил в христианство… А сам впоследствии стал святым.

Меня хватило на четверть часа.

Зачем убивать наслаждение пребывания под землёй невозможностью выйти по желанию в любой момент, сводя клаустрофобию к геофобии?..

Что может быть на самом деле уютнее, чем землянка, келья, берлога?

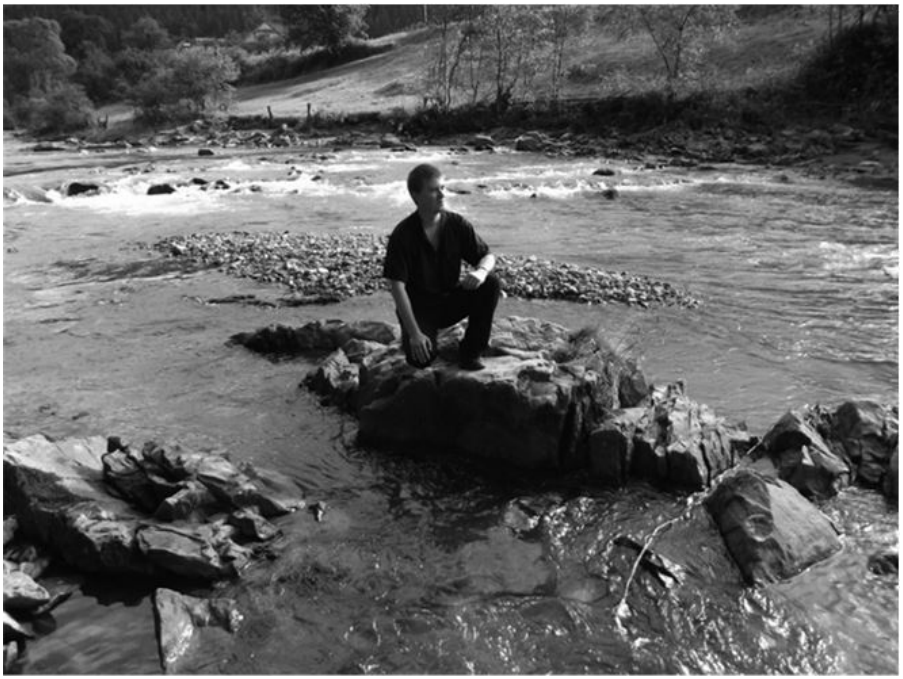
Отсек Вселенной, изолированный литосферой Земли, напоминает матку, околоплодную камеру… Имя «Мать Сыра Земля» — отнюдь не метафора.

Я писал о лечении депрессий краткосрочным закапыванием в землю.

Такая радость — пробиться из родных сумерек на свет: как росток травы, как корневой побег мирового древа, как гриб…

И шутки здесь неуместны.

Монастырь Хор Вирап, октябрь 2012. Фото Роберта Асатряна.

ПОНИМАЯ СЕБЯ КАК ЭПОНИМ

Всегда интересен поиск творческой личностью своих этнических корней, пробы ревизии идентичности. Московский литературный критик и философ, автор теории боли — *алгософии* Михаил Бойко узнал о существовании маленького народа в Западной Украине — бойков.

Фамилия «Бойко» часто берёт истоки в этой этнической общности.

Михаил предпринял путешествие по Карпатам, в том числе по местам, где обитают бойки, — вслушиваясь в свои геопоэтические ощущения…

На рубеже 1980-х и 90-х я и сам, между прочим, «искал забытые корни».

Почему-то казалось недостаточным быть русским писателем с русскими, украинскими, эстонскими, итальянскими предками. На основании смутно усвоенных семейных легенд я предположил наличие у себя ещё и корней *карашмских*. Изыскания дали неожиданные результаты:

вместо тюрков в крымской половине моего генеалогического древа обнаружились представители редкостной русской христианской секты).

…Стать украинским горцем у моего друга не получилось. Миша остался русским урбанистом). Однако попытка засчитана!

Каменный брод в верховьях р. Прут, июль 2011. Фото автора.

ДОБАВИТЬ СВОЁ ОСТРИЁ К КОЛЮЧЕМУ ЛАНДШАФТУ

Племя Антандруй («Живущие В Стране Колючек») действительно обитает в самом шипастом ландшафте мира. Миллионы лет засушливого климата

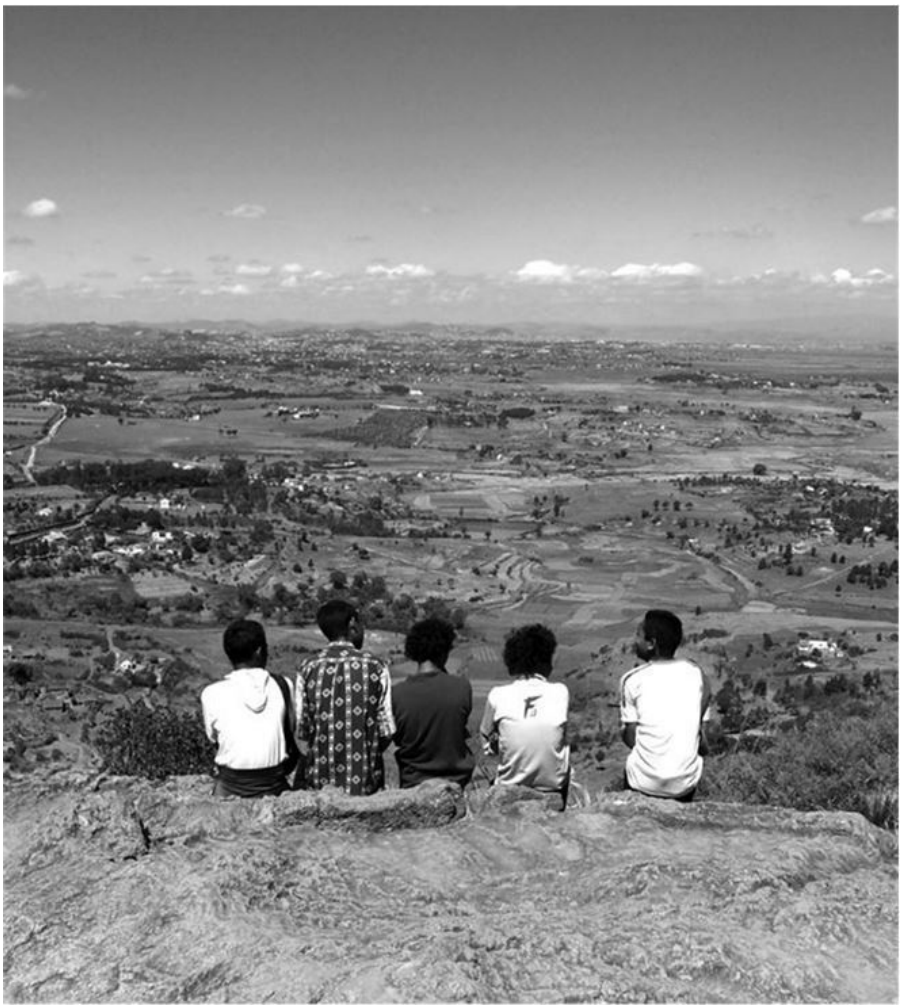
— и вот на юге Мадагаскара возникли фантастические колючие растения:

пахиподиумы, осьминоговые и коралловые деревья… А лет двести назад добавились ещё кактусы и агавы. Полагаю, именно поэтому антандруи –

единственное из 19 племён Великого острова, у кого

сохранилась, как излишество и эстетство, повседневная традиция ношения копья.

Окрестности р. Мандраре, сентябрь 2007. Фото автора.

СВЯЩЕННЫЙ ХОЛМ АМБУХИМАНГИ

Повезло с кадром. Мы появились в резиденции мадагаскарских королей во время экскурсии для местной молодёжи. Юноши и девушки сидят на краю священного холма с панорамой на сельские пригороды столицы, слушают рассказ краеведа о таинственных истоках своей державы.

Антананариву, Амбухиманга, сентябрь 2007. Фото автора.

В СЫЧУГЕ КРЫМСКОЙ АТОМНОЙ

Подвезти ядерное топливо для запуска реактора атомщики не успели –

ассоциация «Экология и мир» добилась перепрофилирования станции.

Горбачёв подписал указ в 1989-м, спустя всего год нашей борьбы.

Но и «перепрофилирование» тоже не случилось: дорогостоящие титанические конструкции были постепенно распилены и проданы неизвестно куда. Жалкий останец всё ещё торчит в казантипской степи, а в памяти звучит гулкое проржавевшее эхо, и стоят перед глазами нездоровые кубистические изломы обезлюдевшего пространства.

Крымская АЭС, вид изнутри, июнь 2007. Фото автора.

СКОРОСТЬ ЛАНДШАФТА

Фельзума (дневной геккон) пресмыкается по стволу дерева со скоростью один сантиметр в секунду. Крадущаяся ей навстречу лиана из семейства аронниковых удлиняется на этот см за 12 дней.

Разница скоростей животного и растения «хрестоматийна»: *миллион раз*)

В одном временном масштабе лиана взлетает по стволу, как ящерица, в другом — рептилия застывает неподвижной частью пейзажа…

Флора и фауна оказываются хронометрическими проекциями друг друга, но ещё в миллион раз медленнее оплывает несущий дерево склон.

«*Пульс пейзажа*», «*скорость ландшафта*», –

мерцают в мозгу притаившегося зрителя странные окказионализмы.

Мадагаскар, горный массив Анкарана, июль 2006. Фото автора.

АД ИМЕНИ ДАНТЕ

Город ранних лет, парк первых приключений. Детская железная дорога.

Я знал, что это первый в мире туннель, и Пушкин — его бог-изобретатель, а ещё раньше мы просто жили в пещерах.

Оттуда и вся геопоэтика.

Поезд на круговом маршруте был один, но всё же было боязно входить в туннель даже вслед за только что протарахтевшим составом:

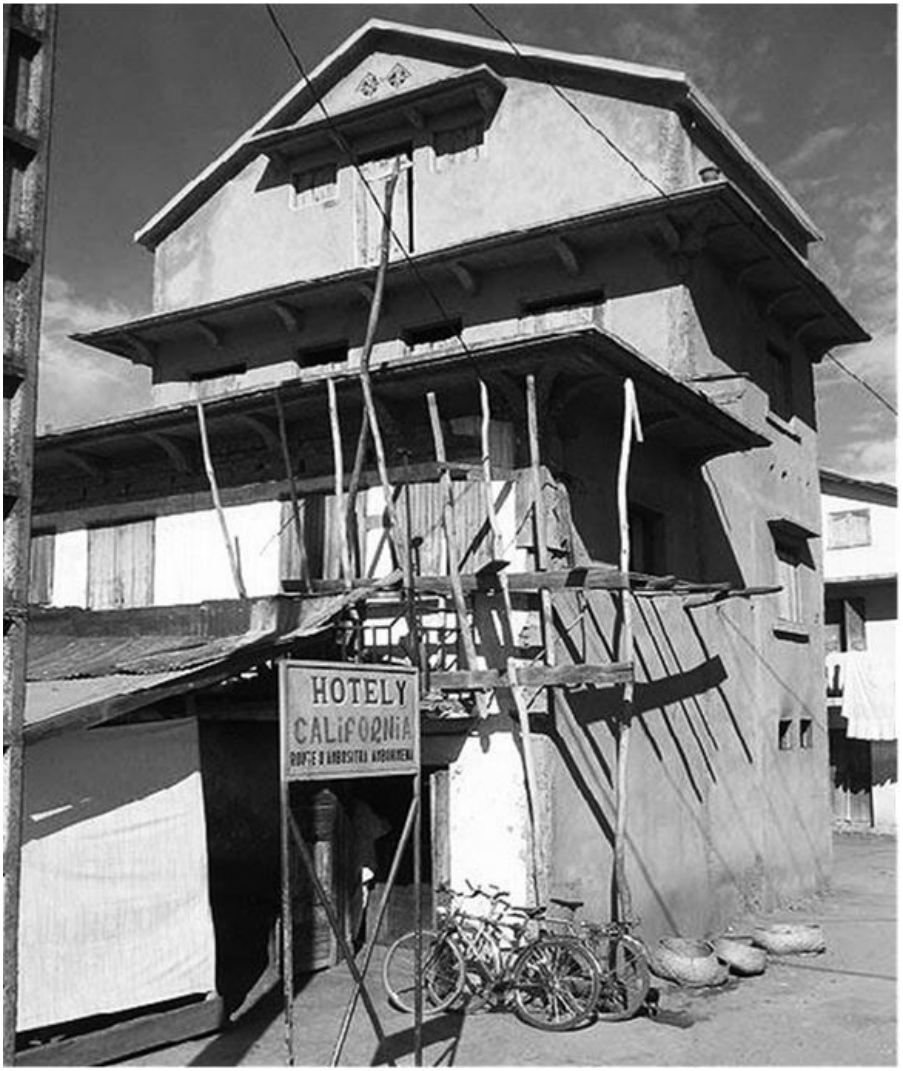
задремлешь в нежном сумраке, как крот, а через час тебя и переедут!

Задавил Александра Сергеевича правнук Данте; отсюда цепочка сладких ужасов, связанных с темнотой, подвалами, недрами, пустотами земли…

Данте выдумал Ад, Пушкин протянул к нему туннели.

Днепр, парк имени Глобы (до 1858 г. — Екатеринославский Казённый сад, в 1939–1991 Днепропетровский парк им. Чкалова), июнь 2006.

Фото автора.

ТРИ КАЛИФОРНИИ

На выезде из губернского центра, уже на полной скорости, кто-то из нас заметил смешную табличку и заорал водителю внедорожника: «STOOP!»)

HOTEL с добавлением Y на конце — это уже по-малагасийски, и означает не только гостиницу, но любую ночлежку, ресторан, кафе-забегаловку.

Меня смущает вот что. В своём шедевре «California dreamin'» группа

The Mamas & the Papas поёт о Калифорнии как о потерянном рае…

Калифорния у группы Eagles, в ещё более прославленной

композиции –

напротив, некое инфернальное пространство, о котором известно лишь, что «*We are all just prisoners here*». Где же таки находится Калифорния?

Похоже, надо ехать…

Мадагаскар, Фианаранцуа, май 2006. Фото автора.

THE EARTH HATH BUBBLES

Гора, упавшая в самоё себя, зияет за поворотом мадагаскарской национальной трассы № 7 — перед городком Анкарамена, что на отрезке от Амбалавау к Ихуси. Что это было — доисторический ангар для НЛО?

Вулканическая кальдера? Подземный чертог вымерших гномов вазимба?

Карстовый купол?.. Что бы там ни было, гигантская полость схлопнулась.

И никто любопытный не копает там шурфы; местные наукообразно называют ЭТО «*разлом Анкарамена*», а когда их спрашиваешь, что это такое было, — переводят беседу на другую тему…

Обрушение произошло, похоже, лет сто назад, при французах, но смешно думать, что «феномен имеет постколониальную природу».

«*Пузыри Земли*» — зачем-то назвал Александр Блок цикл

своих стихов, взяв эпиграфом цитату из «Макбета». Что же это было?..

Мадагаскар, От-Мациатра, апрель 2006. Фото автора.

МАНИЯ ПОНИМАНИЯ

Мне близок концепт *диалога пространств*, с которым упорно работает мой друг художник Исмет Шейх-Задэ. Для меня этот дискурс включает также и поиск взаимопонимания между народами. Когда-то и сам Исмет совместил *несовместимые* три- и

биколор на своём авторском логотипе.

А эта советская табличка про дружбу двух стран, говорят, давно разбита.

Москва, Бибирево, март 2003. Фото автора.

RE: ХОБОТ

Сложилось так, что 15 лет, от последней большой экспедиции в 1991 году до первого авторского тура по Мадагаскару, я не покидал просторов СНГ, сменив источник адреналина с путешествий на культурные проекты.

Зрение стало вычленять в окружающем ландшафте экзотические образы и элементы, или даже их индуцировать… С тех пор несколько переходов московского метро ассоциируются у меня только со слоновьим хоботом)

Пробегаешь изнутри к ноздрям, высмаркиваешь себя на другую станцию.

«*И он двинулся отсюда и выкопал иной колодезь, о котором уже не спорили, и нарек ему имя: Рехобот*».

Москва, переход от станции метро «Охотный Ряд» к «Театральной», октябрь 2000. Фото автора.

МАКС ВОЛОШИН, ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МАГНИТ

Важный эпизод после лит. вечера в Крымском геопоэтическом клубе.

Чуткий пудель директора арт-центра «Феникс» Людмилы Желясковой принял бюст Максимилиана Александровича за живое существо, и даже оббежал конторку в поисках остальной части тела!.. Разгадка, вероятно, в таланте скульптора Анатолия Григорьева, друга М. В. по Коктебелю, –

но в не меньшей степени в силе и мистичности образа самого Волошина.

Москва, Крымский клуб, февраль 1996. Фото автора.

ТОЧКА, ОБРАТНАЯ КРЫМУ

Показываю участникам 2-го Боспорского форума и своим гостям впадину в Мировом океане, географически противоположную Крымскому п-ову и подозрительно совпадающую с ним по очертаниям. Картографическая геопоэтика — или, по А. Балдину, «географика» — туманная область законных спекуляций и интригующих гипотез:) Слева направо:

Антонина Хлебникова (Искандер), Валентина Максименко, в.п.с.,

Евгений Максименко, Василий Аксёнов, Александр Люсый.

Керчь, июль 1994. Фото Андрея Канищева.

У САБАЗИАСТОВ

Первый негласный визит с группой коллег в некрополь адептов культа бога Сабазия в недрах горы Митридат. Нашим Вергилием был историк

Валерий Ильченко, когда-то писавший работу по этим захоронениям.

Справа от меня ихтиолог Сергей Володин; за ним — ниша для усопших.

Вокруг ни золота, ни даже костей, одни фрески: эти семейные склепы периода последних столетий до р. Х. — первых столетий новой эры разграблены в течение ещё XIX века так называемыми «счастливцами».

И всё же в камере явственно витают некие *духи предков*… Пусть далеко не первыми, но мы потревожили чужой покой, — ясно помня судьбу первооткрывателей гробницы Тутанхамона)) Нам немного не по себе.

Керчь, август 1990. Фото Оксаны Мосендз.

«В ОГРОМНЫЙ АЙСБЕРГ ВРОСШЕЕ ПИАНИНО»

Циклопический белоснежный рояль, опрокинутый в море Содружества, напомнил об отрешённой интонации «Римских элегий». Снимок сделан в первой большой экспедиции, вскоре после получения Бродским

Нобелевской премии. Так ледяной континент и запомнился: бликами, прозрачностью воздуха и рыб, бесцветными кораллами, отдалённой Нобелевкой.

Прибрежные воды Антарктиды, апрель 1987. Фото автора.

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ МОРЯ

Ностальгически-сентиментальный — при взгляде из сегодня — кадр сделан напарником по университетской ихтиологической практике.

Около месяца болтались на маленьком безымянном траулере между Феодосией (место приписки судна) и Ялтинской бухтой, делая биометрические замеры рыб вверенных нам промысловых видов.

Моя дипломная работа была посвящена морской лисице, Raja clavata.

Почему для того, чтобы писать потом якобы мемуары путешественника, человек вынужден швырять себя туда, где его никто не ждёт, где ему некомфортно и дико? Ваш автор по натуре своей — *кабинетный учёный*, точнее — обыкновенный домосед, «принц де Лень»)) Вполне возможно, по наивности и глупому романтизму я прожил отчасти чужую жизнь.

На траверзе мыса Меганом, август 1984. Фото Александра Журбы.

ОДНОРАЗОВОЕ ДЕЖАВЮ:)

Перед взлётом авиалайнера навязчиво вспоминается *аэроживопись* –

главный, мне кажется, стилистический источник событий 11 сентября.

Небо, не являющееся частью земли, всё же неотъемлемая часть пейзажа, да и в любой кастрюле днище — проводник адского огня — важнее стен.

Поэтому метеопоэтика — это просто особенный раздел геопоэтики.

Земля хоть и холодна, она таит в себе Ад. Но своевольный человек придумал ещё и божественный бриз камикадзе — ради возможности размещать Ад там, где это покажется ему уместным.

Tullio Crali, «Incuneandosi nell'abitato», 1939. В русских публикациях название звучит невинно: «Погружаясь в городское пространство».

На самом деле аутентичный его перевод — «Вонзаясь в посёлок».

РОДИНА — ЭТО НЕ СТРАНА, ЭТО ПЛАНЕТА ***Фото автора.***

Приложение
Фрагменты бесед

Остров непогибших кораблей, или На берегу мирового симулякра [152]

ПОДЛИННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

…Литературный процесс перестраивается коренным образом. Читатели вербуются из числа пишущей братии — благо это число внушительно. Помимо бумажной версии происходящего, набирают силу устная и сетевая… А представьте себе — что такое организовать вечер? А два? А сто — да так, чтобы хотя бы могло получиться не скучно? Как-то само собой выходит, что надо координироваться с соседями. И офицеры сами собой дорастают до генералов, не свадебных, а полевых. Собственно, таких генералов, чья деятельность перерастает рамки одного салона, на Москву двое — Дима Кузьмин и Сид.

С Кузьминым лично мне всё понятно. Мы с ним друг друга уважаем и устраиваем. А вот Сид…

То он затеет разговор о грызунах в русской литературе, то случит писателей с милиционерами, — словом, создаётся впечатление, что он старательно находит что-то самое важное, актуальное — и отбрасывает его, и так сто раз подряд, и занимается даже не третье-, а стостепенным. С другой точки зрения, эта степенность высшей пробы наводит на мысль, что вообще нет актуальности, что мы живём как бы вечно, а в вечности нет опоздавших. Следующие сто лет занимаемся палиндромами.

— И всё-таки, Сид, как насчёт доминанты?

— Понимаешь, меня волнуют прежде всего побочные, маргинальные темы. Эколог по воспитанию, я знаю, что именно на окраинах, на стыках систем формируется самое важное, куда потом передвинется центр. Вот ты навязываешь сравнение с Кузьминым. Митя — зверский аналитический агрегат, который невозможно обогнать. Но и не нужно. Нужна, наоборот, работа *синтетическая*, сталкивать несоединимое. Он ведь, по сути, разбирает те вопросы, которые понимает, видит их как проблему. А я провоцирую диалог, когда сам не понимаю, что к чему. «Не хватает мозговых ресурсов» — мой слоган и повод собрать хорошую компанию для спора. Так что мы дополняем друг друга. Доминанта? Меня интересует рецессив.

..Любая удача — результат осознанного риска. Дважды у

меня оставалось ощущение провала. Поэта N. N., годами работавшего в Париже, я позвал сделать проблемный вечер «Поэт и Франция». Вышел очередной вечер «Поэт N. N.».

А, скажем, «Образ рыбы в литературе», или какие-нибудь «Литературные мафии Москвы» — внезапно бьются, как пульс.

Вообще, всегда были литературтрегеры — люди, которые строят, как Ваня Жданов выражается, «акустическое пространство». В Серебряном веке — Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин. Первый — тип довольно противный, второй ужасно симпатичный, но дело не в этом. Каждый воздвигает геопоэтическую «игровую площадку». «Дом Поэта», «Башня». Ещё салон Гиппиус, конечно, «Бродячая собака» и так далее. Это особый вид творчества. Игра не в шахматы, а в поиск новых фигур и даже правил для шахмат. Поэзия меняет взаиморасположение звуков и смыслов, а это попытка изменить законы расположения. Подбор способов взаимодействия между самими пишущими.

— Хорошо. О вкусах не спорят. И всё-таки есть исключения. Например, Пригов. Я считаю его ничтожным поэтом сообразно ничтожности чувств, которые я испытываю при чтении его стихов. Но я — при всей своей широте представлений о человеческом роде — и не могу вообразить человека, одушевляющегося, страдающего, грустящего над стихами Пригова. Асадова — да, Пригова — нет. Поэтому спор об Асадове — спор о вкусах, а спор о Пригове — спор о самой категории вкуса.

Другое дело, что Пригов, заменив стихи откровенными подделками, уличил культурные механизмы в неразличении подлинного и фальшивого. Но мы-то не рыбы, зачем нам хватать пустой крючок?

Сид! Ты устроил Приговские чтения. Ты зачем дул в мыльный пузырь? Говори прямо — испытываешь ли ты сильные эмоции от стихов Пригова — да или нет?

— Сильные? Нет. Пригов дарит острые эмоции. Традиционная поэзия и сильная эмоция — это когда ты поднялся на вершину горы и озираешься, «счастлив и нем». А острая — это когда на вершине поехала нога и ты катишься вниз на заднице. «Крутизна низложения», написал я в 92-м (правда, про другое, — Пригова распробовал поздно, лет пять назад). Даже разложения, если хочешь. И это не менее ценно для истории искусства. Некрасовские, Рубинштейновские чтения я делал в память о сильных эмоциях, и Аксёновские, и Битовские. Но ведь и Битов экспериментирует теперь в сторону Пригова…

Пригов великий поэт, он как никто раздвинул границы

русской поэзии. Не меньше, чем Жданов и Всеволод Некрасов (оба обидятся, но лукавить нельзя). Он как тот джинн в старой киносказке, который разбегается на четыре стороны сразу.

Гм. Я остаюсь при своем мнении, но ответ засчитан. Тут я кстати вспоминаю, что самый удачный литературный вечер изо всех, на которых я бывал, — вечер Дашевского и Гуголева — организовал Сид. Проехали.

ОКЕАН

У меня твёрдые взгляды на Интернет. Что это умеренно полезное справочное пособие, инструмент. Как и компьютер. Если же начинаешь видеть в Этом нечто БОЛЬШЕЕ, оно сразу наливается силой, поднимает голову, как кобра. Его олицетворяешь — он олицетворяется и становится опасен. Короче, Интернет — затея для взрослого позитивного человека, избавившегося от рецидивов детского сознания. Скучноватая, но удобная вещь. От 16 лет. Впрочем, послушаем другую точку зрения (Сид — создатель и редактор сервера Liter.net).

— …Знаешь, моя самая важная мысль про Интернет предельно проста: Интернет был всегда. Его открыли, как Америку или витамины. У меня в одном тексте есть эпизод: обнаруживаются «ничейные» сайты по домену «три точки» вместо кода страны. Это гиперпортал вымерших животных, пополняющийся миллиард лет по мере исчезновения видов. И они смотрят на нас с той стороны экрана…

Платоновский океан идей… У Пригова есть оратория с потрясающим заглавием: ТОРЖЕСТВО ВСЕГО. Случайная, но точная метафора Интернета.

— Солярис?

— Лем — грандиозный писатель. Стругацкие теплее, он масштабнее. Ты прав, «Солярис» — это прозрение. Мировой симулякр. Мы были готовы к Интернету давно.

Готовность к соприкосновению с иным… Однажды старшеклассником я видел простенькое НЛО, — вечером, в Крыму, на Арабатской Стрелке. И встал на колени перед закатом — не знал, как выразить благодарность перед жизнью…

Мы, не сговариваясь, смотрим в окно. За ним — в белёсом вечернем свете — удивительные, просто фантастические кварталы Марьина. Так в голливудских блокбастерах выглядит Лос-Анджелес XXIII века.

— Скажи, Сид, а был ли у тебя момент, что называется,

инсайта — не просто что «так было бы лучше», а что именно ты должен это делать? То, что называется призвание.

— Что касается тропиков, то мне трудно увидеть это со стороны, я никогда не был вне этой проблематики. Отец, физик-металлист, работал консультантом в Алжире. И я жил там год… Оттуда впервые — интенсивное ощущение цвета. Алые кораллы, оранжевые с красными прожилками апельсины, жёлтые нарциссы на склонах Атласа, синее Средиземное. И эти краски меня создавали. А родину перед этим помню — смешно и грустно — только в серых тонах! Единственное цветное — опавшие недозрелые каштаны… Волшебные нежно-зелёные ёжики на фоне серого, страшного днепропетровского детсада.

Одно время я думал, что геопоэтика отменяет геополитику. Теперь я вижу, что они близки по глубинным пружинам. Геополитика — это амбиции власти, волевое усилие по воздействию на экономику, а геопоэтика — амбиции творческие, формирование общественного вкуса. Просто стремление к другому виду власти, духовному. Здесь есть люди, — Рустам Рахматуллин, Вася Голованов, — которые вслед за Кеннетом Уайтом понимают геопоэтику иначе. «Осмысление ландшафта движущимся в нём человеком», я сказал бы так…

Остановить войну мифов [153]

Рефлексии из Москвы о Крыме — тема для украинского уха, как правило, неблагозвучная и вызывающая настороженность: просто так, на всякий случай. Особенно когда речь идёт не о пляжах, джазовых фестивалях и прочем entertainment, а затрагивает геополитический контекст. Этот контекст сознательно обозначен в названии Крымского геопоэтического клуба, базирующегося в Москве. С его бессменным куратором Игорем Сидом удалось пообщаться на Киевском форуме издателей, где он представлял выставку своих фоторабот. Опыт этого общения доказал, что тему можно поднять и деликатно, и артистично. Может быть, благодаря тому, что Сид — уроженец Крыма, человек с украинской фамилией (Сидоренко) и ценитель сучукрлита[154]: благодаря его переводам книги Юрия Андруховича и Сергея Жадана оказались доступны русскому читателю.

— Проект, который вы ведёте уже много лет — Крымский клуб, — подразумевает жанровое уточнение: «геопоэтический». Имеются ли в виду некие поэтические аргументы в геополитических играх?

— Что-то в этом роде. В нашем клубном обиходе утвердился термин «геопоэтика» — предельно размытый, понимаемый каждым автором по-своему, но всеми ощущаемый как некая современная, деликатная и благородная альтернатива брутальной геополитике. Конечно, это утопия — думать, что поэты (или шире, художники) могут существенно влиять на ход политической истории. Воздействие их, как правило, опосредовано и мало заметно. Однако для меня этот феномен уже много лет — тема исследований и размышлений. Его проявления стараюсь отслеживать, где возможно.

В предыдущую, «геополитическую» эпоху это влияние, я полагаю, было слабее, хотя прямолинейнее. Типичный случай — последние выборы председателя Верховного Совета РСФСР. Борис Ельцин в первом туре наглядно проигрывал. Но в перерыве Станислав Говорухин показал делегатам свой фильм «Так жить нельзя», и баланс голосов сдвинулся в пользу Ельцина.

В 1995 году германский Бундестаг разрешил знаменитому художнику-акционисту Кристо Явачеву зачехлить, упаковать на две недели в ткань здание Рейхстага. О двадцатилетней битве за этот проект я знал уже давно и летом 95-го ликовал, как болельщик победившей команды! Из достоверных источников я

узнал, что после этого хэппенинга тогдашний президент Украины Леонид Кучма обращался к Кристо с предложением отчебучить нечто подобное в Киеве, но согласия почему-то не получил. Не исключено, что тогда-то и был упущен президентом какой-то дополнительный исторический шанс…

В России деятели литературы и искусства с тех же приблизительно времён двинулись на заработки в сферу PR и политтехнологий, некоторые сделали там суперкарьеру. Это огрубленный, «снятый» вариант, пожалуй, того же самого влияния. Но меня интересуют более нежные формы воздействия. Не манипулятивные, а стилистические. Апеллирующие к творческому сознанию, а не к коллективному бессознательному…

— В чём же смысл и назначение Крымского геопоэтического клуба?

— Само название проекта — пародия на Римский клуб, созданный Аурелио Печчеи сорок лет назад и знаменитый своими скандальными прогнозами-антиутопиями для человечества. Это были герои и героическая эпоха. Наш же модус — трикстерный, пересмешнический. Это лучше соответствует XXI-му столетию, с его тошнотворным переизбытком артефактов и идеологем, масок и симулякров. Подытоживая 15 лет работы, начатой тремя Боспорскими форумами в Керчи, можно сказать, что основной её смысл — трикстерство, культурная игра с подтекстами, извлечение явлений из-под масок ложного пафоса.

При этом проблематика наших дискуссий часто более чем серьёзна. Недавно на первом киевском Форуме издателей мы провели круглый стол в нашем стиле (смешение культурологического, социологического, политологического дискурсов) на тему «Что нам делать с этим Крымом?». Название провокативное: ясно, что большинство участников были лишены возможности повлиять на судьбу Крыма. Однако такое название побуждало переосмыслить всем хорошо известные проблемы. Хотя в Киеве Крымский клуб заявил себя впервые, половина выступавших — известные писатели и художники Украины — участвовали раньше в наших московских акциях.

Между прочим, одним из главных наших достижений я считаю то, что за последнее десятилетие мы помогли современной украинской литературе прозвучать в российском культурном поле. Первым событием такого рода был авторский вечер Юрия Андруховича, автора «Московиады», в ельцинской Москве. Прорывным оказался фестиваль искусств «Южный Акцент» в 1999-м. Интереснее всего заполнять те культурные ниши, которые пустуют. Теперь пора представлять «сучукрліт»[155] русскоязычному населению Украины,

параллельно продолжая, конечно, работу по презентации здесь современной русской литературы.

— Что представляет собой Крымский клуб в плане персоналий?

— Это десятки авторов — как правило, уже с именем. Литераторы участвуют регулярно, а эксперты из разных областей привлекаются в зависимости от очередной темы. Но есть несколько персоналий, особо повлиявших на нашу работу. Прежде всего это, конечно, наш «культурный герой-основоположник» Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин. Его наследие представляется нам сейчас всё более актуальным ввиду попадания культурного пространства Крыма в силовое поле нового, почти апокалиптического конфликта. У Волошина были друзья по обе «стороны баррикад», он защищал одних от других и наоборот.

«*А я один стою меж них в ревущем пламени и дыме и всеми силами своими молюсь за тех и за других*…»

Тогда это был кровавый красно-белый раскол российского общества. Сегодня — относительно вегетарианский, но в перспективе тоже чреватый кровью раскол Украины по языковому признаку. Этот признак — отчасти метафора геополитических предпочтений… И актуальной задачей Крымского клуба мне видится — помочь обществу избежать обострения, искать культурное (во всех смыслах) решение проблем. Ключевой термин клуба по отношению к Крыму — плейграунд, «Земля Игры» — выдвинут в 90-х Василием Павловичем Аксёновым, почётным президентом Крымского клуба. Где бы ни проходили дискуссии — в Москве, в Крыму, в Киеве — для нас важно удерживать рамки игры, бескорыстной игры. И придерживаться в ней конвенциональных правил.

Стилистика Клуба формировалась под влиянием нескольких выразительных людей. Историк и аналитик Анна Бражкина, пражанка с ростовско-московской биографией, привнесла в диалоги жёсткость, социально-политическую заострённость. Скоро круглая годовщина российского дефолта — Аня инициировала тогда по горячим следам острый диспут «Рубль и литература». Одна из сильнейших её акций — круглый стол «Искусство. Революция. Контрреволюция» в московском правозащитном центре «Панорама» три года назад, по итогам оранжевых событий в Украине. Благодаря меценату Андрею Пустогарову мы оперативно вытащили для беседы «литературных агентов революции»: из Харькова — Сергея Жадана (ставшего там комендантом «оранжевого» палаточного городка) и Юрия Андруховича — из берлинской поездки. С российской стороны

говорили Кормильцев, Ерофеев, Пригов, Игорь Клех, Анатолий Осмоловский, лидер молодежного «Яблока» Илья Яшин.

Другую, «квазиинфантильную» линию олицетворяет Андрей Поляков, один из крупнейших современных русских поэтов, живущий почти безвыездно в Симферополе, — живое воплощение понятия о трикстере. Он добавляет в наши игры долю мистификации и лошадиную дозу, скажем так, интеллектуального шаманизма. «*Я буду, буду юродствовать!!!*» Если Крым — это плейграунд, то Поляков — плеймен. Хотя, скорее геймер. В 90-х он воздвиг себе имидж поэта-алкоголика, подстрекателя к попойкам… На Боспорском форуме он инициировал морскую акцию «Бутылочная почта» — «письма литераторов в 30-й век», — чтобы не сдавать пустую тару. Интереснейший проект Полякова сегодня — отождествление себя с Русским Языком. Превращение поэта в ходячий орган «родной речи» — феномен и уникальный, и архетипический по своей природе. Можно ожидать, что Андрея вот-вот поднимут на щит борцы против украинизации Крыма, сделают заложником политики. Нюанс, правда, в том, что у Полякова есть стихи и на украинском языке, причем довольно экспериментальные.

Художник Исмет Шейх-Задэ живет между Симферополем и Бахчисараем, то есть между двумя центрами Крыма — административным и мистическим. Его работа, если кратко, — переосмысление крымскотатарского и шире, исламского духовного наследия через призму современного искусства. Одна из его неизменно востребованных «фишек» — объяснение слов из разных языков через тюркскую этимологию. В частности, давно предложенное им объяснение топонима «Москва» (Маск-Ау: «Беременная Медведица») теперь приобрело новый смысл. *(Смеётся)*

— О языковом и ином взаимодействии… Мы наблюдаем всё более активную миграцию литераторов из Украины в Россию и обратно, работу переводчиков, как живой мостик между культурами, обозначающий, однако, растущую пропасть.

— Совершенно согласен. Растёт всё быстрее тектоническая трещина между Россией и Украиной, вроде той, что разнесла древний континент Гондвану на фрагменты-материки по разные стороны планеты. Для культуртрегеров — переводчиков, издателей, кураторов — это не катастрофа, а наоборот, появление новых любопытных ниш и задач. Печально другое: исчезает взаимопонимание живущих по разные стороны провала. Перемещаясь из России в Украину и обратно, слушая те и другие масс-медиа, не устаёшь поражаться тому, как растёт взаимная

слепота. Некая глаукома на внутреннем зрении обеих сторон.

Образ России, рисующийся из Украины (а тем более наоборот) всё сильнее отдаляется от реальности. Хуже всего, полагаю, ситуация с пониманием процессов, происходящих в Украине, — причем не только со стороны россиян, но и среди русскоязычного населения Украины. В целом, конфликт мне видится не столько между двумя народами, сколько между их мифами друг о друге. Труды деятелей культуры сейчас должны, я уверен, лежать не в плоскости политических споров, а в плоскости развенчания взрывоопасных мифов. Рассеивания ложных взаимных образов.

На мой взгляд, мы действительно присутствуем при грандиозном историческом процессе — взаимной поляризации украинской и российской ментальностей по геополитической схеме «атлантизм — евразийство», или «европейство — азиатскость» (хотя это не совсем одно и то же). А параллельно возникает (точнее, пока что только лишь получает шанс возникнуть!) диверсификация «русского мира» — вроде той, которая сложилась после войн и революций XX века. Но если тогда шла речь о поляризации русской ментальности на советскую и эмигрантскую, то сегодня расходятся такие ментальности как российская и, скажем, «русскоязычная украинская». Если политикуму Украины удастся удержать страну от раскола еще хотя бы одно поколение, мы успеем застать появление двух совершенно разных русских культур.

— Насколько возможно сейчас конвертирование творческой экспансии в политический жест?

— Учитывая, что в обозримой исторической перспективе наша зыбкая геопоэтика уж никак не вытеснит геополитику, стоит обратиться к идеологической базе последней. Одолевать неприятеля его же оружием. Здесь хотелось бы поделиться практическими соображениями. Речь пойдёт об экспансии, так сказать, обратной, «ностальгической».

В Советском Союзе, как и в дореволюционной России, жизнь была тотально централизована. Талантливые люди из провинции стремились в региональные центры, а особенно столицу. С распадом СССР усилился ещё и отток в дальнее зарубежье. Как подвёл итоги перестройки Егор Лигачёв (об «утечке интеллектуального потенциала»): «*У нас весь интеллектуал утёк за границу!*» И вот сейчас значительная часть наиболее успешных украинцев живёт в России или на Западе. В первом случае это люди, как правило, русскоязычные.

Помню, в 90-х ходили слухи о приглашении на пост министра культуры Крыма известного российского правозащитника и

писателя, генерального директора Русского ПЕН-Центра, симферопольца Александра Ткаченко. Но нашёлся какой-то местный желающий, ничем потом не прославившийся на боевом посту. А полгода назад Саши не стало…

Есть ещё яркий «крымский» пример — уроженец Ялты Евгений Сабуров, поэт и один из крупнейших учёных-экономистов России. 14 лет назад на волне — вскоре выдохшейся — крымского сепаратизма он был приглашён на родину возглавить полуостровное правительство. Гармонизируемое им местное законодательство и другие продуманные меры поднимали экономику прямо на наших глазах. Сепаратизм Сабуров принципиально не поддерживал, и Крым мог стать маленькой богатой Швейцарией — не уходя из Украины. Однако геополитическая ситуация прервала этот исторический эксперимент, Евгений Федорович вернулся в Москву. И сегодня у меня есть конструктивное предложение: позвать высочайшего специалиста и крымского патриота Сабурова к руководству развитием экономики полуострова.

Скажете, утопия? А я уверен, что властям Украины стратегически выгодно делать свою страну привлекательной не только для украиноязычных, но и для русскоязычных людей. Легко ли этого добиться, и почему в реальности это не делается — другой вопрос… Но это позволило бы возвращать отнятый у страны «столичным насосом» человеческий ресурс, привлекать успешных людей к развитию малых родин, своих обескровленных провинций.

Новая нефть [156]

Несмотря на «трикстерскую» концепцию Крымского клуба (уже своим названием пародирующего Римский клуб), многие проекты под этим лейблом задевают своей адекватностью и неожиданной актуальностью. С одним из самых успешных и изобретательных российских кураторов Игорем Сидом беседует Михаил Бойко.

— Игорь, как случилось, что в первом в мире научном сборнике по геопоэтике, вышедшем в Германии, в качестве первоисточника цитируются ваши работы 1990-х годов? Почему европейские гуманитарии обратились не к эссеистике Кеннета Уайта, придумавшего термин «геопоэтика» десятилетием раньше?

— Мне кажется, проблема в стилистике источника. Уайт — возвышенный, ветвисто мыслящий поэт — трудно «поверяется алгеброй». Ваш же покорный слуга — азартный игрок на границе сферы свободных искусств и научной сферы. В каковой сфере я, наследник естественнонаучной династии, плавал как рыба в воде до середины 90-х: работал в тропических экспедициях, публиковал эссеистику в квазинаучном стиле… Учёным комфортнее было опираться на слегка пародийные, зато аргументированные и чётко построенные определения, нежели на туманные, пронизанные тончайшими нюансами пассажи.

Уайт внутренне отталкивался от мистического движения нью-эйдж и околодзенской идеологии битников, я же — скорее от футурологических трактатов Станислава Лема. Однако, если вчитаться в финал моего доклада на первой конференции по геопоэтике (1996 год), где обозначен «главный вопрос»: «*является ли геопоэтика наукой или всё-таки искусством, НУЖНА ЛИ ГЕОПОЭТИКА ВООБЩЕ и стоит ли свеч наша с вами интеллектуальная игра?*» — цитировать меня, пожалуй, больше не понадобится… (*Смеётся.*)

— Так всё-таки, что такое геопоэтика?

— Предложу универсальное определение. Геопоэтика — это интеллектуальное (ментальное, художественное и пр.) освоение человеком географического пространства; совокупность форм и средств этого освоения.

Обобщение необходимо, ибо вокруг геопоэтики затянулась конкурентная борьба. Поклонники Уайта упорно низводят это понятие к текстам о путешествиях, о географических пространствах, местах и ландшафтах, хотя термины «геопоэзия», «геоэссеистика», «травелог», «геософия» и т. п. были бы гораздо

уместнее.

Чтобы нейтрализовать споры, я давно снабжаю термин «геопоэтика» уточнениями: прикладная, практическая, «проективная». И с самого начала подчеркивал, что ключевым элементом в геопоэтике является не текст, но миф, территориальный миф. Мифогенез может подпитываться сочинением текстов, от античных и средневековых первооткрывателей до Уайта и Вайля — либо реализацией арт- и литпроектов типа фестивалей и перформансов, как у нас.

Притом сколько бы мы ни противопоставляли традиционно геопоэтику геополитике, не удается расслоить их окончательно. Так, переписывание постсоветскими странами своих учебников истории, спорящих всё непримиримее друг с другом, — несомненно, процесс во многом геопоэтический. Однако он решает и геополитические в конечном счете задачи… Все неоднозначно.

— И в том числе растёт роль мифа территориального?..

— Именно так. То, что раньше называлось genius loci, — сегодня почти осязаемая реальность, ресурс наподобие нефтяных месторождений…

Простейший пример. Регион с богатой мифологией (исторически достоверной или целиком сочиненной — не столь важно) привлекает больше туристов, а значит, его жизнь становится более богатой и в буквальном смысле…

Поэтому, делая новые фестивали и акции в новых местах так, чтобы они запомнились, стали почвой для будущих локальных мифов — мы как бы закачиваем в землю новую нефть, которой смогут пользоваться потомки.

Как работают сегодняшние пользователи мифов (назовем их по аналогии «мифодобытчиками»)? Устраивается какой-нибудь Есенинский фестиваль — например, в Рязани, на родине поэта. Тут вам просветительство, PR-продвижение города в федеральном контексте, развитие краеведения и — берите выше — местной гуманитарной науки. Но нельзя не учитывать, что процесс этот родствен добыче нефти. Ударными темпами из земли выкачивается метафизическая энергия. Энергия, некогда привнесённая туда мифотворчеством поэта…

Чтобы мифологический ресурс сохранялся, точнее, возобновлялся, нужно привлекать в такие проекты цвет сегодняшней литературы и искусства, живых классиков. Новых мифотворцев. Но чаще упор делается на графоманов, а это всё равно что сжигать нефть на месте вхолостую. И место постепенно пустеет и загрязняется, хотя бы в переносном смысле. Говоря птичьим языком эзотерики, у места будет дырявая аура, в

перспективе — испорченная карма.

Гений места может быть истощён, как скважина.

— В текстах последних лет вы говорите о необходимости «новой антропологии». В какой мере это метафора? Вы считаете обновление антропологии возможным сейчас, в XXI веке?

— Меня всё больше удручает, насколько дремучим и темным оказывается этот XXI век, которого мы так ждали. Новый век более многомерен, и в этом его огромное, но, вероятно, единственное преимущество. Наука, и антропология в том числе, по-прежнему занимается частностями, боясь приподнять голову. Ибо объяснить, откуда приходит свет (белый или чёрный — это другой вопрос) различных духовных и мистических явлений, увидеть их природу через призму классической науки — видимо, нет никаких шансов.

Необходима новая антропология — словами любимого писателя моей юности, «новые сведения о человеке». Меня страшно веселит и одновременно злит анекдот про Нильса Бора — его якобы ответ на вопрос, почему учёный с мировым именем прибил над дверью подкову. «Конечно, я не верю, что подкова приносит удачу! Но она помогает независимо от того, веришь в неё или нет».

Вот этот дурной дуализм современной ментальности, зиждущейся вроде бы на материалистических знаниях, но отдающей дань суевериям, вере в магов и прочее, и раздражает. Необходимо преодолевать эту невидимую перегородку в мозгу между «полушарием логики» и «полушарием мистики».

— Среди вашей продукции, получившей резонанс в последнее время, — первая аудиоантология русской поэзии «СПА» («Современная Поэзия от Авторов») и эксперименты в видеопоэзии в рамках арт-группы «Кадры решают всё». Зачем понадобились проекты, выносящие литературу не в географическое пространство и геопоэтику, а в виртуальный, мультимедийный простор?

— Есть совсем уж антинаучная гипотеза, что мы призваны всего лишь доказать своей работой креативность идеи Крыма как творческого начала… Ведь инициатором и главной движущей силой проекта антологии был не я (составитель), а философ Александр Кузьминых (директор по производству), уроженец Ялты. А в группе «Кадры решают все» центральная фигура — Алексей Блажко, композитор и режиссёр видеопоэтических клипов. Наш «Мультимедиум», точнее, «Гений места» по-прежнему живёт в Керчи…

А если серьёзно, развитие мультимедиа, начавшееся столетие

назад с появлением кинематографа, — это необходимое возвращение к искусству первобытного синкретизма, органики и многоканальности исполнения/восприятия. Говорят и о «шаманизме» наших роликов, таких как «Ночь» на стихи Даура Зантария или «Новые сведения о Калимантане». Обращаясь к тому, что раньше называлось магией, мы всего лишь идём в фарватере эпохи…

— Не слишком ли вольно применяется термин «магия» в отношении явлений искусства?

— В случае настоящего искусства, думаю, это почти синонимы.

На круглый стол Крымского клуба по этой проблематике пришёл мой коллега, художник-концептуалист. И он поразил незыблемой уверенностью, что искусство абсолютно чуждо мистике. Чтобы вы ощутили юмор ситуации, произнесу названия любимых мною его инсталляций: «*Демон русской печи*», «*Афродита, рождающаяся из яйцеклетки*»…

— Но ведь вера в мистическое может намеренно скрываться?

— Да, среди российских интеллектуалов говорить об этом всерьёз — не комильфо. Вообще в Европе вся история последних двух тысячелетий способствовала сокрытию интереса к этим сферам, не то что работы в них… Однако культуролог Екатерина Дайс показывает, как столпы литературы постмодернизма — Фаулз, Эко, Павич, Памук и другие — оказываются продолжателями мистериальной традиции. Просто мистериальное привычно мимикрирует под другие вещи. Люди, наделенные мистическими способностями, работают во всех областях и легче достигают лидерских позиций.

Я не вижу радикальных различий между камланием шамана и рок-концертом. В каком случае впадать в транс и обретать мистическое озарение — зависит только от того, в какой из культур ты вырос…

И вновь брезжит «неоантропологическая» догадка: мистериальные практики не обязательно традиционны! Особо одарённые люди могут изобретать магические техники сами.

Но конечно же, прямое наследование традиции, посвящение, ученичество даёт максимальный эффект. Когда в конце 80-х мой земляк Ник Рок-н-Ролл, зачинатель русского панка, вдруг исчез из Крыма, все шептались, что он уехал к шаманам в Забайкалье. А что уж говорить про Веру Сажину!..

Экспансия (точнее ренессанс) мистериального начала как в элитарной, так и в массовой культуре впервые со времен Средневековья — это и есть оборотная сторона «мифологической

революции».

— Вы реализовали много афропроектов в России, работали в разных регионах Черного континента. Почему приоритетное место занимает именно Мадагаскар?

— Я не нашел на планете более совершенного геопоэтического объекта. Мадагаскар как остров — это геопоэтика в чистом виде… Возлагаю на него много надежд. Но у этой медали есть «слишком обратная» сторона. Мадагаскар как государство переживает очень тяжёлые времена.

«Наивный антрополог», или В поисках точек сборки [157]

— …Прошу вкратце рассказать о своих главных, наиболее интересных для тебя темах. Самое «горячее», насколько я понимаю, это новая антропология в разных её изломах: зоософия, геопоэтика, поэтократия, кентавристика…

— …Термин «новая антропология» — достаточно старый. Философ Сергей Хоружий, например, употребляет его минимум лет пятнадцать. Говорилось об «антропологическом кризисе», предлагались разные пути и механизмы его решения, например антропотехника — «философский ответ на вызов тоталитарных идеологий».

Новая антропология нуждается в новых «точках сборки». Таковы названные тобой зоософия, геопоэтика и т. д. Это неконвенциональные, смещённые ракурсы взгляда на реальность, из неких «промежуточных» точек — взамен давно фиксированных: классических зоологии, философии, поэтики, геополитики. Смена угла зрения позволяет разглядеть то, что не видно с привычных позиций.

Однако «новую антропологию» можно пытаться строить и на принципах, кажущихся совсем ненаучными. Не в последнюю очередь — на принципах и приёмах художественных. Например, на метафорах.

— Почти по Борхесу: мол, всемирная история, возможно, это лишь несколько метафор.

— Где-то так. Скажем, нет никаких рациональных объяснений тому, почему Никита Хрущёв отринул тоталитаризм, выступив с осуждением, по сути, и самого себя прежнего тоже.

В конечном счёте, спасая мир — от предельной конфронтации и возможной ядерной войны. Конечно, его решениям способствовал фактор частичной эмансипации народа после победы в мировой войне… Однако, вся энтропийная логика советского общества была направлена на сохранение и усугубление статус-кво. И всё же над Хрущёвым, сталинским клевретом в течении десятилетий, в какой-то момент возобладало элементарное нравственное чувство. Оно потом «отпустило», и волюнтаризм оказался ослабленным рецидивом того же тоталитаризма, но дело было сделано…

Духовный этот рывок идеально точно описывается, например, картинкой с Мюнхгаузеном, вынимающим себя из болота за косичку. Ноль научности, и всё против законов логики! Однако —

абсолютно достоверно.

— Здесь уже и символ, и аллегория в одном. Редкий случай, сказочный и метафорический.

— Заметь: есть ведь вполне «научный» вариант этого сюжета — сказка про двух лягушек, упавших в горшок со сметаной. Переставшая бить лапками, как известно, погибла, а та, что продолжала бороться — взбила масло, на которое и оперлась в итоге. Законы физики: при правильном воздействии на среду она уплотняется и становится опорой.

Мюнхгаузен тоже сумел нечто уплотнить, чтобы на это опереться. Но это «нечто» — не снаружи, а внутри него. Не физическая среда, а его собственный дух. «Уплотнение метафизической среды», скажем так.

Назовём этот сюжет «эффектом Мюнхгаузена».

И это доподлинная история о Homo sapiens — самосозидающей, аутопоэзной, учёным языком говоря, системе. Зримая метафора, картинка с бароном в болоте как описание и даже объяснение загадочного поворота советской истории (а также, вероятно, и множества других загадок) — возможно, будущий хрестоматийный пример новой антропологии.

Поэтому в случаях, когда научная логика (в дискурсе которой я формировался с ранних лет) говорит мне, что всё будет плохо — интуиция обычно возражает: ещё не вечер!

И мне кажется, что, например, у России со временем всё будет хорошо. Я оптимист, пускай это выглядит ненаучно.

— …И всё-таки, визуальный образ с бароном взят из прошлого, из культурного архива. Что же здесь «нового»?

— Мы понимаем, конечно, что ничто не ново под Луной, всё старое когда-то было новым и т. д. Мне нравится, что старейший парижский мост называется Новым. И скифская столица в Тавриде называлась Неаполь, то есть «Новгород», и даже имя Наполеона — тоже от «Нового города». Особенно меня греет понятие эры Кайнозоя («Новой жизни») в палеонтологии. С точки зрения биологов, Новое пришло 70 миллионов лет назад, — и всё не устаревает.

С юности меня особенно волновал один пассаж в «Деяниях Апостолов»: «*Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое*» (Деян. 17:21). Хотя речь идёт о готовности услышать и христианское учение тоже, Лука говорит об этом как бы с осуждением. Но меня зацепило. Я понимал, что хотя с точки зрения «многая печали» греки, возможно, поступали так совершенно зря, тем не менее весь последующий прогресс европейской цивилизации был разогрет именно их *неофилией*,

любовью к новизне.

Дальше там Павел, проходя по Афинам, среди жертвенников языческим богам видит алтарь с надписью «Неведомому Богу». По сюжету, в эту рамку идеально подставлялось христианское божество. Но постепенно, через много лет, я стал подозревать, что Бог, по большому счёту, так и остался неведомым. И что я, следовательно — агностик.

Агностик-оптимист, который верит не в невозможность конечного приближения к истине, а в возможность бесконечного приближения к ней.

— Каковы могут быть, по-твоему, объяснения нынешнего мирового политического кризиса с точки зрения «новой антропологии»?

— Если придерживаться «метафорического» подхода, то можно вернуться, например и в первую очередь, к христианской оптике. Что мы наблюдаем в последние годы, и особенно месяцы? Огромное количество людей в мире всё увереннее готовы признать, что их оппоненты или противники — ниже их по уровню развития. «Укропы», «ватники» — в общем, разновидности «орков»… А если ниже, то следовательно, можно их прессовать, унижать, не учитывать их мнение при решении вопросов, затрагивающих общую с ними территорию или поле политических интересов; в пределе — и убивать. Глобальный триумф гордыни. Смертный грех снова рулит, как перед мировыми войнами.

На пространстве российско-украинского конфликта (который является по сути региональным срезом конфликта мирового) главным инструментом и даже генератором этого мировоззренческого искажения многим представляется медиапропаганда. Я же уверен, что пропаганда в СМИ, по обе стороны — это лишь внешняя поддержка каких-то внутренних процессов, которые происходят с самими людьми. Оформление и, возможно, многократное усиление этих процессов, но не их причина. А причина — это, как уже не раз было озвучено в истории, приход на Землю Антихриста.

— Ты это серьёзно? Какого Антихриста: у Ларса фон Триера, или описанного в христианской эсхатологии противника Христа, выдающего себя за Мессию?

— Моя формулировка, даже если она верна — всё-таки, прежде всего метафора. Речь идёт о некоем глобальном и повсеместном вызове духовному началу в человеке. Этот вызов можно объяснять и кознями пришельцев, и политтехнологиями Госдепа или Кремля, и естественными космическими излучениями. Природа феномена не столь важна. Важно то, что

подвергаются эрозии, выражаясь языком основателя Римского клуба Аурелио Печчеи, *человеческие качества*. Этическое чувство, способность к эмпатии, к духовному резонансу. Что-то целенаправленно разъединяет людей. И какова бы ни была тому причина — физическая или метафизическая, — дальше человек делает выбор уже сам. Поддаваться или не поддаваться.

Отключение эмпатии прямо связано с феноменом объективации — восприятия Другого как объекта, исключение возможности диалога с ним. Человек, часто неосознанно, отказывает другому в равенстве, вообще в праве тоже считаться человеком.

— Как раз современная философия этот тезис заменяет, к примеру, лакановским «*желание человека — это всегда желание другого*»…

— Бессилие классической антропологии перед лицом мировых катастроф, прежде всего гуманитарных (а ведь antrhropos и humanus суть одно и то же: человек, человеческий…), иногда кажется мне связанным с каким-то дефектом самого понятия о гуманизме. Поэтому антропология, я полагаю, должна усиленно изучать в человеке именно *нечеловеческое*.

В обстановке растущего всемирного конфликта, центральной для «новой антропологии» художественной книгой мне видится «Повелитель мух» Голдинга. Многие загадки объясняются именно этим свиным рылом, проглядывающим из человеческого лица… И дело не только в зоософии.

Ещё одной особенностью «новой антропологии» будет, мне кажется, смещение акцентов на другие свойства объекта изучения, сдвиг в иерархии степеней важности его свойств. Например, я не исключаю, что в социологии, и даже в конфликтологии со временем в центр внимания попадёт представление о ***поляризуемости*** человеческих сообществ. Тяготение к поляризации я наблюдаю ныне сильнее, чем когда-либо: либо раньше был слеп, либо сейчас что-то её активизировало.

Недавно пожилая знакомая, милейшая дама, откомментировала чей-то пост в Фейсбуке про сражения на востоке Украины: «*Фашисты! Недочеловеки!*» Обвиняя кого-то в фашизме, она сама воспользовалась лексикой нацистов — по сути своей, расистской. Это печально. Забавно же то, что я не смог понять, какую именно из сторон она обвинила…

Все эти явления, кстати, видятся мне связанными с неожиданно негативным влиянием одной из идей горячо любимых мною писателей, Аркадия и Бориса Стругацких. Проза братьев весьма философична, и они заслуженно считаются

авторами антитоталитарными. Однако есть у них одно высказывание (устами героя), довольно известное, которое кажется мне тоталитарным и ксенофобским. «*Существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был*».

Подразумеваются отдельные случаи немотивированной агрессивности инопланетян, или просто поведение, не регулируемое человеческой этикой. Однако, если вдуматься, с какой стати их этика должна быть человеческой, тем более, если это не гуманоиды? Тем не менее, подобное несовпадение резервирует для землянина священное право уничтожать неформатного оппонента… А уж вне конкретного текста, этот постулат закладывает у читателя расистское, в сущности, представление о будущих новых контактах — и вообще, о любом Другом.

В современном обществе такое представление широко распространено, даже среди рафинированных интеллектуалов. Причём — любой политической ориентации.

Кстати, эта архаизация общества, «новое средневековье», возможно, даёт нам повод перечитать новыми глазами труды Жака Ле Гоффа. Средневековое сознание — внезапно — не объект изучения, а субъект повседневного влияния…

Мир по законам геопоэтики: миссия переводчика [158]

— Сид, вы были организатором первых международных конференций по геопоэтике (1996, 2009). Ныне тема геопоэтики по-прежнему актуальна?

— Безусловно, и эта актуальность расширяется. Два десятилетия назад я высказывал в докладах предположение, что жизненное пространство человечества должно будет постепенно структурироваться по-другому, на основании неких новых принципов… В чём заключаются некоторые из этих принципов, мне становится ясно только теперь.

В 2014 году я впервые принял участие в организации Международного конгресса переводчиков в Москве. Редактируя биографические справки участников Конгресса, я обратил внимание, что средний возраст авторов — признанных переводчиков из множества стран — около полувека, или даже больше. При этом, по моим наблюдениям, на любых литературных фестивалях средний возраст участников (признанных на международном уровне поэтов, прозаиков, эссеистов) на целых два десятилетия меньше… Признание к переводчику приходит позже, его работа нам менее заметна — потому что, как принято считать, «менее важна». Такую дискриминацию в отношении переводчиков, их незаслуженно заниженный статус в современной мировой культуре, по сравнению со статусом так называемых «оригинальных авторов», я считаю очень опасной тенденцией.

Пиша на родном языке, «оригинальный автор» изначально дарит своё творчество представителям только собственной этнической культуры. Любовь к произведениям на родном языке сплачивает этих представителей, тем самым косвенно отделяя их от остального мира. Совершенно иной смысл и масштаб имеет работа литературного переводчика. Будучи не менее творческой — ведь воссоздать иноязычное произведение на другом языке ничуть не проще, чем написать оригинал! — она формирует у читателя установку на любовь к артефактам чужой культуры.

Это феномен, который логично называть *ксенофилией*, в противовес ксенофобии. Редкость употребления этого термина, и редкость самой темы любви к чужой культуре — это тревожный признак. Наш мир, к сожалению, базируется прежде всего на «внутриэтнических» амбициях. Межэтническая созидательная деятельность — почему-то на втором или даже десятом месте.

Слово «ксенофобия» в тысячу раз более известно, чем «ксенофилия».

Совершенно ясно, что мир, где открытость к другому, понимание и любовь к феноменам чужих культур не считается первостепенно важными, где ксенофобия воспринимается как бытовая норма — взрывоопасен! И мы видим подтверждение этому в ежедневных новостях…

— И как же мы можем решать эту проблему?

— Один из продуктивных путей её решения — работа по поднятию международного и «внутриэтнического» статуса литературного переводчика. Переводчик, как «профессиональный ксенофил», заслуживает роли культурного эталона не меньше, чем «оригинальный творец». Если не больше…

На очередном, 4-м Конгрессе переводчиков в сентябре 2016 я сделал доклад, суммирующий эти размышления. И потрясающим открытием для меня стала информация, что в арабской культуре, в отличие от русской и вообще европейской, статус переводчика равновелик статусу «оригинального автора». Имя переводчика иноязычных книг всегда выносится на обложку, вместе с именем автора! Об этом рассказал профессор Каирского университета Атеф Мохамед на круглом столе в рамках первой Русско-арабской школы переводчика, проведенной российским Институтом перевода.

Переводчик равноценен автору оригинального текста! Такая культурная практика мне кажется единственно правильной и образцовой, её следует пропагандировать во всём мире. И одним из направлений такой работы может стать сеть Школ литературного перевода с разных языков, которую следует создавать и всячески культивировать. Это очень простой и не слишком затратный, но крайне перспективный геопоэтический проект… Он сможет эффективно служить делу культурного диалога, воспитания ксенофилии и интереса к чужим культурам во всём мире. А в перспективе — имеет смысл вводить преподавание художественного перевода (так и хочется сказать: «любви к другим культурам!») в вузах и даже в старших классах средних школ.

…В советскую эпоху арабская литература переводилась на русский язык довольно активно, однако за четверть века со времён распада СССР между нашими культурами выросла целая пропасть. На 4-м Конгрессе переводчиков руководитель Русско-арабской школы переводчика, преподаватель Хьюстонского университета Сарали Гинцбург сделала доклад о переводе современной арабской прозы. И она задала вопрос залу — читал ли кто-нибудь эту самую прозу? Удивительно, но никто из

сидевших в большом зале переводчиков с множества языков, приехавших из десятков стран, не поднял руку — кроме, разумеется, переводчиков арабских.

— Удалось ли прочесть что-то из арабской литературы с тех пор?

— О да! За полгода после Конгресса мне с коллегами посчастливилось прочесть по-русски несколько арабских книг последних десятилетий — египетских авторов, от Нагиба Махфуза до Аля Аль-Асуани. Все их издала директор по международным связям российско-египетского Центра гуманитарного сотрудничества Мона Халиль, подлинный культуртрегер. Мы вошли во вкус, хочется узнать и иракских, и тунисских авторов, и писателей из других арабских стран.

— Как вам видится перспектива сотрудничества в этом направлении?

— К сожалению, пропасть, о которой я говорю, на самом деле гораздо шире, она разделяет арабский мир в целом и мир западных стран, и она достаточно глубока. Между тем, ключевые проблемы современности можно решить только путём согласованных и постоянных усилий, прилагаемых с обеих сторон. В этом контексте особенно перспективны проекты геопоэтического плана. И мне кажется уместным привести здесь сильный пример из прошлого.

В начале 1930-х годов в странах бассейна Средиземного моря возникла гуманистическая инициатива по взаимному сближению и поиску взаимопонимания — путём совместных исследований и нового осмысления культурного наследия Античности и Средневековья. Проект назывался «Средиземноморская Академия». Учредителями Академии выразили готовность крупнейшие университеты Европы и каирский университет Аль-Азхар — главный в мире мусульманский вуз и исследовательский центр.

Тогда проекту не было суждено осуществиться из-за противодействия нацистского правительства Германии. Но тем не менее, память о нём жива, и с тех пор мы имеем грандиозный прецедент такой геопоэтической инициативы.

notes

Примечания

1

Статья была написана осенью 1993 года по окончанию 1-го Боспорского форума. Опубликована в газетах «Гуманитарный фонд» (*М., 1994. — Вып. 2/199. — с. 1–4. / «Боспорский Форум современной культуры»: Специальный выпуск*) и «ГФ — Новая литературная газета» (*М., 1994. — Вып. 2. — с. 1–4. / «Боспорский Форум современной культуры»: Специальный выпуск*).

2

«Эстетическая ось мира проходит через Крым». Биберий Кальдий Мерон.

3

Вероятно, развитию легенды способствовал художественный фильм об Алиме-разбойнике Георгия Тасина (1926). Так, по словам киевского литературного критика Юрия Володарского, его отца при рождении нарекли Алимом в честь отважного главного героя этого фильма.

4

Аристоник Олинфский. Греческий историк Полиен в труде Strategika («Военные хитрости») сообщает, что полководец Дария III Мемнон «*во время борьбы с боспорским тираном Левконом, желая узнать о величине неприятельских городов и числе их жителей, послал на триере в качестве посла к Левкону византийца Архибиада, под предлогом переговоров о дружбе и связях гостеприимства, и вместе с ним отправил олинфского кифареда Аристоника, в то время пользовавшегося наибольшей славой у эллинов, для того чтобы посол мог познакомиться с численностью населения в то время, как они мимоездом будут приставать к берегам, кифаред станет показывать своё искусство и жители будут поспешно собираться в театры*…».

5

Эта инсталляция, как и «Рождение Афродиты из яйцеклетки», была повторена художниками через десять лет (16.11.2003) в Москве, на острове Серебряный Бор, в рамках акции протеста Крымского геопоэтического клуба против политического конфликта между Украиной и Россией вокруг о. Тузла.

6

«*…Проникнувшись преданиями греко-варварской Тавриды и устав от ежевечерних бдений в одном из городских залов, молодые поэты предались античному безумию: для акта символического жертвоприношения ими был выбран старший собрат по перу, известный поэт-семидесятник. Пожалуй, здесь уместно будет вспомнить слова древнего историка: „К северу от Понта живут племена славян, и живут они недружно“*» («Коммерсантъ-Daily» № 192, 07.10.1993, статья М. Боде «Труды и дни на краю ойкумены»).

7

Основой для очерка, опубликованного 9.09.1998 в «Русском журнале», послужил текст, написанный в 1996 для самиздатского альманаха «Артикль» (Днепропетровск).

8

В смысле, god’s shit: иногда произносится вместо dog’s shit.

9

Финансовую поддержку первому Боспорскому форуму оказало Управление изобразительного искусства Министерства культуры России, которое возглавлял выдающийся куратор и арт-критик Леонид Бажанов.

10

Очевидная реминисценция на название арт-кафе в Киеве начала XX века «ХЛАМ» — также являвшееся аббревиатурой наименований творческих профессий: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты.

11

Действительно, «днепропетровск» содержит все согласные «преисподней». «Катастрофа» же консонантно присутствует во всём «футурологическом». Онтология, однако!

12

Прозвище криминального авторитета, основателя днепропетровского рэкета Александра Мильченко, ставшего знаменитым после своего ареста в середине 1980-х.

13

Откровенная рекламная заманчивость такого заглавия для любого зеваки отменяет саму ЭЗОТЕРИЧНОСТЬ небезопасных знаний. Заглянув в материалы Блаватских чтений, с безотчётным страхом натыкаешься на пассаж типа: «*уже десятки миллионов людей во всём мире приобщаются к эзотерике „Тайной доктрины“…*».

14

Эссе написано в декабре 2000 по заказу альманаха «ОстровКрым». Фрагменты опубликованы в журнале «Крым», № 1, 2002.

15

Сочувствие и уважение, к сожалению, в течение ряда лет после написания текста исторически исчерпались.

16

Цементная Слободка — исторический район Керчи.

17

Опубликовано в «Русском журнале» 20.12.2012 в авторской рубрике «Геопоэтика».

18

Расширенная версия очерка, опубликованного в киевском журнале «Фокус» 20.04.2014.

19

Euphorbia pulcherrima — молочай прекраснейший, или пуансеттия: растение-уроженец Центральной Америки, распространённое человеком как декоративный вид и на Мадагаскаре ставшее ботаническим символом страны. Сложенный вдоль, лист пуансеттии напоминает Великий остров своими очертаниями.

Позднее это наименование закрепилось за низкорослыми жителями некоторых западных деревень и за мифологическими карликами, якобы жившими под речными камнями и не знавшими огня.

21

Фрагменты неоконченного эссе, написанные в 2012–2017 годах.

22

Рафаэль Залманович Левчин (27 сентября 1946, Джанкой — 7 августа 2013, Чикаго) — русский поэт, драматург, прозаик, переводчик, эссеист, художник, скульптор, актёр.

23

Опубликовано на сайте Vavilon.ru в рамках проекта «В моей жизни» 15.07.2003.

24

Опубликовано в киевской газете «24» в мае 2008.

25

Опубликовано под названием «Острова везения» в киевской газете «24» 14.07.2008.

26

Опубликовано в «Русском журнале» 28.06.2012 в авторской рубрике «Геопоэтика».

27

Вадим Штепа. INTERREGNUM. 100 вопросов и ответов о регионализме. Петрозаводск, 2012.

28

См. статью «Основной вопрос геопоэтики» (доклад на Первой конференции по геопоэтике).

29

Опубликовано в «Русском журнале» 01.11.2012 в авторской рубрике «Геопоэтика».

30

Доклад (одно из трех вводных сообщений) на всероссийской конференции «Какая федерация нам нужна?» в НИУ «Высшая школа экономики» 07.06.2013.

31

Опубликовано в «Русском журнале» 24.04.2014 в авторской рубрике «Зоософия».

32

Возникшая у автора аналогия с другим национальным методом упаковки сущностей: «*в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла…*» — является неточной,

О готовности части украинской элиты к такому сценарию я писал в начале марта в статье «Сквозь фильтры мифа» для берлинской газеты Tageszeitung.

Нельзя сказать, что такие попытки совсем не предпринимаются, хотя бы в последнее время. «*Мы, когда начался штурм помещения, сидели на ступеньках в коридоре с ребятами из пресс-центра и пробовали придумать какую-то идею, которая бы объединила граждан с обеих сторон баррикады. То есть что нужно предложить, от чего нужно отказаться, что у нас общего, что нас разделяет — граждан-то. Почему-то слово „граждане“ все время витало в воздухе*». «На Украине сейчас врагами становятся люди, живущие в одном подъезде»: интервью Линор Горалик с украинским писателем и активистом Сергеем Жаданом. Журнал «Афиша-Daily», 06.03.2014.

35

Текст статьи, опубликованной в июне 2014 в японском культурологическом журнале «Гэндай Сисо» («Современная мысль»), выпуск 42–10. Переопубликован 27.07.2015 на «Сайте политической консервативной мысли» Politconservatism.ru под заглавием «Геопоэтика Крыма».

В апреле 2013 года мы суммировали этот опыт на 1-й международной трансдисциплинарной научной конференции «Поэтический фактор в культуре: синкретические тенденции и инновации», которую провели совместно с Геннадием Бурбулисом в Международном Университете в Москве (URL: http://interun.ru/poetfacc.html). Её секции были посвящены редким дисциплинам, предложенным в последние два столетия, но ещё не получившим универсального применения в научной практике: «геопоэтика», «зоософия», «кентавристика», «политософия», «поэтократия».

37

Круглый стол «Что нам делать с этим Крымом?» проведён Крымским клубом в рамках 1-го Киевского форума издателей, с участием Сергея Жадана, Олеся Дония, Олега Тистола, Исмета Шейх-Задэ, Владимира Ешкилева, Тантели Ратувухери (Tantely Ratovohery), Андрия Кокотюхи и др. авторов.

38

«*…Я вспомнил, что Кокотюха… описывал историю с подвалами Массандры, что Наталья Сняданко писала о Крыме, что у Олега Коцарева есть стихотворение… И я могу предположить, что большинство украинских текстов сугубо туристические… Это свидетельствует не столько о проблеме Крыма, сколько о проблеме украинской литературы, для которой много тем и много территорий просто не озвучены, не прописаны. Поскольку украинские писатели, как и большинство населения Украины, и дальше считают Крым не частью Украины, а какой-то туристической зоной, в которую они приезжают как гости и из которой потом уезжают. И в контексте данного круглого стола меня интересует именно эта неозвученность, непрописанность украинской литературы*». (Журнал «Украинская неделя», 08.06.2008. URL: http://igor-sid.livejournal.com/63344.html).

39

«Москаль» (от топонима «Москва») — экспрессивное слово с негативными «колонизаторскими» коннотациями, обозначающее в Украине русских, а в досоветский период — конкретно москвичей или, чаще, солдат царской армии.

40

«*У поэта Сергея Пантюка есть известное стихотворение, которое заканчивается строчкой „И от жажды загнется последний москаль в Севастополе“. Текст симптоматичный и откровенно провоцирует к полемике… Через имперскую историю с Крымом тесно связана история русской культуры. Поэтому украинский менталитет до сих пор не готов воспринять Крым как что-то „своё“. В стихотворении идёт речь, очевидно, о „москале“ местном, крымском, который является, однако, потенциальным врагом. Но в действительности, по моему мнению, русскоязычное население, в частности русскоязычные интеллектуалы и вообще русская культура в Крыму, как и в остальной Украине, — это для Украины, прежде всего, огромный ресурс! Поэтому на вопрос „что делать с Крымом“, у меня ответ простой: нужно в Крым ездить, нужно дружить с крымчанами… И устранять „непрописанность“, как выразился Сергей Жадан, Крыма в украинской литературе*». (Журнал «Украинская неделя», 08.06.2008. URL: http://igor-sid.livejournal.com/63344.html).

41

Согласно геопоэтической концепции, бренд — это «управляемый миф»).

42

Галиция (укр. Галичина́) — историческая область в западной части Украины.

43

См. очерк в сборнике.

См. напр. интервью журналу «Политик Hall» «Остановить войну мифов»: http://www.intelros.ru/readroom/polithall/ph_42/2557-igor-sid-ostanovit-vojjnu-mifov.html.

45

«*…Без силового вмешательства России ничего не произойдёт. Но оно представляется неминуемым… Будет сложная ситуация, но мы выйдем наконец из этого нацией… нам уже сегодня стоит готовиться к потере Крыма…*». Юрий Андрухович. «Я на самом деле патриотичный, украинский космополит». Интервью для газеты «Галицкий корреспондент» (URL: www.gk-press.if.ua/node/1687).

Концепция заявлена в кандидатской диссертации Александра Люсого, материалы которой опубликованы в монографии «Крымский текст в русской литературе» (СПб.: «Алетейя», 2003).

47

Рецензия на книгу: *Аполлон Давидсон. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2001*. Опубликована в журнале «Библио-Глобус», июль 2002.

48

Аполлон Борисович Давидсон — крупнейший российский учёный-африканист, академик РАН, профессор, специалист по истории Тропической и Южной Африки, сопредседатель Общества Доброй Надежды (Россия — ЮАР). Организатор международного конгресса «Россия и Африка» (1966). Основатель и глава Центра африканских исследований Института Всеобщей Истории РАН и Центра российских исследований университета Кейптауна (ЮАР).

49

Очерк опубликован в журнале «Эхо планеты» 01.04.2005.

Опубликовано в журнале «Новая Африка», № 1, апрель 2006.

51

Предисловие к сборнику материалов Второго австралийского фестиваля русской традиционной и экспериментальной литературы «Антиподы» (Sydney: 2010). URL: http://antipodes.org.au/Assets/BookAntipodes2008.pdf.

52

Полная версия очерка для журнала «Кантри Парк», № 19 (28), декабрь 2015.

53

Строки из стихотворения Михаила Лаптева «Мамай, Вау-Вайти и трактор».

Опубликовано в журнале «Библио-Глобус», август 2001.

М.: Вагриус, 2001.

Опубликовано в журнале «Со-Общение» № 1, 2004.

57

Из переписки Ленина.

58

Расширенная версия эссе, опубликованного в журнале «Со-Общение» № 12, 2006.

59

Опубликовано в «Русском журнале» 03.10.2007 в авторской рубрике «Зоософия».

60

Опубликовано в «Русском журнале» 15.11.2007 в авторской рубрике «Геопоэтика».

Эссе опубликовано в журнале «XXL» (Киев), № 5, 2008.

62

Опубликовано в «Русском журнале» 06.02.2008.

А. Люсый «Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность». — М.: Русский импульс, 2007.

64

Речь на церемонии награждения географа Дмитрия Замятина премией Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» за книгу эссе «В сердце воздуха» (2011).

65

Опубликовано в «Русском журнале» двумя частями 11 и 14.05.2012 в авторской рубрике «Геопоэтика».

66

Опубликовано в «Русском журнале» 30.06.2012 в авторской рубрике «Зоософия».

67

Опубликовано в «Русском журнале» 11.08.2012 в авторской рубрике «Геопоэтика». Републикуется в сокращении.

68

Текст доклада Игоря Сида на Международном научном симпозиуме «Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: Уроки и перспективы» (Ялта, Ливадийский дворец, 5–11 февраля 1995). Опубликован в журнале «Крымский контекст» № 3, 1995. Републикуется в некотором сокращении.

69

Текст доклада на первой Международной конференции по геопоэтике (Москва, 24.04.1996).

70

Текст доклада на второй Международной конференции по геопоэтике (Москва, 25.11.2009).

71

См. эссе «Город вечной мечты».

72

Доклад на научной конференции «Киммерийский топос: мифы и реальность» (Коктебель, 13.09.2012). Опубликован в: XVI волошинские чтения. Научно-культурологическая конференция «Киммерийский топос: мифы и реальность»: Сб. научных статей. — Симферополь: Антиква, 2013. — С. 521–535.

73

«Геопоэтика — звучит вполне понятно для современного человека, как бы заранее убедительно. Вы правы, выдвигая новую терминологию, раскрывающую новые реалии, — без пополнения и уточнения лексики не разберёшься, что на самом деле происходит… …Боспорский форум в Крыму — хорошее подтверждение этой геопоэтической теории: объединяющим началом служит теперь игра, искусство, изыск… Безусловно, геопоэтика — это выдох времени, одно из существенных веяний…» Андрей Битов: «XXI век уже наступил». Интервью Игорю Сиду. «Литературная газета», 18.12.1996.

Дайс Екатерина Александровна. Малая традиция европейской культуры в творчестве Джона Фаулза: диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии: 24.00.01.— Москва, 2006. — 202 с.: ил. РГБ ОД, 61 07–24/62.

75

См. интервью М. Бойко «Новая нефть» для «Независимой газеты».

См. доклад Е. Дайс «Геопоэтика и мистериальная традиция» на второй Международной конференции по геопоэтике, 25.11.2009. URL: http://Liter.net/geopoetics2/Dais.html.

Подробнее об эволюции геопоэтического концепта можно прочитать, например, в материалах круглого стола «Путешествие, текст, арт-проект: захват территории в XXI веке»: «Русский журнал», 2.05.2012, URL: http://russ.ru/pole/Puteshestvie-tekst-art-proekt-zahvat-territorii-v-HHI-veke.

78

«От геополитики к геопоэтике. Смена парадигмы мироустройства на примере преобразования Крыма в мировой культурный полигон». Доклад Игоря Сида на Международном научном симпозиуме «Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: Уроки и перспективы» (Ялта, Ливадийский дворец, 5–11 февраля 1995). Опубликован в журнале «Крымский контекст» № 3, 1995.

Эта инсталляция, как и «Рождение Афродиты из яйцеклетки», была повторена художниками через десять лет (16.11.2003) в Москве, на острове Серебряный Бор, в рамках акции протеста Крымского геопоэтического клуба против политического конфликта между Украиной и Россией вокруг о. Тузла.

80

Forum bosporicum. Репортаж В. Боде. М., «Гуманитарный фонд», 1994. — Вып. 2/199 («Боспорский форум современной культуры»: Специальный выпуск) — с. 1–4. Опубликована также в «ГФ — Новая литературная газета» (М., 1994. — Вып. 2. («Боспорский форум современной культуры»: Специальный выпуск) — с. 1–4.

81

Доклад на конференции «Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа» 6.12.2012, РГГУ. Опубликован в: Институт «Русская антропологическая школа». Труды. Вып. 13. — М.: РГГУ, 2013.

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы религиозно-образовательного туризма и паломнической деятельности», проведённая 17–18 апреля 2010 кафедрой теологии УНИЛ православной педагогики и паломническим центром «Назарет» собора Вознесения Господня г. Твери.

83

«Путешествие, текст, арт-проект: захват территории в XXI веке». Круглый стол в «Русском журнале», 2 мая 2012.

«Россия — Италия — Германия: литература путешествий» 26 сентября — 2 октября 2012 Томский государственный университет и Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

85

Международная интердисциплинарная научная конференция «Власть Маршрурута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа», состоялась 6 декабря 2012 в РГГУ. Соорганизаторы Институт «Русская антропологическая школа» и Крымский геопоэтический клуб.

Круглый стол «Антропология путешествий: мотивы, персонажи, трансграничье» в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России, 4 июля 2013.

Текст доклада на VIII Конвенте Ассоциации международных исследований, МГИМО, апрель 2014.

Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013. С. 366.

89

Там же. С. 388.

Там же. С. 388.

Каганский В. Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып. 2. Интернет-издание. URL: http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/kagansky.htm.

Сид И. «Власть маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен. В сб.: Труды «Русской антропологической школы». Вып. 13. М.: РГГУ, 2013.

93

Кораблёв А. А. Филология путешествия. Доклад на международной научной конференции «Поэтический фактор в культуре. Синкретические тенденции и инновации» (3-я панель — «Геопоэтика и смыслы путешествий»). 18 апреля 2013, Международный университет в Москве. (Готовится к публ.)

Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013. С. 390.

Там же. С. 398.

Ладария М. Г. Роман Даура Зантария «Золотое Колесо» как феномен абхазской романистики. В сб.: *Даур Зантария.* Мир за игольным ушком (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники). Сухум: Культурный Фонд «Абхазия — Северный Кавказ», 2007. С. 120.

Басария Э. Вес «Золотого колеса». Сухум, «Созвездие», № 63–64, 2011. С. 2.

Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013. С. 391.

Там же. С. 393.

100

Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней предыстории Абхазии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. (Archaeologia Petropolitana). — С. 6.

101

Регельсон Л., Хварцкия И. Тайное послание Библии. Земля Адама. Сухум, 1997.

102

Зантария Д. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013. С. 393.

103

Там же. С. 392.

Там же. С. 461.

105

Там же. С. 393–394.

Там же. С. 408.

107

Там же. С. 391.

Там же. С. 396.

109

Там же. С. 396.

Там же. С. 408.

111

Там же. С. 415.

Там же. С. 546.

113

Цитата из стихов абхазского поэта Геннадия Аламиа.

Сид И. Эсхатологические аспекты сферы путешествий и туризма: тенденции и перспективы. Доклад на круглом столе «Антропология путешествий: мотивы, персонажи, трансграничье» в рамках X Конгресса этнографов и антропологов России, 4 июля 2013. (Готовится к публ.)

115

Доклад, прочитанный на междисциплинарной конференции «Человек в ландшафте» в г. Усолье (Пермский край) 18 мая 2015 года.

116

Андрей Битов, «XXI век уже наступил». Интервью для «Литературной газеты», № 51, декабрь 1996.

Каганский В. Л. Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий. // Материалы теоретико-биологической Школы «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий». URL: http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/kagansky.htm.

118

Родоман Б. Б. Искусство путешествий // *Родоман Б. Б.* Поляризованная биосфера: сборник статей. — Смоленск: Ойкумена. — 2002. — С. 190–197.

119

Владимир Каганский. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? Доклад на международной конференции «„Власть Маршрута“: путешествие как фундаментальный антропологический феномен» 06.12.2012. См. http://kogni.ru/konf/kagansky.rtf.

Каганский В. Л. Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий. // Материалы теоретико-биологической Школы «Междисциплинарно-культурологический и теоретико-географический аспект путешествий». URL: http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/kagansky.htm.

121

См. программу конференции на сайте Института. URL: http://kogni.ru/news/predvaritelnaja_programma_konferencii_vlast_marshruta/2012-11-10-1574.

Сид И. «Власть Маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен // Институт «Русская антропологическая школа». Труды. — Вып. 13. — М.: РГГУ, 2013. — С. 27–35.

Каганский В. Л. Чем именно является путешествие и что путешествием не является? // Материалы международной конференции «„Власть Маршрута“: путешествие как фундаментальный антропологический феномен». 06.12.2012. URL: http://kogni.ru/konf/kagansky.rtf.

Сид И. Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня. (Гл. 7: Геопоэтическая типология личности) Доклад на II международной конференции по геопоэтике. / И. Сид // Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 240–252..

125

Сид И. О воле к Волошину (Утро грустной годовщины: нейтральные размышления). Русский журнал, 11.08.2012. URL: http://www.russ.ru/layout/set/print/Miro-vaya-povestka/O-vole-k-Voloshinu.

Сид И. Даур возвращается. Интервью Сергея Арутюнова. Газета «Новый День», 31.05.2010. URL: http://igor-sid.livejournal.com/149762.html.

127

Сид И. Крым, Украина, Россия: призрачный шанс. «Гэндай сисо», Токио, 2014, выпуск 42–10.

Обручев В. А. Избранные труды. Т. 6. М.: Наука, 1964. С. 45.

Андрухович Ю. Вплотную к недосягаемому. «Зеркало недели», 22.04.2005. URL: http://gazeta.zn.ua/CULTURE/vplotnuyu_k_nedosyagaemomu.html.

Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа, 2013.

131

Голованов В. Геопоэтика Текст выступления на круглом столе Крымского геопоэтического клуба «Геопоэтика: между текстом и жизнью». // Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 300.

Лебенсраум С. Простор для молодой фантазии // Материалы Первой международной конференции по геопоэтике. URL: http://liter.net/geopoetics/lebensr.html.

133

Сид И. Крым, Украина, Россия: призрачный шанс. «Гэндай сисо», Токио, 2014, выпуск 42–10.

Волошин М. А. Автобиография // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель,1990.

135

Палимпсест (греч. παλίμψηστον, от πάλιν «опять» и ψηστός «соскобленный») — рукопись (изначально на пергаменте, реже папирусе) поверх смытого или соскобленного текста.

Волошин М. А. Константин Богаевский // *Волошин М.* Лики творчества. Л.: Наука, 1988.

137

Путеводитель Боссалини для Феодосии и окрестностей. Феодосия, 1914.

138

Дайс Е. Максимилиан Волошин: великая мастерская. Глава монографии. // Екатерина Дайс, Игорь Сид. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы. «Нева», 2011, № 3.

139

Сид И. О воле к Волошину (Утро грустной годовщины: нейтральные размышления). Русский журнал, 11.08.1912. URL: http://www.russ.ru/layout/set/print/Miro-vaya-povestka/O-vole-k-Voloshinu.

Сид И. Геопоэтика и геопоэтические проекты сегодня. (Гл. 7: Геопоэтическая типология личности) Доклад на II международной конференции по геопоэтике. / И. Сид // Введение в геопоэтику. Антология. М.: Арт Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. — С. 240–252.

Зантария Даур. Колхидский странник. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 213.

142

Зантария Даур. Кремневый скол. Повесть. «Дружба Народов». 1999, № 7.

143

Зантария Даур. Мир за игольным ушком (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники). Сухум, 2007. С. 265.

144

Зантария Д. Золотое колесо. Роман // *Зантария Д.* Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников. Сухум: Абгосиздат, 2013. С. 243.

145

Там же, с. 269.

146

Там же, с. 376.

147

Там же, с. 476.

148

Там же, с. 588.

149

Зантария Д. Слово о холоде (Амундсен и Нансен). Эссе. «Россия», август 1997.

Зантария Даур. Мир за игольным ушком (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники). Сухум, 2007. С. 265.

О необходимости масштабной работы в этом направлении в России говорилось, в частности, в докладе «Нам нужна „мифологически насыщенная“ Федерация» на всероссийской конференции 2013 года в ГУ-ВШЭ «Какая федерация нам нужна?».

152

Фрагменты интервью Леонида Костюкова для газеты «Иностранец». Опубликовано в № 7–8, 22.05.2001.

153

Фрагменты интервью для журнала «Политик Hall» (Киев) главного редактора Ольги Михайловой. Опубликовано в № 42, июль-август 2008.

154

Устоявшаяся в украинской публицистике аббревиатура от «сучасна українська література» (современная украинская литература).

155

Устоявшаяся в украинской публицистике аббревиатура от «сучасна українська література» (современная украинская литература).

156

Фрагменты интервью Михаила Бойко для «Независимой газеты» («НГ — ExLibris»). Опубликовано 27.10.2011.

157

Фрагменты интервью для нью-йоркского портала www.RuNYweb.com главного редактора Геннадия Кацова. Опубликовано 29.08.2014.

158

Фрагменты интервью Фалеху Гаданфару для газеты «Аль-Мада» (Ирак).